

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

БОНДАРЕНКО АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ

**ГРАМОТЫ ПОЛЬСКОЙ КОРОЛЕВЫ БОНЫ СФОРЦА
ПРАВОСЛАВНОМУ ДУХОВЕНСТВУ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА
ЛИТОВСКОГО (1523–1556 гг.): ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ**

Специальность 07.00.09 — Историография, источниковедение и методы
исторического исследования

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель
д-р ист. наук, проф., чл.-корр. РАН С.М. Каштанов

Москва 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
РАЗДЕЛ 1. Проблема происхождения грамот королевы Боны Сфорца православному духовенству Великого княжества Литовского	35
Глава 1. Великое княжество Литовское при королеве Боне Сфорца (1518–1556 гг.)	35
1.1. Великое княжество Литовское в первой половине XVI в.	36
1.2. Бона Сфорца, королева польская и великая («найвысшая») княгиня литовская	58
Глава 2. Канцелярии в Великом княжестве Литовском во второй половине XV — первой половине XVI в.	85
2.1. Поветовые и частновладельческие канцелярии в Великом княжестве Литовском	86
2.2. Канцелярия королевы Боны Сфорца	101
2.2.1. Состав должностных лиц	104
2.2.2. Практика выдачи грамот	110
2.2.3. Организация судебного делопроизводства	117
2.2.4. Процесс документирования	122
2.2.5. Практика ведения и хранения канцелярских книг	127
Глава 3. Метрика королевы Боны: определение понятия, состав, исследовательские практики	140
3.1. Документы королевы Боны Сфорца в составе Литовской метрики	140
3.2. Проблемы и задачи реконструкции архива канцелярии королевы Боны Сфорца	151
3.3. Археографический анализ опубликованных грамот королевы Боны Сфорца православному духовенству	164
3.4. Современные публикации документов метрики королевы Боны	170
РАЗДЕЛ 2. Анализ содержания грамот королевы Боны Сфорца православному духовенству Великого княжества Литовского	179
Глава 4. Состав имений королевы Боны Сфорца в Великом княжестве	

Литовском	179
Глава 5. Грамоты королевы Боны Сфорца православному духовенству как источник по церковной инвеституре.....	206
5.1. Объем права церковного патроната Боны Сфорца.....	206
5.2. Православные епархии в составе владений Боны Сфорца	211
Глава 6. Грамоты королевы Боны Сфорца православному духовенству в видовой структуре документов Литовской метрики	231
6.1. Публично-правовые и частноправовые акты метрики королевы Боны.....	235
6.2. Основные разновидности грамот королевы Боны Сфорца православному духовенству и схема их систематизации	240
6.2.1. Термины «привилей», «лист», «грамота» в историографии и источниках	240
6.2.2. Подтвердительные листы.....	247
6.2.3. Ставленные листы.....	251
6.2.4. Данные и дозволенные листы.....	255
6.2.5. Схема систематизации грамот, выданных королевой Боной Сфорца и ее урядниками православному духовенству Великого княжества Литовского..	260
Заключение	268
Список использованных источников и литературы	284
Приложения	325
Список сокращений, принятых в Приложениях.....	325
Приложение 1. Хронологический перечень грамот королевы польской, великой княгини литовской Боны Сфорца и ее урядников православному духовенству Великого княжества Литовского (1523–1556 гг.).....	329
Приложение 2. Состав должностных лиц королевы польской, великой княгини литовской Боны Сфорца (1518–1556 гг.).....	353
2.1. Служащие канцелярии.....	324
2.2. Урядники: старосты, наместники, державцы, справцы	327
2.3. Дворяне, ревизоры, комиссары, судьи, посланцы	344

ВВЕДЕНИЕ

Комплекс изучаемых документов сложился в результате правовых отношений, установившихся между королевой польской и великой княгиней литовской Боней Сфорца (1494–1557 гг.) и представителями православных духовных корпораций Великого княжества Литовского при реализации ею права церковного патроната. Исследуемые источники являются частью метрики королевы Боны — реконструируемого комплекса документов по управлению именами Боны Сфорца¹. Они позволяют изучить этапы формирования и изменения состава владений королевы, характеризуют экономическую и социокультурную политику, проводившуюся ею внутри этих владений, дают представление о функциях и устройстве ее канцелярии. Видовой состав сохранившихся источников достаточно сложен, исследование его особенностей является одной из задач данной работы.

Актуальность темы исследования определяется, в первую очередь, местом изучаемого корпуса источников в видовой структуре Литовской метрики — архива канцелярии Великого княжества Литовского, ближайшего соседа Руси. Основопологающим в феноменологической концепции источниковедения, «генетически восходящей» к эпистемологической теории А.С. Лаппо-Данилевского², является представление о том, что «совокупный интеллектуальный продукт, созданный в ходе исторического процесса, не представляет собой неструктурированной массы, но, напротив, обладает имманентным свойством структурированности и взаимосвязанности»³. Интеллектуальные продукты создаются для выполнения конкретных функций,

---

¹ Одно из значений слова «metryka» в польском языке — архив (очевидно, от *лат. matricula* — список, официальный перечень).

² *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. М., 2010. Т. 1–2; *Румянцева М.Ф.* Феноменологическая концепция источниковедения в познавательном пространстве постпостмодерна // Вестник РУДН. Сер. «Ист. науки». М., 2006. № 2 (6). С. 5–17.

³ *Медушевская О.М.* Теория и методология когнитивной истории. М., 2008. С. 258.

заданных породившей их информационной системой. Вид исторических источников — основная классификационная категория источниковедения, «включающая интеллектуальные продукты, обладающие общностью структуры, которая сформировалась и закрепились как образцовый эталон соответствия общей функции (назначения) продуктов данного вида в системах действующих сообществ»⁴.

Целеполагание создания актовых источников обусловлено их основной правовой функцией (договорной), поэтому повторяемость их видовых признаков вполне очевидна и выявляема. Еще А.С. Лаппо-Данилевский указывал на зависимость верной интерпретации источника от осмысления его видовой природы: «Правильное понимание общего смысла текста зависит от правильной квалификации его разновидности»⁵. Осознание видовой структуры интеллектуального продукта является одним из необходимых условий построения исследовательской гипотезы интерпретации⁶. Объективность категории вида по отношению к актам, как и к другим источникам, «заключается в том, что одинаковые или близкие по своей природе общественные отношения в разных странах порождают близкие по виду или разновидности документы»⁷. Так, синхронное распространение ставленных грамот (актов договорно-законодательного вида) в Московском государстве и Великом княжестве Литовском указывает на определенное сходство функционирования правовой системы этих государств в сфере церковной инвеституры. Изучение системы видов исторических источников, регулировавших правовые отношения между

---

⁴ Там же. С. 346. Определению О.М. Медушевской, на наш взгляд, несколько не противоречит определение вида, сформулированное С.М. Каштановым: «вид — группа источников, имеющих общие формально-юридические признаки происхождения, содержания и внутренней формы» (*Каштанов С.М.* К изучению летописного Лицевого свода Ивана Грозного // *Археографический ежегодник за 2011 год.* М., 2014. С. 61).

⁵ *Лаппо-Данилевский А.С.* Очерк русской дипломатики частных актов. СПб., 2007. С. 100.

⁶ *Медушевская О.М.* Теория и методология. С. 282.

⁷ *Каштанов С.М.* Русская дипломатика. С. 149.

светской и духовной властью в Великом княжестве Литовском, таким образом, раскрывает перспективы дальнейшего проведения сравнительно-исторических исследований этой социально-правовой сферы в Литовском и Московском государствах.

Представление о социальной функции акта требует рассмотрения этих источников в контексте причинно-следственных связей, приведших к их созданию: «История актов как договорных документов отражает степень развития в тех или иных конкретных условиях договорных отношений между представителями различных социальных групп»⁸. В этой связи становится очевидным, что введение в научный оборот новых актовых источников и применение к ним приемов и методов дипломатики позволит углубить понимание этих связей⁹. Оно способствует изучению социальных отношений и возникавших на их почве институтов и правовых норм в движении и развитии.

Актуальность темы диссертации определяется и местом исследовательской проблематики в проблемном поле актуального гуманитарного знания. Современному состоянию исторической науки характерно максимальное расширение исследовательского пространства, интенсификация междисциплинарного взаимодействия, характерен так называемый «культурный поворот», который переживают все общественные науки. В этой связи становится актуальным контекстуальное ориентирование источников и их рассмотрение через призму новых исследовательских практик. Комплекс грамот, выданных православному духовенству Литовского государства, как часть метрики королевы Боны — архива канцелярии Боны Сфорца — является источником, который может продуктивно изучаться в рамках различных областей исторического знания («новая» региональная и локальная история, культурно-интеллектуальная,

---

⁸ Там же. С. 226.

⁹ Диссертационное исследование основывается на неопубликованных большей частью документах метрики королевы Боны, составляющих 18-ю, 32-ю, 33-ю, 36-ю книги записей Литовской метрики (Российский государственный архив древних актов. Ф. 389. Литовская метрика. Оп. 1. Кн. 18, 32, 33, 36).

социокультурная история)¹⁰. Исследуемые грамоты могут быть рассмотрены в рамках исторической имагологии, соединяющей в себе актуальные историко-антропологический, социально-психологический, культурологический подходы. На передний план выходят вопросы национальной, религиозной идентичности: каким образом в едином пространстве взаимодействовали разные этнические группы (во владениях королевы «сосуществовали» русины, литовцы, поляки, татары, евреи, москвиты), как были противопоставлены православная и католическая общности, как формировалось историческое сознание населения этих земель?

Степень изученности проблемы. Историографические аспекты, в которых должен быть рассмотрен корпус изучаемых источников, определяются проблематикой правоотношений между носителями светской власти и представителями православной церкви в Великом княжестве Литовском. Кроме того, акты как исторические источники попадают в объектно-предметную область дипломатики, в историографическом поле которой предполагается их изучение. Исследовательская литература, относящаяся к проблематике диссертации, систематизирована следующим образом: выделены работы, посвященные биографии и деятельности королевы Боны Сфорца; работы по истории православия в Литовском государстве; работы, посвященные проблемам источниковедения и дипломатики Литовской метрики.

На фоне повышенного интереса русской историографии XIX в. к истории Великого княжества Литовского следует констатировать невысокую степень изученности проблем, связанных с биографией и деятельностью Боны Сфорца. В конце XIX — начале XX вв. «изучение Великого княжества Литовского в русской

---

¹⁰ Об актуальных исследовательских полях современной исторической науки и их методологическом обосновании: *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. Социальные теории и историографическая практика. М., 2011; Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы / под ред. Л.П. Репиной. М., 2012.

исторической науке достигло наивысшей степени интенсивности»¹¹. В большинстве работ этого периода (как в исследованиях, носящих обобщающий характер, так и в работах, освещающих историю развития отдельных областей государства, определенных экономических и этнических явлений) информация о характере хозяйственной, экономической и политической деятельности королевы, обладавшей экстраординарным статусом и прерогативами, давалась в контексте исследования тех или иных аспектов истории Литовского государства (Ф.И. Леонтович, М.К. Любавский, М.В. Довнар-Запольский, С.А. Бершадский, М.С. Грушевский, А.С. Грушевский, В.И. Пичета и др.)¹². Сведения о Боне Сфорца отрывочны и имеют характер частных, иллюстративных наблюдений. Многие вопросы, касающиеся деятельности канцелярии королевы, истории формирования ее владений, политики в отношении православного духовенства остаются неизученными.

---

¹¹ *Дворниченко А.Ю.* Историография Великого княжества Литовского и «Очерк истории Литовско-Русского государства» М.К. Любавского // Любавский М.К. Очерк истории Литовско-русского государства до Люблинской унии включительно. СПб., 2004. С. 24.

¹² *Леонтович Ф.И.* Очерки истории литовско-русского права. Образование территории Литовского государства. СПб., 1894; *Любавский М.К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого Литовского Статута. М., 1892; *Довнар-Запольский М.В.* Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Киев, 1901. Т. I; *Он же.* Очерк по организации западнорусского крестьянства в XVI в. Киев, 1905; *Бершадский С.А.* Литовские евреи. СПб., 1883; *Грушевский М.С.* Барское староство // Исторические очерки (XV–XVIII в.). Киев, 1894; *Грушевский А.С.* Пинское Полесье XIV–XVI вв. // Исторические очерки. Киев, 1903; *Пичета В.И.* Белоруссия и Литва XV–XVI вв. М., 1961 и т. д. Краткий обзор историографии см. в работах: *Бондаренко А.А.* Метрика королевы Боны в отечественной историографии // Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин: Материалы XXII междунар. научн. конф. Москва, 28–30 января 2010 г. М., 2010. С. 164–167; *Васіленка Г.* Гістарыяграфія і крыніцы праблемы «Дзейнасць Боны Сфорца на тэрыторыі Беларусі (1518–1555 гг.)» // Гістарычна-археалагічны зборник. Вып. 28. Мінск, 2013. С. 45–51.

В зарубежной историографии мало внимания уделялось кириллическим документам метрики королевы Боны¹³. Наиболее информативным исследованием о Боне Сфорца является работа польского историка В. Поцехи. Им были собраны сведения о предках Боны из династии Сфорца и династии правителей Арагона, об обстоятельствах ее приезда в Польское и Литовское государства, о некоторых аспектах ее политической и хозяйственно-экономической деятельности до 1539 г.¹⁴

Обширная историография сложилась вокруг истории Киевской митрополии и положения православного населения в Великом княжестве Литовском¹⁵. В российской дореволюционной литературе утвердилось мнение о негативном

---

¹³ *Przeździecki A.* Jagiellonki Polskie w XVI wieku. T. I–V. Kraków, 1868–1878; *Pułaski K.* Gospodarka krolowej Bony na kresach // Biblioteka Warszawska. Warszawa, 1878. T. I. S. 353–381; *Pociecha W.* Królowa Bona (1494–1557). Czasy i ludzi Odrodzenia. T. 1–4. Poznań, 1949–1958; *Bogucka M.* Bona Sforza. Warszawa, 1989; *Zacchino V.* Salento e Polonia. Cinquecento anni di amicizia da Bona Sforza a Carol Wojtyła, 1994; *Cioffari G.* Bona Sforza. Donna del Rinascimento terra Italia e Polonia, 2000; *Melchiorre V.* Documenti baresi su Bona Sforza. Bari, 2000 etc.

¹⁴ *Pociecha W.* Królowa Bona (1494–1557). Czasy i ludzi Odrodzenia. T. I–IV. Poznań, 1949–1958.

¹⁵ *Платон (Левшин), митр.* Краткая церковная российская история. М., 1805. Т. II. С. 108–116, 247–248; *Муравьев А.Н.* История Русской церкви. СПб., 1838. С. 174–182; *Макарий (Булгаков), митр.* История русской церкви. Кн. 5. М., 1996; *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви. М., 2009. Т. 1; *Чистович И.А.* Очерк истории западнорусской церкви. СПб., 1882. Ч. I; *Голубев С.Т.* Материалы для истории западнорусской церкви. Киев, 1891. Вып. I; *Он же.* Объяснительные параграфы по истории западнорусской церкви. Киев, 1893; *Левицкий О.И.* Внутреннее состояние западнорусской церкви в Польско-Литовском государстве в конце XVI в. и уния. Киев, 1884; *Лотоцький О.* Соборні крилоси на Україні та Білій Русі в XV–XVI віках // Записки наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1896. Т. IX; С. 1–34; *Мальшевский И.И.* Киевские церковные соборы. Киев, 1884; *Покровский И.М.* Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав, пределы. Казань, 1897. Т. I–II; *Владимирский-Буданов М.Ф.* Церковные имущества в Юго-Западной России XVI в. // Архив Юго-Западной России, издаваемый Комиссиею для разбора древних актов, состоящей при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Киев, 1907. Ч. VIII. Т. IV. С. 1–224; *Булгаков Г.И.* Западнорусские православные церковные соборы как органы церковного управления. Курск, 1917 и т. д.

воздействии светского церковного патроната на общее положение православного духовенства Литвы. В польской историографии, напротив, отстаивается позиция, согласно которой представители династии Ягеллонов не нарушали права и привилегии духовенства Киевской митрополии¹⁶. Современные исследования главным образом касаются различных аспектов функционирования и самоорганизации православного социума в Великом княжестве Литовском периода церковной унии¹⁷. В контексте проблематики диссертации особое

---

¹⁶ *Chodynicki K.* Kościół prawosławny a Rzeczpospolita Polska: Zarys historyczny (1370–1632). Warszawa, 1934; *Bieńkowski L.* Organizacja kościoła wschodniego w Polsce // Kościół w Polsce. Vol. 2. Wieki XVI–XVIII. Kraków, 1969. S. 779–1049; *Mironowicz A.* Kościół prawosławny w Polsce. Białystok, 2006. Владислав Поцеха писал о «золотом веке», наступившем для православия во время правления Сигизмунда I Старого: «okres jego rządów uchodzi za złoty wiek w życiu kościoła prawosławnego w państwie Jagiellonów» (*Pociecha W.* Królowa Bona. T. III. Poznań, 1958. S. 24).

¹⁷ *Дмитриев М.В., Флоря Б.Н., Яковенко С.Г.* Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI — начале XVII в. М., 1996. Ч. I; *Фефелова О.А.* Православные братства на восточнославянских территориях Речи Посполитой во второй половине XVI — первой половине XVII вв.: автореф. дис. канд. ... ист. наук. Томск, 2001; *Стефанович П.С.* Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. М., 2002; *Дмитриев М.В.* Между Римом и Царьградом. Генезис Брестской церковной унии 1595–1596 г. М., 2003; *Бернишам Т.А.* Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии. СПб., 2005; *Кириллова Л.А.* Православный приход Киевской митрополии во второй половине XVI века: автореф. дис. канд. ... ист. наук. Саратов, 2006; *Лукашова С.С.* Миряне и церковь: религиозные братства Киевской митрополии в конце XVI века. М., 2006; *Корзо М.А.* Украинская и белорусская катехическая традиция конца XVI–XVIII вв.: становление, эволюция и проблема заимствований. М., 2007; *Флоря Б.Н.* Исследования по истории церкви. Древнерусское и славянское средневековье. М., 2007; *Шустова Ю.Э.* Документы Львовского Успенского Ставропигийского братства (1586–1788): источниковедческое исследование. М., 2009; *Сухорученко С.С.* Социальный и географический состав вкладчиков Супрасльского монастыря XVI–XVII вв. // Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве : материалы XXIII междунар. науч. конф. Москва, 27–29 янв. 2011 г. М.: РГГУ, 2011. С. 422–424; *Исаевич Я.Д.* Братства та їх роль в

значение имеют работы, посвященные изучению епархий, входивших в первой половине XVI в. в Киевскую митрополию¹⁸. Между тем ряд вопросов, связанных с историей формирования, равно как и персональным составом иереев и архиереев православных епархий Литовского государства¹⁹, остается малоизученным. В историографии прокомментированы лишь немногие грамоты королевы Боны православному духовенству. Сложилась однозначная и не вполне корректная оценка ее юридических отношений со священнослужителями. Это связано с предположением о прецедентах продажи иерейских, настоятельских и архиерейских мест, хотя документально оно не подтверждено²⁰.

розвітку української культури XVI–XVIII ст. Київ, 1966; *Bardach J.* Bratstwa cerkiewne na ziemiach Rzeczypospolitej XVI–XVIII w. // *Kwartalnik historyczny.* 1967. № 1. S. 77–82 и т. д.

¹⁸ *Николай, архим.* Историко-статистическое описание Минской епархии. СПб., 1864; Воспоминания о древнем православии Западной Руси // История униатской Турово-Пинской епархии XVI–XIX вв. М., 1867; *Перов И.Ф.* Епархиальные учреждения в русской церкви в XVI и XVII веках (историко-канонический очерк). Рязань, 1882; *Модест (Стрельбицкий)*, бывший епископ Люблинский, ныне Нижегородский и Арзамасский. Холмская православная епархия. Варшава, 1886; *Площанский В.М.* Прошлое Холмской Руси по архивным документам XV–XVIII вв. и др[угим] источникам. Вильна, 1899–1901. Ч. I–II; *Рыбинский В.П.* Киевская митрополичья кафедра с половины XIII до конца XVI века. Киев, 1891; *Теодорович Н.И.* Город Кременец Волынской губернии. Церковно-исторический очерк. Почаев, 1890; *Он же.* Город Владимир Волынской губернии в связи с историей Волынской иерархии. Почаев, 1893; *Рункевич С.Г.* История Минской архиепископии (1792–1832). СПб., 1893; *Тихомиров Н.Д.* Галицкая митрополия. Церковно-историческое исследование. СПб., 1895; *Мосейчук В.* История Пинского Свято-Успенского Лещинского монастыря. Сергиев Посад, 2002; *Tieplowa W.* Eparchia Pińsko-Turowska przed unią Brzeska (XV–XVI w.) / *Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej.* Rok 4. 2016. S. 13–24; *Mironowicz A.* Diecezja Włodzimierska do końca XVI wieku / *Przegląd Wschodnioeuropejski.* № 4. Olsztyn, 2013. S. 13–23; *Walczak W.* The structure of the uniate Turau-Pinsk eparchy in the 17th and 18th centuries. Białystok, 2013; *Mironowicz A.* Prawosławne parafie Pińska w XVI wieku / *Przegląd Wschodnioeuropejski.* Vol. 2. Olsztyn, 2014. S. 11–28 etc.

¹⁹ *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. С. 1037–1048.

²⁰ *Знаменский П.В.* Руководство к русской церковной истории. Казань, 1886. С. 160; *Бобржинский М.* Очерк истории Польши. СПб., 1891. Т. 2. С. 56; *Левицкий О.И.* Предисловие //

Плодотворное развитие дипломатики кириллических документов Литовской метрики едва ли возможно без учета разработок в области теоретической и практической дипломатики русских актов. Само понятие «акт» не получило в литературе общепризнанного и однозначного определения. Пожалуй, наиболее единодушным является признание того, что актами следует считать документы «правозначающего характера» (А.С. Лаппо-Данилевский). В ранних работах С.М. Каштанова под актами предлагалось понимать документы только договорного вида²¹. Позднее С.М. Каштанов писал, что дипломатика изучает «документы правового характера, причем в большей мере такие, где указаны автор и адресат или контрагенты (участники сделки, договора), часто же не только адресат, но и фактический контрагент, не тождественный адресату»²². Употребление в литературе и источниках термина «акт» по отношению к документам нескольких видов не позволяет, по мнению С.М. Каштанова, считать акты «видом» исторических источников. С его точки зрения, это, скорее, «группа видов» или «надвид»²³. В самое последнее время ученый говорит о «подклассе» документальных источников, куда включается и «группа видов» под названием «акты»²⁴.

Подробный очерк развития актового источниковедения в России в XVIII–XX вв. был составлен С.М. Каштановым, история изучения отдельных разновидностей актов прослежена в исследованиях О.И. Хоруженко,

---

Архив юго-западной России, издаваемый Комиссией для разбора древних актов, состоящей при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Ч. I. Т. VI. Киев, 1883. С. 42; *Карташев А.В.* Очерки по истории Русской Церкви. М., 2009. Т. 1. С. 653–654.

²¹ *Каштанов С.М.* Акты // Советская историческая энциклопедия. Т. I. М., 1961. С. 313; *Он же.* Дипломатика как специальная историческая дисциплина // Вопросы истории. М., 1965. № 1. С. 39.

²² *Он же.* Русская дипломатика. С. 3.

²³ Там же. С. 22; *Каштанов С.М.* Актовая археография. М., 1998. С. 10–13.

²⁴ *Он же.* К изучению летописного Лицевого свода Ивана Грозного // Археографический ежегодник за 2011 год. М., 2014. С. 60.

Н.А. Комочева²⁵, других ученых. Методология и методика отечественной дипломатики получили развитие в работах Н.П. Лихачева, А.С. Лаппо-Данилевского, С.А. Шумакова, А.И. Андреева, С.Н. Валка, Л.В. Черепнина, А.А. Зимины, А.А. Введенского, С.М. Каштанова и др.²⁶

Большое значение для становления дипломатики литовско-русских актов имели публикации источников по истории земель Великого княжества Литовского, подготовленные в Императорской Археографической комиссии и других научных центрах²⁷. Несмотря на существование²⁷ значительного количества обобщающих работ по истории Литвы и Польши, единственным в своем роде комплексным источниковедческим исследованием документов архива канцелярии Литовского государства по-прежнему остается монография Н.Г. Бережкова²⁸. Имеются

---

²⁵ *Он же*. Русская дипломатика. С. 39–145; *Хоруженко О.И.* Дворянские дипломы XVIII в. в России. М., 1999; *Комочев Н.А.* Царские жалованные грамоты светским лицам (1613–1696 гг.): источниковедческое исследование: автореф. дис. канд. ... ист. наук. М., 2010.

²⁶ *Лихачев Н.П.* Дипломатика (Из лекций, читанных в С[анкт]-Петербургском Археологическом институте). СПб., 1901; *Лаппо-Данилевский А.С.* Очерк русской дипломатики частных актов. СПб., 2007; *Шумаков С.А.* Грамоты и записи // Обзор грамот Коллегии экономии. Вып. IV. М., 1917. С. 1-43; *Андреев А.И.* Терминологический словарь частных актов Московского государства. Пг., 1922; *Валк С.Н.* Начальная история древнерусского частного акта // Вспомогательные исторические дисциплины. М.; Л., 1937. С. 285–318; *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М., 1948–1951. Ч. 1-2; *Зимин А.А.* Методика издания древнерусских актов. М., 1959; *Введенский А.А.* Лекции по документальному источниковедению истории СССР (Дипломатика). Киев, 1963; *Каштанов С.М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970; *Он же*. Русская дипломатика. М., 1988; *Он же*. Актовая археография. М., 1998.

²⁷ Подробнее об этих изданиях: *Хорошкевич А.Л.* К истории издания и изучения Литовской метрики // Acta Baltico-Slavica. Т. 8. Bialystok, Warszawa, 1973. С. 69–94; *Улащик Н.Н.* Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. М., 1973; *Ковальский Н.П.* Источниковедение истории Украины XVI–XVII вв. Ч. 2. Днепропетровск, 1978; *Альгимантас К.* Первые публикации документов Литовской метрики // Литовская метрика: Тез. докл. межресп. науч. конф. Вильнюс, 1988. С. 54–56.

²⁸ *Бережков Н.Г.* Литовская метрика как исторический источник. М.; Л. 1946.

исследования, касающиеся канцелярского происхождения актов Литовской метрики²⁹, их классификации и выделения разновидностей³⁰. Однако практически

---

²⁹ *Любавский М.К.* Литовско-русский сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства. М., 1900. С. 384–394; *Топалова Т.А.* Задачи изучения канцелярии Великого княжества Литовского на материалах Литовской метрики // Литовская метрика: Тез. докл. межресп. науч. конф. Вильнюс, 1988. С. 28–31; *Она же.* Задачи изучения истории великокняжеской канцелярии Жигимонта I Старого периода канцлерства О.М. Гаштольда: (По материалам книг-копий Литовской метрики, 1522–1539 гг.) // Вопросы историографии и источниковедения дооктябрьского периода. М., 1992. С. 5–27; *Бычкова М.Е.* Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г. М., 1996. С. 20–29; *Абросимова С.В.* Традиции Литовской метрики в документах канцелярий Украины XVII–XVIII вв. // *Lietuvos Metrika. 1991–1996 metu tyrinejimai.* Vilnius, 1998. S. 172–189; *Кром М.М.* Канцелярии и документы Великих княжеств Литовского и Московского в XV — первой половине XVI в.: опыт сравнительного анализа // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Т. XXXI. СПб, 2010. С. 46–55; *Kosman M.* Kancelaria wielkiego księcia Witolda // *Studia Źródłoznawcze.* 1969. T. 14. S. 91–119; *Pietkiewicz K.* Wielkie księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka. *Studia nad dziejami państwa i społeczeństwa na przełomie XV i XVI wieku.* Poznań, 1995. S. 13–42 и др. Краткий обзор историографии по этой проблематике приведен в работе: *Груша А.І.* Канцелярыя Вялікага княства Літоўскага 40-х гадоў XV — першай паловы XVI ст. Мінск, 2006. С. 9–26.

³⁰ *Ясинский М.Н.* Уставные земские грамоты Литовско-русского государства. Киев, 1899; *Хорошкевич А.Л.* Жалованные грамоты Литовской метрики конца XV в. и их классификация // *Источниковедческие проблемы истории народов Прибалтики.* Рига, 1970. С. 47–75; *Ковальский Н.П.* Источники по истории Украины XVI–XVII вв. в Литовской метрике и фондах приказов ЦГАДА. Днепропетровск, 1979; *Методические рекомендации по изданию и описанию Литовской метрики* // сост. А.Л. Хорошкевич, С.М. Каштанов. Вильнюс, 1985; *Боряк Г.В., Абросимова С.В.* Разновидности актов документов Литовской метрики // *Проблемы применения количественных методов анализа и классификации источников по отечественной истории.* Днепропетровск, 1988. С. 85–89; *Менжинский В.С.* Феодалное землевладение в Белоруссии во второй четверти XVI в. : автореф. дис. канд. ... ист. наук. М., 1988; *Груша А.І.* Метадычныя рэкамендацыі па публікацыі рукапісных актавых кірылічных крыніц у Беларусі (XIII–XVIII ст., перыяд Вялікага княства Літоўскага). Мінск, 2003; *Хоруженко О.И.* Современные принципы публикации актов Литовской метрики // *Археографический ежегодник за 2011 год.* М., 2014. С. 347–363.

нет работ по истории частновладельческих и поветовых канцелярий, слабо разработан понятийный аппарат актов Литовской метрики и их классификационные схемы, основанные на категории вида исторических источников. Не находим и опытов проведения формулярного анализа конкретных разновидностей документов.

Анализ историографии показывает, что в настоящий момент отсутствуют комплексные исследования грамот королевы Боны православному духовенству. Метрика королевы Боны в целом остается пока неизученной как источник по истории церкви, канцелярий, региональной истории, исторической географии и демографии, биографики, просопографии, хронологии, генеалогии, палеографии и других вспомогательных исторических дисциплин.

Целью диссертационного исследования является выявление информационной значимости комплекса грамот Боны Сфорца православному духовенству для изучения 1) правовых норм и практики патроната в ее владениях; 2) деятельности канцелярии королевы; 3) видовой структуры составляющих этот комплекс документов. Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих **задач**:

1. Определение конкретно-исторических причин, приведших к созданию грамот православному духовенству;
2. Исследование истории формирования владений королевы Боны и состава входящих в них православных епархий;
3. Установление канцелярского происхождения исследуемых источников;
4. Реконструкция состава корпуса документов;
5. Определение их места в структуре Литовской метрики;
6. Создание схемы их систематизации в рамках видовой классификации источников.

Объектом диссертационного исследования является комплекс грамот, выданных польской королевой Боней Сфорца представителям православного духовенства Великого княжества Литовского.

Предметом исследования — история правоотношений, возникших в ходе реализации Боной права церковного патроната, и оформления в этой связи грамот нескольких разновидностей.

Корпус исторических источников, привлеченных для исследования, был сформирован на основании признаков их происхождения (канцелярия Боны Сфорца) и адресата (церковные корпорации и отдельные представители православной церкви). Задача поиска и учета источников по истории Великого княжества Литовского, группируемых на основании какого-либо конкретного критерия (происхождения, адресата, вида), осложняется несколькими факторами. Архив канцелярии Литовского государства, большая часть которого хранится в настоящее время в Российском государственном архиве древних актов, имел непростую судьбу, что, безусловно, не в лучшую сторону сказалось на степени его полноты и сохранности. Большая работа по установлению местонахождения и идентификации современных сигнатур книг Литовской метрики была проделана П. Кеннеди Гримстед³¹. В то же время задача создания поактовой описи каждой из книг Литовской метрики, необходимость которой была осознана еще в XIX в.³², до сих пор не выполнена. Имеющийся к фонду Литовской метрики научно-справочный аппарат был подготовлен два столетия назад и не может удовлетворить требованиям современного исследователя³³. Реестры заголовков документов канцелярских книг, составленные во время их копирования на рубеже XVI и XVII вв., далеко не всегда адекватно характеризуют их содержание. В

---

³¹ *Kennedy Grimsted P.* The «Lithuanian Metrica» in Moscow and Warsaw: Reconstructing the Archives of the Grand Duchy of Lithuania. Cambridge, Massachusetts, 1984.

³² Ее созданием занимался Л.М. Зельверович, выпустивший первый том задуманного описания (*Зельверович Л.М.* Литовская метрика, государственный отдел Великого княжества Литовского, при Правительствующем Сенате. Грамоты и регесты из собрания «древних актов», писанных на пергаменте на литовско-русском, латинском, ниже-германском, старо-чешском и польском языках. СПб., 1883. Т. 1). Остальной материал, приготовленный им «с большою кропотливостью», не был издан и сгорел после смерти метриканта (*Пташицкий С.Л.* Описание книг и актов Литовской метрики. СПб., 1887. С. VII).

³³ РГАДА. Ф. 389. Оп. 2–8.

канцелярской практике Великого княжества Литовского, как известно, во вновь составлявшиеся грамоты часто интерполировались («слово от слова так в себе мает») документы, служившие основанием для подтверждения каких-либо прав и привилегий. В заголовках редко фиксировалась интерполяция в основной текст грамоты включенных актов. Таким образом, единственным приемлемым вариантом исчерпывающего поиска документов, интересующих исследователя, является полистный просмотр всех книг Литовской метрики.

Говоря о тематическом подборе источников, важно учитывать существование многочисленных актовых книг судебного делопроизводства, содержание которых, несмотря на то, что они не относятся к комплексу Литовской метрики, имеет не меньшее значение для изучения истории Литовского государства. Эти документальные сборники, так же как и сохранившиеся подлинные грамоты, рассредоточены по архивным и музейным хранилищам нескольких государств; можно с уверенностью сказать, что часть из них до сих пор не известна исследователям. Очевидно, что полная публикация этих источников является слишком отдаленной перспективой³⁴.

Сложившаяся археографическая ситуация не всегда способствует доступу исследователей к опубликованным источникам. За два с половиной столетия, в течение которых публикуются материалы Литовской метрики³⁵, были изданы тысячи документов, подбиравшиеся археографами главным образом по тематическому принципу. Развитие археографической мысли и переосмысление

---

³⁴ Количество подобных актовых книг, большая часть которых хранилась в XIX в. в Вильне и Киеве, весьма велико. В Виленский центральный архив был принято на хранение 19 244 актовых книг, каждая из которых содержала от 150 до 1400 документов (Акты, издаваемые комиссиею, высочайше учрежденную для разбора древних актов в Вильне. Т. I. Акты гродненского земского суда. Вильна, 1865. С. 21–22). В Киевском центральном архиве в 1859 г. хранилось 5815 актовых книг и 453 381 отдельных документов (АЮЗР. Ч. I. Т. I. Акты, относящиеся к истории православной церкви в юго-западной России. Киев, 1859. С. V).

³⁵ *Альгимантас К.* Первые публикации документов Литовской метрики // Литовская метрика: Тез. докл. межресп. науч. конф. Вильнюс, 1988. С. 54–56.

принципов передачи и отбора средневековых текстов, вызванное задачами, которые ставят перед собой и современная историческая наука, и науки о языке³⁶, уже сейчас требуют их переиздания и снабжения необходимым научно-справочным аппаратом. Деятельность археографических комиссий и историков, публиковавших в приложениях к своим исследованиям документы Литовской метрики (М.К. Любавский, А.С. Грушевский, М.В. Довнар-Запольский и др.), безусловно, нельзя недооценить. Однако уровень археографических изданий XIX — начала XX в., неверное прочтение текстов, а соответственно, искажение их смысла, отсутствие во многих из них научно-справочного аппарата затрудняют их использование, вынуждая обращаться к архивным оригиналам.

Еще более сложной является ситуация с региональными литературно-историческими и церковными периодическими изданиями XIX — начала XX в., в которых также публиковались исторические источники. Список подобного рода изданий, в которых хотя бы на гипотетическом уровне могли быть обнародованы документы, освещающие историю западных губерний Российской империи, довольно велик³⁷. Только незначительная их часть обнародована в ресурсах

---

³⁶ *Кауштанов С.М.* Актовая археография. М., 1998; *Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева.* М., 2004; *Ретина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. Социальные теории и историографическая практика. М., 2011.

³⁷ Труды Киевской духовной академии. Киев, 1860–1917; Киевские епархиальные ведомости. Киев, 1861–1917; Вестник юго-западной и западной России. Киев, 1862–1864; Литовские епархиальные ведомости. Вильна, 1863–1916; Вестник западной России. Вильна, 1864–1871; Смоленские епархиальные ведомости. Смоленск, 1865–1918; Волынские епархиальные ведомости. Кременец, Почаев, Житомир, 1867–1917; Минские епархиальные ведомости. Минск, 1868–1917; Полоцкие епархиальные ведомости. Витебск, 1874–1917; Холмско-Варшавский епархиальный вестник. Варшава, 1877–1905; Киевская старина. Киев, 1882–1907; Могилевские епархиальные ведомости. Могилев, 1883–1917; Гродненские епархиальные ведомости. Гродно, 1901–1915; Варшавский епархиальный вестник. Варшава, 1906–1917; Вестник Виленского православного Свято-Духовского братства. Вильна, 1907–1916; Православная Волынь: Еженедельный орган духовенства и мирян

удаленного доступа. Кроме того, даже самые крупные библиотечные собрания не обладают полной подборкой номеров того или иного издания. Из этого следует, что обнаружение публикации искомого документа является и результатом кропотливой работы, и несомненной эвристической удачей. Это, впрочем, не всегда приносит пользу исследователю по причине частого отсутствия в таких публикациях каких-либо данных об источнике (внешней критики, упоминания места его хранения и т. д.).

Еще в 1896 г. Императорская Археографическая комиссия усилиями С.А. Бершадского признала «своевременным печатание древнейших книг Литовской метрики целиком»³⁸. Эти планы так и не были полностью осуществлены: в серии «Русская историческая библиотека» вышло всего четыре тома Литовской метрики³⁹. Следующим серьезным шагом к обнародованию книг канцелярии Великого княжества Литовского стало создание международного проекта по изданию Литовской метрики, инициированное академическими институтами нескольких союзных республик (1980 г.). С середины 1980-х гг. по настоящее время археографами Литвы, Польши, Белоруссии и Украины было опубликовано несколько десятков книг Литовской метрики⁴⁰, однако говорить о том, что эта работа была проделана в рамках скоординированного международного проекта, обеспеченного единой методической основой, не

Волынской епархии. Житомир, 1917–1918; Белорусский православный вестник. Могилев, 1924–1925, 1927; Голос литовской православной епархии. Каунас, 1924–1940 и др.

³⁸ Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией (*далее* — РИБ). Т. 20. Литовская Метрика. Т. 1. Книги судных дел. СПб., 1903. С. IV.

³⁹ РИБ. Т. 20. Литовская Метрика. Т. 1. Книги судных дел. СПб., 1903; РИБ. Т. 27. Литовская Метрика. Отдел 1. Часть 1: Книги записей. Т. 1. СПб., 1910.; РИБ. Т. 30. Литовская метрика. Отделы первый-второй. Ч. 3: Книги публичных дел. Т. 1. Юрьев, 1914; РИБ. Т. 33. Пописы войска ВКЛ 1528, 1565, 1567 гг. Пг., 1915.

⁴⁰ Новости Литовской Метрики: науч.-информацион. прил. журн. «Lietuvos istorijos matrastis» (Ежегодник истории Литвы)». № 15. 2014/2015. Вильнюс, 2016. С. 36–43.

приходится⁴¹. Российская сторона в значительной мере уступает зарубежным коллегам в темпах археографического освоения Литовской метрики, хотя, как показывает недавно опубликованная в Институте Российской истории РАН 6-я книга записей⁴², именно отечественная академическая наука придерживается Методических рекомендаций 1985 г.⁴³ и продолжает их дальнейшую разработку⁴⁴.

Практически полное отсутствие какой-либо официальной координации между российскими и зарубежными археографами сказывается на возможности доступа к уже изданным материалам Литовской метрики. В большинстве случаев появление того или иного опубликованного тома в библиотечной коллекции или частном собрании является результатом неформальной коммуникации представителей международного научного сообщества и носит эпизодический характер. Обнародование таких публикаций в ресурсах удаленного доступа несистематично. Достижения национальных историографий тем самым зачастую обесцениваются для российских исследователей, вынуждая их вновь обращаться к архивным документам.

---

⁴¹ *Хоруженко О.И.* Современные принципы публикации актов Литовской метрики. С. 347.

⁴² См. рецензии на это издание: *Дубонис А.* Акты, относящиеся к истории Западной России, т. 1(6): Сборник документов канцелярии великого князя литовского Александра Ягеллончика (1494–1506 гг.) [рец.] // *Новости Литовской метрики.* 2014. № 14. С. 11–17; *Хорошкевич А.Л.* Первая российская публикация книг Литовской Метрики или о пользе распределения издательских обязанностей // *Новости Литовской метрики.* 2014. № 14. С. 18–20.

⁴³ *Ср.: Груша А.І.* Метадычныя рэкамендацыі па публікацыі рукапісных актавых кірылічных крыніц у Беларусі (XIII–XVIII ст., перыяд Вялікага княства Літоўскага). Мінск, 2003.

⁴⁴ Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1 (6). Сборник документов канцелярии великого князя литовского Александра Ягеллончика, 1494-1506 гг. Шестая книга записей Литовской метрики / сост., коммент., вспом. указ. : М.Е. Бычкова (отв. сост.), О.И. Хоруженко, А.В. Виноградов; отв. ред. тома С.М. Каштанов. М., СПб., 2012. В соответствии с этими же археографическими принципами готовятся к изданию еще четыре книги Литовской метрики, относящиеся к исторически сложившемуся комплексу метрики королевы Боны (РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 18, 32, 33, 36).

Таким образом, комплекс изучаемых текстов был сформирован путем выявления копий документов, содержащихся в неопубликованных книгах метрики королевы Боны⁴⁵. Именно в этих четырех документальных сборниках, относящихся к фонду Литовской метрики, наблюдается наибольшая концентрация актовых и делопроизводственных источников, происходящих из канцелярии Боны Сфорца — в том числе и документов, адресованных представителям православной церкви Великого княжества Литовского.

Исследовательская работа велась также с другими неопубликованными книгами Литовской метрики, традиционно относимыми к отделу «записей», — прежде всего, с теми, хронология документов которых соответствует времени пребывания Боны Сфорца в Великом княжестве Литовском и Польском королевстве⁴⁶. Выборочно было просмотрено несколько книг из отдела «судовых дел» и отдела «переписей», а также более поздние книги Литовской метрики⁴⁷. Несмотря на то, что в этих источниках достаточно часто встречаются документы, имеющие прямое отношение к деятельности канцелярии королевы Боны, сведения о ее грамотах, выданных в пользу церковных учреждений, были выявлены только в двух случаях. Первый из них — это упоминание подтвердительного ставленного листа Боны на Борисоглебский Коложский монастырь в г. Городно (1554 г.), зафиксированное в листе короля Сигизмунда II Августа от 1555 г.⁴⁸ Полный список

---

⁴⁵ РГАДА. Ф. 389. Литовская метрика. Оп. 1. Кн. 18, 32, 33, 36. 32-я книга записей Литовской метрики была опубликована в 2012 г. коллективом литовских и украинских археографов (*Lietuvos metrika. Knyga Nr. 32 (1548–1549). Užrašymų knyga 32. Vilnius, 2012*). Помимо обозначенных выше расхождений между отечественной и зарубежной археографической практикой, это издание содержит ряд существенных неточностей (см. подглаву 3.4 настоящего исследования). По этой причине автор диссертации, подготовивший к печати 32-ю книгу записей еще в 2007 г., посчитал возможным сохранить в тексте исследования отсылки к рукописи этого сборника документов, хранящейся в РГАДА.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 13, 21, 22, 23, 24, 27, 29, 31, 34, 35, 38.

⁴⁷ Там же. Кн. 47, 74, 77, 240, 247, 262, 277, 287, 292, 294, 583.

⁴⁸ Там же. Кн. 38. Л. 17 об.–19.

этого документа включен в 36-ю книгу записей⁴⁹. Второй подобный случай связан с обнаружением в 74-й книге записей списка подтвердительного данного листа королевы Боны (1555 г.) попам Дмитриевской церкви в г. Пинске на пожалования князей Ивана Васильевича и Федора Ивановича Ярославичей, прямых потомков Владимира Андреевича Храброго⁵⁰. Более поздний список этой же грамоты, датируемый уже XVII в., хранится в архиве Санкт-Петербургского института истории РАН и был описан Т.Г. Таировой-Яковлевой⁵¹.

Изучение дела фонда «Литовская метрика» позволило установить, что в 1988 г. в ЦГАДА (ныне РГАДА) поступило 576 архивных единиц хранения, переданных из Государственного архива Горьковской области (ныне — Центральный архив Нижегородской области). В 1990 г. эти дела были переданы из фонда «Литовская метрика» в фонд «Комиссия эдукационного фондуша» (фонд № 1603), где образовали самостоятельную опись⁵². Среди документов, включенных в эту опись, не удалось выявить ни одной грамоты польской королевы, адресатом которой выступили бы представители православных духовных копораций. Впрочем, здесь был обнаружен подлинник одного из указных листов Боны Сфорца (1549 г.), копия которого была включена в 32-ю книгу записей⁵³. Кроме того, здесь были выявлены упоминания и других подлинных грамот королевы Боны, которые, судя по всему, на хранение в РГАДА не поступали и были некогда утрачены⁵⁴.

Помимо архивных документов, при формировании источниковой базы исследования были использованы тексты изданий Императорской

---

⁴⁹ Там же. Кн. 36. Л. 28–29.

⁵⁰ Там же. Кн. 74. Л. 12 об.–14. Список датируется 1585 г.

⁵¹ *Таирова-Яковлева Т.Г.* Материалы по истории Белоруссии в архиве Санкт-Петербургского института истории РАН // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. Вып. 1–2 (5/6). СПб., 2009. С. 203.

⁵² РГАДА. Ф. 389 (Литовская метрика). Дело фонда. Л. 36.

⁵³ РГАДА. Ф. 1603. Оп. 16. Д. 4. Л. 1–1 об.; РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 69 об.–70 об.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 1603. Оп. 16. Д. 573. Л. 51, Л. 32–32 об., Л. 6 об., Л. 91.

Археографической комиссии⁵⁵ и иных печатных изданий⁵⁶. Выявлены упоминания документов в описаниях архивных коллекций и в текстах других источников⁵⁷. Для решения поставленных задач широко привлечены дополнительные материалы Литовской метрики и источники из других архивных комплексов⁵⁸.

---

⁵⁵ Ревизия пущ и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском с присовокуплением грамот и привилегий на входы в пущи и на земли, составленная старостой мстибоговским Григорием Богдановичем Воловичем в 1559 году, с прибавлением другой актовой книги, содержащей в себе привилегии, данные дворянам и священникам Пинского повета, составленной в 1554 году. Вильна, 1867; Акты, издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов. Т. I–XXXIX. Вильна, 1865–1915; Акты, относящиеся к истории западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. I–V. СПб., 1846–1853; Сборник палеографических снимков с древних грамот и актов, хранящихся в Виленском центральном архиве и Виленской публичной библиотеке. Вып. 1 (1432–1548 гг.). Вильна, 1884; Архив Юго-Западной России, издаваемый Временною комиссиею для разбора древних актов, Высочайше утвержденною при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Т. I–XXXVI. Киев, 1859–1914; Археографический сборник документов, относящийся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа. Т. I–XIV. Вильна. 1867–1904; Ревизия Кобринской экономии, составленная в 1563 г. королевским ревизором Дмитрием Сапегою. Вильна, 1876.

⁵⁶ *Грушевский А.С.* Пинское Полесье XIV–XVI вв. // Исторические очерки. Киев, 1903; *Бершадский С.А.* Русско-еврейский архив: Документы и материалы для истории евреев в России. Т. 1. Документы и регесты к истории литовских евреев (1388–1550). СПб., 1882; Собрание древних актов городов Минской губернии, православных монастырей, церквей, и по разным предметам. Минск, 1848.

⁵⁷ Отчет императорской публичной библиотеки за 1876 год. СПб., 1878; Описание документов архива Западнорусских униатских митрополитов. Т. I. 1470–1700. СПб., 1897; Описание рукописного отделения Виленской публичной библиотеки. Вып. I–V. Вильна, 1895–1906; *Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кніга 43 (1523–1560). Кніга запісаў 43 (Копія канца XVI ст.).* Мінск, 2003; *Таурова-Яковлева Т.Г.* Материалы по истории Белоруссии в архиве Санкт-Петербургского института истории РАН // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. Вып. 1–2 (5/6). СПб., 2009.

⁵⁸ *Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie wydane nakładem właściciela.* Т. I–VII. Lwów, 1887–1910 etc.

Задача исчерпывающего выявления во всех архивных и музейных собраниях документов, регламентировавших правовые отношения между Боной Сфорца и ее урядниками, с одной стороны, и представителями православных духовных корпораций Великого княжества Литовского, с другой, не ставилась. Однако сформированный корпус источников видится в полной мере репрезентативным и адекватным поставленным в диссертации цели и задачам, так как представлен несколькими разновидностями актовых и делопроизводственных источников, которые характеризуют различные аспекты социально-экономических отношений между светским и духовным миром, выходящие за рамки церковной инвеституры как общественного института. Исследуемые источники позволяют судить не только о правовой культуре Литовского государства первой половины XVI в. и соблюдении (или несоблюдении) интересов и привилегий духовного сословия в соответствии с установившимися законодательными нормами и правовой традицией в конкретном регионе. Они также дают представление о существовавших на тот момент социальных связях иного порядка: участии представителей православной церкви в гражданском судопроизводстве, участии светских лиц в управлении церковными делами и церковным имуществом, ассимиляции выходцев из духовного сословия в шляхетской среде, стремлении священнослужителей отстаивать свои личные (не церковные) имущественные интересы как внутри своей корпорации, так и вне ее и т. д.

Хронологические рамки исследования (1523–1556 гг.) определяются крайними датами выявленных документов, а также тем обстоятельством, что в Литовском государстве именно ко второй четверти XVI в. окончательно сложился институт церковного патроната со стороны светских лиц.

Методологическую основу работы составил принцип историзма в сочетании с системным подходом, а также принцип научной объективности. Изучаемые исторические источники рассматриваются в контексте того правового поля и той социокультурной действительности, которые с течением времени формировались в Великом княжестве Литовском и вследствие существования

которых стало возможным функционирование института светского церковного патроната. Диссертация базируется на объективном и непредвзятом анализе сформированного корпуса исторических источников, который позволяет решить ряд исследовательских проблем, связанных с правовой деятельностью королевы Боны Сфорца, пересмотрев при этом некоторые положения русской дореволюционной историографии.

Использование компаративного метода позволяет в сравнительно-историческом плане проследить развитие письменной традиции Великого княжества Литовского, воплотившееся в деятельности удельных, поветовых, частновладельческих канцелярий и делопроизводственных учреждений, которые существовали на его территории в конце XV — первой половине XVI вв. Продуктивен компаративный анализ системы видов исторических источников, при помощи которых регулировалась сфера церковного патроната как в рамках всей территории Великого княжества Литовского, так и в отдельных его регионах, а также в пределах ближайшего соседа этого государства — Московской Руси.

Кроме того, исследование реализуется на основе феноменологического подхода к историческому источнику, предполагающего его изучение в качестве социокультурного феномена. Исторические источники рассматриваются как часть информационной системы, в рамках которой они были созданы для выполнения конкретных социальных и правовых функций.

Научная новизна исследования. Комплекс адресованных православным духовным корпорациям грамот, входящий в состав метрики королевы Боны, ранее не являлся предметом специального изучения. Опыт реконструкции феодальных архивов, проделанный на русском материале Л.В. Черепниным⁵⁹, Б.Н. Морозовым⁶⁰, А.А. Амосовым⁶¹, Т.А. Тутовой⁶², М.С. Черкасовой⁶³ и др.,

---

⁵⁹ *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. 1–2. М., 1948–1951.

⁶⁰ *Морозов Б.Н.* Архив торговых крестьян Шангиных // Советские архивы. 1980. № 2. С. 57–61; *Он же.* Библиотека-архив государевых певчих дьяков конца XVI — первой половины XVII в. // Царский храм. Благовещенский собор Московского Кремля в истории русской культуры. М., 2008. С. 428–445.

впервые систематически применяется к грамотам Великого княжества Литовского. Представляется, что это перспективный исследовательский подход, позволяющий эффективно изучать социальные процессы и институты, существовавшие в Великом княжестве Литовском в первой половине XVI в. Привлечение всего комплекса метрики королевы Боны в качестве исторического источника позволяет решить ряд неизученных ранее вопросов исторического, источниковедческого и эвристического характера, связанных с:

1. Выявлением и учетом грамот королевы Боны православному духовенству и составлением по итогам этой работы их полного хронологического перечня;
2. Интерпретацией понятия «метрика королевы Боны» с точки зрения источниковедения и историко-архивоведения, установлением круга эвристических и археографических проблем, связанных с этим документальным комплексом;
3. Уточнением понятийного аппарата дипломатики кириллических документов Литовской метрики;
4. Разработкой в рамках видовой классификации источников схемы систематизации грамот королевы Боны представителям духовного сословия Литовского государства;
5. Исследованием истории канцелярии королевы Боны; определением функций, структуры и состава должностных лиц этого учреждения;

---

⁶¹ *Амосов А.А.* Архивы двинских монастырей. Очерки по истории организации и складывания архивов духовных корпораций : автореф. дис. канд. ... ист. наук. М., 1975; *Он же.* Крестьянский архив XVI столетия // Археографический ежегодник за 1973 год. М., 1974. С. 206–209.

⁶² *Тугова Т.А.* Из истории архива Соловецкого монастыря // Археографический ежегодник за 1983 г. М., 1985. С. 58–67; *Она же.* Коллекция грамот из ризницы Соловецкого монастыря (к истории документального комплекса) // Россия в IX–XX веках. М., 1999. С. 468–475; Сохраненные святыни Соловецкого монастыря: Кат. выставки / авт. вступ. ст. и сост. Тугова Т.А. М., 2001.

⁶³ *Черкасова М.С.* Архивы вологодских монастырей и церквей XV–XVII вв.: исследование и опыт реконструкции. Вологда, 2012.

6. Восстановлением последовательности делопроизводственных процедур, приводивших к созданию документа в канцелярии королевы, установлением степени ее личного участия в процессе документирования;

7. Изучением практики ведения и хранения судебных дел и канцелярских книг;

8. Сравнительным изучением черт деятельности государственной, поветовых, частновладельческих канцелярий Великого княжества Литовского второй половины XV — первой половины XVI вв.;

9. Локализацией владений Боны Сфорца как в границах поветов Великого княжества Литовского, так и в границах современных единиц территориально-административного деления;

10. Установлением православных епархий, в пределах которых находились имения королевы Боны;

11. Определением объема властных полномочий королевы в области церковного патроната;

12. Выявлением владельческого статуса принадлежавших Боне Сфорца имений и характерных для них особенностей хозяйства, суда и судебного делопроизводства;

13. Составлением списка должностных лиц, состоявших на службе королевы Боны.

Практическая значимость исследования. Методический опыт, приобретенный при разработке схемы систематизации исследуемых документов, может быть применен ко всему составу актов Литовской метрики. Результаты исследования могут быть использованы для чтения курса лекций по истории церкви соответствующего периода, исторической географии и региональной истории Великого княжества Литовского, а также курсов по источниковедению и дипломатике литовско-русских актов. Исследование предшествует подготовленной в ИРИ РАН публикации 18-й, 32-й, 33-й, 36-й книг записей Литовской метрики, составляющих метрику королевы Боны, и основано главным образом на документах из этих сборников.

Основные положения диссертационного исследования.

1. Население, проживавшее на территории владений Боны Сфорца, в своем большинстве исповедовало православие. Владения королевы находились в пределах сразу нескольких православных епархий Великого княжества Литовского.

2. Управление своими имениями королева Бона осуществляла при помощи указных грамот, адресованных ее наместникам, старостам и урядникам, которые, в свою очередь, имели право самостоятельно принимать некоторые управленческие решения, осуществлять земельные и должностные пожалования, впоследствии требовавшие подтверждения королевы. Организация судопроизводства во владениях Боны Сфорца была подобна государственной судебной системе: королева и ее урядники руководствовались литовским Статутом 1529 г. и локальными нормами права. Подданные Боны могли перенести дело на рассмотрение суда королевы как высшей судебной инстанции в пределах ее владений.

3. Церковная инвеститура переходила к королеве Боне вместе с правами на землю. Ее деятельность в сфере назначения священнослужителей на иерейские и архиерейские места противоречила каноническому праву и шла вразрез с постановлениями государственной власти, однако не выходила за рамки сложившейся к первой половине XVI в. системы светского церковного патроната. Бона Сфорца отстаивала интересы православного духовенства в своих владениях, принуждая урядников соблюдать законодательство и установившиеся нормы обычного права в отношении местных священнослужителей.

4. Интерпретация понятия «метрика королевы Боны» предполагает два аспекта. Во-первых, это исторически сформировавшийся комплекс, состоящий из ряда тематически обособленных книг Литовской метрики, которые были сформированы в процессе деятельности канцелярии Боны Сфорца (18-я, 25-я, 32-я, 33-я, 36-я книги записей и 28-я книга публичных дел). Во-вторых, под «метрикой королевы Боны» следует подразумевать комплекс документов по управлению принадлежавшими ей имениями, который составляет основу архива ее канцелярии

и складывался на протяжении всего времени пребывания королевы в Великом княжестве Литовском и Польском королевстве (1518–1556 гг.). Реконструкция этого комплекса предполагает выявление и учет четырех групп документов. К ним относятся: 1) грамоты, непосредственным образом влиявшие на изменение состава владений королевы Боны; 2) грамоты ее предшественников по землевладению, фиксирующие социально-экономический и правовой статус населения имений королевы и влиявшие на принимаемые ею управленческие решения; 3) грамоты, юридическим автором которых являлась сама Бона Сфорца; 4) грамоты, созданные в поветовых канцеляриях, которыми руководили уполномоченные королевой Боной лица.

5. Канцелярия Боны Сфорца являлась независимым от великокняжеской канцелярии учреждением, имевшим сложившийся штат писарей и других должностных лиц (из документов известно около 200 человек), которые занимались созданием, оформлением, перемещением и хранением документов, связанных с управлением имениями королевы. Во главе этого учреждения стояли канцлер и управляющий двором королевы («охмистр»). Центральная часть канцелярии находилась при дворе Боны, где писарями велись специальные книги для внесения в них исходящих (главным образом) документов. Подразделения этой канцелярии были расположены в центрах местного административного и судебного управления, руководителями которых являлись урядники королевы. Документы создавались на каждом из двух уровней.

6. Неоднозначный правовой статус Боны Сфорца в ее владениях и вытекающий из него статус документов ее канцелярии не позволяет полностью опираться на классификационную схему актовых источников, подразделяющую их на публично-правовые и частноправовые. Систематизация грамот королевы Боны православному духовенству, имеющая в своей основе категорию вида исторических источников, напротив, позволяет объективно оценить уровень правоотношений, установившихся между светской и духовной властью. Актовые источники метрики королевы Боны, адресованные священнослужителям, представлены договорно-законодательным, договорным, договорно-

распорядительным и судебно-процессуальным видами; делопроизводственные источники — распорядительным и регистрационно-учетным видами.

7. Термин русской дипломатики «ставленная грамота» представляется наиболее уместным для обозначения актов Литовской метрики, утверждавших права на священноначалие. В Великом княжестве Литовском следует различать 1) ставленные архиерейские листы, выдававшиеся церковными властями в соответствии с каноническим правом, и 2) ставленные светские листы, получившие широкое распространение вследствие действия права церковного патроната. Ставленным светским листом является документ, при помощи которого представители светской власти закрепляли за тем или иным священнослужителем право единоначалия в отношении конкретной церкви, монастыря или архиерейской кафедры с передачей ему прав на недвижимое имущество. В метрике королевы Боны эта разновидность актов договорно-законодательного вида представлена четырьмя подразновидностями: 1) листами на священство, 2) на игуменство, 3) на епископство и 4) подтвердительными листами.

8. В отношении передачи опеки над тем или иным церковным учреждением следует отличать ставленные листы от данных и дозволенных. Передача права опеки другому лицу не означала переход патроната как такового и носила временный характер. Опекунами большею частью являлись светские лица, поэтому назначение великокняжеской или частновладельческой властью опекуна для церковного учреждения следует рассматривать как его передачу в кормление. В случае, когда в грамоте патрона (господаря) специально не оговаривалось право опекуна на пользование материальными ресурсами церковного учреждения, и правовое содержание этого документа сводилось только к разрешению на осуществление каких-либо действий в отношении внутреннего церковного устройства, такую грамоту предлагается называть дозволенной. В отличие от нее, данная грамота предусматривала полную передачу прав по церковному управлению опекуну (но не передачу права светского патроната). Грамота, содержащая временное разрешение на управление церковным имуществом (или

его частью) и участие во внутрицерковной жизни, может именоваться данной дозволенной.

Апробация результатов исследования. Текст диссертации обсуждался в 2010–2017 гг. на заседаниях кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин (с 2011 г. Высшая школа источниковедения, вспомогательных и специальных исторических дисциплин) Историко-архивного института РГГУ. Основные положения и выводы диссертации были представлены автором в виде сообщений и докладов на международных научных конференциях «Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин» (г. Москва, 2010 г.), «Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве» (г. Москва, 2011 г.), «Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археографии» (г. Москва, 2012 г.), «Поляки в России» (г. Краснодар, 2013 г.), «Барська земля Поділля: європейська спадщина та перспективи сталого розвитку: До 520-річчя з дня народження Бони Сфорца та 120-річчя виходу у світ праці М.С. Грушевського «Барське староство. Історичні нариси XV–XVIII ст.» (г. Бар, Україна, 2014 г.), «Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании» (г. Москва, 2016 г.), «Комплексный подход в изучении Древней Руси» (г. Москва, 2017 г.), научной школе-конференции молодых ученых ИРИ РАН «История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды» (г. Москва, 2017 г.); «круглом столе», посвященном 150-летию А.С. Лаппо-Данилевского: «Идеи А.С. Лаппо-Данилевского в интеллектуальных контекстах XX–XXI веков» (г. Москва, 2013 г.); исследовательских семинарах по вспомогательным историческим дисциплинам и источниковедению отечественной истории XI–XVIII вв. (ИРИ РАН, ИАИ РГГУ). Результаты исследования зафиксированы в 15 научных работах (из них 4 в изданиях, рекомендованных ВАК РФ — объем 2,1 п. л.), общим объемом 7,5 п. л.

Структура исследования. Работа состоит из введения, шести глав, заключения, списка использованных источников и литературы, двух приложений.

Во **Введении** приведено обоснование значимости темы и ее актуальности. Проведен анализ существующей историографии по теме и связанной с ней

проблематике, обозначены объект и предмет исследования, сформулированы его цель и задачи, охарактеризован корпус исследуемых источников, определены хронологические рамки работы, дана характеристика ее методологической основы, научной новизны и практической значимости исследования, сформулированы основные положения диссертации, выносимые на защиту.

Первая глава — «Великое княжество Литовское при королеве Боне Сфорца (1518–1556 гг.)» — посвящена выяснению вопросов происхождения и авторства корпуса изучаемых исторических источников. Изучено внутреннее устройство Литовского государства в первой половине XVI в.: определены особенности его территориально-административного деления, уровень развития правовой культуры, специфика положения православной церкви, дана общая характеристика нормативного литературного языка. Значительное внимание уделено юридическому автору исследуемых документов: дополнена биография польской королевы и великой княгини литовской Боны Сфорца; установлены мотивы, которыми она руководствовалась при формировании своих владений; охарактеризован их владельческий статус; охарактеризованы хозяйственно-экономические мероприятия, проводившиеся королевой; проанализированы известные расхождения в титулатуре Боны, встречающиеся в актовых источниках.

Вторая глава — «Канцелярии в Великом княжестве Литовском во второй половине XV — первой половине XVI в.» — посвящена изучению документальной традиции Литовского государства. Определен объем понятия «канцелярия» и оценена возможность его применения к различным формам ведения делопроизводства; охарактеризованы общие и различные черты государственной, поветовых, частновладельческих канцелярий Великого княжества Литовского и намечены перспективы их исследования. Основное внимание уделено реконструкции деятельности канцелярии Боны Сфорца. Установлены функции, структура, состав должностных лиц этого учреждения. Восстановлена последовательность действий, приводивших к созданию документа в канцелярии королевы, оценена степень ее личного участия в

процессе документирования. Прослежено устройство системы судебного делопроизводства во владениях Боны, а также дана характеристика практике ведения и хранения канцелярских книг.

Третья глава — «Метрика королевы Боны: определение понятия, состав, исследовательские практики» — посвящена понятию «метрика королевы Боны», которое, с одной стороны, понимается как тематически обособленная часть архивного комплекса Литовской метрики, а с другой стороны, интерпретируется как часть реконструируемого архива канцелярии польской королевы. Сформулированы основные задачи и проблемы выявления документов, созданных в канцелярии Боны Сфорца, в Литовской метрике, других архивных комплексах и коллекциях, документальных публикациях. Помимо этого, прослежена история археографического освоения части документов метрики королевы Боны.

В четвертой главе — «Состав имений королевы Боны Сфорца в Великом княжестве Литовском» — проводится реконструкция состава имений, принадлежавших королеве Боне в Литовском государстве. Географические реалии, упоминаемые в источниках, локализуются как в пределах административно-территориальных единиц Литвы первой половины XVI в., так и в границах современных суверенных государств.

В пятой главе — «Грамоты королевы Боны Сфорца православному духовенству как источник по церковной инвеституре» — определены права и возможности королевы Боны как носителя права церковной инвеституры, оценена легитимность ее действий в отношении представителей православных духовных корпораций. На основании изучаемого корпуса источников установлены епархии Киевской митрополии, к которым относились имения королевы.

В шестой главе — «Грамоты королевы Боны Сфорца православному духовенству в видовой структуре документов Литовской метрики» — рассмотрены вопросы классификации, систематизации и терминологии актовых и делопроизводственных источников метрики королевы Боны. Уделено внимание понятийному аппарату и разновидностям кириллических документов Литовской

метрики; в историографическом и источниковедческом аспектах рассмотрены понятия «привилей», «лист», «грамота», уточнены понятия «подтвердительного», «ставленного», «дозволенного» листов и обоснована возможность их использования в дипломатике литовско-русских актов. Помимо этого, на основании видовых признаков и классификационной схемы актовых источников, предложенной в 1988 г. С.М. Каштановым, разработана схема систематизации документов Боны Сфорца и ее урядников, адресованных духовенству Литовского государства.

В **Заключении** подводятся общие итоги проведенного исследования, формулируются основные выводы.

В **приложении первом** содержится хронологический перечень грамот королевы польской, великой княгини литовской Боны Сфорца и ее урядников православному духовенству Великого княжества Литовского (1523–1556 гг.) в количестве 76 документов.

Приложение второе «Состав должностных лиц польской королевы, великой княгини литовской Боны Сфорца (1518–1556 гг.)» состоит из трех тематически обособленных частей: «Служащие канцелярии», «Урядники: старосты, наместники, державцы, справцы», «Дворяне, ревизоры, комиссары, судьи, посланцы».

РАЗДЕЛ 1. Проблема происхождения грамот королевы Боны Сфорца
православному духовенству Великого княжества Литовского

ГЛАВА 1.
ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ
ПРИ КОРОЛЕВЕ БОНЕ СФОРЦА (1518–1556 гг.)

Первый этап источниковедческого исследования заключается в выяснении вопросов происхождения и авторства корпуса изучаемых исторических источников. Появление в канцелярии Боны Сфорца и в канцеляриях ее урядников грамот, регулировавших правовые отношения с представителями православных духовных корпораций Литовского государства, было обусловлено рядом конкретно-исторических причин. Воссоздание социокультурной ситуации, в рамках которой были созданы исследуемые документы, предусмотрено и в классическом источниковедении, и при феноменологическом подходе к изучению исторического источника.

В подглаве 1.1 «Великое княжество Литовское в первой половине XVI в.» поставлено несколько задач: 1) дать общую характеристику государственному строю Литовского государства; 2) охарактеризовать уровень развития его правовой культуры; 3) определить особенности его административно-территориального устройства; 4) определить особенности положения православной церкви в Литве; 5) дать общую характеристику делопроизводственному языку, на котором была написана большая часть документов государственной канцелярии в изучаемый период.

Подглава 1.2. «Бона Сфорца, королева польская и великая («найвысшая») княгиня литовская» посвящен юридическому автору исследуемых источников. В его задачи входит решение вопросов, связанных с: 1) дополнением существующих биографических сведений о Боне Сфорца; 2) определением мотивов, которыми она руководствовалась при формировании своих владений; 3) установлением владельческого статуса этих владений; 4) выяснением

компонентов ее интитуляции; 5) установлением особенностей управленческой деятельности королевы Боны в ее имениях.

1.1. Великое княжество Литовское в первой половине XVI в.

В Великом княжестве Литовском на первую половину XVI в. пришлось время правления Александра (1492–1506 гг.), Сигизмунда I Старого (1506–1548 гг.) и Сигизмунда II Августа (1548–1572 гг.) из династии Ягеллонов. Литва оставалась независимой от Польского королевства, несмотря на личную унию, обусловленную присутствием каждого из названных монархов на престолах обоих государств.

Заключение первого династического союза между Польшей и Литвой относится к 1385 г., времени принятия Кревской унии, скрепленной браком литовского князя Ягайло (1382–1392 гг., король польский в 1386–1434 гг.) и польской королевы Ядвиги (1384–1399 гг.)¹. В 1401 г. литовско-русские князья и бояре предоставили письменные гарантии Польскому королевству о соблюдении заключенной ранее унии. Следующее подтверждение договора состоялось в 1413 г. (Городельская уния). Договор устанавливал, что Литва будет иметь отдельного от Польши государя, «которому король польский будет делегировать свою власть»². В правление Казимира (1440–1492 гг., король польский с 1447 г.) произошел разрыв «братского союза» двух государств. Литовцы со своей стороны желали установить «постоянный оборонительно-наступательный союз с сохранением политической индивидуальности каждого государства». Поляки предлагали инкорпорировать литовские и русские области в состав Польского

---

¹ Любавский М.К. Литовско-русский сейм: Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства. М., 1900. С. 10–11.

² Там же. С. 34.

королевства, что было предусмотрено предыдущими униями. Во время Люблинского сейма 1448 г. решения по этим вопросам приняты не были³.

Согласно воле Казимира, после его смерти престолы обоих государств заняли его сыновья: Александр утвердился в Литовском княжестве, Ян Ольбрахт (1492–1501 гг.) в Польском королевстве. За два года до восшествия Александра Ягеллончика на польский престол, которое произошло после смерти Яна Ольбрахта, уния была возобновлена. Ей декларировалось, что у союзных государств будет общий государь, избираемый на общем сейме; «оба государства будут неразлучны в счастье и несчастье; будут иметь одну монету, но отдельные суды и должности; прежние договоры, заключенные одним государством, будут иметь обязательную силу и для другого; новоизбранный государь должен подтверждать права и вольности обоих государств»⁴. Однако Великое княжество Литовское вскоре отвергло это соглашение. Пятый сын Казимира — Сигизмунд — почти одновременно был избран на литовский и польский престолы (октябрь и декабрь 1506 г. соответственно), после чего произошло восстановление личной унии Великого княжества и Польского королевства⁵. Окончательное объединение Великого княжества Литовского и королевства Польского в конфедеративное государство было закреплено на польско-литовском Люблинском сейме 1568–1569 гг.

По истории литовско-польских уний существует обширная историография⁶. Т.Т. Кручковский отмечал положительные сдвиги польской историографии XX в.

---

³ *Любавский М.К.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1915. С. 190–191.

⁴ Там же. С. 195.

⁵ Там же. С. 197.

⁶ *Ланно И.И.* Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569–1586). Т. I. СПб., 1901; *Он же.* Люблинская уния и Третий Литовский статут // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1917. № 5. С. 89–150; *Halecki O.* Dzieje unii jagiellonskiej. Т. I–II. Krakow, 1919–1920; *Kutrzeba S., Semkowicz W.* Akta Unji Polski z Litwa (1385–1791). Krakow, 1932; *Пичета В.И.* Литовско-польские унии и отношение к ним литовско-русской шляхты // В.И. Пичета. Белоруссия и Литва в XV–XVI вв.

в области трактовки унии Литвы и Польши в сравнении с историографией XIX в., «рассматривающей историю Речи Посполитой в основном под углом ее падения», и русской консервативной историографией, «не желающей и слышать о возможности существования польско-литовской федерации с включением западнорусских земель и рассматривающих эту историю как “порчу” русского элемента католической Польшей»⁷. Рассмотрение современными польскими историками этой проблематики происходило «с точки зрения причин, итогов и перспектив существования Речи Посполитой». Польско-литовская уния рассматривалась как сложный внутренний процесс отношений двух государств, занявший длительное время; ставились проблемы «привлекательности» возникших политических структур для других народов Восточной Европы; проблемы формирования нового политико-культурного менталитета шляхты; вопросы, касавшиеся процесса полонизации высшего общества Литвы и Руси и т. д.⁸ Разработку этих проблем Т.Т. Кручковский связывал с исследованиями Х. Ловмянского, М. Космана, Е. Охманьского, Ю. Бардаха и др.⁹

Сыну Сигизмунда I Старого и Боны Сфорца, Сигизмунду II Августу, литовский престол был обеспечен на сейме 1522 г. Великий князь предложил духовным и светским панам-радам, чтобы они «в случае его смерти не признавали и не принимали никого другого своим господарем, кроме его возлюбленного сына». На это вельможи «единодушно и согласно... дали просимое обещание и

(исследования по истории социально-экономического, политического и культурного развития). М., 1961. С. 525–550 и др.

⁷ Кручковский Т.Т. Польша, Литва, Западная Русь: проблема формирования федеративных структур (концептуальные подходы современной польской историографии) // Наш Радавод. Кн. 3. Ч. 3. Гродно, 1991. С. 523–524.

⁸ Там же.

⁹ Lowmianski H. *Studia nad dziejami Wielkiego Ksiastwa Litewskiego*. Poznań, 1983; Kosman M. *Historia Bialorusi*. Warszawa, 1979; Ochmanski J. *Historia Litwy*. Wroclaw-Warszawa, 1982; Bardach J. *Studia z ustroju i prawa Wielkiego Ksiastwa Litewskiego XIV–XVII w.* Warszawa-Białystok, 1970.

принесли присягу вместе со всем рыцарством»¹⁰. В Литве, впрочем, не устанавливался наследственный переход власти. В «проекте» договора Сигизмунда II Августа с панами-рады 1548 г. указывалось, что великий князь избирался «вольными голосами». Подчеркивался добровольный и исключительный характер избрания Сигизмунда II Августа: «в недорослых молодых летех себе за пана добровольне его королевскую милость обравши и безъ присяги его королевское милости на тое панство Великое князство Литовское за волнымъ обраньемъ своимъ поднесли»¹¹.

Спустя семь лет после избрания Сигизмунд II Август был возведен на великое княжение, «ввиду преклонного возраста... и болезненного состояния» его отца: «королевича Жикгимонта Августа, Жикгимонтова сына, на Великое князство Литовское и Русское, и Жемоитцкое подношено на день святого Луки Евангелиста (то есть 18 октября — *А.Б.*) лета божия нарождения 1529»¹². В 1530 г. поляки «предизбрали» его на свой престол. Фактическим правителем Литвы «молодой король»¹³ стал с 1544 г.¹⁴

Власть литовского князя была ограничена господарской радой, которая еще в правление Казимира «стала не только великокняжеским, но и государственным советом Великого княжества»¹⁵. Таким образом, литовская господарская рада и

¹⁰ *Любавский М.К.* Литовско-русский сейм. С. 231.

¹¹ *Довнар-Запольский М.В.* Договор рады В[еликого] кн[язества] Литовского с в[еликим] кн[язем] Сигизмундом-Августом. Б. м., б. д. С. 5. Повторная публикация этого документа: Беларускі архіу. Т. I (XVI–XVII ст.). Менск, 1927. № 1. С. 1–5.

¹² Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 35. Летописи Белорусско-литовские. М., 1980. Евреиновая летопись. С. 235.

¹³ «Молодым королем» Сигизмунд II Август именовался в некоторых документах Литовской метрики: Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 389. Литовская метрика. Оп. 1. Кн. 18. Л. 16 (1532 г.); Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кніга 28 (1522–1552). Кніга запісаў 28 (Копія канца XVI ст.). Менск, 2000. № 32. С. 81 (1542 г.) и др.

¹⁴ *Любавский М.К.* Очерк истории. С. 198.

¹⁵ Там же. С. 187.

боярская дума в России «имели общие корни: они выросли из княжеского совета, преобразовавшись в верховный орган власти»¹⁶. Сопоставительному анализу этих государственных органов посвящена работа И.А. Малиновского; этой проблематике было уделено внимание М.Е. Бычковой¹⁷.

«Рада формировалась по принципу должностей, а не представителей определенных семей, как в России, в нее входили лица, занимавшие высшие посты управления на местах, и через них Рада контролировала жизнь в регионах»¹⁸. Состав панов-рады постепенно складывался со времени правления Витовта (1392–1430 гг.). При Александре и Сигизмунде I Старом выделилась «наивысшая, или тайная рада», состоявшая из католических епископов («бискупов»), виленского и трокского воевод, соответствующих каштелянов, жемайтского и луцкого старост, земского и дворного маршалков, земского подскарбия. В «расширенный» состав панов-рады также входили канцлер, подчаший, крайчий, кухмистр, стольник, подстолий, подкоморий, дворный конюший, земский и дворный хорунжие, мечник¹⁹. Из православных родов в господарскую раду входили некоторые представители таких фамилий как Ходкевичи, Воловичи, Ильиничи, Глебовичи, Сапеги, Кирдеевичи, князья Друцкие, Острожские, Глинские²⁰.

---

¹⁶ *Бычкова М.Е.* Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г. Опыт сравнительно-исторического изучения политического строя. М., 1996. С. 38.

¹⁷ *Малиновский И.[А.]* Рада Великого княжества Литовского в связи с Боярской думой Древней Руси. Ч. I–II. Томск, 1903–1904; *Бычкова М.Е.* Русское государство. С. 31–39. Одна из недавних зарубежных работ, посвященных системе устройства власти в Литовском государстве: *KorczaK L.* Monarcha i poddani. System władzy w Wielkim Księstwie Litewskim w okresie wczesno jagiellonskim. Krakow, 2008.

¹⁸ *Бычкова М.Е.* Русское государство. С. 39.

¹⁹ *Любавский М.К.* Очерк истории. С. 183–184.

²⁰ Там же. С. 185; *Pietkiewicz K.* Wielkie księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka. Studia nad dziejami państwa i społeczeństwa na przełomie XV i XVI wieku. Poznań, 1995. S. 76–102.

Верховным законом Великого княжества Литовского являлся Статут, принятый на виленском сейме 1528–1529 гг.²¹ и действовавший (в нескольких редакциях) на этой территории вплоть до середины XIX в. Статут 1529 г. состоял из 13 разделов и «содержал в себе права: государственное, военно-феодалное, сословно-шляхетское, земельное, наследственное и опекуновское, судебное, процессуальное и уголовное»²². Он определял прерогативы великокняжеской власти (разд. I), содержал подробные законоположения «Об обороне земской» (разд. II), кодифицировал личные и сословные права шляхты (разд. III), подробно разрабатывал вопрос о женском землевладении (разд. IV) и об опекуновском праве (разд. V). Отдельный раздел (VI) был посвящен организации суда и судебного процесса. Остальные разделы касались уголовных преступлений против личности и собственности шляхты, а также других видов нарушения прав на недвижимую и движимую собственность — «О квалтех земских, о боех, о головщинах шляхетских» (разд. VII); «О права земские, о границах и о межах, о копах» (разд. VIII); «О ловы, о пушу и бортное дерево и озера, о бобровые гоны, о соколие гнезда и о хмелища» (разд. IX). Специальный раздел был посвящен так называемому «заставному» праву — «О имениях, которые в долзех, и о заставы» (разд. X). В последующих главах Статут определял «головщины людей путных и мужицкие и паробокские» — денежные вознаграждения за преступления, совершенные землевладельцами против личности «простых людей» (разд. XI), касался вопроса «о грабежи и навезки», вознаграждени за разного рода преступления имущественного характера (разд. XII). Последний раздел — «О

---

²¹ Zbiór praw litewskich od roku 1389 do roku 1529 tudzież rozprawy sejmowe o tychże prawach od roku 1544 do roku 1563. Poznań, 1841. S. 143–394; Литовский Статут 1529 года // Временник императорского московского общества истории и древностей российских. Кн. 18. Раздел II. Материалы. М., 1854. С. 1–106; Статут Великого княжества Литовского 1529 года. Минск, 1960; Pirmasis Lietuvos Statutas = Первый Литовский Статут: Tekstai senąja baltarusių, lotynų ir senąja lenkų kalbomis. T. I–II. Vilnius, 1983–1991.

²² Пичета В.И. Литовский Статут 1529 г. и его источники // Ученые записки института славяноведения. Т. V. М., 1952. С. 244–258.

злодействе» — посвящен уголовным преступлениям, совершенным «людьми простого стану»²³. Наряду со Статутом 1529 г. в Литовском государстве продолжали действовать нормы локального права — земские и областные уставные грамоты²⁴, а также грамоты великих и удельных князей, закреплявшие права и преимущества отдельных территорий, общественных институтов, категорий населения или отдельных лиц. По истории законодательства Великого княжества Литовского сложилась обширная историография²⁵.

Областное деление Великого княжества Литовского первой половины XVI в. было обусловлено предшествующей его историей. Литовское государство «образовалось не только под господствующим влиянием русской национальности, но и сохранило и впитало в себя все главнейшие черты удельно-земского строя древнерусской истории»²⁶. Областную жизнь государства, представлявшего собой конгломерат земель и княжений, регулировали древнерусские «правовые и обычные отношения», закрепленные как

---

²³ Там же.

²⁴ *Ясинский М.Н.* Уставные земские грамоты Литовско-Русского государства. Киев, 1889.

²⁵ *Данилович И.Н.* Взгляд на литовское законодательство и литовские статуты // Юридические записки, издаваемые Петром Редкиным, доктором права и ординарным профессором Императорского Московского университета. Т. 1. М., 1841. С. 1-47; *Леонтович Ф.И.* Русская Правда и Литовский Статут // Киевские Университетские Известия. Киев, 1865. № 2. С. 1–25; № 3. С. 1–31; № 4. С. 1–38; *Владимирский-Буданов М.Ф.* Очерки по истории литовско-русского права. Ч. I–II. Киев, 1889–1890; *Пташицкий С.Л.* К вопросу об изданиях и комментариях Литовского Статута. Историко-библиографическая справка. СПб., 1893; *Максимейко Н.А.* Источники уголовных законов Литовского статута, Киев, 1894; *Он же.* «Русская Правда» и литовско-русское право. Киев, 1904; *Бершадский С.А.* О наследовании в выморочных имуществах по литовскому праву и Литовскому Статуту и польские конституции. СПб., 1893; *Он же.* Литовский Статут и польские конституции. Историко-юридическое исследование. СПб., 1898; *Bardach J.* Statuty litewskie w ich kregu prawno-kulturowym // J. Bardach. O dawnej i niedawnej Litwie. Poznań, 1988. S. 9–71 и т.д.

²⁶ *Довнар-Запольский М.В.* Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Киев, 1901. Т. I. С. 84.

законодательно, так и путем так называемой «старины»²⁷. Понятие старины А.С. Грушевский определил как «писанный закон, уставу, нормировавшую с давнего времени местную жизнь»²⁸. М.М. Кром отмечал, что «понятие «старины» было не только важнейшим элементом официальной идеологии, но и составляло неотъемлемую черту массового сознания, менталитета населения Великого княжества Литовского»²⁹. Локальная политическая «старина» отдельных земель, присоединенных к Великому княжеству по договору или по праву завоевания, сохранялась продолжительное время, что позволяло удерживать этим территориям особое и самостоятельное положение.

Начало разрушению системы удельных княжеств положил еще великий князь Витовт (1392–1430 гг.), «удалив крупнейших русских удельных князей и соединив литовские Вильнюсское и Тракайское княжества»³⁰. Им были упразднены Витебское, Полоцкое, Смоленское, Киевское, Подольское и Волынское княжения, однако некоторые мелкие княжества сохраняли остатки своей самостоятельности и в XVI в.³¹ «Тормозящим фактором для государственной централизации стали не столько эти княжества, сколько сложная система наследования власти на русских и собственно литовских землях, а также феодальный иммунитет аристократических владений»³². Политическая обособленность части земель, их самостоятельность в устройстве внутренних дел придавала Литовскому государству федеративный характер, который оно сохраняло до заключения унии с Польшей в 1569 г.

---

²⁷ Там же.

²⁸ *Грушевский А.С.* Города Великого княжества Литовского в XIV–XVI вв. Старина и борьба за старину. Киев, 1918. С. 1.

²⁹ *Кром М.М.* Понятие «старины» в политической и правовой культуре Великого княжества Литовского XV–XVI вв. // Наш Радавонд. Гродно, 1991. Кн. 3. Ч. 3. С. 540.

³⁰ *Гудавичюс Э.* История Литвы с древнейших времен до 1569 г. М., 2005. Т. I. С. 393.

³¹ *Любавский М.К.* Очерк истории. С. 106.

³² Там же. С. 398.

Главной областью государства, «к которой тяготели все другие земли и владения» являлась территория, «бывшая основным историческим ядром» этого государства и состоявшая из собственно Литовской земли, Руси «в особом тесном обозначении» (понятие литовской Руси М.К. Любавский распространял на «города и волости по Березине и ее притокам, по среднему Днепру и Сожу, по нижней Припяти»), и из земли Берестейской (за исключением Подляшья)³³. Эта область, в административном отношении делившаяся на Виленское и Трокское воеводства, занимала «политически преобладающее и привилегированное»³⁴ положение в государстве, обладала «явной политической гегемонией»³⁵. С востока и юга к этим центральным землям примыкали удельные княжества: Мстиславское³⁶, Слуцкое³⁷ и Турово-Пинские в Полесье³⁸. Эти княжества, так же как и Бельское, Стародубское, Новгород-Северское, «верховские» княжества на верхней Оке (Новосильское, Одоевское, Воротынское, Белевское)³⁹, «были особые политические мирки, маленькие государства в государстве, знавшие только своих господарей-князей, а великого князя литовского — только через этих господарей»⁴⁰. «Поскольку литовцы составляли меньшинство населения страны, Вильнюс придерживался старой мирной традиции: не менять структуры управления в русских землях, оставляя местному дворянству местные

---

³³ *Он же*. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого Литовского Статута. М., 1892. С. 2–15; *Он же*. Очерк истории. С. 105

³⁴ *Он же*. Областное деление. С. 61.

³⁵ *Гудавичюс Э.* История Литвы. С. 406.

³⁶ *Мяцельскі А.А.* Мсціслаўскае княства і ваяводства ў XII–XVIII ст. Мінск., 2010.

³⁷ *Грицкевич А.П.* Слуцк. Историко-экономический очерк. Минск, 1970.

³⁸ *Pietkiewicz K.* Wielkie księstwo Litewskie. S. 102–105.

³⁹ *Кром М.М.* Меж Русью и Литвой. Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. М., 1995; *Беспалов Р.А.* К вопросу о терминах «верховские князья» и «Верховские княжества» // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск, 2010. Вып. 12. С. 15–61; *Шеков А.В.* Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в. М., 2012.

⁴⁰ *Любавский М.К.* Очерк истории. С. 106–107.

должности... или их прерогативы»⁴¹. Также особое положение в Литве занимали земли Жмудская, Полоцкая, Витебская, Смоленская (отошедшая в 1514 г. Москве), Киевская, Волынская, Подляшье, Подолье: перестав быть самостоятельными княжениями, «они удержали много черт... из своего политического прошлого»⁴².

Несмотря на подобную децентрализацию, Великое княжество Литовское объединяла сложившаяся единая система должностей территориального управления. В большинстве своем назначаемые непосредственно великим князем, «крупные местные администраторы не стали правителями порученных им земель, а лишь сделались владетелями больших дворов и государственными сановниками»⁴³. Органами общего управления были наместники и тивуны, «чинившие суд и управу» в центрах бывших удельных княжеств и особых владений. По мере сближения с Польшей эти должностные лица стали переименовываться в старост и державцев, что не меняло сути их деятельности. Наместники бывших княжеств Виленского, Троцкого, Киевского, Полоцкого, Витебского и Смоленского были переименованы в воевод⁴⁴. Введение этих новых названий было вызвано «потребностью отличить особыми именами различных по компетенции власти и величине своих округов великокняжеских урядников»⁴⁵. Сложившаяся иерархия выглядела следующим образом: воеводы (к которым приравнивался и жемайтский староста) выступали в качестве начальников военных округов; независимо от них в частях воеводств чинили суд и управу наместники-старосты; ниже последних стояли наместники-державцы и тивуны,

---

⁴¹ Гудавичюс Э. История Литвы. С. 399.

⁴² Любавский М.К. Очерк истории. С. 108. Схожие суждения были высказаны К. Петкевичем и З. Кяупой: *Pietkiewicz K. Wielkie księstwo Litewskie*. S. 43–75; *Kiaupa Z. The history of Lithuania*. Vilnius, 2002. P. 110–111.

⁴³ Гудавичюс Э. История Литвы. С. 406.

⁴⁴ Любавский М.К. Областное деление. С. 64–71; Гудавичюс Э. История Литвы. С. 399–400.

⁴⁵ Любавский М.К. Областное деление. С. 70.

подчинявшиеся воеводам и старостам как высшей судебной-административной инстанции⁴⁶.

Великому князю принадлежали все земли государства, населенные и пустые, не имевшие других собственников (церковных корпораций, иных крупных землевладельцев). «Имущества» великого князя в Литовском государстве «состояли из обширных поземельных владений с находящимися на них постройками (дворы в фольварках со всеми хозяйственными принадлежностями, мельницы и проч.) и зданий в городах»⁴⁷. Господарские имения с середины XV в. «были главной материальной опорой великокняжеской власти в Литовско-Русском государстве»⁴⁸. Как писал М.В. Довнар-Запольский, «вся военная и гражданская служба опиралась именно на земле: великий князь раздавал имения или различные угодья за выполненную службу или на условии будущей службы»⁴⁹.

Литовский господарь «походил на всех других землевладельцев» княжества, имея в своих владениях собственное хозяйство, эксплуатируя земли и угодья с помощью тяглого населения⁵⁰. М.В. Довнар-Запольский отметил «наклонности современного общества смотреть на господарские земли как на государственную собственность»⁵¹. В пользу государства шли доходы, получаемые как с государственных доменов, то есть недвижимых имуществ, находящихся в собственности государства, так и с фамильных доменов, являвшихся владением господаря. Окончательно великокняжеские и государственные земли были разграничены во время заключения Люблинской унии (в литовском Статуте 1529 г. такого разграничения не было). В 1569 г. Сигизмунд II Август разослал

---

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Довнар-Запольский М.В. Государственное хозяйство. С. 135.

⁴⁸ Любавский М.К. Очерк истории. С. 95.

⁴⁹ Довнар-Запольский М.В. Государственное хозяйство. С. 136.

⁵⁰ Любавский М.К. Очерк истории. С. 96.

⁵¹ Довнар-Запольский М.В. Государственное хозяйство. С. 150.

державцам своих личных имений указ, предписывающий не давать с его дворов «платов», которые до этого шли в скарб Великого княжества⁵².

Истории Западнорусской митрополии⁵³ и положению православного населения в Великом княжестве Литовском посвящено значительное количество работ отечественных и зарубежных исследователей. Выделение Киевской митрополии произошло в середине XV в. после непринятия Московским государством Флорентийской унии (1439 г.)⁵⁴. На территории Литовского государства изначально располагалось 9 епархий: Смоленская (до 1514 г.), Полоцкая, Черниговская (до 1500 г.), Владимиро-Волынская, Луцкая, Пинская и

---

⁵² Там же. С. 152.

⁵³ В исследовательской литературе XIX–XXI вв. одинаково широко используются понятия «Западнорусская митрополия» и «Киевская (Литовская) митрополия». В среде современных российских историков не наблюдается единства в применении терминологического инструментария (*Флоря Б.Н.* Отношения государства и церкви у восточных и западных славян (Эпоха Средневековья). М., 1992; *Дмитриев М.В., Флоря Б.Н., Яковенко С.Г.* Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI — начале XVII в. М., 1996–1999. Ч. I–II; *Флоря Б.Н.* Исследования по истории церкви. Древнерусское и славянское средневековье. М., 2007; *Дмитриев М.В.* Между Римом и Царьградом. Генезис Брестской церковной унии 1595–1596 гг. М., 2003; *Лукашова С.С.* Миряне и церкви: религиозные братства Киевской митрополии в конце XVI века. М., 2006; *Флоря Б.Н.* Западнорусская митрополия // Православная энциклопедия. Т. 19. М., 2009. С. 612–615 и т.д.). Автор диссертации исходит из того, что бытование историографических терминов и дискуссии о правомерности их употребления должны изучаться в рамках источниковедения историографии, но не в рамках конкретно-источниковедческих исследований. В этой связи понятия «Западнорусская», «Киевская», «Литовская» митрополия используются в тексте диссертации равнозначно, что основано на их синонимичности и сложившейся неоднозначной историографической ситуации.

⁵⁴ *Абеленцева О.А.* Митрополит Иона и установление автокефалии Русской Церкви. СПб., 2009.

Туровская, Холмская, Перемышльская, Галицкая⁵⁵. После раздела митрополий московские митрополиты стали носить титул «московских и всея Руси», а литовские именовались «киевским, галицким и всея Руси». Наличие в интитуляции митрополитов «слова “всея Руси” подчеркивало, что спор не завершен»⁵⁶.

Главным руководством для церковного управления и суда в Литовской митрополии служила Кормчая книга. После нее митрополит Макарий (Булгаков) называл: 1) «свиток Ярославов»⁵⁷ (о церковном «Уставе» князя Ярослава — «О судах и пошлинах епископских» — А.В. Карташев писал, что он «в этой половине Русской церкви был живым каноническим руководством, обраставшем в живом употреблении множеством новых формул и казусов»⁵⁸), подтвержденный Сигизмундом I Старым в 1511 г.; 2) «местные церковные обычаи, которыми пользовались иногда в своих решениях и митрополит, и сам король»; 3) постановления Виленского собора 1509 г. (которые Макарий назвал «мертвовой буквою»); 4) «многочисленные узаконения и грамоты королей, касавшиеся православных архиереев, церквей, монастырей, их прав и привилегий, имевшие обязательную силу для всех»; 5) Литовский Статут 1529 г.⁵⁹. Органами церковного управления суда для епархиальных владык служили: 1) крылос, состоявший из постоянных членов и временно приглашавшихся; 2) наместники: «духовного сана, избиравшиеся большею частию из местных прихожан, и светские, заведовавшие собственно церковными имениями и доходами

---

⁵⁵ *Теодорович Н.И.* Город Владимир Волынской губернии в связи с историей Волынской иерархии. Почаев, 1893. С. 25–27; *Флоря Б.Н.* Западнорусская митрополия // Православная энциклопедия. Т. 19. М., 2009. С. 612.

⁵⁶ *Васюк Г.В., Карев Д.В.* Православная церковь в Великом княжестве Литовском и Польше в XIV–XVIII вв. // Наш Радавод. Гродно, 1991. Кн. 3. Ч. 2. С. 204.

⁵⁷ Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. подг. Я.Н. Шапов. М., 1976. С. 85–139.

⁵⁸ *Карташев А.В.* Очерки по истории Русской Церкви. М., 2009. Т. 1. С. 646.

⁵⁹ *Макарий (Булгаков).* История русской церкви. Кн. 5. М., 1996. С. 169–171.

архиереев»; 3) «протопопы и десятники, исполнявшие свой долг по разным городам и округам епархий»⁶⁰.

По наблюдениям М.М. Крома, в отечественной историографии XIX в. было распространено мнение, что православные в Великом княжестве Литовском подвергались гонениям со стороны католиков. Однако исследования начала XX в. о правовом статусе православных в Литовском государстве в XV–XVI вв. показали, «что единственным законодательным ограничением права тех, кто исповедовал «греческую» веру, был предусмотренный Городельским привилеем 1413 г. запрет всем некатоликам занимать «уряды» в Вильне и Троках — то есть фактически центральные должности в государстве»⁶¹. Характеризуя политику Сигизмунда I Старого по отношению к православным (М.Е. Бычкова назвала ее «осторожной»⁶²), митрополит Макарий писал, что польский король «допускал православных на все самые высшие должности в государстве, несмотря на то, что четыре раза: в 1522, 1529 и еще в 1537 и 1547 гг. — вынужден был подтверждать известное Городельское постановление, которому не хотел следовать»⁶³. М.Е. Бычкова вслед за М.К. Любавским отмечала, что положение о недопуске православных к высшим государственным должностям «не было полностью введено в практику. Лишь в 1551 г. король (Сигизмунд II Август — *А.Б.*) обещал не допускать православных князей на тайные совещания, где присутствовал узкий круг лиц»⁶⁴. Обобщая униатские стремления католиков в XV — начале XVI в., М.О. Коялович писал: «Польские римские католики, поддерживаемые более или менее своим правительством, не видя возможности обратить русинов прямо в

---

⁶⁰ Там же.

⁶¹ *Кром М.М.* Меж Русью и Литвой: Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. М., 1995. С. 68.

⁶² *Бычкова М.Е.* Русское государство. С. 46.

⁶³ *Макарий (Булгаков).* История русской церкви. Кн. 5. С. 165.

⁶⁴ *Бычкова М.Е.* Русское государство. С. 46; *Любавский М.К.* К вопросу об ограничении политических прав православных князей, панов и шляхты в Великом княжестве Литовском // Сборник статей, посвященных В.О. Ключевскому. М., 1909. С. 15.

римское католичество, старались обратить их, по крайней мере, в унию и неоднократно делали к тому разные попытки»⁶⁵.

В 1521 г. Сигизмунд I Старый издал грамоту, в которой определялись отношения между православными и католиками. Они сводились к следующему: 1) «русские в делах большей или меньшей важности приносят присягу не в латинских костелах, а в православной церкви; 2) во всех делах могут быть свидетелями перед судом, к чему прежде не допускались; 3) священники их могут ходить в город к больным со св[ятыми] дарами в церковном облачении, но без свечей, а на русской улице — с зажженными свечами; 4) латинский магистрат хотя и имеет право ставить православным приходских священников, однако должен избирать для этого сведущих в деле веры мужей; 5) тела умерших православных священник может провожать через город в церковном облачении, но без свечей, пения и колокольного звона, и только на русской улице можно петь, звонить и возжигать свечи»⁶⁶.

Констатируя отсутствие гонений на Русскую православную церковь Великого княжества Литовского в первой половине XVI в., А.В. Карташев отмечал, что церковь «чрезвычайно ослабела» вследствие «длительного действия» права патроната в отношении православных иерархов, которое находилось в руках светских властей⁶⁷. Под этим правом подразумевалось «исконное в Восточной церкви право участия мирян в церковном строительстве и церковном обеспечении»⁶⁸. Формами проявления светского патроната И.А. Чистович (а вслед за ним и А.В. Карташов) называл: 1) право

---

⁶⁵ Коялович М.О. Литовская церковная уния. СПб., 1859. Т. 1. С. 26.

⁶⁶ Беднов В.А. Православная церковь в Польше и Литве (по Volumina Legum). Минск, 2002. С. 73.

⁶⁷ Одним из основных результатов действия права патроната в отношении церкви и ее имущества М.В. Дмитриев считает то, что в XVI в. духовенство Литовского государства «не было сословием в европейском смысле этого слова, а церковь — самостоятельной, самоуправляющейся организацией» (Дмитриев М.В. Между Римом и Царьградом. С. 37).

⁶⁸ Карташев А.В. Очерки. С. 605.

покровительства (*jus patronatus*) — «попечение о патронируемых учреждениях, снабжение их всем необходимым и охранение при всяких случаях»; 2) «право подавания (*jus donandi*), или отдачи монастырей и церквей известным лицам»; 3) «право представления (*jus praebendi, jus praesentationis*), или рекомендации известных лиц на должности священников и монастырских настоятелей»; 4) «право управления и суда в определенных границах по отношению к общей подсудности церквей и монастырей государству и духовной власти»⁶⁹. В этих проявлениях патроната А.В. Карташев видел «параллель западному праву инвеституры».

Нравственный упадок священнослужителей и отход от канонов, по мнению А.В. Карташева, привел в итоге к церковной унии 1596 г. Историк писал: «Вся иерархия и духовенство привыкли быть искателями и “заискивателями” у светских властей и панов своих мест со всеми последствиями такого искательства, с обмирщением, ослаблением воли к сопротивлению и с утратой своей свободы и достоинства»⁷⁰. Это замечание следует относить скорее к последней четверти XVI в. Благосклонное отношение Сигизмунда I Старого и Сигизмунда II Августа к православным духовным корпорациям, вызванное главным образом политическими мотивами, доказывает большое количество грамот, решавших вопросы церковного землевладения, занятия иерейских и архиерейских мест. Наличие такого рода документов в составе книг Литовской метрики Н.И. Теодорович расценивал в духе своего времени, писав, что правители Польши и Литвы «обратили епископ[ские] кафедры в свои бенефиции, коими награждали за заслуги военные и гражданские. В епископы и настоятели монастырей были избираемы, большею частию, лица светские из дворянских фамилий, не приготовленные к прохождению высоких иерархических обязанностей»⁷¹.

---

⁶⁹ *Чистович И.А.* Очерк истории западнорусской церкви. СПб., 1882. Ч. I. С. 197; *Карташев А.В.* Очерки. С. 605–606.

⁷⁰ Там же. С. 658.

⁷¹ *Теодорович Н.И.* Город Владимир. С. 51.

Действительно, грамоты, дававшие право распоряжения церковным имуществом или право «поставления» священнослужителей в церкви и монастыри, выдавались великими князьями как представителям духовенства, так и светским лицам. Ставленные и данные листы на опеку «столиц духовных» нередко выдавались еще до смерти их пожизненных держателей. В 1536 г. Сигизмунд I Старый при посредничестве королевы Боны Сфорца передал князю Юрию Слуцкому право поставления архимандрита в Киево-Печерский монастырь при живущем архимандрите Геннадии: «кгда [Геннадия] в животе не станет... мает княз Юрий оный манастыр к руком своим взяти и дати его тому держати, кому воля его з закону греческого будет»⁷². В 1552 г. королева Бона выдала ставленный лист на пинский Варваринский монастырь Ульяне Почаповской на условиях опеки и пожизненного содержания старой игуменьи⁷³.

Активное участие светских лиц во внутрицерковном устройстве едва ли было навязано Литовской митрополии последними представителями династии Ягеллонов; эта система последовательно формировалась в течение многих десятилетий. Бона Сфорца, как видно из ее грамот, точно так же отстаивала интересы православного духовенства в пределах ее владений, принуждая своих урядников соблюдать законодательство и установившиеся в регионе нормы обычного права в отношении священнослужителей. Мнение о ненарушении Ягеллонами прав духовенства Киевской митрополии утвердилось в польской историографии⁷⁴.

---

⁷² Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 19 (1535–1537). Užrašymų knyga 19. Vilnius, 2009. № 37. P. 94–95.

⁷³ Грушевский А.С. Пинское Полесье XIV–XVI вв. // Исторические очерки. Киев, 1903. Пинские акты. С. 102–103; РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 111–111 об.

⁷⁴ Chodynicki K. Kościół prawosławny a Rzeczpospolita. Warszawa, 1934; Mironowicz A. Kościół prawosławny w Polsce. Białystok, 2006. Владислав Поцеха писал о «золотом веке», наступившем для православия во время правления Сигизмунда I Старого: «okres jego rządów uchodzi za złoty wiek w życiu kościoła prawosławnego w państwie Jagiellonów» (*Pociecha W. Królowa Bona (1494–1557). Czasy i ludzi Odrodzenia*. Т. III. Poznań, 1958. S. 24).

На нравственное состояние представителей православного духовенства, оценке которого историки церкви уделяли не последнее место, безусловно, оказывал влияние уровень развития культуры в Литовском и Польском государствах в целом.

В начале XVI в., времени расцвета европейского гуманизма, «польский народ изменился до неузнаваемости. Исчезла грубая мужиковатость обычаев, в общезжитии стали придавать громадное значение светскому лоску, состязались в прекрасном классическом стиле в публичных речах и в письме, исчез средневековый мистицизм, и на его место пробудилось художественное чувство, свобода мысли и слова»⁷⁵. Преображению Польши и Литвы способствовал и брак Сигизмунда I Старого с Боней Сфорца, благодаря которому «королевский двор сделался истинным центром и школой гуманизма, наряду с латинским языком при нем в качестве языка модного появился и итальянский, и множество итальянцев, художников, ученых, купцов и ремесленников, приезжало в Польшу»⁷⁶.

Мнения российских и польских историков XIX в. о качестве влияния польской культуры на уровень нравственности и образования в Великом княжестве Литовском разделились. Если М. Бобржинский считал, что гуманистические идеи «неразрывно» связывали поляков с Западом, при этом давая им «в руки светоч знания, с которым они смело могли идти на Русь и Литву»⁷⁷, то О.И. Левицкий писал о губительном влиянии сближения с Польшей на «строгость и чистоту нравов» западнорусских сословий, «где в среде высшей шляхты, а особенно при дворе тогдашних польских королей, нравственная

---

⁷⁵ Бобржинский М. Очерк истории Польши. СПб., 1891. Т. 2. С. 49.

⁷⁶ Там же. О вкладе Боны Сфорца в развитие культуры Польши писал В. Поцеха: *Pociecha W. Królowa Bona*. Т. II. Poznań, 1949. S. 107–138; Т. III. Poznań, 1958. S. 172–197.

⁷⁷ Бобржинский М. Очерк истории Польши. С. 50.

распушенность достигла высшего развития», на что «единогласно» жаловались современные русско-литовские писатели⁷⁸.

Михалон Литвин, создавший в 1550 г. трактат «О нравах татар, литовцев и москвитян», который он посвятил Сигизмунду II Августу, «весьма невыгодно отзывается о своих соотечественниках, большинство которых составляли православные». Основным пороком своих современников он называл пьянство: «В городах литовских нет более частых заводов, как те, на которых варится из жита водка и пиво. Эти напитки жители берут с собой на войну и, сделав к ним навык дома, если случится им во время войны пить непривычную воду, гибнут от судорог и поноса»⁷⁹. О москвитянах, татарах и турках Михалон Литвин писал, что те «вина не пьют, но продавая христианам, получают за него средства на ведение войны». Русско-литовские же крестьяне, «забросив сельские работы, сходятся в кабаках. Там они кутят дни и ночи, заставляя ученых медведей увеселять своих товарищей по попойке плясками под звуки волынки»⁸⁰.

Подобная «нравственная распушенность» коснулась и высшего католического духовенства, что не могло не оказывать влияния на западнорусских священнослужителей, «почти отрешившихся от древнерусских церковно-иерархических преданий». На основании сведений, заимствованных из актов волынского капитула, Левицкий писал, что «разврат среди столичного литовско-католического духовенства одно время дошел до такой степени, что загородные дачи и фольварки виленских каноников и даже прелатов сделались чуть не публичными домами»⁸¹.

Единого мнения об именовании устного и письменного языка Литовского княжества изучаемого времени не существует. Белорусские исследователи

---

⁷⁸ *Левицкий О.И.* Предисловие // Архив Юго-Западной России, издаваемый комиссией для разбора древних актов, состоящей при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Киев, 1883. Ч. I. Т. VI. С. 62–63.

⁷⁹ Цит. по: *Макарий (Булгаков)*. История русской церкви. М., 1996. Кн. 5. С. 176–177.

⁸⁰ *Михалон Литвин*. О нравах татар, литовцев и москвитян. М. 1994. С. 56–57.

⁸¹ *Левицкий О.И.* Предисловие. С. 62–63.

называют язык письменных документов старобелорусским. Например, М.Ф. Пилипенко пишет, что «в XV–XVI вв. в северной зоне поприпятского (полесского) региона, центральном регионе и южной зоне подвинско-днепровского региона оформилась система нового восточнославянского языка, получившего название белорусского»⁸². Т.Н. Микулич, назвавший период со второй половины XIII в. по XVI в. периодом «формирования протобелорусского этнического массива», считает, что «традиционная письменность в Белоруссии того времени существовала в двух формах: церковнославянской и древнерусской»⁸³. Он же констатировал тот факт, что «в XVI в. на территории Белоруссии сложилось массовое и стойкое многоязычие из старобелорусского, церковнославянского, польского, латинского языков»⁸⁴. А.И. Журавский вслед за норвежским исследователем Х. Стангом, занимавшимся исследованием делопроизводственного языка Великого княжества Литовского⁸⁵, писал, что «деловая письменность» в этом регионе развивалась на «белорусской диалектной основе»⁸⁶. Н.П. Ковальский называл язык документов Литовской метрики древнерусским «с элементами украинского и частично польского»⁸⁷.

Помимо этого известны определения этого языка как «староукраинского», «западнорусского», «русской мовы», «языка Литовской метрики». Западнорусский язык в «его деловой разновидности» Ф.П. Филин определял как государственный язык «литовской, молдавской и валашской держав» в XIV–

---

⁸² Пилипенко М.Ф. Возникновение Белоруссии: Новая концепция. Минск, 1991. С. 45.

⁸³ Микулич Т.Н. Особенности этноязыкового развития Белоруссии XIII–XVIII вв. как проявление специфики культурной жизни // Наш радавод. Гродно, 1991. Кн. 3. Ч. 3. С. 419.

⁸⁴ Там же. С. 422.

⁸⁵ Stang C.S. Die westrussische Kanzleisprache des Grossfürstentums Litauen. Oslo, 1935; *Он же*. Die altrussische Urkundensprache der Stadt Polozk. Oslo, 1939.

⁸⁶ Журавский А.И. Деловая письменность в системе старобелорусского литературного языка // Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978. С. 185–191.

⁸⁷ Ковальский Н.П. Источники по истории Украины XVI–XVII вв. в Литовской метрике и фондах приказов ЦГАДА. Днепропетровск, 1979. С. 13.

XVI вв.⁸⁸. В.И. Журавский употреблял термин «Западная Россия» применительно к землям Великого княжества Литовского, но «народным языком» этой части восточной Европы все же называл белорусский⁸⁹.

По поводу самоназвания и названия этого языкового феномена продолжают разгораться научные и околонучные дискуссии⁹⁰, хотя некоторые исследователи сознательно абстрагируются от этой полемики. Например, М.Е. Бычкова писала, что «для нас не имеют значения споры, был ли это древнерусский, древнебелорусский, древнеукраинский язык, или же, как пишут в последнее время, “язык канцелярии Великого княжества Литовского”. Существенно то, что тексты древнейших документов, составленных в канцелярии Великого княжества и предназначенных для регулирования внутригосударственных вопросов, написаны кириллицей на одном из славянских языков»⁹¹.

Именованть этот язык «старобелорусским» или «староукраинским», как бы к этому не стремились молодые национальные историографии, едва ли правильно. Применительно к XVI в. еще рано говорить о начале формирования национального самосознания этносов, населявших территорию Великого

---

⁸⁸ *Филин Ф.П.* Об истоках русского литературного языка // Вопросы языкознания. М., 1974. № 3. С. 9.

⁸⁹ *Журавский А.И.* Деловая письменность. С. 185–191.

⁹⁰ *Козловский И.* Судьбы русского языка в Литве и на Жмуди // Вестник западной России. Вильно, 1869. Т. IV. Кн. 10. С. 1–16; Кн. 11. С. 45–63; Кн. 12. С. 85–111; *Свяжынскі У.М.* Праблема ідэнтыфікацыі афіцыйнай мовы Вялікага княства Літоўскага // *Metričiana: Даследаванні і матэрыялы Метрыкі Вялікага княства Літоўскага*. Т. I. Мінск, 2001. С. 109–136; *Он же.* Аб статусе беларускай і украінскай моу у часы Вялікага княства Літоўскага // *Metričiana: Даследаванні і матэрыялы Метрыкі Вялікага княства Літоўскага*. Т. II. Мінск, 2003. С. 132–163; *Мойсіенко В.М.* До проблеми виділення «західноруського» нарiччя, або якою мовою писали на теренах українсько-білоруського пограниччя у XVI–XVII столiтті? // Український гуманітарний огляд. Вип. 7. Київ, 2002. С. 92–115; *Dubonis A.* Lietuvių kalba: poreikis ir vartojimo mastai (XV a. antra pusė — XVI a. pirma pusė). *Naujasis Židinys–Aidai*, 2002. № 9–10. P. 473–478.

⁹¹ *Бычкова М.Е.* Русское государство. С. 51–52.

княжества Литовского. Подавляющее большинство населения, исповедовавшее православие, писало на «руськом» и, вероятно, говорило также на «руськом» («по-руску», как определяют этот язык актовые источники). Вполне возможно, что эта часть населения и самоидентифицировала себя как «русских», этнически и конфессионально противопоставляя свою общность инородному окружению — татарам и евреям, полякам, немцам и литовцам, приверженцам католицизма и протестантизма, наверняка также — православным москвитам.

Следует полагать, что вне собственно филологических исследований более корректным является использование терминов «язык Литовской метрики» или «язык канцелярии Великого княжества Литовского», которые не подразумевают ни политической, ни этноконфессиональной характеристики. Документы литовской государственной канцелярии, написанные на этом языке, касаются истории современной территории Белоруссии, Украины, Польши, Литвы, России, Латвии, Эстонии. Поэтому следует говорить о лингвистическом феномене, образовавшемся к XVI в. под воздействием различных факторов в землях Литовского государства. Дальнейшее сближение Литвы с Польшей только усилило полонизацию этого языка. К XVII в., по замечанию Е.Ф. Карского, «русский» язык Речи Посполитой настолько был насыщен полонизмами, что по лексическому составу мало отличался от польского языка⁹².

***

Таким образом, Великое княжество Литовское в первой половине XVI в. было тесным образом связано в политическом, правовом, культурном аспектах с королевством Польским. Оба государства были связаны династической унией. Избрание на литовский и польский престолы сына Боны Сфорца и Сигизмунда I Старого еще до смерти правящего монарха противоречило сложившейся традиции. Это событие не рассматривалось современниками в качестве правового прецедента и не означало закрепления за представителями династии Ягеллонов

---

⁹² Карский Е.Ф. Белорусы. Т. III. Кн. 3. Пг., 1922. С. 3.

наследственных прав на престолы обоих государств. Принцип выборности господаря сохранялся. Основным правовым источником Литовского государства являлся Статут 1529 г., регламентировавший основные общественные сферы. Наряду с ним действовали нормы локального и обычного права, закрепленные в грамотах великих и удельных князей. Исполнение этих законодательных норм было общеобязательным для населения Литвы, в том числе — для королевы Боны и ее подданных. Административно-территориальное деление Литовского государства было близко к федеративному, что являлось следствием бывшего удельного устройства этого региона. Значительная часть документов, созданных в этот период в канцелярии Великого княжества Литовского (а также в поветовых и частновладельческих канцеляриях), писалась кириллическим письмом на языке, представлявшем собой уникальное для Европы лингвистическое явление.

1.2. Бона Сфорца, королева польская и великая («найвысшая») княгиня литовская

Бона Сфорца (*итал.* Bona Sforza; 2 февраля 1494 г. — 19 ноября 1557 г.) родилась и умерла в итальянском герцогстве Бари. Она была дочерью миланского герцога Джана Галеаццо Мария Сфорца (*итал.* Gian Galeazzo Maria Sforza; 1469–1494 гг.) и Изабеллы Арагонской (1470–1524 гг.)⁹³. Названа она была, вероятно, в честь своей бабки по отцовской линии Боны Савойской (*итал.* Bona di Savoia; 1449–1503 гг.). В 1518 г. Бона стала супругой польского короля Сигизмунда I

---

⁹³ Генеалогические данные о предках Боны Сфорца из Арагонской династии и династии Сфорца были приведены В. Поцехой: *Pociecha W. Królowa Bona (1494–1557). Czasy i ludzie Odrodzenia*. Т. I. Poznań, 1949. S. 1–95. Истории династии Сфорца посвящено исследование Л. Коллинсон-Морлей, однако биографические сведения о Боне в нем отсутствуют: *Коллинсон-Морлей Л. История династии Сфорца*. СПб., 2005.

Старого (1467–1548 гг.), у которого не было наследника после первого брака с Барбарой Заполья (1495–1515 гг.)⁹⁴.

В дореволюционной российской историографии сложились стереотипные представления о личностных характеристиках и роли Боны Сфорца в истории Великого княжества Литовского и Польского королевства. «Ни одна из польских королев, — писал о ней М.С. Грушевский, — не принимала такого деятельного участия в государственных делах», хотя «Польша осталась ей до конца чуждою, как и она Польше»⁹⁵. Современное королевскому обществу «относилось к ней враждебно, обвиняя ее подчас в самых ужасных преступлениях и замыслах»⁹⁶. В частности, многие историки считали своеобразной «заслугой» Боны появление в Польше и Литве ядов⁹⁷. Кроме того, Бону обвиняли в продаже высших должностей — как светских, так и духовных⁹⁸.

Характерной для своего времени является биографическая статья о Боне Сфорца из энциклопедического словаря, публиковавшегося издательским обществом «Ф.А. Брокгауз — И.А. Ефрон». Психологический портрет королевы и характеристика ее деятельности в Литве и Польше описаны следующим образом: Бона «славилась своей красотой, но вместе с тем и большой энергией. Она еще при жизни мужа играла важную роль в Польше, интересовалась государственными делами, но не умела приискать себе помощников, потому что

---

⁹⁴ *Voguska M.* Bona Sforza. Warszawa, 1989 (генеалогическая таблица «Powiazania dynastyczne: Jagiellonowie-Sforzowie-Habsburgowie-Hohenzollernowie»).

⁹⁵ *Грушевский М.С.* Барское старство // Исторические очерки (XV–XVIII в.). Киев, 1894. С. 75–76.

⁹⁶ Там же. С. 75.

⁹⁷ *Левицкий О.И.* Предисловие. С. 63. Впрочем, П.Д. Брянцев допускал, что с помощью «смертоносного зелья» еще в 1513 г. была отравлена великая княгиня литовская и польская королева Елена Ивановна, супруга короля Александра и дочь Ивана III (*Брянцев П.Д.* История Литовского государства с древнейших времен. Вильна, 1889. С. 322).

⁹⁸ *Знаменский П.В.* Руководство к русской церковной истории. Казань, 1886. С. 160; *Бобржинский М.* Очерк истории Польши. С. 56; *Левицкий О.И.* Предисловие. С. 42; *Карташев А.В.* Очерки. С. 653–654.

ее гордость отталкивала от нее все тогдашнее польское дворянство. Особенное внимание она обратила на управление своими громадными имениями и копила деньги. Когда Сигизмунд Август вопреки желанию матери и всего государства женился на Варваре Радзивилл, между Б[оной] и сыном начались большие несогласия, кончившиеся тем, что она оставила Польшу, причем увезла с собою громадные деньги; из них она одолжила испанскому королю Филиппу II 420 000 дукатов, которые после ее смерти Польша напрасно пыталась получить обратно»⁹⁹.

В этой словарной статье содержится ряд неточностей. Неверно указан год рождения будущей польской королевы. Инициатором «сватовства» Боны за Сигизмунда I был не Карл V (1500–1558 гг., император Священной Римской империи с 1519 г.), как указано автором статьи, а его предшественник Максимилиан I (1459–1519 гг.), которому Бона приходилась племянницей¹⁰⁰. Подтверждение этому находим в записи литовских летописей за 1518 г.: «За намовою цесара Максимилиана прынесена в мальженство королю Жыкгимонту Бона с краев Влоских, з Апульлии, з места Бару, дочка Яна Сфорцыего, княжати медыолянского, и корунована на замьку Краковском в костеле великом остатку днеи кветневых (то есть в конце апреля — *А.Б.*) через арьцыбискупа гнезненского Яна з Ласка»¹⁰¹. Посредником в ведении переговоров о заключении этого брака был посол Максимилиана I Сигизмунд Герберштейн (1486–1566 гг.)¹⁰². Он упоминал запись-обязательство Изабеллы Арагонской, датированную 1516 г., в которой герцогиня обещала даровать ему «тысячу рейнских флоринов» в случае проведения им успешных переговоров с Сигизмундом I Старым в отношении его

---

⁹⁹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. IV. СПб., 1891. С. 356.

¹⁰⁰ Император Максимилиан I вторым браком был женат на родной сестре отца Боны Бьянке Марии Сфорца (1472–1510 гг.).

¹⁰¹ ПСРЛ. Т. 35. Летописи белорусско-литовские. М., 1980. С. 169. *Ср.*: *Kronika Polska, Litewska, Zmodzka i Wszystkiej Rusi Macieja Strykowskiego*. Warszawa, 1846. S. 392.

¹⁰² *Przeddziecki A. Jagiellonki Polskie w XVI wieku*. Т. I. *Obrazy rodziny I dworu Zygmunta I i Zygmunta Augusta, Krolow Polskich*. Krakow, 1868. S. 55.

женитьбы с «сиятельной госпожой Боной, любезнейшей дочерью нашей»¹⁰³. Портрет Боны был доставлен польскому королю в 1517 г.¹⁰⁴

У Боны Сфорца и Сигизмунда I Старого было шестеро детей: Изабелла (1519–1559 гг.), жена Яноша Запольи (1487–1540 гг.), короля Венгрии, князя Трансильвании; Сигизмунд II Август (1520–1572 гг.), король польский и великий князь литовский; София (1522–1575 гг.), жена Генриха V Младшего (1489–1568 гг.), герцога Брауншвейг-Вольфенбютельского; Анна (1523–1596 гг.), жена князя Семиградья, короля польского Стефана Батория (1533–1586 гг.); Катерина (1526–1583 гг.), жена Юхана III Вазы (1537–1592 гг.), короля Швеции, герцога Финляндии; Ольбрахт, (1527 г.). Ценные биографические сведения о дочерях Боны, а также их переписка содержатся в пятитомном издании, подготовленном польским исследователем А. Пржездецким¹⁰⁵.

---

¹⁰³ *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 253–254. Впоследствии, уже после смерти Изабеллы Арагонской (1524 г.), во время своего второго посольства 1526–1527 гг. Герберштейн получил указанную сумму от Сигизмунда I Старого, сославшись на запись-обязательство герцогини.

¹⁰⁴ *Przedziecki A.* Jagiellonki Polskie. T. I. S. 55. Вот описание внешности Боны Сфорца, составленное ее современником, очевидно, еще до ее приезда в Польшу: «Волосы имеет красивые ясно-льняные, когда (вещь удивительная) брови и ресницы совершенно черные; глаза более ангельские, чем человеческие; лоб небольшой и ясный; нос простой без горбинки и скривления; лицо румяное; как бы врожденная стыдливость украшает его; уста словно ярко-красный коралл, зубы ровные и удивительно белые; шея обыкновенная и округлая; щеки снежной белизны; плечи плавные; ручки – красивейших увидеть нельзя. А все вместе взятое, как и вся фигура или каждый член отдельно, создает очень красивую и очень привлекательную гармонию. В каждом движении выдающееся очарование, а более всего в речи; сознание и разговор не такие, какие характерны ее полу, но истинно изумительные. Слышали ее говорящей по-латински, не заучено и без подготовки и свидетельствую Богом, что в каждой фразе блистала цветастой изысканностью стиля. Давно знаю итальянский край, но до этого времени не нашли панны, что так красиво танцует» (Цит. по: *Чаронко В.К.* Великие князья Великого княжества Литовского. Минск, 2013. С. 231).

¹⁰⁵ *Przedziecki A.* Jagiellonki Polskie w XVI wieku. T. I–V. Krakow, 1868–1878.

Несмотря на то, что со смертью Сигизмунда II Августа пресеклась мужская линия династии Ягеллонов, потомки Боны и Сигизмунда I Старого еще около столетия находились на польско-литовском престоле. Генрих III Валуа (1551–1589 гг.), выбранный на сейме 1573 г. польским королем, должен был взять в жены Анну Ягеллонку. После его побега, во время второго бескоролья, Анна была провозглашена польской королевой, а королем выбран Стефан Баторий (1533–1586 гг.)¹⁰⁶. После смерти Батория на польско-литовский престол был избран Сигизмунд III Ваза (1566–1632 гг.), сын Катерины Ягеллонки и Юхана III Ваза. Следующим королем стал его сын от первого брака с Анной Австрийской (1573–1598 гг.) Владислав IV (1595–1648 гг.). После смерти Владислава корону получил его сводный брат Ян II Казимир (1609–1672 гг.), родившийся от второго брака Сигизмунда III с родной сестрой его первой жены Констанции Австрийской (1588–1631 гг.). Ян II Казимир, приходившийся так же, как и Владислав IV правнуком Боне Сфорца, отрекся от престола в 1668 г. С его смертью пресеклась мужская линия шведской династии Ваза, и, вместе с тем, он был последним правителем Речи Посполитой, ведшим свой род от Ягайло.

Метрика королевы Боны — документы по управлению имениями королевы, составляющие основу архива ее канцелярии, — позволяют реконструировать этапы формирования и изменения состава владений Боны Сфорца, характеризуют экономическую и социокультурную политику, проводившуюся ею внутри этих владений, дают представление о функциях и устройстве ее канцелярии.

Начало получения частновладельческих прав Боны Сфорца на землю совпало с ее приездом в королевство Польское и Великое княжество Литовское. Формирование владений королевы происходило в результате пожалований Сигизмунда I Старого, частноправовых сделок мены, купли-продажи и дарения. Расширению владений Боны также способствовали грамоты короля 1528 и

---

¹⁰⁶ *Ланно И. И.* Великое княжество Литовское. С. 102, 134–135; *Трачевский А.С.* Польское бескоролье по прекращении династии Ягеллонов. М., 1869.

1536 г., позволявшие ей выкупать имения у польско-литовского дворянства¹⁰⁷. В частности, сразу после подтверждения Сигизмундом I Старым своей грамоты в 1536 г., Бона выкупила во время Краковского сейма 1536–1537 гг. у подольского воеводы С. Одровонжа староство Львовское, Самбор и Ров (располагаются в современных Львовской и Винницкой областях Украины)¹⁰⁸.

Значимым источником о составе владений королевы является «проект» договора панов-рады и Сигизмунда II Августа 1548 г. В отдельный пункт этого документа было выделено подтверждение за великим князем и его потомством имений, «принадлежавших его матери и жене по частному праву»¹⁰⁹. Другие источники, позволяющие судить о составе владений Боны, можно условно разделить на прямые — данные листы на держание тех или иных территорий, меновные, записные, продажные листы — и косвенные (документы, свидетельствующие о реализации королевой своих прав на конкретных землях — подтверждение или пожалования имений местным землевладельцам, назначение должностных лиц и т. д.).

В грамотах, утверждавших сделки королевы, оговаривался переход ее имений в случае смерти к мужу или сыну. В частности, Барское староство (с центром в г. Бар современной Винницкой области Украины), основную часть имений которого королева выкупила к 1545 г., находилось в ее «доживотном» владении. По смерти королевы Бар с округой переходил к Сигизмунду I Старому и Сигизмунду II Августу, а в случае смерти последних — к дочерям Боны, которым при выходе замуж должна была быть выплачена сумма в 3817 злотых и 80 венгерских флоринов, «согласно общему постановлению об имениях Боны, изданному на сейме 1540 г.»¹¹⁰.

---

¹⁰⁷ *Пташицкий С.Л.* Описание книг и актов Литовской метрики. Спб., 1887. С. 219; *Грушевский М.С.* Барское староство. С. 77.

¹⁰⁸ *Грушевский М.С.* Барское староство. С. 77.

¹⁰⁹ *Довнар-Запольский М.В.* Договор рады. С. 2.

¹¹⁰ Там же. С. 82–83.

Вопросы наследования владений королевы династией Ягеллонов были оговорены и в «проекте» договора с панами-радами 1548 г. Если никто из наследников Сигизмунда II Августа («потомство мужского рожаю») не избирался Радой на литовский престол, то после его смерти все означенные земли переходили в их пользование. При этом держатели этих поместий не могли выходить с ними «з границ» Литовского княжества и не должны были «никого иного заграничника» пускать в свою землю. Так же, как и все подданные княжества, они должны были нести земскую военную службу и платить налоги.

В том случае, если Сигизмунд II Август не оставлял после себя сыновей, «тогда племени невестего рожаю дедичство тыхъ именеи, выше помененыхъ, служити и належити не маеть». Дочь (или дочери) должна была получить при выходе замуж «посаг» (приданное)¹¹¹ из скарба Великого княжества в размере 80 000 коп грошей. До тех пор, пока дочь (или дочери) Сигизмунда II Августа не получила денежного обеспечения из казны и не была выдана замуж — она могла владеть указанными имениями вплоть до времени получения приданного. После его выдачи все земли должны были возвратиться «до владности скарбу» Литовского государства¹¹².

Если же великий князь не оставлял потомства вообще, он мог записать своим сестрам, «королевнам», которые по смерти короля «въ паненскомъ стане остала», «певную» сумму. В случае, когда королевны, или одна из них, не выходили замуж и оставались в Литве, имения оказывались в их пожизненном владении¹¹³.

Таким образом, оправданы предположения М.С. Грушевского о том, что королева Бона руководствовалась именно династическим интересом при собирании земель в собственность, заботой «об обеспечении доменами сына»¹¹⁴. «Проект» договора 1548 г. приравнивал частные владения Боны к

¹¹¹ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 17. М., 1991. С. 149.

¹¹² *Довнар-Запольский М.В.* Договор рады. С. 8–9.

¹¹³ Там же. С. 10.

¹¹⁴ *Грушевский М.С.* Барское староство. С. 76.

великокняжескому домену, считая их за одно и то же: личной собственностью господаря (прежде всего) и династии Ягеллонов. Стремление королевы закрепить за своим сыном наследственное право на престол, обеспечить династию земельными доменами оправдано в известном трактате «Государь» старшего современника и соотечественника королевы Никколо Макиавелли (1469–1527 гг.)¹¹⁵.

На существование совместных прав Боны и Сигизмунда II Августа на некоторые земли указывал М.В. Довнар-Запольский, говоря, что Бона «впутывает» своего сына «в свою хозяйственную политику... заключая сделки от своего и его имени»¹¹⁶. Кроме того, указания на их совместное землевладение встречаются в некоторых документах. Так, имение Шерешово (ныне поселок Пружанского района Брестской области Белоруссии) Сигизмунд I Старый в 1536 г. подтвердил Боне и «сыну молодому»¹¹⁷. Неоднозначен состав властных прерогатив королевы в Городенском повете. В 1536 г. Сигизмунд I Старый издал лист о назначении комиссаров для разграничения «кгрунту» городенского и бельского, принадлежавшего «королю молодому», с имениями Я.М. Радзивилла Райгородом и Ганязью. Королева самостоятельно выбрала комиссаров «именемъ сына нашего...», как говорит грамота¹¹⁸.

Судя по всему, интересы Боны впоследствии сталкивались с интересами короля — во-первых, как собственника земель Литовского княжества, и, во-вторых, как владельца своего великокняжеского домена. Например, в грамоте

---

¹¹⁵ *Макиавелли Н.* Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. СПб., 2004. С. 29–152.

¹¹⁶ *Довнар-Запольский М.В.* Государственное хозяйство. С. 150.

¹¹⁷ Описание Рукописного отделения Виленской публичной библиотеки. Вильна, 1898. Вып. 3. Русские пергамены. № 7. С. 32. Продажный лист королевского дворянина Яна Абрамовича Боне на это имение содержится в книге записей 19. Королева заплатила за Шерешово 4000 коп грошей (*Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 19 (1535–1537). Užrašymų knyga 19. Vilnius, 2009. № 62. P. 108–109.*

¹¹⁸ *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 19. № 238. P. 243–244.*

1546 г., охранявшей монахов городенского Борисоглебского монастыря от притеснений дворян, Сигизмунд II Август указывал, что этот монастырь является его господарским «подаваньем», и право патроната королевы на него не распространяется¹¹⁹. Ряд документов Боны, относящихся к внутреннему устройству этого монастыря, говорит об обратном¹²⁰.

Владения королевы находились на особом положении. На сейме 1552 г. Сигизмунд II Август и паны-рады «уфалили и постановили» размер серебщизны, взимаемой на нужды земской обороны. Подданные королевы и короля как налогооблагаемое население писались отдельно: по пять грошей с сохи брали «с подданныхъ нашихъ и королевое, ее милости, навышное великое кнегини Боны, пани матки наше, и 3 людеи ваше милости, пановъ рад духовныхъ, светскихъ, князскихъ, паньскихъ и земянскихъ»¹²¹. Имена королевы Боны до правления Сигизмунда III (1587–1632 гг.) «в скарбовых реестрах писались отдельно от господарских, хотя и находились в распоряжении скарба»¹²².

Источники называют принадлежавшие Боне земли «имениями». В русской дореволюционной литературе применительно к владениям Боны устоялись понятия «домен» и «удел». Понятие «домен» имеет двойственную природу, так как может трактоваться и как часть поместья (вотчины) феодала, и как совокупность наследственных земельных владений представителя правящей династии¹²³. Следует полагать, что термин «удельный» не корректен по отношению к характеру частного землевладения королевы и к историческим

---

¹¹⁹ Акты, издаваемые комиссией, высочайше учрежденною для разбора древних актов в Вильне. Т. I. Акты Гродненского земского суда. Вильна, 1865. № 31. С. 120–121.

¹²⁰ Там же. № 32. С. 122–123; РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 36. Л. 28–29.

¹²¹ *Малиновский И.А.* Сборник материалов, относящихся к истории панов-рады Великого княжества Литовского. Томск, 1901. № LXXIII. С. 262–263.

¹²² *Довнар-Запольский М.В.* Государственное хозяйство. С. 346.

¹²³ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. Ха. СПб., 1898. С. 956–957; Словарь иностранных слов. М., 1986. С. 173.

реалиям первой половины XVI в., хотя, например, Ф.И. Леонтович называл Бону «последней представительницей старого удельного режима»¹²⁴.

Действительно, в ряде грамот Боны, выданных в середине 1520-х гг., один из компонентов интитуляции указывает либо на совершенно особый владельческий статус части имений королевы, либо на ее стремление идентифицировать себя в ряду литовско-русских владетельных князей и их потомков. Речь идет о документах, связанных с управлением территорией бывшего княжества Пинского и Клецкого. В подтвердительных листах 1524 г. Бона титулуется не иначе как «пани и отчинка пинская», «отчычка пинская»¹²⁵, а в листе 1526 г. — «пинская пани дедичка»¹²⁶. В дальнейшем этот компонент интитуляции не встречается. Юридический смысл слов «отчинник», «дедич», как известно, предполагает наличие родовых, наследственных прав на то или иное землевладение¹²⁷. Слово «вотчина» характеризует часть удела, княжества, земли, которую можно передать по наследству¹²⁸. В связи с этим можно сделать два

---

¹²⁴ *Леонтович Ф.И.* Очерки истории русско-литовского права // Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1893. Ч. ССLXXXVI. С. 134.

¹²⁵ Ревизия пущ и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском с присовокуплением грамот и привилегий на входы в пущи и на земли, составленная старостой Мстибоговским Григорием Богдановичем Воловичем в 1559 году, с прибавлением другой актовой книги, содержащей в себе привилегии, данные дворянам и священникам Пинского повета, составленной в 1554 году. Вильна, 1867. С. 65–66, 215–216, 266–267, 269–270, 271–272, 273–274, 291–292, 333, 345–346.

¹²⁶ Там же. С. 215–216.

¹²⁷ «Дедич — потомственный наследник по деду» (Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. М., 1977. С. 201); «прадедина, дедина и отчина — о родовом наследственном владении и родовом наследственном праве»; «отчина — ... 2. удел, удельное княжество»; «отчинник — тот, у кого есть юридическое право на владение вотчиной»; «отчич и дедич — наследственный владетель (в составе титулования)» (Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 14. М., 1988. С. 64–66).

¹²⁸ «Вотчина — 1. вид земельной собственности, владение, приобретенное или пожалованное с правом передачи по наследству, с правом продажи, заклада и т. п. (в противоположность поместью) ... 2. территория удела; княжество, земля, область» (Словарь

предположения. Первое из них сводится к буквальной трактовке понятия «предок», обозначающего в грамотах Бона ее предшественников по владению Пинским княжеством (князей Наримунтовичей, Олельковичей, Ярославичей). В этом случае королева ставила себя в последовательный ряд князей-собственников Пинска, владевших им или на отчинном праве (как князь Юрий Семенович Наримунтович), или в качестве «доживотного» пожалования (как князь Федор Иванович Ярославич).

В соответствии со вторым предположением Бона определяла себя в качестве представителя великокняжеской династии, а Пинское княжество вместе с сопряженными с ним землями (Клецком, Рогачовом, Давид-Городком) — как выморочное, «спадковое» владение, переходящее в собственность господаря. Так, Давид-Городок «спал» на Казимира по смерти вдовы Свидригайло Анны и был пожалован в 1456 г. вместе с Клецком и Рогачовом князю Василию Ярославичу Боровскому. Пинск перешел в пользование Казимира в 1471 г. по смерти Юрия Семеновича Наримунтовича, был пожалован вдове киевского князя Семена Олельковича Марье и впоследствии оказался в распоряжении Ф.И. Ярославича. После смерти князя Ярославича и его жены Олены, умерших бездетными, все эти земли — Пинск, Клецк, Рогачов, Давид-Городок — вновь стали частью великокняжеского домена, «спав» на Сигизмунда I Старого¹²⁹. Таким образом, получив данный лист на эти владения еще при жизни их держателей (1519 г.),

---

русского языка XI–XVII вв. Вып. 3. М., 1976. С. 74). О первоначальном значении слова «отчина» и дальнейшей интерпретации его правового содержания в актах Московского государства: *Веселовский С.Б.* Феодальное землевладение в северо-восточной Руси. Ч. I. Частное землевладение. М., 1947. С. 17–18. См. также: *Vodoff W.* Princes et principautés russes X–XVII siècles. Northampton, 1989.

¹²⁹ *Любавский М.К.* Областное деление. С. 24–25; *Грушевский А.С.* Пинское полесье. С. 12–13; *Кром М.М.* Меж Русью и Литвой. С. 121.

королева Бона могла рассчитывать на дальнейшее закрепление Пинского княжества за ее потомками в качестве родового¹³⁰.

Как бы то ни было, после 1526 г. в интитуляции грамот королевы более не встречается такой компонента, в котором бы специально подчеркивался наследственный статус ее владений. В документах метрики королевы Боны синхронно употребляются обороты, определяющие Пинск и как «княжество наше Пинское», и как «повет Пинский» (значительно чаще). Местные высшие урядники титуловались и державцами, и старостами. Отзываясь в 1554 г. о себе как о «наменьшем служебнике их королевской милости», все эти земли, а также бывшее удельное Кобринское княжество, Станислав Фальчевский называл «своим староством»¹³¹.

Наиболее полная форма титулатуры Боны Сфорца, известная по ее кириллическим документам, — «королева польская, великая (найвысшая) княгиня литовская, руская, пруская, жомоитская, мазовецкая и иных». Это женский вариант королевского титула. Сокращенная форма представлена несколькими вариантами: «Бона, королева польская и далее», «Бона, с божьей ласки, etc.», «Бона, божью милостью», «Бона и иных», «Бона etc.», «Бона». Полная форма интитуляции королевы достаточно широко представлена в документах книг «поточного» делопроизводства — 18-й (1532–1534 гг.) и 36-й (1554–1555 гг.) книгах записей, но почти не встречается в документах 32-й (1548–1549 гг.) и 33-й (1549–1553 гг.) книг записей¹³². Возможно, это объясняется работой писаря, который занимался копированием, а соответственно, и редактурой документов, включенных в эти книги.

Не вполне однозначно и последовательно использование в интитуляции Боны Сфорца оборотов «великая» и «найвысшая» («навышшая»). Было бы логичным предположить, что «найвысшей» княгиней Бона могла начать себя

¹³⁰ Ср.: *Mironowicz A. Prawosławne parafie Pińska w XVI wieku / Przegląd Wschodnioeuropejski. Vol. 2. Olsztyn, 2014. S. 12.*

¹³¹ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 36. Л. 89–89 об.

¹³² Там же. Кн. 18, 32, 33, 36.

именовать после коронации первой супруги Сигизмунда II Августа Елизаветы Габсбург (1543 г.), когда сама Бона оказалась в положении королевы и великой княгини-матери. С момента смерти Елизаветы (1545 г.) до коронации Барбары Радзивилл (1550 г.), а впоследствии и до коронации Екатерины Габсбург (1553 г.) Бона вновь являлась единственной польской королевой и литовской княгиней. В эти промежутки времени, когда Сигизмунд II Август был вдовцом, использование оборота интитуляции, подчеркивавшего главенствующее и особое положение Боны, в общем и целом было лишено практического (быть может, даже политического) смысла.

«Найвысшей» княгиней литовской «и иных» Бона титуловалась в 1545¹³³, 1548–1549¹³⁴, 1551–1556 гг.¹³⁵. Однако как минимум в трех документах, предшествовавших женитьбе Сигизмунда II Августа (1524, 1534, 1540 гг.), Бона уже именовалась «найвысшей» княгиней¹³⁶. При этом еще во время пребывания Елизаветы на польском престоле в интитуляции Боны продолжал фигурировать оборот «великая»¹³⁷. Он же встречается в 1546–1548 и в 1551 гг.¹³⁸. В 1555 г. воевода трокский М.Ю. Радзивилл в письме своему уряднику называл королеву «старшая и великая княгини Бона»¹³⁹. Подобная непоследовательность в использовании ее титула опять же может быть объяснена копияным характером документов метрики королевы Боны.

¹³³ Ревизия пущ и переходов. С. 236–237.

¹³⁴ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 45 об., Л. 55–56 об., Л. 60; Ревизия пущ и переходов. С. 320.

¹³⁵ Ревизия пущ и переходов. С. 126–127, 118, 301–302, 87–93, 118–119; РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 107, Л. 127–128 об., Л. 130, Л. 134 об.; Там же. Кн. 36. Л. 29, Л. 40 об., Л. 46–46 об., Л. 48–48 об., Л. 50, Л. 59 об., Л. 61, Л. 62 об., Л. 82.

¹³⁶ Ревизия пущ и переходов. С. 215–216; РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 117–117 об.; Там же. Кн. 36. Л. 88.

¹³⁷ Ревизия пущ и переходов. С. 236, 276–277, 330.

¹³⁸ Там же. С. 299–300, 278, 148, 293–294, 328–329; РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 4 об.–5.

¹³⁹ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 36. Л. 66 об.

В латинских документах метрики королевы Боны ее интитуляция представлена вариантами: «Bona, Dei gratia, regina Poloniae, magna dux Lithuaniae, Russiae, Prussiae, Mazoviae etc.», «Bona, Dei gratia» и т. д. Здесь также употреблялись обороты «magna dux» и «suprema dux»¹⁴⁰. Одна из грамот 33-й книги записей написана на польском языке; интитуляция королевы — «Bona, z bosoy laski etc.»¹⁴¹.

В некоторых других латинских документах Бона Сфорца именовалась Арагонской («Bona Sphortia de Aragona»)¹⁴², получив, очевидно, это прозвание благодаря своей матери Изабелле. Известны также ее титулы великой княгини Бари и «государыни» Россано («magna dux... Bari, princeps Rossani»)¹⁴³. Завещание королевы было составлено от имени «Bonaе Sforciae de Aragonia Dei gratia Reginae Poloniae, Magnaeque Ducis Lithuaniae, Barique etc.»¹⁴⁴.

Выяснение итинерария Боны Сфорца является отдельной исследовательской задачей, неотрывно связанной с выявлением максимального количества выданных ею грамот. Помимо Кракова, Вильны¹⁴⁵ и Варшавы¹⁴⁶, где королева находилась большую часть времени, известно о ее пребывании в:

---

¹⁴⁰ От *лат.* *magnus* — великий, и *superus* (*supremus*) — высший, старший, высочайший, величайший (*Петрученко О.А.* Латинско-русский словарь. М., 1914. С. 376; 627–628).

¹⁴¹ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 9 об.–10.

¹⁴² *Acta Tomiciana. Tomus Septimus. Epistolarum. Legationum. Responsorum. Actionum et Rerum Gestarum; Serenissimi Principis Sigismundi Primi, Regis Poloniae et Magni Ducis Lithuaniae.* Т. VII (1524–1525). Poznań, 1857. № CLVI. S. 140.

¹⁴³ *Pociecha W. Królowa Bona (1494–1557). Czasy i ludzi Odrodzenia.* Т. III. Poznań, 1958. S. 210–211.

¹⁴⁴ Там же. S. 292.

¹⁴⁵ В Великое княжество Литовское (очевидно — в Вильну), как говорит летопись, Бона впервые прибыла только в 1528 г.: «король Жыкгимонт с королевою Боною прыехал до Литвы с Польщы напервеи» (ПСРЛ. Т. 17. Западнорусские летописи. СПб., 1907. С. 350). *Ср.:* *Kronika Polska, Litewska, Zmodzka i Wszystkiej Rusi Macieja Stryjковского.* Warszawa, 1846. S. 395.

¹⁴⁶ Как следует из документов 32-й книги записей, королева перенесла свою резиденцию в Варшаву между 8 августа и 28 октября 1548 г.

Велёвеси (1543 г.)¹⁴⁷; Берестье (1544 г.)¹⁴⁸; Петрикове (1544, 1547, 1548 г.)¹⁴⁹; Гомолине (1550 г.)¹⁵⁰; Бельске (1552 г.)¹⁵¹; Городно (1552, 1553 г.)¹⁵²; Ломже (1553 г.)¹⁵³.

В.И. Пичета писал, что «Идея централизации всей хозяйственной политики составляла сущность всех административно-хозяйственных планов королевы Боны, так как только при соблюдении последнего условия была возможна рациональная постановка частновладельческого хозяйства»¹⁵⁴. При покупке земель Бона стремилась к округлению владений. Так, в 1548 г. королева продала несколько своих имений Луцкого повета, мотивируя это тем, что они «далеко отъ иньших именеи и замков наших тамошних воляньских отълегли»¹⁵⁵. В 1539 г. Богдан Мартинович Хребтович продал Боне свое имение Луцкого повета Блудов (включая «въезд» в Свинускую дубраву, который оговаривался в сделке отдельно)¹⁵⁶, дарованное его отцу королем Александром Ягеллончиком¹⁵⁷. В том же году королева перепродала Блудов писарю короля Михаилу Васильевичу за ту же сумму, за которую ей обошлась покупка этого имения у Хребтовича (1200 коп

¹⁴⁷ Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie wydane nakładem właściciela. T. IV (1535–1547). Lwów, 1890. № ССХСVIII. S. 371.

¹⁴⁸ Ревизия пущ и переходов. С. 236, 277, 330, 335; Archiwum Sanguszków. T. IV (1535–1547). Lwów, 1890. № СССXXIV. S. 401–402, № СССXXV. S. 402–403.

¹⁴⁹ Archiwum Sanguszków. T. IV (1535–1547). Lwów, 1890. № ССV. S. 378–379; Ревизия пущ и переходов. С. 278; РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 17 об.

¹⁵⁰ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 28 об., 36 об.

¹⁵¹ Там же. Л. 118 об.

¹⁵² Там же. Л. 121, 124 об.; Kronika Polska, Litewska, Zmodzka i Wszystkiej Rusi Macieja Strykowskiego. Warszawa, 1846. S. 406.

¹⁵³ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 127, 128 об.

¹⁵⁴ Пичета В.И. Проверка прав на землю во владениях королевы Боны // В.И. Пичета. Белоруссия и Литва в XV–XVI вв. (исследования по истории социально-экономического, политического и культурного развития). М., 1961. С. 12.

¹⁵⁵ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 41 об.–43.

¹⁵⁶ Там же. Кн. 22. Л. 56–58 об.

¹⁵⁷ Любавский М.К. Областное деление. С. 215.

грошей)¹⁵⁸. В Луцком же повете Бона имела право на третью часть имений Бубнов и Войсеч, записанную ей (1542 г.) землянкой Жданой Федоровной Мацкевича в счет уплаты долга в 500 коп грошей, данных королевой «з особливое ласки а милосердьа»¹⁵⁹. Право на это владение Бона передала писарю короля Михаилу Васильевичу и его потомкам, которые могли распоряжаться указанной землей, обеспеченной на сумме 500 коп грошей, после смерти землянки Жданы и ее мужа¹⁶⁰. В 1542 г. Сигизмунд I Старый подтверждал мену еще одного Луцкого владения Боны на ряд имений волынской землянки, находившихся в Кременецком повете¹⁶¹. Таким образом, можно предположить, что королева пыталась сконцентрировать свои волынские имения вокруг Кременца, продажей и меной избавляясь от отдаленных луцких земель.

В.И. Пичета обратил внимание на особый «прием», которым руководствовалась королева, распоряжаясь своими имениями: проверку прав на землю, которая могла выявить незаконных держателей земли в ее владениях¹⁶². Впервые Бона устроила проверку владельческих прав в имениях бывшего Пинского и Клецкого княжества¹⁶³. Вероятно, это мероприятие, в результате которого в канцелярии королевы были составлены некие «скарбовые книги», проводилось королевой в марте 1524 г. К этому времени относится ряд подтвердительных «листов» Боны, сохранившихся в составе актовой книги 1554 г. (которая, в свою очередь, была создана в ходе второй документальной ревизии)¹⁶⁴ и книги 1559 г., созданной Г.Б. Воловичем по распоряжению

---

¹⁵⁸ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 22. Л. 70 об.–72 об.

¹⁵⁹ Там же. Л. 51 об.–53.

¹⁶⁰ Там же. Л. 50–51 об.

¹⁶¹ Lietuvos Metrika (1540–1543). 12-oji Teismų bylų knyga (XVI a. pabaigos kopija). Vilnius, 2007. № 253. P. 216.

¹⁶² Пичета В.И. Проверка прав на землю. С. 11–21.

¹⁶³ Грушевский А.С. Пинское Полесье. С. 38; *Pociecha W. Królowa Bona*. Т. III. Poznań, 1958. S. 48–50.

¹⁶⁴ Ревизия пущ и переходов. С. 215–364.

Сигизмунда II Августа¹⁶⁵. В листе 1542 г. эта документальная ревизия была описана так: «Кгды за росказаньемъ нашимъ вси бояре пинские листы, твердости свои, зачымъ хто што зъ нихъ держыть, передъ нами покладали...»¹⁶⁶. В наррации подтвердительной грамоты Сигизмунда II Августа (1558 г.) войскому пинскому Мартину Ширме, который предоставил данные листы Сигизмунда Кейстutowича, Казимира и указной лист Боны старосте И.М. Хоревичу о восстановлении прав того же Ширмы на снесенную князьями Ярославичами мельницу (1524 г.), также описана эта ревизия: «ижъ ее милость, держачы къ рукамъ своимъ Пинско со всимъ... чинити рачила выведанье именей боярь пинскихъ»¹⁶⁷.

В 1533 г. этот же «прием» был осуществлен Боной в дворах Мойшагольском и Мстибоговском. В 1534 г. проверка прав прошла на территории бывшего Кобринского княжества, входившего в полном своем объеме в состав владений Боны¹⁶⁸. Соответствующие документы — жалованные и подтвердительные грамоты, которые были предоставлены королеве местным боярством, — собраны в 18-й книге записей¹⁶⁹.

По результатам проверки за прежними держателями остались даже те владения, на которые местные бояре не смогли предоставить документальных доказательств, «так как отправляемая ими путная служба оправдывала предоставление “землицы” в их распоряжение и, следовательно, хозяйственные интересы Боны нисколько не страдали»¹⁷⁰.

В своих владениях Бона провела измерение волок (волока — основная земельная мера в Великом княжестве Литовском; состояла из 30 моргов или

---

¹⁶⁵ Там же. С. 63–214.

¹⁶⁶ Там же. С. 313.

¹⁶⁷ Там же. С. 123.

¹⁶⁸ *Pociecha W. Krolowa Bona*. Т. III. Poznań, 1958. S. 114–120; *Полищук В.В.* Ревизия Волынских мыт и особенности документального состава книги Литовской Метрики № 22 (1547 г.) // *Istorijos Šaltinių Tyrimai*. Vilnius, 2010. Т. 2. Р. 142–143.

¹⁶⁹ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 18.

¹⁷⁰ *Пичета В.И.* Проверка прав на землю. С. 15.

21,36 га): на территории бывших Пинского и Клецкого княжеств (в 1552–1555 гг.), а также, как видно из документов, в Городенском повете и ее Жемайтских имениях. Ответственным за измерение пинских владений являлся староста королевы С. Фальчевский, помощниками которого были Я. Горецкий, Я. Дубовский и Б. Михнович¹⁷¹. В Жемайтии — дворах Пуне, Перелая и их волостях (современный Алитусский уезд Литвы) — измерением волок занимался Ф. Крижковский¹⁷². Волочная помера в литовских землях произошла раньше, чем в Полесье: летом 1549 г. измерение волок в Пуне упоминалось как совершившийся факт¹⁷³. Это же относится и к Городенскому повету; «з воли а росказанья... волоки такъ у Городне мирали» наместник королевы В.Г. Кимбар и мерник М. Грот¹⁷⁴.

По распоряжению королевы была создана «устава» на волоки, исследованием которой занимался В.И. Пичета: «Устава королевы Боны начинается с определения размеров волоки (в каждой волоке — 30 моргов, в каждом морге — 30 прутов, а в пруте — 7,5 локтей — *А.Б.*)... Затем в уставе идет речь о денежных платах, которые падают на городские огороды и волоки. Далее устава переходит к определению размера тяглой службы и чиншов с каждой волоки, считаясь с качеством почвы, а также и тех натуральных повинностей, которые падают на волоку земли. Устава считается с наличием специальных разрядов населения и выясняет их повинностные отношения к скарбу»¹⁷⁵.

Аграрную реформу королевы — «волочное» измерение в ее владениях — Пичета назвал «аграрной революцией», которая «разрывала» со старыми формами

---

¹⁷¹ Писцовая книга Пинского и Клецкого княжеств, составленная пинским старостою Станиславом Хвальчевским в 1552–1555 гг. Вильна, 1884.

¹⁷² РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 81 об.; Там же. Кн. 33. Л. 13–13 об.

¹⁷³ Там же. Кн. 32. Л. 81–82.

¹⁷⁴ Там же. Л. 69 об.

¹⁷⁵ *Пичета В.И.* Волочная устава королевы Боны и устава на волоки // В.И. Пичета. Белоруссия и Литва в XV–XVI вв. (исследования по истории социально-экономического, политического и культурного развития). М., 1961. С. 23.

землевладения и землепользования. Несмотря на то, что «волочная» устава Боны «весьма поверхностна»¹⁷⁶, и в ней отсутствовала детализация некоторых положений, эти ее недостатки могли быть восполнены в условиях частновладельческого хозяйства «специальными распоряжениями королевы»¹⁷⁷. Уставы короля Сигизмунда II Августа (волочная, лесная, конюшенная) «имели опору в предшествующей деятельности королевы Боны»¹⁷⁸. Государская канцелярия «состояла из передовых финансистов эпохи, большею частью прошедших школу королевы Боны, умных и образованных, деятельных, независимых от местной шляхты, потому что большинство были иностранцы»¹⁷⁹.

В результате хозяйственной политики Боны в ее руках концентрировались значительные денежные суммы. В казну королевы поступали средства, взимаемые ее урядниками с податного населения, арендаторов таможен и корчем, доходы от торговли и продажи имений. Размер податей определялся уставными грамотами, выданными областям великими князьями, «волочной уставой» королевы, ее льготными листами и листами ее предшественников по землевладению, в которых частные лица либо конкретные категории подданных избавлялись от тех или иных повинностей. Доходы с имений и таможен главным образом оставались в распоряжении урядников королевы. «Квиты» — документы, подтверждавшие выполнение финансовых обязательств, «готовые пенези» и натуральные продукты привозились ко двору либо урядниками, либо самими мытниками. В некоторых случаях за «личбой» (вероятно, это понятие следует

---

¹⁷⁶ Довнар-Запольский М.В. Государственное хозяйство. С. 294.

¹⁷⁷ Пичета В.И. Волочная устава. С. 23.

¹⁷⁸ Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою археографическою комиссиею. Т. XXX. Литовская метрика. Отделы первый-второй. Ч. III. Книги публичных дел. Т. I. Юрьев, 1914. С. 542–585.

¹⁷⁹ Довнар-Запольский М.В. Государственное хозяйство. С. 293–294.

трактовать как отчет о расходах, доходах и остаточных суммах, а не только как «счет»)¹⁸⁰ выезжали другие доверенные лица королевы.

В Городенский повет были отправлены дворянин С. Дыбовский и писарь Б. Брудницкий для продажи движимого и недвижимого имущества бывшего держателя городенских дворов Б. Млынского, который в течение нескольких лет не передавал в скарб королевы собранные подати¹⁸¹. По смерти наместника довговского и перелайского С. Юндила Бона направила к его вдове своего писаря Яроша Квилецкого, который должен был в полном объеме получить денежную сумму, приходившую с этого «держания» в казну, а также разобрать совместно со служебниками покойного урядника жалобы подданных этих волостей. Только в случае урегулирования этих вопросов собственность С. Юндила («вси речи небожьчиковъский») могли быть переданы его вдове¹⁸².

Одной из немаловажных статей доходов казны Боны были таможенные сборы. Королевой было выкуплено значительное количество государственных мыт, некоторые из которых впоследствии сдавались ею в аренду. В 1522 г. Юрий Иванович Ильинич, управлявший от имени Боны Пинским и Клецким староством, отдал «на королеву» в аренду местному еврею Айзаку Езофовичу корчмы клецкие «медовые и пивные, и вино горелое, и мыто клецкое, и померное, и важное, и воскобойное, и мостовое»¹⁸³. Тому же Айзаку были подтверждены права на аренду озера и корчмы в волости Вядской в соответствии с арендным листом князя Ф.И. Ярославича¹⁸⁴. По росписи управляющих мытными коморами 1536 г. справцы Боны находились в коморах ковенской, городенской и мостовской, бельской и дорогицкой, новгородской и действовали «водле воли и науки

---

¹⁸⁰ *Хоруженко О.И.* Современные принципы публикации актов Литовской метрики // Археографический ежегодник за 2011 год. М., 2014. С. 363.

¹⁸¹ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 58–60.

¹⁸² Там же. Л. 63–63 об.

¹⁸³ Lietuvos Metryka (1522–1530). 4-oji Teismų bylą knyga (XVI a. pabaigos kopija). Vilnius, 1997. № 15. P. 53.

¹⁸⁴ Там же. № 16. P. 53.

королевое»¹⁸⁵. Мытные сборы в Волынской земле в 1539 г. по ее поручению контролировались луцким и берестейским князем-бискупом Ю. Фальчевским; в том же году упоминалась мытная комора королевы в Жеславле; в 1539–1543 гг. в совместном пользовании Боны и Сигизмунда II Августа находилась половина мыта в Остроге¹⁸⁶. В 32-й и 33-й книгах записей содержатся арендные листы, выданные королевой мытникам ее замков Пинск, Давид-Городок, Клецк¹⁸⁷ и Кременец¹⁸⁸.

Право взимания таможенных пошлин сдавалось в аренду старостами Боны и требовало ее подтверждения. Мытник выдавал старосте засвидетельствованное поручительство («рукоемство» либо записной лист — в этом случае, вероятно, аналог долговой расписки), в котором обязывался своевременно произвести оплату арендованных им доходных мест. Плата отдавалась в руки старост и вносилась постепенно, в сроки, оговоренные листами Боны. После передачи той части доходов с мытных сборов, которая должна была поступить в скарб королевы, поручительные и записные листы уничтожались. В 1551 г. пинские мытники подали жалобу на старосту П.К. Мыльского из-за того, что он отказывался «квитовать» их, несмотря на произведенные выплаты. В присутствии королевы Мыльский выдал арендаторам необходимый документ и «в ни во што обернул» их записные листы, которые до этого держал при себе¹⁸⁹.

Урядники Боны контактировали и с великокняжеским скарбом, неся ответственность за своевременную передачу в государственную казну подати,

---

¹⁸⁵ *Довнар-Запольский М.В.* Государственное хозяйство. Приложение № 5. С. LXXVI–LXXVIII.

¹⁸⁶ *Archiwum Sanguszków.* Т. IV. Lwów, 1890. № CXLVIII. S. 190–191, № CLXI. S. 205, № CLXXVI. S. 229–231, № CCLXXXVI. S. 358–359.

¹⁸⁷ *Грушевский А.С.* Пинское Полесье. Пинские акты. № XLVI. С. 64–65, № LII. С. 72–73, № LX. С. 86–88, № LXI. С. 88–89; РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 22–23; Там же. Кн. 33. Л. 1–1 об., Л. 65–67.

¹⁸⁸ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 47 об.–50 об., Л. 92 об.–94 об.; Там же. Кн. 33. Л. 51–53, Л. 129–129 об.

¹⁸⁹ Там же. Кн. 33. Л. 66 об.–67.

взимавшейся на содержание войска — серебщизну. В листе своему кременецкому старосте Бона передавала указание Сигизмунда II Августа («бо то не есть речь наша, але властна короля») поименно перечислить земян, которые «не отдали» серебщизну за истекший 1547 г.; пинскому старосте приказывала «пильно», то есть своевременно и усердно, собирать этот налог с подданных, во всем следуя постановлению короля¹⁹⁰. В то же время королевой соблюдались права и льготы своих подданных: в 1534 г. после жалобы клецких панцирных бояр Сигизмунду I Старому на то, что наместник пинского старосты своевольно пытался обязать их платить серебщизну вопреки «старому обычаю», Бона приказала И.М. Хоревичу не нарушать их права и освободить от этой повинности¹⁹¹.

Бона Сфорца способствовала освоению и заселению своих литовских и польских владений, «осаждая» новые места, получая дозволения от великого князя на устройство в них торгов и ярмарок, предоставляя местному населению долговременные льготы на исполнение повинностей. В. Поцеха отмечал подобную деятельность королевы в Кобринском, Клецком, Городенском, Кременецком поветах¹⁹². В 1536 г. Сигизмунд I Старый выдал Боне дозволенный лист на устройство торгова, корчем и строительство костела в основанном ею местечке «на границах немецких»¹⁹³. Известны ее уставные листы, устанавливавшие размеры налогообложения после окончания «вольного» периода, во время которого колонизаторы были освобождены от уплаты налогов («и воли есмо были тымъ, которые тамъ осели, дали на десеть летъ») — местечку Сенеце в Клецком повете¹⁹⁴, волости Новая Воля в Жемайтии¹⁹⁵.

¹⁹⁰ Там же. Кн. 32. Л. 6 об., Л. 13.

¹⁹¹ Ревизия пущ и переходов. С. 362–363; РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 100 об.–101, Л. 117–117 об.

¹⁹² *Pocięcha W. Królowa Bona*. Т. III. Poznań, 1958. S. 129–133.

¹⁹³ *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 19 (1535–1537). Užrašymų knyga 19*. Vilnius, 2009. № 231. P. 235–236.

¹⁹⁴ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 18. Л. 169–170.

¹⁹⁵ Там же. Кн. 33. Л. 13 об.–14 об.

Хозяйственная и экономическая деятельность королевы в Подолье была подробно исследована М.С. Грушевским¹⁹⁶. Город Ров, купленный Боной в 1536–1537 гг. у подольского воеводы С. Одровонжа, был razoren во время больших татарских набегов 1524 и 1528 гг. и находился в запустении. Впоследствии город был перестроен и переименован в Бар (название связывают с местом рождения его основательницы)¹⁹⁷. М.С. Грушевский отмечал, что «замки являлись чрезвычайно важным средством колонизации страны, составляя как бы узлы, которыми более или менее прочно привязывалось население к территории повета и удерживалось от конечного рассеяния»¹⁹⁸. Поэтому после перехода этих земель в собственность королевы недалеко от разрушенного Старого Рова по ее приказанию началось строительство замка. Королева Бона «не скупилась на издержки», отправляя к своему старосте А. Старжеховскому ремесленников, рабочих, конных и пеших «служебников». Построенный замок был деревянным, но, несмотря на то, что он не отличался особой прочностью, Бар «был первой после Каменца (Каменец-Подольский — А.Б.) твердыней на южных окраинах» Польского королевства¹⁹⁹.

Кроме «надежной приманки для колонистов» — замка, королева пыталась увеличить население Бара и при помощи различных льгот. Город получил название Польского Бара после того, как рядом с ним были основаны Русский Бар и Горный Бар. Последний стал именоваться Черемисским Баром, когда Бона поселила там колонию черемисов²⁰⁰. Все три города получили в 1540 г.

---

¹⁹⁶ Грушевский М.С. Барское староство. С. 75–106.

¹⁹⁷ Там же. С. 85.

¹⁹⁸ Грушевский М.С. Южнорусские господарские замки в половине XVI века. Киев, 1890. С. 4.

¹⁹⁹ Грушевский М.С. Барское староство. С. 86.

²⁰⁰ Черемисы — народ из Поволжья, значительная группа которого, переселенная в качестве пленных на западные границы Московского княжества, бежала через Белоруссию на Волынь; черемисы использовали горномарийский язык, принадлежащий к волжской группе финно-угорских языков (Этнические меньшинства Украины. Киев, 1996. С. 164–165).

магдебургское право и льготы для поселенцев: «в отношении постоянных повинностей Польский Бар занимал привилегированное положение сравнительно с остальными, а жители Горного Бара вполне приближались к положению тяглых крестьян»²⁰¹.

Бона Сфорца умерла 19 ноября 1557 г. в Бари²⁰². В литературе утвердилось мнение, что отъезд королевы из Польского королевства был вызван разногласиями с Сигизмундом II Августом, поводом для которых послужила его женитьба на Барбаре Радзивилл и ее последующая коронация, а также некоторые имущественные претензии²⁰³. Последние документы, относящиеся к управлению ее именьями в Великом княжестве Литовском, датируются началом января 1556 г.²⁰⁴ Из Варшавы королева выехала 1 февраля 1556 г. и прибыла в Бари 15 мая того же года²⁰⁵.

По завещанию Боны Сфорца наследником основной части ее движимого и недвижимого имущества был Сигизмунд II Август. Его свояку, королю испанскому Филиппу II, Бона завещала свои наследственные итальянские владения — княжества Бари и Россано. Ему же Боной были переданы 430 000 дукатов, получившие в историографии наименование «сумм неаполитанских». Дочерьми Боны были унаследованы денежные суммы²⁰⁶.

***

---

²⁰¹ *Грушевский М.С.* Барское староство. С. 89–90.

²⁰² Существует мнение, что она была отравлена (*Грушевский М.С.* Барское староство. С. 79; Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. IV. СПб., 1891. С. 356).

²⁰³ *Грушевский М.С.* Барское староство. С. 79.

²⁰⁴ Ревизия пущ и переходов. С. 118–119; Отчет императорской публичной библиотеки за 1876 год. СПб., 1878. С. 110.

²⁰⁵ *Przedziecki A.* Jagiellonki Polskie w XVI wieku. Т. II. Krakow, 1868. S. 235, 237, 246. Об отъезде Боны Сфорца в Италию см.: *Zbiór pamiątek historycznych o dawnej polsce z rękopismów, tudzież dzieł w różnych językach o Polsce wydanych, oraz z listami oryginalnemi królów i znakomitych ludzi w kraju naszym, przez J.U. Niemcewicza.* Т. II. Lipsk, 1839. S. 7–16.

²⁰⁶ *Przedziecki A.* Jagiellonki Polskie w XVI wieku. Т. III. Krakow, 1868. S. 5–6, 291–296.

В российской историографии содержится не так много биографических данных о королеве Боне Сфорца. Богатый материал, касающийся управления ее владениями и характеризующий ее экономическую и социокультурную политику, находится в метрике королевы Боны. Информация подобного рода, безусловно, позволяет дополнить биографию Боны Сфорца как деятеля истории, но только в некоторых аспектах приближает исследователя к пониманию Боны Сфорца как личности. Данные, почерпнутые из документального наследия канцелярии королевы, доказывают высокую степень ее активности в деле формирования династического домена, объясняют ее во многом новаторскую деятельность по управлению имениями, связанную с кодификацией прав землевладельцев и проведением волочного измерения. Все это указывает на определенные личностные характеристики Боны.

Актовые источники, юридическим автором которых была Бона, имеют сложившуюся внутреннюю форму и являются продуктом делопроизводственной традиции, существовавшей на тот момент в Великом княжестве Литовском. Посредством них была невозможна экспликация Боной своего мироощущения, самоидентификация в новых для нее социокультурных условиях, радикальным образом изменившихся после отъезда из Италии. В этом отношении может быть интересным изучение эпистолярных источников, авторство которых принадлежит Боне и ее ближайшему окружению (матери, супругу, детям, приближенным лицам)²⁰⁷. В Литовской метрике не представлена частная переписка королевы — за исключением связанных с вопросами землевладения писем, которые по своей форме и содержанию ближе к указным грамотам и «наукам» (актовым и

---

²⁰⁷ «Источниковедческая парадигма исторической антропологии, — как писала О.М. Медушевская, — выражает главное в человеке — его способность к творчеству, созданию произведений, а их исследование открывает путь к достоверному знанию о человеке, к пониманию Другого» (Медушевская О.М. Историческая антропология как феномен гуманитарного знания: перспективы развития // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. Москва, 4–6 февр. 1998 г. М., 1998. С. 26).

делопроизводственным источником), чем к эпистолярным источникам. Эпистолярное наследие королевы еще ждет своего исследователя, предоставляя ему самый широкий спектр проблем — от решения эвристических задач до собственно исследовательских практик.

Документы канцелярии королевы Боны и содержащаяся в них информация попадают в объектно-предметную область таких вспомогательных исторических дисциплин, как источниковедение, дипломатика, историческая география, историческая демография, генеалогия, палеография, кодикология и т. д. В это же время следует учитывать современное состояние исторической науки, которому характерно интенсификация междисциплинарного взаимодействия, актуализация контекстуального ориентирования источников и их рассмотрения через призму новых исследовательских практик, стремление к микроисторическим исследованиям²⁰⁸. В этой связи следует отметить, что образ Боны Сфорца, сложившийся в научной, научно-популярной и художественной литературе, в том или ином виде зафиксированный в вещественных, изобразительных, аудиовизуальных источниках, может являться объектом для проведения исследований в рамках исторической имагологии²⁰⁹. Управленческая и хозяйственная деятельность королевы Боны может быть рассмотрена в сравнении с деятельностью ее предшественниц (например, королевами и великими княгинями Елизаветой Габсбург, Еленой Ивановной) таким направлением исторической науки, как гендерная история²¹⁰.

---

²⁰⁸ Ретина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. Социальные теории и историографическая практика. М., 2011; Карначук Н.В. Микроисторический подход // Теория и методология исторической науки: терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2014. С. 282–283.

²⁰⁹ Алёшин М. Имагология // Теория и методология исторической науки: терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2014. С. 122–123.

²¹⁰ Суприянович А.Г. Гендерная история // Теория и методология исторической науки: терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2014. С. 68–69. Гендерную историю не следует приравнивать к «истории женщин», первоначально основанной на феминистской идеологии.

ГЛАВА 2.**КАНЦЕЛЯРИИ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ ВО
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI ВВ.**

Метрика королевы Боны — это документальный комплекс, составляющий основу архива канцелярии польской королевы и великой княгини литовской, значительная часть которого представлена актовыми источниками. Как известно, «вопрос о происхождении актов имеет два аспекта: 1) выяснение канцелярского или внеканцелярского происхождения текста и способов его удостоверения; 2) изучение всего комплекса причин возникновения данного акта»²¹¹. Совокупность актовых и делопроизводственных источников, формирующих изучаемый архив, сложилась в определенный хронологический период на конкретной территории. К выяснению обстоятельств происхождения этого комплекса документов относятся вопросы, касающиеся исторической биографии Боны Сфорца; этапов формирования ее владений; уточнения их состава и происходивших с ними изменений; локализация имений королевы в пределах административно-территориальных единиц Великого княжества Литовского, Польского королевства и современных государств; установление правовых принципов, на основании которых Бона владела землей и осуществляла управление местным населением на подвластной ей территории и т. д. Исследование особенностей функционирования частновладельческих, региональных делопроизводственных центров (в том числе и канцелярии Боны Сфорца) возможно только в контексте истории государственной канцелярии Литовского государства.

Для подглавы 2.1 «Поветовые и частновладельческие канцелярии в Великом княжестве Литовском во второй половине XV — первой половине XVI в.» сформулированы следующие задачи: 1) определить объем понятия «канцелярия» и возможность его применения к различным формам ведения делопроизводства;

---

²¹¹ *Каушанов С.М.* Русская дипломатика. М., 1988. С. 193.

2) дать характеристику общим и различным чертам государственной, поветовым, частновладельческим канцеляриям Великого княжества Литовского; 3) наметить перспективы исследования деятельности поветовых и частных «канцелярий» для изучения документальной традиции Литовского государства в целом.

Подглава 2.2 «Канцелярия Боны Сфорца» посвящен выяснению вопросов, связанных с практикой ведения делопроизводства в имениях королевы и при ее дворе. Исследовательские задачи, поставленные в этой части диссертации, следующие: 1) дать общую характеристику канцелярии и организации ее деятельности; 2) охарактеризовать состав должностных лиц, задействованных в работе канцелярии; 3) определить последовательность процессов, служивших импульсом для создания документа той или иной разновидности в центральной части канцелярии; 4) проследить организацию судебного делопроизводства в имениях королевы; 5) реконструировать процесс создания документов в канцелярии и выяснить степень участия в нем Боны Сфорца; 6) по имеющимся данным восстановить практику ведения и хранения специальных канцелярских книг.

2.1 Поветовые и частновладельческие канцелярии в Великом княжестве Литовском

Несмотря на то, что изучение истории деятельности канцелярии Великого княжества Литовского является давней историографической традицией, дискуссионность многих аспектов этой проблематики неизменно привлекает исследователей²¹². Основная часть книг Литовской метрики за вторую половину

---

²¹² *Любавский М.К.* Литовско-русский сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства. М., 1900. С. 384–394; *Топалова Т.А.* Задачи изучения канцелярии Великого княжества Литовского на материалах Литовской метрики // Литовская метрика: Тез. докл. межресп. науч. конф. Вильнюс, 1988. С. 28–31; *Она же.* Задачи изучения истории великокняжеской канцелярии Жигимонта I Старого периода канцлерства О.М. Гаштольда: (По материалам книг-копий Литовской метрики, 1522–1539 гг.) // Вопросы

XV — первую половину XVI в., в том или ином виде сложившихся в процессе работы этого государственного учреждения и переписанных на рубеже XVI и

историографии и источниковедения дооктябрьского периода. М., 1992. С. 5–27; *Бычкова М.Е.* Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г. М., 1996. С. 20–29; *Рыбакоў А.* Арганізацыя дзяржаўнага архіва Вялікага княства Літоўскага ў XVI ст. // *Архівы і справаводства.* 1999. № 2. С. 70–76; *Рагаускене Р.* Канцлеры Вялікага княства Литовского и Литовская Метрика в XVI в.: вопросы сохранности документов государственной канцелярии // *Новости Литовской Метрики.* Вильнюс, 2003. № 7. С. 35–47; *Кром М.М.* Канцелярии и документы Великих княжеств Литовского и Московского в XV — первой половине XVI в.: опыт сравнительного анализа // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Т. XXXI. СПб, 2010. С. 46–55; *Kosman M.* Kancelaria wielkiego księcia Witolda // *Studia Zródłoznawcze.* 1969. Т. 14. S. 91–119; *Pietkiewicz K.* Wielkie księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka. *Studia nad dziejami państwa i społeczeństwa na przełomie XV i XVI wieku.* Poznań, 1995. S. 13–42 etc. Краткий обзор историографии по этой проблематике приведен в работе: *Груша А.И.* Канцелярия Вялікага княства Літоўскага 40-х гадоў XV — першай паловы XVI ст. Мінск, 2006. С. 9–26. См. также литературу, посвященную функционированию государственного, частноправовых, городских и других архивов — ее обзор также приведен в работе А.И. Груши: *Груша А.И.* «Хранить вечно». Архивы Великого княжества Литовского конца XIV первой трети XVI в. // *Исторический вестник.* Т. 7 (154). Литва, Русь и Польша XIII–XVI вв. М., 2014. С. 6–53; *Ptaszycki S.* Gdzie się przechowywały i przechowują obecnie akty unii Litwy z Polską // *Kwartalnik historyczny.* 1902. R. 16. Z. 4; *Jakubowski J.* Archiwum państwowe W. X. Litewskiego i jego losy // *Archeion.* 1931. Т. 9; *Kosman M.* Archiwum wielkiego księcia Witolda // *Archeion.* 1967. Т. 46; *Barwiński E.* Archiwum Radziwiłłów w Nieświeżu. Rys historyi i sprawozdanie z poszukiwań // *Archiwum Komisji historycznej PAU.* 1909–1913. Т. 11; *Buczek K.* Z dziejów polskiej archiwistyki prywatnej. *Archiwa XX. Czartoryskich.* Kraków, 1938; *Kosman M.* Archiwum kapituły Wileńskiej // *Archeion.* 1976. Т. 64; *Zielińska T.* Archiwa Radziwiłłów i ich twórcy // *Archeion.* 1978. Т. 66; *Zielińska T.* Archiwa różnych linii rodu Radziwiłłów w polskich zbiorach publicznych // *Miscellanea historico-archivistica.* 1997. Т. 7; *Jankowski R.* Burzliwe losy archiwum Radziwiłłów z Nieświeża od XV w. do 1838 r. // *Miscellanea historico-archivistica.* 2000. Т. 11; *Kiaupa Z.* Городской архив времен Великого княжества Литовского как объект комплексного исследования // *Дніпропетровський історико-археографічний збірник.* Вип. 1. Дніпропетровськ, 1997; *Ragauskienė R.* Najstarsze dokumenty XVI w. w archiwach prywatnych szlachty WKL (na podstawie Metryki Litewskiej) // *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės istorijos šaltiniai. Faktas. Kontekstas.* Interpretacija. Vilnius, 2007 etc.

XVII вв., представляет собой документальные сборники смешанного состава²¹³. Это относится и к вопросу о воспроизведении подлинных тетрадей в составе копийных книг²¹⁴, и к видовому разнообразию документов в отдельных сборниках. Помимо листов, исходивших от великого князя, панов-рады, постановлений сеймов и т. д., в Литовской метрике широко представлены документы местных архивов, адресантом которых были удельные князья, должностные лица центрального и местного управления, представители духовных корпораций и крупные светские феодалы, владевшие землями или по праву наследования, или по праву рождения, или на условии несения великокняжеской службы, и обладавшие определенным феодальным иммунитетом в своих вотчинах. Авторство различных документов, содержащихся в книгах архива канцелярии Литовского государства, таким образом, принадлежит субъектам как публичного, так и частного права. В этой связи возникает вопрос о правовом статусе документов, созданных в различных центрах ведения делопроизводства, а соответственно, и о статусе самих этих центров. Выявление в Литовской метрике актовых комплексов, происходящих из подобных местных канцелярий, и их исследование средствами дипломатики, сфрагистики, хронологии, других вспомогательных исторических дисциплин должно позволить максимально подробно изучить этапы формирования и эволюцию документальной традиции Великого княжества Литовского.

Следует более подробно остановиться на установлении объема и содержания понятия «канцелярия». Толковый словарь В.И. Даля трактует канцелярию как «состав чиновников и писцов при лице или месте»²¹⁵; словарь

---

²¹³ Обращая внимание на хаотичное распределение грамот между книгами Литовской метрики, И.И. Лаппо писал: «Берущий в свои руки книгу какого-либо отдела Метрики никогда не знает вперед, какого характера документы он в ней встретит» (*Ланно И.И.* Об издании Литовской Метрики. Летопись занятий Археографической комиссии. П., 1908. Вып. XIX. Извлечения из протоколов за 1906 г. С. 7).

²¹⁴ *Бережков Н.Г.* Литовская метрика как исторический источник. М.; Л. 1946.

²¹⁵ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1881. С. 86.

Т.Ф. Ефремовой как «отдел учреждения, ведающий делопроизводством»²¹⁶; словарь Д.В. Дмитриева — как «отдел учреждения, который занимается делопроизводством, а также помещение этого отдела»²¹⁷. Словарные статьи в других авторитетных российских справочных изданиях дают примерно то же толкование²¹⁸. Подобное объяснение термина предполагает довольно широкое поле для его употребления.

Следует полагать, что отождествление «канцелярии» с любым вообще документированием было бы неправильным. Однако не всегда ясно, в чем же состоит принципиальная разница между «канцелярией» и «делопроизводственной практикой» применительно к реалиям Великого княжества Литовского XV — середины XVI вв. Три компонента, составляющих понятие «делопроизводство» — создание документов, организация их движения и учета, организация их хранения — охватывают весь спектр деятельности государственной канцелярии. В той или иной степени этими же видами деятельности были заняты и поветовые канцелярии. Отличительными признаками, характеризующими канцелярию Литовского государства именно как «канцелярию», а не нечто иное, можно считать наличие канцлера, сложившегося штата писарей и документооборота. Если считать эти признаки достаточными, присущими каждому средневековому делопроизводственному учреждению, то за неимением типового образца такого

---

²¹⁶ *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. М., 2000 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.efremova.info/word/kantseljarija.html#.VCgmXFfz6ho> (дата обращения: 15.04.2018).

²¹⁷ *Дмитриев Д.В.* Толковый словарь русского языка. М., 2004. С. 450.

²¹⁸ *Ср.:* «государственное учреждение, ведающее делопроизводством» (Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 7. М., 1980. С. 60); «отдел учреждения, ведающий делопроизводством» (Советский энциклопедический словарь. М., 1980. С. 545); «отдел учреждения, ведающий его служебной перепиской, оформлением текущей документации» (Словарь иностранных слов. М., 1986. С. 212); «Отдел учреждения, ведающий служебной перепиской, оформлением текущей документации» (*Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1997. С. 264); «Отделение какого-нибудь учреждения, занятое делопроизводством, составлением бумаг» (*Ушаков Д.Н.* Толковый словарь современного русского языка. М., 2013. С. 211) и др.

учреждения, понятие «канцелярия» может быть применимо к различным моделям делопроизводственной деятельности.

Так, функции великокняжеских и частновладельческих урядников, находившихся в центральных замках поветов и обладавших определенным количеством «служебников», занятых в документировании и документообороте, практически совпадали с основными функциями государственного канцлера (контроль над работой писарей, хранение печати и визирование исходящих документов). Как следует из документов, в судебном делопроизводстве на уровне замковых «урядов» было задействовано значительное количество лиц (писари, судьи, дворяне, комиссары и т. д.), назначавшихся на свои должности как местными урядниками, так и, видимо, в государственной канцелярии. С некоторой степенью условности этих лиц можно приравнять к сложившемуся штату сотрудников местных канцелярий. Не совсем понятно, отталкиваясь от какого количества грамот, авторство которых принадлежит одному юридическому лицу, можно говорить либо о регулярной делопроизводственной практике, либо о спонтанной и sporadической выдаче грамот. Стоит поставить вопрос о правомерности применения количественных критериев при изучении происхождения средневековых документальных комплексов, которые, что самоочевидно, сохранились далеко не в полном своем объеме, и в которых зачастую практически отсутствуют сведения, необходимые для реконструкции той или иной формы ведения делопроизводства.

В отличие от Московского государства канцелярия Великого княжества Литовского была единственным высшим государственным учреждением страны. Говоря о характере литовской канцелярии М.К. Любавский (а вслед за ним и А.И. Груша) называл ее «вспомогательным, технически-исполнительным учреждением» и, проводя параллель с московской приказной системой, писал: «Эта канцелярия была только канцеляриею и не чем иным, не походила, напр[имер], на Разряд, Посольский и Поместный приказы Московского государства, которые, будучи отделениями канцелярии при государе и думе,

вместе с тем имели и самостоятельную распорядительную и судебную власть по известным делам и над известным родом людей»²¹⁹.

Стоит отметить, что у исследователей нет единого мнения о существовании в Московской Руси централизованного делопроизводственного учреждения. По мнению С.М. Каштанова «В России XIV–XVI вв. централизованной государственной канцелярии не было, и акты выдавались разными ведомствами — главным образом, Казной, Большим дворцом, в первой половине XVI в. — также областными дворцами, а со второй половины XVI в. — и приказами»²²⁰. В одном из недавних исследований С.М. Каштанов подтвердил свою позицию в отношении существования канцелярии в Русском государстве: «Применительно к средневековой Руси термин “канцелярия” употребляется в значительной мере условно, поскольку учреждений с таким названием до XVIII в. здесь не существовало». И далее: «... говорить, что та или иная грамота вышла из “государевой канцелярии” или “царской канцелярии”... применительно к XVI в. также неверно, как и применительно к более раннему времени»²²¹. Это же мнение в своем компаративном опусе, видимо, разделяет и М.М. Кром²²². Применительно к XIV–XVI вв. М.Е. Бычкова, напротив, оперировала понятиями «канцелярия московских князей» и «русская великокняжеская канцелярия»²²³.

---

²¹⁹ *Любавский М.К.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1915. С. 177; *Он же.* Литовско-русский сейм. С. 394; *Груша А.И.* Канцелярия Вялікага княства Літоўскага. С. 6.

²²⁰ *Каштанов С.М.* Русская дипломатика. С. 167–168.

²²¹ *Он же.* Исследования по истории княжеских канцелярий средневековой Руси. М., 2014. С. 6, 10.

²²² *Кром М.М.* Канцелярии и документы Великих княжеств Литовского и Московского. С. 46–55.

²²³ *Бычкова М.Е.* Русское государство и Великое княжество Литовское. С. 20–29; *Она же.* Зарождение чиновничьего аппарата Русского государства. Генеалогические заметки // М.Е. Бычкова. Русско-литовская знать XV–XVII вв. Источниковедение. Генеалогия. Геральдика. М., 2012. С. 174–183.

Мнение о том, что государственная канцелярия Великого княжества Литовского имела только функцию технического исполнения при отсутствии распорядительной, судебной, исполнительной функций, кажется спорным, так как сущность деятельности поветовых канцелярий говорит об обратном. Система местного управления Литовского государства предполагала активную документотворческую деятельность великокняжеских старост, наместников и державцев. Это подчеркивал и сам М.К. Любавский: «главные областные правители были не только органами центральной государственной власти и сборщиками ее интересов в областях, но и главами областного самоуправления и сборщиками местных земских интересов...»²²⁴; «почти не было государственных нужд и потребностей, по которым бы староста не был органом центральной власти в местности»²²⁵. Представители высшей власти (великий князь в землях государственного домена, князь и пан в вотчинных владениях) делегировали своим урядникам часть полномочий, относящихся к области публичного права. Урядники были руководителями поветовых канцелярий, основной сферой деятельности которых являлось судопроизводство. Судебное право (гражданское и уголовное) как вид публичного права находилось в руках урядников, и суд вершился ими в соответствии с Литовским Статутом 1529 г. и локальными нормами права. Юридическим автором судебных листов, создававшихся в поветовых канцеляриях, являлся великокняжеский урядник или уполномоченные им «служебники» (например, подстаростии).

Деятельность подобного рода областных канцелярий, таким образом, носила распорядительно-исполнительный характер. В сфере делопроизводства функции высших урядников практически совпадали с функциями государственного канцлера: ими контролировалась деятельность многочисленных «служебников» (писарей, ревизоров, комиссаров, дворян и иных должностных лиц местного управления), под их контролем велись поветовые судебные книги,

---

²²⁴ Любавский М.К. Литовско-русский сейм. С. 384.

²²⁵ Он же. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого Литовского Статута. М., 1892. С. 65.

взимались пошлины за предоставление «выписов» из этих книг, заверялись исходящие документы.

По мнению В.В. Полищука «книжное деловодство (очевидно, имеется в виду «делопроизводство» — *А.Б.*) провинциальных администраций возникло как следование образцу великокняжеской канцелярии, где велись метрические книги»²²⁶. Мы в свою очередь готовы предположить, что существование замковых книг как неотъемлемой части поветового делопроизводства скорее было непосредственно обусловлено судебным и административным устройством Великого княжества Литовского, а не «следованием образцу» государственной канцелярии.

Возможно, имеет смысл говорить о существовании в Литве во второй четверти XVI в. комплекса государственных канцелярий, состоявшего из центральной канцелярии великого князя и ее подразделений, находившихся в центрах местного административного и судебного управления. Эти подразделения являлись местными органами центральной государственной власти; создававшиеся в них документы можно отнести к разряду публично-правовых, так как они исходили «от лиц, облеченных правительственной властью»²²⁷.

Организацию точно такого же двухуровневого комплекса канцелярий мы наблюдаем и в имениях Боны Сфорца. Форма ведения делопроизводства, использовавшаяся во владениях польской королевы, вполне могла дублировать устройство великокняжеской канцелярии, то есть — «следовать ее образцу».

---

²²⁶ *Полищук В.В.* Между процедурой и формуляром: источниковедческий анализ судебных записей замковых книг перед реформой 1564–1566 гг. (на примере Луцких замковых книг 1558–1566 гг.) // Lietuvos Didziosios Kunigaikštystės istorijos saltiniai. Faktų. Kontekstas. Interpretacija. Vilnius, 2007. S. 259.

²²⁷ В соответствии с определением публично-правового акта, данным А.С. Лаппо-Данилевским (*Лаппо-Данилевский А.С.* Очерк русской дипломатики частных актов. СПб., 2007. С. 61).

Наряду с великокняжеским доменом в Литве существовали земли, имевшие других собственников — удельных князей и их потомков, представителей духовных корпораций, литовско-русских панских родов. Управление удельными, церковными, частными владениями, безусловно, также требовало документационного обеспечения. Как и в случае с государственной канцелярией, управленческие документы в таких владениях охватывали все общественно значимые сферы. Употребление понятия «канцелярия» по отношению к формам делопроизводства, существовавшим в удельных и частных землях в XV — первой половине XVI вв., в значительной степени условно.

Период в истории московского княжеского делопроизводства до конца XV в., «когда государь пользовался услугами отдельных дьяков и писцов, не входивших в состав какого-либо особого учреждения», С.М. Каштанов определяет как «протоканцелярский»²²⁸. Безусловно, литовские частновладельческие канцелярии, так же как и в Московском государстве, едва ли можно считать учреждениями в собственном смысле этого слова, так как лица, исполнявшие волеизъявление господаря (князя) о создании того или иного документа, «не образовывали еще постоянно действующего института управления»²²⁹. В то же время, отталкиваясь от наиболее общего определения термина «канцелярия», данного в словаре В.И. Даля («состав чиновников и писцов при лице или месте»), под деятельностью частновладельческой канцелярии можно подразумевать определенные делопроизводственные процедуры, связанные, в основном, с процессом управления землей и осуществляемые либо особыми должностными лицами, либо самим собственником этих земель.

Следует еще раз подчеркнуть, что количественные показатели вряд ли можно считать уместным критерием для определения одних документов, принадлежавших конкретному адресанту, как продукта регулярной

---

²²⁸ Каштанов С.М. Исследования. С. 11.

²²⁹ Там же.

делопроизводственной практики, а других — как уникальных и созданных спонтанно. Отсутствие определенных разновидностей актов среди известных грамот метрики королевы Боны не обязательно означает, что они в действительности не создавались в ее канцелярии. Нет сведений ни об одной сохранившейся «фундушевой» грамоте Боны, выданной в пользу западнорусской православной церкви, хотя при этом известны «листы», данные ею на устройство римско-католических костелов. Учитывая то, что принадлежавшее королеве право «подавания» распространялось на несколько православных епархий, все же можно допустить существование фундушей, созданных в соответствии с ее решением. Точно так же и сохранившиеся отдельные упоминания о дьяке или писаре, составившем конкретный документ того или иного господаря (удельного князя, пана), не обязательно означают, что он был единственным в своем роде должностным лицом этого господаря, занятым в документировании.

В своем большинстве грамоты, происходящие из конкретной частновладельческой канцелярии и в своей совокупности образующие частный архив, рассредоточены по различным документальным и архивным комплексам. В частности, комплекс метрики королевы Боны — это реконструируемый архив, включающий в себя документы различных разновидностей, сохранившиеся в виде подлинных актов, списков в копийных сборниках (как современных Боне, так и более поздних), упоминаний в других источниках. В составе этого реконструируемого комплекса сохранились и выявляемы как документы великокняжеской канцелярии, так и фрагменты частных архивов других землевладельцев.

Основываясь на хронологии их возникновения, мы выделяем в метрике королевы Боны три группы документов²³⁰: 1) грамоты, регламентировавшие правовые действия Боны Сфорца в ее владениях в отношении местного населения

---

²³⁰ Эти группы выделяются при трактовании метрики королевы Боны именно как основной части архива ее канцелярии, которую составляют документы по управлению имениями королевы. Сюда не относится дипломатическая и личная переписка Боны Сфорца, а также документы, имевшие отношение к области государственного управления.

— то есть все вообще грамоты, изданные до отъезда польской королевы в Италию (1556 г.), исходившие от частных лиц, удельных, великих князей и их урядников, и имевшие непосредственное воздействие на принятие Боней управленческих решений; 2) великокняжеские и частные грамоты, влиявшие на изменение состава владений королевы Боны (1518–1556 гг.); 3) документы Боны Сфорца и ее должностных лиц, относившиеся к управлению владениями королевы (1522–1556 гг.)²³¹.

Среди документов всех трех указанных групп имеется значительное количество грамот, изданных в государственной, поветовых, частновладельческих и удельных канцеляриях в конце XIV — середине XVI в. Фрагменты документального наследия представителей последних удельных княжений и их потомков заслуживают особого внимания, так как они происходят из канцелярий, являвшихся самостоятельными учреждениями, действовавшими, вероятно, в рамках более архаичной документальной традиции, несколько отличавшейся от той, которая постепенно складывалась в государственной канцелярии Великого княжества Литовского. Попадание «удельных» грамот в состав архива польской королевы объясняется историей формирования ее владений. «Предками» Боны по землевладению были князья Кобринские, Олельковичи, Ярославичи, Сангушковичи, вместе с их землями к королеве перешли и межевые споры с представителями княжеских родов Чарторыйских, Острожских, родов Радзивиллов, Семашковичей, Ходкевичей.

---

²³¹ На данный момент самые ранние из известных нам кириллических документов королевы Боны относятся к 1522–1523 гг.; их всего три. См.: *Грушевский А.С.* Пинское Полесье XIV–XVI вв. // Исторические очерки. Киев, 1903. С. 33; Ревизия пущ и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском с присовокуплением грамот и привилегий на входы в пущи и на земли, составленная старостой Мстибоговским Григорием Богдановичем Воловичем в 1559 году, с прибавлением другой актовоей книги, содержащей в себе привилегии, данные дворянам и священникам Пинского повета, составленной в 1554 году. Вильна, 1867. С. 252, 324–325.

Вопрос о происхождении их актов имеет несколько аспектов: выяснение обстоятельств происхождения конкретного акта в конкретной канцелярии (или же, допустим, констатация его внеканцелярского происхождения); выяснение причин, вследствие которых тот или иной акт оказался в составе архива Боны; выяснение обстоятельств, в результате которых акт отложился в составе определенного архивного или музейного фонда (то есть изучение истории бытования акта с момента его создания до момента утраты им практического значения).

В частности, вполне понятны причины, по которым грамоты удельных Кобринских князей, адресованные представителям православных духовных корпораций, оказались в составе комплекса метрики королевы Боны.

В документальных сборниках, связанных с историей землевладения в бывшем (на момент правления королевы Боны) Кобринском княжестве, упоминаются пожалования князя Семена Романовича, праправнука великого князя литовского Гедимина; присутствуют грамоты его супруги Ульяны Семеновны (урожденной Гольшанской), грамоты их сына Ивана Семеновича и его супруги Федоры Ивановны (урожденной Рогатинской)²³². На князе Иване Семеновиче (умер ок. 1490 г.) пресеклась мужская линия Кобринских князей. Феодора владела Кобрином вплоть до своей смерти в 1512 г., после чего он перешел во владение одной из двух дочерей князя Семена Романовича Анне, бывшей замужем за господарским маршалком Венцеславом Станиславовичем Костевичем. В 1516 г., еще до смерти княгини Анны Семеновны (умерла в 1519 г.), Сигизмунд Старый закрепил Кобрин за паном Костевичем как «доживотное» владение; эта грамота была подтверждена и после смерти Анны в 1519 г.²³³. В 1519 г. Сигизмунд записал Кобрин с волостями королеве Боне²³⁴,

---

²³² О Кобринских князьях: *Wolff J.* O kniazach Kobryńskich // *Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń wydziału hist.-filoz. AU. Kraków*, 1884. Т. 17. S. 107–134; *Он же.* Rod Gedimina. *Krakow*, 1886. S. 128-145; 170-171; *Любавский М.К.* Областное деление. С. 21–22.

²³³ *Archiwum Głowne Akt Dawnych (dalej — AGAD).* Tzw. *Metryka litewska.* Dz. III. A/28. К. 28–28 v.; К. 29–29 v.

управлявшей им через В.С. Костевича (по крайней мере, в последние годы его жизни)²³⁵, который вплоть до своей смерти в 1532 г. оставался кобринским старостой.

По установившейся в Литве традиции удельные господа пользовались в своих владениях правом церковного патроната: устанавливали в местных церквях священнослужителей, выдавая им от своего имени ставленные листы; жаловали в пользу церквей земельные наделы и «дани»; основывали новые храмы. Грамоты, содержавшие подобные пожалования²³⁶, хранились у священнослужителей и впоследствии (в ряде случаев) подтверждались великим князем²³⁷. Подтвердительный лист составлялся заново и хранился вместе с «оригинальным» пожалованием.

В 1534 г. королевой Боной была проведена своего рода «кодификация» прав кобринских землевладельцев (в том числе представителей православной и

²³⁴ Ibid. К. 27–27 v.; Публ.: Описание Рукописного отделения Виленской публичной библиотеки. Вильна, 1898. Вып. 3. № 69. С. 51.

²³⁵ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 389. Литовская метрика. Оп. 1. Кн. 18. Л. 32 об.–33, Л. 155 об.–158, Л. 150–151 об.

²³⁶ Пожалования оформлялись не только в виде грамот. Известна фундушевая запись князя И.С. Кобринского и его супруги Феодоры, сделанная в напрестольном евангелии (РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 18. Л. 165–165 об.). В составе фондов Библиотеки Российской академии наук хранится напрестольное евангелие пинского Лещинского монастыря 1506–1513 гг., в котором были сделаны вкладные записи пинским боярином Богданом Велятицким и князем Федором Ярославичем (Описание рукописного отделения Библиотеки Императорской Академии наук. I: Рукописи. Т. 1 : (I. Книги священного писания и II. Книги богослужебные) / сост. В.И. Срезневский, Ф.И. Покровский. СПб., 1910. С. 10–12; *Корогодина М.В.* Евангелие пинского Лещинского монастыря 1506–1513 годов // *Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXVIII междунар. науч. конф.* Москва, 14–16 апреля 2016 г. М., 2016. С. 292–295). О вкладных записях в напрестольных евангелиях см. также: *Груша А.И.* «Хранить вечно». Архивы Великого княжества Литовского конца XIV — первой трети XVI в. / *Исторический вестник.* Т. 7 (154). Литва, Русь и Польша XIII–XVI вв. М., 2014. С. 17–18.

²³⁷ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 18. Л. 162 об.–163 об., Л. 165 об.–166.

римско-католической церкви): были переписаны те шляхтичи, которые не смогли предоставить письменные доказательства своих прав на имения, выявлены документы, подлинность которых вызвала у королевы сомнения и, наконец, скопированы предъявленные жалованные и подтвердительные листы. Составленный реестр привилегий хранился, вероятно, в скарбе королевы и служил источником справок — есть прямые указания на существование в казне Боны аналогичного реестра пинских землевладельцев, который использовался именно как справочник в случае возникновения необходимости уточнения социально-правового статуса того или иного держателя земли²³⁸.

Создание таких сборников привилегий местного населения — особенная черта хозяйственно-экономической политики королевы, проводимой ею в своих владениях. Можно говорить о канцелярском происхождении «кобринского» сборника актов: из писарских записей следует, что «списанье прав» землевладельцев происходило в установленные сроки при дворе Боны в Вильне, а писарем выступал пинский, кобринский «и иных» староста королевы И.М. Хоревич. Впоследствии этот сборник документов был скопирован в 18-ю книгу записей, и именно в этом виде, будучи как минимум дважды переписанными, акты князей Кобринских сохранились до нашего времени.

Изучение истории бытования этих грамот как юридически значимых документов, их выявление в синхронных им документальных сборниках и в сборниках более позднего времени — отдельная исследовательская задача.

В отношении копийных книг зачастую не приходится говорить о внешней критике подлинных актов (исследовании изобразительных элементов, палеографических особенностей и идентификации почерков составителей) за исключением упоминаний удостоверительных знаков в корроборации (печатаей и способа их крепления), субскрипции или сигнатуры. Компаративное изучение формуляров и текстологический анализ конкретных разновидностей актов, происходящих из государственной, поветовых, удельных и частновладельческих

---

²³⁸ Ревизия пущ и переходов. С. 312–314; РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 74. Л. 12 об.–14.

канцелярий позволит установить этапы становления эволюцию документальной традиции Великого княжества Литовского. Уровень правовой культуры, сформировавшейся в этом государстве под влиянием многих внешних факторов, в изучаемое время был воплощен в совокупности всех существовавших разновидностей актов (а также законодательных) источников. Для дальнейшей реконструкции правовой системы Литовского государства как исторического и культурного феномена необходимо изучение каждой из их разновидностей: «Обобщение добытых фактов о происхождении и функции актов входит в задачу исторического синтеза, воссоздающего методами исторической науки историю актов определенной разновидности как социально-экономического или социально-политического явления»²³⁹.

Проведение типологических сравнительно-исторических исследований, направленных на изучение деятельности синхронно существовавших в Литве центров ведения делопроизводства, позволит выявить конкретные расхождения в практике документирования или же констатировать их отсутствие. С точки зрения региональной истории может быть интересен вопрос о том, насколько устойчивым с течением времени оставался юридический формуляр акта в конкретном регионе Великого княжества.

Так, например, на протяжении второй половины XV — первой половины XVI в. Пинским княжеством владели: князь-отчич Юрий Семенович Пинский, княгиня Мария Олелькович (урожденная Гаштольд, вдова киевского князя Семена Олельковича) со своим сыном Василием Семеновичем, ее дочь Александра (Олена), выданная замуж за князя Федора Ивановича Ярославича²⁴⁰. После смерти последнего Пинское княжество «спало» на Сигизмунда I Старого, который в 1521 г. отдал эти земли в распоряжение маршалку дворному Юрию Ивановичу Ильиничу. Затем бывшими удельными княжествами управляла королева Бона через своих старост, последовательно сменявших друг друга в 1524

---

²³⁹ *Кауштанов С.М.* Русская дипломатика. С. 195.

²⁴⁰ *Wolff. J.* Rod Gedimina. S. 19-25, 108-112.

(или ранее) — 1556 г. — Ивана Михайловича Хоревича, Петра Кирдеевича Мыльского, Станислава Фальчевского²⁴¹.

Грамоты каждого из этих лиц имеют непосредственное отношение к метрике королевы Боны. Для местной шляхты они являлись основным доказательством легитимности владения землей, доходами, льготами и т. д., в случае необходимости предоставлялись при проверке прав на недвижимое имущество, при подтверждении вносились в господарские книги целиком или в виде писарских записей, упоминались в наррации вновь составлявшихся документов либо интерполировались в их текст.

Таким образом, выделив из всей массы документов, относящихся к этому региону (в своем большинстве выданных в Пинске как неизменном центре местного делопроизводства), акты договорно-законодательного вида, адресованные духовенству Турово-Пинской епархии, мы имеем возможность проследить изменения, происходившие на протяжении столетия с компонентами (и более подробно: статьями, предложениями, оборотами и т. д.) абстрактного формуляра, например, ставленных и храмозданных листов (как разновидностей); компонентами конкретного формуляра ставленных листов на священство, игуменство, владычество (как подразновидностей).

2.2 Канцелярия Боны Сфорца

Под канцелярией королевы Боны мы будем подразумевать независимое от великокняжеской канцелярии учреждение, имевшее сложившийся штат писарей и других должностных лиц, которые занимались созданием, оформлением, перемещением и хранением документов, связанных с управлением имениями Боны Сфорца. Другие сферы деятельности этой канцелярии — личная и дипломатическая переписка королевы, документы, имеющие отношение к

---

²⁴¹ Пожалование Сигизмундом I Старым Пинска Боне произошло в 1519 г.: AGAD. Tzw. Metryka litewska. Dz. III. A/28. K. 1–2; Публ.: Описание Рукописного отделения Виленской публичной библиотеки. Вильна, 1898. Вып. 3. № 10. С. 50.

области государственного управления — в рамках этой работы рассмотрены не будут²⁴².

В изучении деятельности великокняжеской канцелярии Т.А. Топалова выделяла два аспекта, каждый из которых может быть освещен и на примере функционирования канцелярии королевы Боны. Первый из них «включает в себя вопросы, связанные со структурой, штатом сотрудников, приемами, методами и видами практической деятельности канцелярии». Второй аспект — «социально-политический» — по мнению исследовательницы «позволяет определить, в какой мере государство использовало канцелярию в выполнении трех своих основных исторических функций: в законодательстве, управлении и правосудии»²⁴³. В своих владениях королева Бона в полной мере выполняла эти «основные исторические функции»: законодательную (уставные листы территориям), управленческую (указные листы урядникам), судебную (судовые листы местному населению).

Бона Сфорца одновременно являлась и политическим деятелем, и крупным землевладельцем, подчиненным великому князю, но обладавшим существенным иммунитетом в пределах своих владений. Ее канцелярия была учреждением, существовавшим наряду с другими частными или государственными канцеляриями. В ведении канцелярии королевы, таким образом, находилась переписка с европейскими дворами, государственными учреждениями Великого княжества Литовского и Польского королевства, литовскими и польскими феодалами. Переписка с урядниками, связанная с управлением имениями Боны, в этом случае относится к внутреннему документообороту ее канцелярии.

---

²⁴² Помимо этого, вне поля нашего зрения остается большая часть источников, написанных на латыни, так как их выявление, изучение и интерпретация должны происходить в рамках исследования иной, западноевропейской документальной традиции Великого княжества Литовского.

²⁴³ Топалова Т.А. Задачи изучения канцелярии Великого княжества Литовского на материалах Литовской метрики. // Литовская метрика: Тезисы докладов межресп. науч. конференции. Вильнюс, 1988. С. 29.

При детальном рассмотрении документационного обеспечения управленческого процесса как особой области деятельности канцелярии Боны, становится видна ее двухуровневая иерархия. Штат делопроизводителей, находившийся при дворе королевы, был центральной частью канцелярии, фактически — самостоятельным учреждением, в ведомстве которого находились поветовые канцелярии старост и наместников. Входящими документами для этого учреждения были письма землевладельцев, челобитья, ходатайства, служебные письма и «справы» старост, отчеты ревизоров и комиссаров. Исходящими документами являлись судовые, данные, указные, уставные, ставленные грамоты Боны. Внутренними документами можно признать писарские записи, которые вносились в канцелярские книги как по специальному распоряжению королевы, так и по инициативе ее писарей. В центральных замках поветов, принадлежавших Боне, действовали поветовые канцелярии ее урядников, в которых также содержались свои книги, велась переписка с центральной канцелярией, проходили первичную обработку челобитья и жалобы местной шляхты, выносились судебные решения, не требовавшие вмешательства королевы, осуществлялись земельные и должностные пожалования.

Создание документов происходило также на нескольких уровнях: в центральной канцелярии, в резиденциях урядников, непосредственно на местах, где проводилось размежевание, «волочное» измерение, составление «комисейных» судовых листов и т. д. В отличие от великого князя, который, согласно одному из статей Статута 1529 г., не имел права осуществлять земельные и другие пожалования, подтверждать некогда данные пожалования (за исключением утверждения сделок купли-продажи), будучи вне Литовского государства²⁴⁴, королева Бона управляла литовскими и польскими имениями вне зависимости от того, где именно она находилась со своим двором. В соответствии

---

²⁴⁴ Zbiór praw litewskich od roku 1389 do roku 1529 tudzież rozprawy sejmowe o tychże prawach od roku 1544 do roku 1563. Poznań, 1841. S. 167; Литовский Статут 1529 года // Временник императорского московского общества истории и древностей российских. Кн. 18. Раздел II. Материалы. М., 1854. С. 11.

с тем же артикулом Статута великий князь мог жаловать землю в «вечное» владение, только находясь с панами-радами на сейме; королева же даровала своих подданных земель «на вечные часы»²⁴⁵, «до воли и ласки»²⁴⁶, «до живота»²⁴⁷, будучи как в Литве, так и в Польше.

2.2.1. Состав должностных лиц

Акты метрики Боны позволяют в общих чертах (хоть и с известной степенью условности) реконструировать организацию процесса управления именными королевы. Вполне очевидна двусторонняя связь между метрополией и региональными центрами, воплощенная в постоянном документообороте. Более или менее ясны функции, права и обязанности старших урядников Боны и других должностных лиц. Но в то же время кириллические документы содержат мало сведений о лицах, занимавших главные позиции в иерархии служащих королевы и неотрывно связанных с ее двором — руководителе канцелярии и управляющем двором.

Кириллические грамоты не дают полного представления о том, какая именно роль в организации деятельности канцелярии была отведена канцлеру Людовику Алифио. Из латинских документов следует, что в течение 1520–1532 гг. он регулярно принимал участие в посольствах в Италию и Рим, отстаивая интересы Боны и Сигизмунда I Старого в получении итальянского наследства королевы после смерти ее матери Изабеллы (1524 г.)²⁴⁸. В переписке Людовик Алифио именовался канцлером («*sacrae Maiestatis reginalis cancellarius*»), секретарем и послом королевы Боны («*secretario ac nuncio*»), доктором права

---

²⁴⁵ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 84 об.–85; Там же. Кн. 36. Л. 62 об.–64; Ревизия пуц и переходов. С. 82–83, 126–127, 253–254, 246–247 и др.

²⁴⁶ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 18. Л. 74–74 об.; Там же. Кн. 33. Л. 54–55, Л. 81–81 об.; Ревизия пуц и переходов. С. 127–128, 242 и др.

²⁴⁷ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 18. Л. 45 об.–46; Там же. Кн. 36. Л. 113–113 об. и др.

²⁴⁸ Приложение 2. С. 355.

(«*juris doctoris*»), бургграфом г. Краков («*castri nostri cracoviensis burgrabii*»)²⁴⁹. Известно всего несколько случаев, когда канцлер заверял своей подписью кириллические листы королевы. Сами документы были составлены «русским» писарем. Например, в 1528 г. Бона подтвердила права служебнику коронного канцлера К. Шидловецкого С.Ю. Орде на несколько дворищ в Пинском повете. Акт был записан Петром Кунцей и скреплен подписью Л. Алифио («Лодвик канцлер властную руку по латине»)²⁵⁰. Летом 1529 г. королевой был выдан ряд листов землевладельцам Селецкой волости, и в них также значится «рука» канцлера²⁵¹. Интересно, что один из этих документов, датированный 10 июля, был выдан в Пинске — это единственное из известных упоминаний пребывания Боны, а соответственно и Людовика Алифио, в центре бывшего удельного княжества²⁵². В судебном решении королевы 1551 г. упоминалось два данных листа, предоставленных королеве пинскими землями в качестве доказательства их прав. Один из этих документов был подписан канцлером Боны, а второй, более позднего времени, подтвержден и подписан ею самой²⁵³. В 1530 г., во время утверждения наследственных прав Сигизмунда II Августа на великокняжеский престол, Боной был издан латинский документ, подписанный ее канцлером, в котором она давала публичное обещание, что ее сыном будут подтверждены все права и привилегии литовской шляхты²⁵⁴.

---

²⁴⁹ В грамотах королевы он был упомянут как бургграф только один раз в 1528 г. («велеможный Лудвиг Алфей, букряба краковский, канцлер наш»): Ревизия пущ и переходов. С. 83.

²⁵⁰ Ревизия пущ и переходов. С. 82–83.

²⁵¹ Там же. С. 146, 149.

²⁵² Там же. С. 149–150. Впрочем, вполне вероятно, что в документ закралась описка — либо при составлении этого сборника грамот Г.Б. Воловичем в 1559 г., либо при его публикации в 1867 г. Как следует из крайних по хронологии документов, 29 июня и 24 июля королева находилась в Вильне (Ревизия пущ и переходов. С. 156–157, 150–151).

²⁵³ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 75 об.–76.

²⁵⁴ Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie wydane nakładem właściciela. T. V (1513–1547). Lwów, 1897. № CCI. S. 233–234.

Таким образом, Людовик Алифио был представителем интересов Боны Сфорца на международной арене, являясь ее доверенным лицом и советником; в некоторых случаях его подпись служила нотариальной заверкой грамот королевы. Остальные его функции и степень вовлеченности в руководство канцелярией из документов метрики королевы Боны не известны.

Управление двором королевы входило в обязанности ее охмистра (в латинской терминологии «*reginalis maiestatis curiae magister*»). По предположению М.К. Любавского эта должность была идентична великокняжескому маршалку с той лишь разницей, что охмистр состоял именно при дворе великой княгини²⁵⁵. Впрочем, в 1535 г. находим упоминание охмистра Сигизмунда II Августа Петра Опалинского, что указывает и на обособленность двора «молодого» короля, и на несколько иной статус этой придворной должности²⁵⁶. В качестве охмистра или гофмейстера (*magister seu praefectus curiae*, Hoffmaister) первую и третью супругу Сигизмунда II Августа, родных сестер Елизавету и Катарину Габсбург, в Польшу сопровождал Сигизмунд Герберштейн²⁵⁷.

Неотлучно находясь при королеве, охмистр занимался не только обеспечением двора всеми необходимыми ресурсами, но и являлся ее ближайшим советником. Организационный этап судебных процессов, проводившихся при дворе королевы, находился в ведении охмистра. Стороны, приезжавшие на суд в сроки, установленные «позовными» листами, объявляли ему о своем прибытии и предъявляли документы, необходимые для рассмотрения того или иного дела. В канцелярские книги по распоряжению охмистра могли вноситься соответствующие записи. Он же проводил предварительные слушания, по результатам которых представлял королеве отчет о сути тяжбы, и уже после этого от ее имени выдавался судебный лист. Вполне возможно, что в компетенцию охмистра входило и принятие собственных решений, впоследствии подтверждавшихся Боной.

---

²⁵⁵ Любавский М.К. Литовско-русский сейм. С. 421.

²⁵⁶ Archiwum Sanguszków. T. IV (1535–1547). Lwów, 1890. № III. S. 2–3.

²⁵⁷ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 84.

Точно такую же ситуацию наблюдаем и в поветовых судах: старосты королевы были вправе судить ее подданных, но в том случае, если они не могли самостоятельно вынести приговор, или же участники тяжбы пользовались своим правом обратиться к господарыне как к высшей судебной инстанции, дело передавалось «на вырок» Боне. Аудиенцию королева проводила в присутствии своего охмистра, писаря, а в ряде случаев — и других доверенных лиц.

В течение 1524–1551 гг. в должности управляющих двором Боны находились Миколай Вольский и Юрий Ежовский, поляки, занимавшие высокие административные посты в королевстве Польском. Первый из них в разные годы был каштеляном сохачовским, войницким, сандомирским, старостой саноцким, ломзенским, лянскорунским и вызненским²⁵⁸. В 1532 г. земляне Косиловичи, отстаивавшие свои права на имение Черничин Селецкой повета, «с росказанья» Боны прибыли ко двору, привезя с собой подтверждающий лист королевы. С этим документом и устными показаниями челобитчиков ознакомился М. Вольский: «которую жь жалобу и отьпор ихъ... пань Миколай... выслухавъши, намь отьказаль»²⁵⁹. В 1534 г. боярин М. Оксаков засвидетельствовал перед Вольским свой своевременный приезд на суд сразу по прибытию в Вильну («становиль на дворе ее милости, и в раду ее милости ся, пану охмистру, оповедиль»), в установленный срок был принят Боной и по ее указанию признан «вольным» от позовного листа²⁶⁰.

Каштелян варшавский и староста осецкий Юрий Ежовский был охмистром Боны в 1548–1551 гг. Впервые в качестве управляющего двором королевы («на тотъ час будучи на местцу охьмистра нашего») он был упомянут в ноябре 1548 г., вскоре после перенесения Боной своей резиденции в Варшаву. В 1550 г. державца рогачовский П. Попелжинский и его свояк, дворянин Боны В. Пилецкий, вызвали на королевский суд пинскую землянку с требованием предоставить «листы, привилья и всякие твердости, которы бы кольвекъ в себе мела», касавшиеся

²⁵⁸ Приложение 2. С. 355.

²⁵⁹ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 18. Л. 30 об.

²⁶⁰ Там же. Л. 132.

одного спорного имения. Прибыв на суд, стороны пошли на мировое соглашение («слушную, певную и приятельскую угоду»), заключенное с вedomо («через») Ю. Ежовского и писаря Я. Маковецкого. Ими же был составлен и подписан реестр движимого и недвижимого имущества этого имения, в том числе и относившихся к нему документов²⁶¹.

К числу высших должностных лиц канцелярии королевы, вероятно, можно отнести и князя-каноника варшавского Адама Пилиховского. В 1548 г. он упоминался в качестве писаря Боны и входил в состав комиссии, которая по поручению королевы была отправлена к урядникам Городенского повета с целью составления реестра «всех справъ и господерства... в тамошнихъ замькохъ и дворех»²⁶². В листе Ю.М. Радзивилла, которому А. Пилиховский в 1555 г. доставил «позовной» лист Боны, он был назван справцей королевы, то есть управляющим, без привязки к конкретному географическому объекту²⁶³. В том же году Бона писала о нем как о своем секретаре, предоставившем ей «справу и ведомость» относительно спорной земли Городенского повета, за которую судились вдова трокского конюшего Ивана Воловича и подданный королевы²⁶⁴. Значит ли это, что Пилиховский занимал должность охмистра Боны, являясь при этом ее посланником и доверенным лицом, выполнявшим особые поручения, или же он был своего рода референдарием королевы — например, как Якуб Уханьский²⁶⁵ — сказать сложно.

Состав должностных лиц Боны Сфорца, имевших прямое или косвенное отношение к работе центральной части канцелярии королевы и ее поветовых подразделений, представлен в Приложении 2. Приведенный список не претендует на исчерпывающий характер, однако следует полагать, что он в достаточной степени репрезентативен для первоначальной оценки масштабов деятельности

---

²⁶¹ Там же. Кн. 33. Л. 25 об.–27 об.

²⁶² Там же. Кн. 32. Л. 17 об.

²⁶³ Там же. Кн. 36. Л. 66 об.

²⁶⁴ Там же. Л. 68–68 об.

²⁶⁵ Приложение 2. С. 358.

канцелярии Боны, представления о сословном, этноконфессиональном составе ее служащих и задействованных в различных мероприятиях королевы должностных лиц. В некоторых имениях Боны в качестве урядников выступали известные государственные деятели Литовского государства. Специально назначенными «комиссарами» при разборе тех или иных судебных разбирательств являлись не только представители панских, княжеских родов и местной шляхты, но и представители римско-католического и православного духовенства.

Значительное количество должностных лиц королевы принадлежало к служилому дворянскому классу. В правовой терминологии Великого княжества Литовского понятие «дворянин» несколько отличалось от реалий Московского государства²⁶⁶. М.К. Любавский отмечал, что «в дворяне определялись обыкновенно молодые литовские паны, мелкие князья и молодые люди из областной аристократии... а также и совсем бедные безземельные шляхтичи, выходцы со стороны (из Польши и Москвы)»²⁶⁷. Суть дворянской службы описана в одной из грамот королевы Боны, которой она жаловала кременецкого мытника М. Скуйбеду поместьем: «у справахъ нашихъ, або тежъ подданныхъ нашихъ, где быхъмо ему [роскажем], або староста нашъ тамошний кременецкий росказаль, ездити»²⁶⁸. Как видно из других документов метрики королевы Боны, дворяне были задействованы в судопроизводстве, «волочном» измерении, составлении описаний и инвентарей, использовались в качестве «посланцев» при сношении двора королевы с ее урядниками, в некоторых случаях даже осуществляли контроль над деятельностью старост. Замечание М.К. Любавского о том, что дворянская служба «была для многих началом служебной карьеры»²⁶⁹,

---

²⁶⁶ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I. СПб., 1893. С. 646–647; Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. М., 1977. С. 194–195.

²⁶⁷ Любавский М.К. Литовско-русский сейм: Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства. М., 1900. С. 418.

²⁶⁸ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 8 об.–9.

²⁶⁹ Любавский М.К. Литовско-русский сейм. С. 418.

полностью оправдано, так как многие дворяне Боны впоследствии являлись управляющими и урядниками ее имений, а после ее отъезда в Италию были задействованы в великокняжеской канцелярии или занимали административные посты в Литве и Польше. Это же можно сказать и о других служащих канцелярии Боны Сфорца.

2.2.2. Практика выдачи грамот

Большая часть господарских данных, льготных, ставленных, подтвердительных листов составлялась на основании челобитий, которые подавались либо самими челобитчиками («поведил перед нами», «бил нам челом», «были тех часов у нас подданные наши»), либо передавались королеве ее урядниками, приезжавшими ко двору. Просителями являлись как частные лица, так и представители целых волостей («все посполство»).

Боной были удовлетворены прошения от населения: местечка Сеневка Клецкого повета об установлении льготных размеров податей (1524, 1534 гг.)²⁷⁰; Борисовской волости Виленского повета об отмене «новин», введенных воеводой виленским А.М. Гаштольдом (1534 г.)²⁷¹; места Кринского Городенского повета о размерах податей и входах в пуши (1549 г.)²⁷²; Рогачовской волости об уменьшении размера чинша из-за неурожая (1550 г.)²⁷³; повета Пинского об установлении размера «местских» повинностей (1551 г.)²⁷⁴; Усвятской волости Витебского повета о подтверждении цен на покупку зверя «по старине» (1555 г.)²⁷⁵ и т. д.

---

²⁷⁰ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 18. Л. 169–170.

²⁷¹ Там же. Л. 128 об.–129; Публ.: Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России (далее — АЮЗР). Т. 1. 1361–1598 гг. СПб., 1863. № 73. С. 62–63.

²⁷² РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 82–84 об.

²⁷³ Там же. Кн. 33. Л. 11 об.–12.

²⁷⁴ Там же. Л. 67–69.

²⁷⁵ Там же. Кн. 36. Л. 81–82.

Ходатаями и просителями о соблюдении интересов подданных королевы Боны, то есть инициаторами создания документов в ее канцелярии, выступали и сторонние лица — в первую очередь, старосты и наместники самой королевы (по выражению М.К. Любавского «поборники местных земских интересов»), а также государственные сановники, представители духовного сословия, крупные землевладельцы и даже император Священной Римской империи²⁷⁶.

Следует констатировать, что в Литовском государстве в первой половине XVI в. институт светских посредников в деле выдачи грамот и осуществления должностных пожалований был в достаточной степени развит. С.М. Каштанов провел параллель между посреднической деятельностью в каролингской и византийской канцелярской практике и практикой выдачи жалованных грамот в Рязанском княжестве в конце XIV — начале XVI в.²⁷⁷ Упоминания об участии посредников в выдаче грамоты в каролингских и византийских актах приводились в специальных пометах, а не в основном тексте документа; в рязанских актах подобные упоминания приводились перед corroborацией либо вместо нее²⁷⁸. В листах метрики королевы Боны обороты, сообщавшие о том, что документ создан по ходатайству конкретного лица, находятся в наррации или диспозиции. Челобитья, подкрепленные рекомендациями урядников, передавались Боне, вероятно, как в устной, так и в письменной форме. Упоминания прошений выражены оборотами: «за жеданьем» (в значении «ходатайство, просьба, желание»)²⁷⁹; «на жеданье а залеценье» (от польск. *zalecenie* — рекомендация); «за прозбою»; «на причину»; «за справою и писаньем листу». В отношении церковной инвеституры урядники королевы пользовались так называемым

---

²⁷⁶ В 1555 г. «цесарь... хрестиянский король», император Карл V Габсбург (1519-1556 гг.), «через лист а посла своего» просил Бону о пожаловании его слуге, некоему Карлу Корнелию, имения в Великом княжестве Литовском. Королева выдала ему и его потомкам данный лист на землю в Селецкой волости (РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 36. Л. 62 об.–64).

²⁷⁷ Каштанов С.М. Исследования. С. 289–303.

²⁷⁸ Там же. С. 303.

²⁷⁹ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 5. М., 1978. С. 69.

«правом представления (*jus praebendi, jus praesentationis*), или рекомендации известных лиц на должности священников и монастырских настоятелей»²⁸⁰. Об этом говорит в частности диспозитивная часть одного из ставленных листов Бона Сфорца, выданного на церковь Успения Богородицы в г. Ковель: «Ино мы на его чоломъбитье *и на причину старосты нашего* (курсив наш — *А.Б.*)... то вделали и тую церковь... есмо з ласки наше дали, и сим листом нашимъ до живота его даемъ»²⁸¹.

Известны случаи, когда Бона Сфорца сама выступала в качестве посредника между королем и великим князем, с одной стороны, и представителями православных духовных корпораций, с другой. В 1534 г. она ходатайствовала перед Сигизмундом I Старым о назначении епископа Макария, прибывшего некогда из Москвы вместе с великой княгиней Еленой Ивановной, митрополитом Киевским, Галицким и всея Руси²⁸². В 1535, 1537, 1540 гг. Бона просила короля в пользу игуменов Киево-Печерского монастыря²⁸³. В 1536 г. «за жеданьем» королевы Сигизмунд I Старый даровал князю Юрию Слуцкому право поставления архимандрита в этот монастырь²⁸⁴. Очевидно, что Бона ходатайствовала перед королем и за получение светскими лицами административных урядов в Польском королевстве и Великом княжестве

---

²⁸⁰ *Чистович И.А.* Очерк истории западнорусской церкви. СПб., 1882. Ч. I. С. 197; *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви. М., 2009. Т. 1. С. 605–606.

²⁸¹ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 86 об.–87 об. Идентичная формула содержится в диспозитивной части ставленного листа на пинский Варваринский монастырь, выданный игуменье О. Велятицкой по представлению старосты С. Фальчевского (Там же. Кн. 33. Л. 111).

²⁸² *Малиновский И.А.* Сборник материалов, относящихся к истории панов-рады Великого княжества Литовского. Томск, 1901. № XXI. С. 23–24; *Чистович И.А.* Очерк истории. С. 140.

²⁸³ *Макарий (Булгаков), митр.* История русской церкви Макария, архиепископа Литовского и Виленского. СПб., 1879. Т. IX. Кн. 4. История Западнорусской или Литовской митрополии. С. 274–275.

²⁸⁴ *Lietuvos metrika. Knyga Nr. 19 (1535-1537). Uzasymu knyga 19. Vilnius, 2009. № 37. S. 94-95.*

Литовском. В этой посреднической деятельности королевы находим общие черты с практиками Каролингского государства, где в некоторых случаях ходатаем и посредником могла являться императрица²⁸⁵.

В какой мере были заинтересованы в выдаче той или иной грамоты лица, игравшие роль посредников, из источников остается неизвестным. Можно предположить, что персоны, ходатайствовавшие перед представителями высшей власти в пользу некоего просителя, могли быть мотивированы последним с финансовой стороны. В некоторых случаях Бона осуществляла пожалования по собственному желанию, «з ласки господарской», имея в виду заслуги и верную службу ее подданных. Так, например, в 1549 г. писарь и ковельский староста королевы Богдан Михайлович Семашко получил в «вечное» пользование замок Мельницу за «верную а никгды не омешкалую службу»²⁸⁶. К области документирования, инициированного самой Боной, можно отнести ревизии прав землевладельцев, проводившиеся в Пинском, Кобринском поветах, дворах Мойшагола и Мстибогов, а также мероприятия, связанные с «волочным» измерением, осуществленным в пределах имений королевы.

Указные листы и должностные инструкции («науки») королевы Боны адресовались главным образом ее урядникам и содержали в себе конкретные распоряжения по управлению имениями в связи с: землевладением и землепользованием (листы об увязании, об измерении границ, о проверке межевых знаков, об отводе земли, о запрете продавать имения, пожалованные «до живота» и т. д.), налогообложением (листы о выяснении размеров податей, о соблюдении старых налогов, установлении новых, предоставлении льгот и т. д.), административным устройством (листы о назначении на должность, на иерейское или архиерейское место), судопроизводством (листы о проведении суда, о назначении судей, о выполнении судебных решений, о соблюдении Литовского

²⁸⁵ Каиштанов С.М. Исследования. С. 290.

²⁸⁶ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 84 об.–85. В этом данном листе отсутствует типичная формула «челом бил», что, вероятно, говорит о добровольном характере пожалования со стороны королевы.

Статута, «старины», прежних судебных решений и т. д.). В соответствии с указными листами Боны составлялись описания («реестры») свободного и несвободного населения, повинностей, движимого и недвижимого имущества (в том числе и церковного)²⁸⁷, земли, границ владений и т. д.

Подобного рода распоряжения доносились до урядников посредством «посланцев» — должностных лиц, которые не только передавали волеизъявление господаря на места, но также являлись своего рода агентами королевы, выполнявшими ее особые поручения и по необходимости контролировавшими деятельность старост и наместников. Помимо этого, урядники Боны регулярно сами приезжали ко двору. В таких случаях распоряжения королевы передавались в устной форме, а затем сопровождались указным листом либо «наукой», о чем свидетельствует типичный оборот наррации «яко есмо тебе усне рассказали, так и сим листом нашим приказуем». Возможно также, что иногда связующим звеном между Боней и ее урядниками выступали сами челобитчики, передававшие им решения королевы, принятые во время аудиенции.

---

²⁸⁷ См., напр., инвентарную опись имущества Спасского монастыря в г. Кобрин, созданную в 1549 г. по приказанию Боны Сфорца (Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею (*далее* — АВАК). Вильна, 1872. Т. VI. С. 492–494). За год до составления этого описания королева поручила своему пинскому старосте П.К. Мыльскому подготовить «справу» об имуществе клецкого князя-плебана. В указном листе Боны приведен детализированный перечень интересовавших ее вопросов: «наперед о земли его властьные церковьные, естли в гринцахъ, або ув одномъ обьрубѣ естъ, або естли пакъ по розныхъ мѣстьцахъ лежить, и якъ бы которые земли прозываны были, такъ тежъ, што за люди, а много ихъ, маеть млыны, ставы или што якое дубровы, лѣсы, або тежъ и иньшиѣ всякиѣ земьяныѣ а лѣсныѣ пожитьки, которые бы к тои плебанѣи належали, к тому тежъ естли якиѣ люди або платы у мѣсте нашомъ Клецкомъ маеть, и с которыхъ фольварьковъ нашихъ тамошнихъ, або тежъ боярьскихъ и людей и нашихъ волостныхъ ему десятина приходитъ и естли тежъ што съ скарбу нашего ему плачно бываетъ. О томъ бы ся еси всемъ и оньшихъ всякихъ малыхъ и великихъ пожитькахъ, которымъ бы кольвекъ именемъ названы были, и ку тои бы плебаниѣ клецкоѣ прислухали, штобы ся еси пыльне, правдыѣ и достаточне выведалъ» (РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 14–14 об.).

Зачастую должностным инструкциям королевы, предназначенным ее урядникам, или указным листам, адресованным ее подданным, предшествовали донесения, отчеты и иные документы справочного характера, поступавшие в канцелярию Боны от старост, ревизоров и посланцев — об этом также свидетельствует нарративная часть господарских листов. В большинстве случаев подобные «справы»²⁸⁸ имели своей целью предоставление господарине информации по вопросам спорного владения землей и податями. Посредством сбора сведений о действительном положении дел в разных частях ее владений королева отстаивала свои имущественные интересы, руководствуясь в то же время законодательными нормами Великого княжества Литовского, о чем говорят отсылки в ее листах к Статуту 1529 г. («водлуг обычая права Статуту посполитого земского»)²⁸⁹.

В некоторых случаях донесения о возникновении очередного конфликта интересов в связи с нарушением границ владений подданными того или иного землевладельца, присылавшиеся урядниками королевы ко двору, предвосхищали

---

²⁸⁸ В канцелярском языке Великого княжества Литовского первой половины XVI в. слово «справа» имеет несколько значений. Первое из них — «дело» (от польск. *sprawa*), «вопрос», «процесс», «тяжба» (Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 27. М., 2006. С. 81; Горбачевский Н.И. Словарь древнего актового языка Северо-Западного края и царства Польского. Вильна, 1874. С. 338; Новицкий И.П. Справочный словарь юридических терминов древнего актового языка юго-западной России. Киев, 1871. С. 24). «Справы», речь о которых пойдет ниже, очевидно, имели значение «справки», «известия», «ведомости». Под «справцей» же подразумевался «правитель, наместник» (Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 27. М., 2006. С. 86–87), «управляющий» какой-либо территорией — например, «справцей дворов Городенских» королевы Боны в 1551–1555 гг. был ее дворянин Себастьян Дыбовский (РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 17 об.–18 об.; Там же. Кн. 36. Л. 100–101 об. и др.); «справцей померы волок городенских» в 1546 г. — Андрей Непрецкий (Там же. Кн. 33. Л. 31).

²⁸⁹ Так, в одной из «наук» Бона разъясняла своему уряднику некоторые артикулы Статута и принятые к ним в 1548 г. узаконения, требуя от него их соблюдения в отношении клецких земян. Как сказано в документе, «справу» о постановлениях недавно прошедшего виленского сейма королеве предоставил бывший ее писарь, а на тот момент писарь Сигизмунда II Августа, Валериан Протасович-Сушковский (РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 2–3).

начало самого разбирательства. «Добре еси учинилъ, — писала Бона старосте П.К. Мыльскому в ответ на его письмо о «пожатъе жита» людьми панов Завишей в пределах имений королевы, — ижъ еси намъ о томъ даль знати. Естли потомъ до насъ в томъ з жалобю утекуть, будемъ ведати, што имъ маемъ отъказати»²⁹⁰. В указном листе 1552 г. королева предписывала селецким боярам Павловичам привезти ко двору документы, подтверждавшие их права на имение и тяглых людей, ссылаясь на то, что «то пакъ дана намъ справа, якъ бы отецъ вашъ небожъчик... тое именье... только до живота своего отъ насъ данные мель, а по животе его ижъ бы то все опять на насъ приити и припасти мело»²⁹¹. Вероятно, ситуацию со «спадковыми» землями, которые вновь становились собственностью Боны после смерти их пожизненных владельцев, должны были отслеживать ее урядники, и упомянутая в листе «справа» была подготовлена С. Фальчевским, являвшимся тогда державцей селецким. В 1553 г. подкоморий Г.А. Ходкевич «жедал» Бону об освобождении его имения от медовой дани, которая шла в пользу принадлежавшего ей Бельского замка, прося закрыть вход в его бортные уголья для подданных Бельской и Саражской волостей взамен на ежегодные выплаты в скарб королевы «готовизной» (т. е. наличными деньгами). Прошение пана Ходкевича было удовлетворено только после того, как королева, «хотячи в томъ певъную ведомость мети», получила исчерпывающую «справу» о размерах этой дани в ее натуральном и денежном эквивалентах от бельского наместника П. Конинского и дворянина М. Липского. Население указанных волостей, имевшее право на сбор меда во владениях А.Г. Ходкевича, должно было получить компенсацию за каждое бортное дерево в соответствии с их реестром, который велено было составить вижу П. Конинского совместно с урядниками пана Ходкевича²⁹².

---

²⁹⁰ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 13 об.

²⁹¹ Там же. Кн. 33. Л. 118.

²⁹² Там же. Л. 125 об.–128 об.

2.2.3. Организация судебного делопроизводства

Проводившиеся при дворе Боны разборы тяжб, которые оканчивались принятием «вырока» (от польск. *wyrok* — приговор, решение) и выдачей победившей стороне господарского судебного листа, являлись высшей формой гражданского судопроизводства для подданных королевы. На суд приезжали выходцы из разных регионов владений королевы, представители различных этнических групп (например, евреи²⁹³, татары²⁹⁴), различных слоев свободного населения, представители римско-католического²⁹⁵ и православного духовенства²⁹⁶. Очевидно, что судовые листы господарыни, включенные в книги метрики королевы Боны, являются лишь незначительной частью всего объема документов, связанных с судопроизводством в ее имениях. Основная их масса, служившая доказательной базой для ответчиков в суде и носившая информационно-справочную функцию для королевы, принимавшей на их основании «вырок» по конкретной тяжбе, составлялась на уровне поветовых канцелярий. Упоминания подобных документов различных разновидностей, приобщенных к тому или иному судебному делу, фигурируют в наррации судовых листов Боны. Их интерполяции в текст составлявшейся королевской грамоты довольно редки. Например, в лист Боны 1550 г., подтверждавший землянину П.Г. Воловичу земельную «отмену», был включен «квит» 1546 г. «справцы» дворов Городенских и местного волочного измерения А. Непрецкого,

---

²⁹³ Бершадский С.А. Русско-еврейский архив. Документы и материалы для истории евреев в России. Т. I. Документы и регесты к истории литовских евреев (1388–1550). СПб., 1882. № 352. С. 330–334; РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 62 об.–66; Там же. Кн. 33. Л. 75 об.–76 об.; Там же. Кн. 36. Л. 40 об. и др.

²⁹⁴ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 73–74 и др.

²⁹⁵ Там же. Л. 30–32 об. и др.

²⁹⁶ Акты, относящиеся к истории западной России, собранные Археографической комиссией. Т. 5 (1633–1699). СПб., 1853. № 2. С. 4–5; РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 106. Л. 138–143; Там же. Кн. 33. Л. 44 об.–46 и др.

писанный «по-полску»²⁹⁷. В судебном листе 1551 г., содержащем решение по долговой тяжбе между городенскими евреями, также фигурировал некий «квит», писанный «по-жидовску». В этом случае документ не был включен в лист королевы, но его правовая сущность была зафиксирована в наррации²⁹⁸.

Организация судебного делопроизводства и судебных слушаний в имениях Боны происходила на нескольких уровнях. В 1549 г. королева удовлетворила челобитье селецких земян, просивших ее о предоставлении им возможности проведения судов в самом Сельце, обосновывая свое прошение «далекою дорогою» до Кобрин, в котором находился «уряд» старосты кобринского и державцы селецкого. Судебная система для населения Селецкой волости трансформировалась следующим образом. Слушания проводились в Сельце раз в месяц выбранными «всем посполством» тремя земянами (двое из них были выбраны непосредственно земянами, один — приставлен старостой) под руководством либо самого старосты кобринского С. Фальчевского, либо его селецкого урядника. В том случае, если участникам тяжбы выносился несправедливый приговор («вближенье справедливости здало») урядником Фальчевского, они имели право подать апелляцию («отъ нихъ... маеть апелация и отозванье быти») в старостинский суд, в Кобрин. При повторении ситуации истец или ответчик, «яко есть обычаи права тамошнего Великого князства», уже отзывал свое дело на суд королевы Боны²⁹⁹.

В уставном листе королевы «всему посполству» Пинского повета 1551 г. описана такая же система организации судопроизводства, включавшая в себя суды старосты пинского и его подстаростих: «А отъ подстаростего суда маеть

---

²⁹⁷ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 31–31 об. В книгу-копию Литовской метрики этот документ вписан кириллицей. Его самоназвание — «выпис реистру померного»; «квитом» его называет лист королевы Боны. Прямое значение термина «квит» (от польск. *kwit*) — расписка, квитанция (Новицкий И.П. Справочный словарь. С. 13). Значение употребления этого понятия в отношении документов, связанных с аграрными мероприятиями, еще предстоит выяснить.

²⁹⁸ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 76 об.–77 об.

²⁹⁹ Там же. Кн. 32. Л. 51 об.–53.

отозванье влостьное мешанину каждому пинскому быть до старосты самого пинского... А естли ся зъ суда старостиного которому мешанину кривда з дать будеть, а до нас ся в томъ на вырокъ нашъ з оною справою отъзоветь, тогды староста имъ, обеюмъ сторонамъ, рокъ певный перед нами стати имъ зложити и выписы онои справы под печатью своею с книгъ судовых замъковыхъ на обе стороне дать повинен»³⁰⁰.

Логично предположить, что суды в других частях владений королевы были организованы точно так же. Таким образом, на каждом из описанных уровней составлялось значительное количество актовых и делопроизводственных источников.

Отправляясь ко двору, участники тяжбы брали «выпис» из местных урядовых книг («книги замковые», «книги судовые», «книги местские», «книги поветовые») — документ, в котором была изложена суть тяжбы; зафиксированы показания сторон и свидетелей; приведены результаты расследования специальной комиссии; изложен «вырок» поветового суда. Наряду с подобными «выписами» фигурировали и судовые листы комиссаров — уполномоченных королевой лиц, проводивших следствие непосредственно на местах. В 1532 г. комиссия в составе старосты кобринского В.С. Костевича и дворянина П. Тишковича выдала лист с подробным описанием судебного расследования землянину С.Е. Пришихвостскому: «И на то ему листъ свой судовый под печатьми своими дали. У которомъ же листе весь поступъ суда ихъ есть широко описанъ». Находясь в Кракове, Бона выдала Пришихвостскому свое подтверждение, ссылаясь на «лист судовый комисарский» как на основной правовой источник³⁰¹.

«Выписы» заверялись либо «местскою» печатью, либо «подписом» руки и печатью урядника королевы. Очевидно, судебные книги содержались в каждой поветовой канцелярии. В метрике королевы Боны упоминаются кобринские книги В.С. Костевича (1532 г.)³⁰² и С. Фальчевского (1551 г.)³⁰³; книги пинские

³⁰⁰ Там же. Кн. 33. Л. 69.

³⁰¹ Там же. Кн. 18. Л. 68 об.–70.

³⁰² Там же. Л. 46–46 об., Л. 48–49.

И.М. Хоревича (ранее 1544 г.)³⁰⁴, П.К. Мыльского (1549, 1550 гг.)³⁰⁵, С. Фальчевского (1551, 1555 гг.)³⁰⁶; книги городенские В.Г. Кимбара (1548, 1549, 1551 гг.)³⁰⁷ и Л. Михайловича (1555 г.)³⁰⁸; скидельские и кринские Л. Михайловича (1549 г.)³⁰⁹; бельские П. Конинского (1549 г.)³¹⁰; кременецкие П.М. Семашко (1551 г.)³¹¹ и т. д.

Несоблюдение урядниками королевы заведенного порядка содержания и хранения замковых судовых книг, внесения в них записей, предоставления «выписов», своевольное изменение размеров пошлин, взимаемых за процедуры, связанные с судопроизводством («записное», «вижовое», «оглядное», «децкованье» и т.д.), вызывали недовольство шляхты.

В 1549 г. бояре Клецкого замка «присылали» своих представителей ко двору Боны с жалобой на пинского старосту П.К. Мыльского и его клецкого подстаростего, сообщая о том, что их «служебники», часто сменяя друг друга на замковом уряде, увозят с собой «книги судовые справ своих». Служебник, вступавший в должность следующим, вероятно, привозил свои «книги справ» и отказывался признавать ранее назначенные сроки судов и внесенные пошлины: «А которые потомъ врядники на уряд наеждчають, тогды того, што першии врядникъ присудить по прошьлымъ року, отъправити не хочеть, и велить имъ (боярам — А.Б.) перед собою знову право мети для пожитьковъ своихъ»³¹². В указном листе, последовавшем за челобитьем клецких подданных, Бона потребовала от своего старосты, чтобы «на вряде тамошьнемъ в замку Клецкомъ

---

³⁰³ Там же. Кн. 33. Л. 58 об.

³⁰⁴ Ревизия пущ и переходов. С. 277.

³⁰⁵ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 78 об.–81; Ревизия пущ и переходов. С. 325–326.

³⁰⁶ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 58 об.; Ревизия пущ и переходов. С. 144.

³⁰⁷ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 20–21, Л. 66–67; Там же. Кн. 33. Л. 76 об.–77 об.

³⁰⁸ Ревизия пущ и переходов. С. 174.

³⁰⁹ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 54–54 об.

³¹⁰ Там же. Л. 76.

³¹¹ Там же. Кн. 33. Л. 78 об.–80.

³¹² Там же. Кн. 32. Л. 80.

врядники люди добрие мель и книги справь ихъ судовыхъ, коли з уряду зъездчають, ижъ бы еси имъ тамъ при замьку зоставовати велелъ, бо таковыя справы судовыя завъсегды на мѣстѣцу зоставълѣны быти мають»³¹³.

Частые жалобы населения Пинского повета на систематические нарушения старостой П.К. Мыльским и его «служебниками» сложившегося порядка сбора пошлин и исполнения подданными королевы повинностей привело к тому, что в 1551 г. Бона «з воли и ласки» дала всему пинскому «поспольству» уставной лист («постановленье»), в котором фиксировалась система местного налогообложения. Отдельно был прописан размер пошлин, взимаемых за внесение «справ» в судовые книги и за предоставление из них заверенных урядником «выписов»: «А писарь старостин отъ записыванья справь мѣщанскихъ, естли ся якое малое дело пригодить, тогды грош один. А где ся якая справа большая записывати до книгъ судовыхъ старостиных и подстаростего притрафить, тогды по два. А наболеи по три гроша записного брати отъ мѣщан пинскихъ маеть. А отъ выпису с книгъ судовых, коли кому под старостиною або подстаростего его печатью чого потреба, тогды такъжо маеть брано быти, яко и отъ записыванья»³¹⁴.

Стремление литовской шляхты отстаивать свои права в области публичного удостоверения сведений, вносившихся в книги³¹⁵, и действия королевы Боны, направленные на то, чтобы оградить своих подданных от злоупотреблений урядников (а также сам факт существования этих злоупотреблений) подчеркивают значимость поветовых судебных книг в правовой культуре Великого княжества Литовского во второй четверти XVI в. Выяснение

---

³¹³ Там же. Л. 81.

³¹⁴ Там же. Кн. 33. Л. 68 об.

³¹⁵ Согласно А.С. Лаппо-Данилевскому внесение текста грамоты в записные книги являлось одним из вариантов «публичного удостоверения» актов (*Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов. СПб., 2007. С. 117*). Писарские записи (делопроизводственные источники) о том или ином совершившемся факте, таким образом, также приобретали юридическую силу («публично удостоверались») после их внесения в урядовую книгу.

особенностей деятельности поветовых канцелярий, установление состава и содержания как актов, так и делопроизводственных источников, вносившихся в «урядовые» книги, необходимо для исследования документальной традиции Литовского государства. Очевидно, что видовой состав документов, включенных в книги местного делопроизводства, отличается от состава книг Литовской метрики. Изучение внутренней формы листов «дельчих», «граничных», «увязчих», «комисейных», «веновных», «вижовых», «позовных», «напоминальных», «долговых записов», «квитов», «тестаментов» и др. – то есть тех документов, которые носили справочную, вспомогательную функцию в господарской канцелярии и крайне редко интерполировались в текст создававшихся там грамот – заметно обогатит дипломатику литовско-русских актов.

2.2.4. Процесс документирования

Для реконструкции деятельности канцелярии королевы Боны немаловажное значение имеет выяснение процедуры изготовления документов. Из-за отсутствия каких-либо конкретных сведений в источниках это возможно только на уровне предположений. Проблему усугубляет и то, что основная часть документального наследия канцелярии королевы сохранилась в составе копийных книг. Это лишает нас возможности прибегнуть к инструментарию целого ряда вспомогательных исторических дисциплин, которые могли бы пролить свет на интересующие нас вопросы.

Как уже было сказано, создание в канцелярии значительной части документов инициировалось челобитчиками (либо ходатаями, продвигавшими челобитья) и участниками судебных процессов. Содержание нарративной части актов королевы говорит о ее непосредственном участии в принятии решения об удовлетворении челобитий, вынесении приговоров и отдаче приказа о создании документа. В указных листах, являвшихся ответами на те или иные запросы урядников, приводятся конкретные разъяснения и инструкции, явно записанные под диктовку королевы. В качестве советников и экспертов, игравших

определенную роль в момент принятия решения о создании документа, в ряде листов Боны упоминаются ее канцлер, охмистры, некоторые старосты и писари.

Впервые круг лиц, имевших отношение к выдаче господарских подтвердительных листов, был описан в документах, изданных в Кракове 1-8 марта 1524 г. Примерно с этого времени королева начала активно управлять своими имениями и, скорее всего, именно в эти сроки ею проводилось подтверждение старых пожалований и первая проверка прав пинских и клецких землевладельцев. Формулой корроборации «при том были» обозначен состав группы советников королевы, принимавших участие в рассмотрении подававшихся на подтверждение листов и челобитий. В эту группу входили: канцлер Людовик Алифио, охмистр Миколай Вольский, маршалок и писарь Сигизмунда I Старого Копот Васильевич, князь-бискуп каменецкий Лаврин³¹⁶. За одним исключением это единственный случай, когда писарь короля был привлечен к работе канцелярии Боны³¹⁷. Вполне возможно, Копот Васильевич был и составителем этих документов³¹⁸.

Помимо указанных лиц, в качестве свидетелей составления документов в канцелярии королевы упоминались: князь-кантор и латинский писарь Боны Я. Левицкий (1524–1526 гг.)³¹⁹, староста пинский И.М. Хоревич (1528–1529 гг.)³²⁰, а также охмистр Ю. Ежовский, староста кобринский С. Фальчевский и дворянин

---

³¹⁶ Ревизия пущ и переходов. С. 246–247, 215–216, 269–270, 266–267, 291–292, 273–274, 292–293, 271–273, 337. В нескольких указных и подтвердительных листах королевы, датированных теми же числами 1524 г., свидетели не указаны (Там же. С. 65–66, 123–124, 297–298, 339–340, 345–346, 356).

³¹⁷ См. писарскую запись о распоряжении Боны, внесенную в книгу записей 18 охмистром М. Вольским и писарем короля М.В. Свинуским в 1532 г.: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 18. Л. 32 об.–33.

³¹⁸ В качестве писаря упоминается в 1507–1530 гг. (*Wolff. J. Senatorowie i dygnitarze Wielkiego ksiestwa Litewskiego (1386–1795). Krakow, 1885. S. 259*).

³¹⁹ Ревизия пущ и переходов. С. 259–260, 226–227, 258, 257, 285–286.

³²⁰ Там же. С. 82–83, 303–304.

Я. Осмольский — последние трое в одном документе 1548 г.³²¹ Процесс совещания с советниками (постоянно присутствовавшим при королеве охмистром или специалистом по местным вопросам — старостой) выражен в наррации актов Боны оборотом «учинили обмову». Таковыми в разные годы были: упоминавшийся Ю. Ежовский³²², ковельский староста Б.М. Семашко³²³, пинский староста П.К. Мыльский³²⁴, городенский староста В.Г. Кимбар³²⁵, кременецкий староста С. Фальчевский³²⁶.

Косвенными указаниями на то, что роль Боны в создании документа не ограничивалась одним лишь изъявлением воли и вынесением общего решения по тому или иному случаю, являются некоторые обороты и компоненты формуляра выдававшихся грамот. Например, в ранних актах по управлению бывшим Пинским княжеством нетипичными по сравнению с более поздними документами являются такие компоненты формуляра как инскрипция и салютация (*salutatio*). В кириллических указных листах королевы старосте И.М. Хоревичу 1524 г. находим обороты, более похожие на интерпретацию латинской культуры письма: «врожоный... ласка наша», «врожоный, верне нам милый» (в латинских актах: *gratiam nostram reginalem, generose fidelis dilecte*)³²⁷.

Помимо этого интересны элементы «живого языка» похожие на прямую речь, довольно-таки редко встречающиеся в сухих актовых формулах. В 1532 г. Бона указывала витебскому воеводе Я.Ю. Глебовичу, чтобы он «за поруку дати казалъ до науки» королевы не явившихся на суд слугу путного из Оболецкой волости и его «потужников», «бо мы, — как значилось в грамоте, — таковыхъ

³²¹ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 24–25.

³²² Приложение 2. С. 355.

³²³ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 30–32 об.

³²⁴ Там же.

³²⁵ Там же. Л. 67–69.

³²⁶ Там же. Кн. 33. Л. 4.

³²⁷ Ревизия пущ и переходов. С. 65–66, 123–124, 297–298. Ср., напр.: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 18. Л. 33–34 об., Л. 147 об.–148.

непослушныхъ без каранья мети не хотимъ»³²⁸. Получив очередную жалобу на своего старосту П.К. Мыльского, Бона в 1548 г. писала ему, что если содержание этой жалобы соответствует действительности, то «тогда быхъмо тебе того не могли хвалити, и ласки нашої тебе бы то не принесло»³²⁹. В инструкциях и указаниях королевы, передававшихся подданным и должностным лицам через ее урядников, иногда подчеркивалось, что это волеизъявление самой государыни: «иж бысь... всих до себе возвалъ и нашимъ именемъ грозно приказалъ», «подданымъ нашимъ... именемъ нашимъ росказалъ, ижъ бы пана... за урядника нашего мели и его послушни были»³³⁰.

Вопрос о том, всегда ли при Боне присутствовал писарь, который фиксировал суть принятого решения непосредственно во время аудиенции, «обмовы», или же это решение передавалось впоследствии писарю канцлером, охмистром, секретарем, референдарием королевы, остается без ответа. Часто встречающаяся в документах формула «господарыня рачила росказати писати лист» не исключает ни одного из этих вариантов.

Упоминания черновиков («отпусков») изготовлявшихся документов в метрике королевы Боны не встречаются. Не находим и упоминаний ни о дьяках, ни о подьячих, состоявших на службе в центральной части ее канцелярии. Известные по своим сигнатурам и упоминаниям, не связанным с делопроизводством, писари королевы принадлежали к числу высшего католического духовенства³³¹. Многие из них (как, кстати, и другие должностные лица Боны) со временем перешли на службу в государственную канцелярию и занимали высокие административные посты. Некоторые урядники также именовались писарями государыни. Возможно, этот статус они приобретали как руководители поветовых канцелярий. Как бы то ни было, встречаются упоминания «служебников» старост королевы, занимавшихся написанием и

³²⁸ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 18. Л. 59.

³²⁹ Там же. Кн. 32. Л. 7–9 об.

³³⁰ Там же. Кн. 33. Л. 2 об., Л. 29 об., Л. 129; Кн. 32. Л. 12, Л. 75 об.

³³¹ Приложение 2. С. 356–358.

визированием документов: известны писарь И.М. Хоревича Быховец Павлович³³² и дьяк В.Г. Кимбара, который запечатал и подписал «квит» своего наместника³³³.

Непосредственное составление документа той или иной разновидности могло происходить либо на основании специальных формуляриков, не сохранившихся до нашего времени, либо по аналогии с идентичными по структуре документами, вписанными ранее в «поточные» или «записовые» книги. На первый взгляд в формулярах грамот королевы Боны не обнаруживается принципиальных отличий от синхронных им документов, созданных в государственной канцелярии. Этот вопрос требует специального исследования. Внеканцелярское происхождение изучаемых документов едва ли было возможно.

Грамоты Боны, закреплявшие какое-либо пожалование, удостоверялись ее подписью («*Bona Regina etc.*») и приложением печати (вислой или прикладной). Эти сведения имеются как в корроборации некоторых копийных документов, так и в писарских записях, предшествовавших документам, вписанным в «записовые» книги. Требуют выяснения по упоминаниям в книгах-копиях способы крепления печатей Боны в зависимости от разновидности того или иного акта, а также случаи использования государственной печати в документах, которые относятся к метрике королевы Боны. В этих же писарских записях порой встречаются упоминания материала письма (бумага и пергамен), на котором был выполнен тот или иной документ. Выявление сохранившихся подлинных грамот королевы и изучение их внешней формы позволит провести палеографическое изучение почерков, которыми составлялся документ, установить, в каких случаях ставилась сигнатура писаря, а в каких — сигнатура самой Боны Сфорца.

Для истории изучения документальной традиции Великого княжества Литовского немаловажно выяснение вопросов, связанных с бытованием текста акта во времени: установление смысловых и лингвистических расхождений между подлинными документами и их копиями середины XVI в., рубежа XVI–

---

³³² Ревизия пущ и переходов. С. 94.

³³³ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 76 об.

XVII вв. и более позднего времени, когда тексты продолжали записываться в книги Литовской метрики кириллическим письмом («по-руску писаныи»), а не в польской транслитерации. В отношении документального наследия королевы Боны мы имеем и некоторые оригинальные кириллические грамоты, относящиеся к периоду 1522–1556 гг., и «записовые» книги 1554, 1559 гг., и копиянные книги 1597 г., и интерполяции ее грамот в подтверждающие листы польских королей вплоть до прекращения существования Речи Посполитой как государственного образования. Очевидно, что в каждом из этих случаев мы сталкиваемся с проявлением разных форм делопроизводственной практики, сменявших друг друга на протяжении нескольких столетий.

2.2.5. Практика ведения и хранения канцелярских книг

Теперь обратимся к упоминаниям «книг королевы», которые хоть и не часто, но все же встречаются в документах метрики Боны. Их мы находим в писарских записях, которые составлялись как по особому распоряжению самой государыни, так и по инициативе ее писарей. Прямые и косвенные указания на их существование следуют из практики повторной выдачи подданным королевы утраченных документов³³⁴. Остается неизвестным, что именно представляли собой эти книги. Вероятно, следует различать книги «записовые», «поточные»³³⁵ («текущие книги» по Н.Г. Бережкову³³⁶) и «реестры». К «записовым» можно отнести сборники, сложившиеся во время проведения Боной документальной

---

³³⁴ В великокняжеской канцелярии точно так же практиковалось восстановление документов на основании записей, внесенных в книги Литовской метрики. См.: *Любавский М.К.* Литовско-русский сейм. С. 389.

³³⁵ Здесь используются определения, предложенные И.П. Новицким: «записовыми книгами назывались те, в которые вносились документы явленные, а не сознанные...»; «в поточные книги вносились акты сознанные – жалобы, протесты, объявления, донесения возных доставлении позвов, о вводах во владение и т.п.» (*Новицкий И.П.* Справочный словарь. С. 10, 20).

³³⁶ *Бережков Н.Г.* Литовская метрика. С. 46–56.

ревизии среди ее подданных; к «поточным» — книги текущего делопроизводства, в которые вносились копии исходящих документов, писарские записи и т. д. Словом «реестр» в Литовской метрике обозначались разного рода списки, перечни, описания («пописы»), инвентарные описи: упоминаются реестры «кривд», имений, подвод, повинностей, бояр, бортных деревьев, «рухомой маетности» (движимого имущества), документов. Так, самоназвание актовой книги 1554 г., которую следует отнести к «записовым» книгам, так как ее составляют «явленные документы», — «Реестр списованья привильев землян, шляхты повету Пинского и попов наданья замку Пинского»³³⁷. Реестры-описания создавались должностными лицами, состоявшими на службе Боны. Вероятно, их оригиналы хранились в скарбе королевы, а копии оставались в распоряжении ее старших урядников³³⁸.

Поточные книги содержались и велись при дворе королевы ее писарями (возможно, при некотором участии канцлера и охмистра). Сложно сказать, перемещался ли штат канцелярии, равно как и скарб с хранящейся в нем документацией, во время переездов Боны и ее двора. Надо полагать, что книги канцелярии все же сопровождали королеву в ее поездках, о чем говорит указание места выдачи некоторых грамот — едва ли записи исходящих документов вносились в поточные книги только после возвращения Боны в ее основную резиденцию.

Еще одним косвенным признаком можно считать указание королевы боярам Павловичам привезти письменные доказательства их прав на владение имением туда, «где на тотъ часъ з дворомъ нашимъ щастливе будемо»³³⁹. Факт закрепления за ними имения или же обратный результат — его переход в собственность королевы, так или иначе должен был быть зафиксирован.

---

³³⁷ Ревизия пущ и переходов. С. 215.

³³⁸ Например, описание имущества Кобринского Спасского монастыря (1549 г.) было составлено дворянином С.Е. Пришихвостским в двух экземплярах, один из которых был доставлен Боне, а второй остался у архимандрита (АВАК. Вильна, 1872. Т. VI. С. 492–494).

³³⁹ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 118.

Упоминания канцелярских поточных книг королевы Боны содержатся главным образом в писарских записях, в которых фиксировалась «пильность» (от польск. *pilność* — усердие, прилежание) лиц, приезжавших на суд ко двору, — то есть выполнение одной из судящихся сторон (истца или ответчика) сроков и условий явки, описанных в «позовном» листе. По истечении установленного трехдневного срока ожидания прибывшая на суд сторона заявляла об отсутствии второй стороны, и дело решалось в ее пользу.

Обороты, выражавшие волеизъявление государыни о фиксации в книгах «пильности» или «оповеданья», следующие: «И то ее милость в сии книги записати розказала»³⁴⁰; «А такъ королевая... тую пильность... казала у книги записати»³⁴¹; «А такъ королевая... тую речъ обеюхъ сторонъ у къниги записати казала»³⁴². В ряде случаев, так же как и в практике ведения поветового судопроизводства, участники тяжбы брали «выписы» из поточных книг Боны: «з розказанья королевой... а на жаданье пана Льва Михайловича тое оповеданье его есть у книги королевое... записано и выпис есть выдан»³⁴³. Не известно, всегда ли требовалось прямое распоряжение Боны для внесения в книги подобных записей. Возможно, ее подданные могли самостоятельно инициировать создание писарской записи, обращаясь к писарям королевы и следуя установленному размеру пошлины. Так, некие Мисан и Ицхак, «позвав позвы» на суд ко двору Боны «доктора жидовского городенского Мордухая» и не дождавшись в назначенный срок ни его самого, ни его представителей, «пилность свою у книги записати дали (курсив наш — А.Б.)»³⁴⁴.

Говорить о том, с какого именно времени в канцелярии королевы начали вестись книги текущего делопроизводства, в каком именно виде они

---

³⁴⁰ Там же.

³⁴¹ Там же. Л. 28 об., Л. 29 об.

³⁴² Там же. Кн. 32. Л. 55.

³⁴³ Там же. Кн. 33. Л. 50 об. «Выпис» из книг по указанию королевы также был выдан землянке Ф. Чарниковской (РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 53 об.).

³⁴⁴ Там же. Кн. 33. Л. 12.

поддерживались писарями, с какой периодичностью в них вносились записи справочного характера, и какие именно исходящие документы в них копировались, можно только на уровне предположений. В нашем распоряжении имеется всего три книги³⁴⁵, которые можно отнести к «поточным», учитывая то, что входящие в них документы большей частью расположены в хронологическом порядке.

Содержание поточных документов 1548–1555 гг., масштабная деятельность по кодификации грамот, подтверждавших права землевладельцев на имения (предположительно — 1524, 1533, 1534, 1554 гг.), «волочное» измерение и связанное с ним составление реестров, описаний, документов по перераспределению земель, многочисленные упоминания в Литовской метрике и других источниках листов королевы и ее должностных лиц – все это говорит об активном участии Боны Сфорца в управлении своими владениями на протяжении более 30 лет. Поэтому следует предположить, что «поточные» и «записовые» книги велись в канцелярии королевы все время ее пребывания на польском и литовском престолах, а не только после смерти Сигизмунда I Старого (1548 г.), как считал С.Л. Пташицкий³⁴⁶. Часть архива королевы Боны могла погибнуть, часть до сих пор сокрыта в архивохранилищах и музейных коллекциях. Задача полного и исчерпывающего выявления документов, относящихся к деятельности канцелярии королевы, едва ли выполнима, хотя, безусловно, дальнейший поиск и учет этих документов, сохранившихся в виде подлинников, копий и упоминаний, поможет приблизить ее решение.

В ряде актов содержатся ценные сведения, подтверждающие, во-первых, предположение о том, что первая документальная ревизия проводилась королевой в 1524 г., и, во-вторых, факт составления «записовых» книг как источника справочной информации и их дальнейшего хранения в скарбе.

---

³⁴⁵ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32, 33, 36. Так, заголовок 32-й книги записей — «Метрика королевое Боны. Данины, декрета и листы поточные» (РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. XI).

³⁴⁶ Пташицкий С.Л. Описание книг и актов Литовской метрики. СПб., 1887. С. 219.

В 1542 г. Бона получила челобитье от пинских евреев Рыжковичей, которые утратили все «листы и твердости» на принадлежавшее им дворыще в с. Крайновичи в результате пожара, случившегося «зъ божого допущенья» в Пинске. В огне погиб данный лист князя Ф.И. Ярославича и княгини Олены, подтвердительный лист Сигизмунда I Старого и подтвердительный лист королевы Боны. Суть челобитья заключалась в прошении о выдаче нового листа, подтверждающего первоначальное пожалование Ярославичей, данное отцу Рыжковичей Аврааму «на вечность». В наррации листа Боны 1542 г. описана практика обращения к неким «скарбным книгам» для уточнения социально-правового статуса челобитчиков: «Ино мы казали то въ книгах нашихъ скарбныхъ гледети, въ которыхъ книгахъ суть вси тые бояре пинские и иные подданные наши тамошныя, которые передъ нами листы, твердости свои покладали, описано». В эти книги копировались приносившиеся королеве для подтверждения данные и прочие грамоты ее предшественников по землевладению: «где жъ въ оныхъ книгахъ и ихъ тежъ листы, которые отецъ ихъ, небожчикъ Аврамъ Рыжковичъ, на тое дворыще передъ нами покладываль, есть описаны»³⁴⁷.

Еще одно свидетельство хранения «записовых» книг как в скарбе Боны, так и в «скринках» ее урядников, а также существования практики обращения к ним для восстановления утраченных грамот³⁴⁸, находим в листе пинского «и иных» старосты И.М. Хоревича 1543 г. Городецкий землянин Т. Баранович, жалуясь на подстаростего Б. Скирмонта, который принуждал его к выполнению тяглых повинностей, сообщил о потере документов, освобождавших его от всех служб, кроме военной, во время набега татар на Давид-Городок («яко татарове въ

---

³⁴⁷ Ревизия пущ и переходов. С. 313.

³⁴⁸ Выдача повторных документов в канцелярии королевы осуществлялась и на других основаниях. В 1533 г. Боне было подано прошение от оболецкого боярина, у которого сгорел данный лист королевы, но не целиком: «тоть листь нашъ с пригоды згорел, и што ся его троха штось не згорелого с подписомъ руки наше зостало». Осмотрев остаток листа со своей инскрипцией, Бона «з ласки» выдала дублирующую его грамоту (РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 18. Л. 72 об.–73).

Городку были, листы побрали»). И.М. Хоревич, «хотечы того добре ведать, если же онъ есть боярынъ, або ни, смотреломъ у книгахъ тыхъ, которые, ездечы, пописываль по всей земли великого князства Литовского и старость моихъ, дворенинъ господарыни королевое, ее милости, панъ Кирдей»³⁴⁹. Пинский староста, таким образом, имел в своем распоряжении «реестры списанья привилъев» и записи о владениях местных бояр³⁵⁰. Упоминание некоего дворянина Боны Кирдея, занимавшегося переписыванием прав и привилегий шляхты не только в пределах бывшего Пинского и Клецкого княжества («по всей земли... старость моихъ»), но, вероятно, и в других частях владений королевы, позволяет сделать предположение о существовании значительного количества подобных «записовых» книг в ее скарбе.

Является ли определение книги как «скарбной» характеристикой, отличающей ее от книг текущего делопроизводства? Следует полагать, что является³⁵¹. Скарб был одновременно и финансовым учреждением (казной), и архивохранилищем. Вероятно, именно там содержались грамоты, выданные Боне на имения (великокняжеские и частные данные, меновные, записные листы), документы, подтверждавшие ее права на обладание доходными местами (права на

---

³⁴⁹ Ревизия пущ и переходов. С. 338.

³⁵⁰ Под «записями о владениях» имеются в виду писарские записи, фиксировавшие принадлежность «земли», «землицы» лицам простого сословия, не имевшим на то данных листов. В книге записей 18 встречаем такие упоминания: «на то листа никоторого не положиль, бо есть слуга путьный, листовъ таковымъ не дають». Или: «на то листа никоторого не положиль, бо его, якъ простыи человекъ, не мель» (РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 18. Л. 85, 85 об.).

³⁵¹ Словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона определяет скарбовые книги как источник, содержащий информацию исключительно экономического характера: «Скарбовые книги или метрика – велись в скарбе, главном финансовом органе литовского государства, особыми лицами, скарбниками, и заключали в себе приходо-расходные книги, отчеты земских подскарбиев, поборовые реестры, инвентари поземельных владений, подлежащих обложению, и текущую административную переписку» (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXX. СПб., 1900. С. 177). В рассматриваемом нами случае определение «скарбный», видимо, надо понимать как «хранящийся в скарбе».

содержание мыт, корчем, проведение торгов и устройство ярмарок), реестры-описания по разнообразным хозяйственным вопросам, «записные» книги, переписка с Изабеллой Арагонской, Сигизмундом I Старым, европейскими дворами, представителями польско-литовской знати, послами и доверенными лицами королевы и т. д. Сюда же должны были передаваться на хранение завершенные «поточные» книги (в том или ином виде), письма, отчеты и донесения урядников и другие документы.

Оборот «казали в книгах скарбных гледети» подразумевает наличие определенного штата служащих, исполнявших функции своего рода «архивариусов». В источниках не обнаружены данные о существовании особой категории «служебников» королевы, занимавшихся исключительно организацией хранения и использования (подготовкой «справ») «скарбных» документов. Эти функции могли быть возложены на писарей, дворян и прочих должностных лиц, состоявших на службе Боны. Как архивохранилище скарб, в свою очередь, мог быть одним из подразделений центральной канцелярии, а не отдельным учреждением.

Упоминание подскарбего Боны, князя Андрея Свеборовского, встречается только единожды. В 1553 г. кременецкий мытник М. Скуйбеда, находясь в Варшаве, должен был отдать в руки подскарбего помимо «готовых пенезей» также шестнадцать бочек рыб и «тридцать щук сухих»³⁵². Из-за отсутствия какой-либо информации невозможно установить спектр должностных обязанностей подскарбего королевы. Вполне вероятно, что характер его деятельности и функции полностью соответствовали обязанностям государственного подскарбего, о котором М.К. Любавский писал следующее: «Подскарбий земский в рассматриваемое время не был министром финансов, а только главным казначеем при центральной государственной кассе, куда поступали из местных касс все средства, не израсходованные на месте. Его функции состояли в приеме

---

³⁵² РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 129–129 об.

этих остатков, в выдаче их по приказанию господаря или панов-рады и ведению кассовой отчетности»³⁵³.

***

Итак, филологическое объяснение слова «канцелярия» предполагает достаточно широкое поле для его употребления. В отличие от Московского государства, в котором вплоть до XVIII в. не существовало учреждений с названием «канцелярия»³⁵⁴, документам Литовской метрики, относящимся к изучаемому периоду, известен этот термин. Анализ деятельности поветовых канцелярий, во главе которых находились великокняжеские урядники, опровергает спорное утверждение М.К. Любавского, оставленное без каких-либо комментариев А.И. Грушей, о том, что государственная канцелярия Великого княжества Литовского не имела других функций, кроме функции технического исполнения³⁵⁵. Оставаясь верховным судьей государства, великий князь делегировал своим урядникам ряд полномочий, относившихся к области публичного права, в частности судебные полномочия. Деятельность поветовых канцелярий, главным образом направленная на осуществление судопроизводства, носила распорядительно-исполнительный характер.

Следует говорить о существовании комплекса государственных канцелярий, сложившегося в Великом княжестве Литовском ко второй четверти XVI в. Центральная часть канцелярии, находившаяся при великом князе (панах-рады, канцлере), таким образом, не являлась единственным в своем роде учреждением и была тесно связана со своими подразделениями, располагавшимися в центрах местного административного и судебного управления.

Очевидно, что понятие «канцелярия» может быть применено к различным формам ведения делопроизводства в домениальных поветах Литовского

---

³⁵³ Любавский М.К. Литовско-русский сейм. С. 406.

³⁵⁴ Кауштанов С.М. Исследования. С. 6.

³⁵⁵ Любавский М.К. Очерк истории. С. 177; Он же. Литовско-русский сейм. С. 394; Груша А.И. Канцелярия Вялікага княства Літоўскага. С. 6.

государства и частновладельческих землях с большой степенью условности. Из-за отсутствия «типового» образца средневековой канцелярии ее характерные признаки не вполне ясны. Общими чертами, присущими государственной канцелярии Литовского княжества, с одной стороны, и поветовым, частновладельческим канцеляриям, с другой, можно считать наличие руководителя этого «учреждения», наличие штата служащих и документооборота. В зависимости от специфики и характера деятельности каждой конкретной такой канцелярии ее организация и внутреннее устройство может отличаться от великокняжеского «образца». Специальным лицом, ответственным за осуществление всего комплекса делопроизводственной деятельности, мог выступать как канцлер, так и урядник, старший писарь, дьяк или сам землевладелец. Персональный и количественный состав должностных лиц (непосредственных исполнителей и второстепенных участников делопроизводственного процесса) напрямую зависел от масштабов деятельности подобной канцелярии. Количество (при всей условности количественных критериев применительно к средневековым канцеляриям) и разновидности создававшихся документов, практика их копирования, удостоверения, дальнейшего использования — все это во многом связано с социально-правовым статусом их юридического автора.

Следует еще раз подчеркнуть целесообразность выявления в Литовской метрике, а также в других источниках, в архивных и музейных собраниях сохранившихся фрагментов частных и удельных архивов для их последующего комплексного сравнительного изучения. Компаративное исследование документального наследия таких архивов при помощи инструментария целого ряда вспомогательных исторических дисциплин (в первую очередь — при помощи формулярного анализа как специфического метода актоведения) позволит более подробно изучить этапы становления и эволюцию документальной традиции как в отдельных регионах Литовского княжества, так и в масштабах всего государства.

Канцелярию королевы Боны Сфорца можно считать автономным учреждением, органом управления ее имениями, которое имело значительный по объему штат должностных лиц, занятых в создании, оформлении, перемещении и хранении документов различных разновидностей³⁵⁶. Так же как и в случае с государственной канцелярией, в устройстве канцелярии королевы четко прослеживается двухуровневая структура. Центральная ее часть находилась при дворе Боны, где писарями велись специальные книги для внесения в них исходящих (главным образом) документов, куда приезжали подданные из разных частей ее владений на судебные разбирательства, урядники для получения инструкций и продвижения ходатайств и т. д. Подразделения этой канцелярии находились в центральных замках имений королевы, их руководителями являлись ее урядники. Документы создавались на каждом из двух уровней.

Во главе канцелярии королевы находился канцлер, о функциях и обязанностях которого кириллические документы метрики королевы Боны практически не дают сведений. Непосредственное участие в работе канцелярии, связанное, в первую очередь, с организацией судопроизводства, принимал управляющий двором Боны (охмистр). Упоминания секретаря и референдаря Боны Сфорца (в терминологии источников) отрывочны и не позволяют прийти к каким бы то ни было выводам в отношении их деятельности. Часть писарей, задействованных в канцелярии Боны, известна по своим сигнатурам в документах, часть фигурировала в качестве свидетелей составления той или иной грамоты, некоторые именовались писарями королевы только при упоминании занимаемого ими областного уряда. На службе в канцелярии и ее подразделениях состояли или были задействованы лица разного социально-экономического положения: представители княжеских, панских, шляхетских родов, представители римско-католической и православной духовных корпораций. К изучению состава должностных лиц Боны Сфорца может быть продуктивно применен просопографический метод исследования.

---

³⁵⁶ Приложение 2. С. 355–380.

В большинстве случаев составление документа той или иной разновидности в канцелярии королевы происходило на основании поданного челобитья, которое либо продвигалось урядником Боны, либо передавалось лично просителем (или группой просителей). Управление своими имениями королева осуществляла при помощи указных грамот, адресованных ее урядникам. Те, в свою очередь, были уполномочены самостоятельно принимать некоторые управленческие решения, осуществлять земельные и должностные пожалования, которые впоследствии должны были подтверждаться Боной.

Организация судопроизводства во владениях королевы дублировала государственную судебную систему. И королева, и ее урядники руководствовались в принятии решений литовским Статутом 1529 г. и локальными нормами права. Подданные Боны, не удовлетворенные «выроком», принятым поветовым судом, могли перенести дело на рассмотрение суда королевы как высшей судебной инстанции в пределах своих владений. При этом участники тяжбы брали из местных судебных канцелярских книг специальные «выписы», в которых содержалось подробное описание разбирательства, свидетельские показания и иные сведения, приобщенные к делу. Внесение показаний и записей различного содержания в поветовые книги, а также взятие из них «выписов», скрепленных печатью и подписью местного урядника, облагались пошлиной, размер которой был регламентирован как Статутом, так и уставными грамотами Боны, выданными населению той или иной части ее владений.

Некоторые обороты и компоненты формуляра грамот метрики королевы Боны позволяют предположить, что ее участие в создании документа не ограничивалось одним лишь принятием конкретного решения или волеизъявлением. В пользу предположения о том, что многие документы записывались под диктовку королевы, говорит содержание указных листов и «наук» Боны, в которых приводились подробные разъяснения и приказания ее урядникам в отношении совершения тех или иных действий, связанных с управлением имениями. В ряде случаев при королеве действовала группа советников, среди которых были ее канцлер, охмистр, некоторые старосты и

наместники. Не известно, происходило ли составление документа на основании специальных формулярников, или же писари использовали в качестве образца похожие по структуре и содержанию документы, вписанные ранее в канцелярские книги. Материалом для письма служили и бумага, и пергамен; некоторые грамоты заверялись печатью королевы Боны и ее подписью.

Как следует из ряда источников, в канцелярии Боны существовала практика ведения специальных книг и их дальнейшего хранения. Упоминаемые в документах «книги» можно разделить на книги текущего делопроизводства («поточные»), в которые вносились некоторые писарские записи и копии исходящих документов; «записовые» книги, в которые переписывались «слово от слова» грамоты великих, удельных князей и их урядников, грамоты самой королевы во время проведения ревизий прав землевладельцев; «реестры», составлявшиеся по особым распоряжениям Боны и ее старост. Вероятно, все эти книги поступали на хранение в казну («скарб») королевы и в дальнейшем использовались для получения необходимой информации о социально-правовом статусе подданных, размерах и условиях взимания податей, восстановления утраченных документов и т. д. Скарб королевы, имевший функцию не только финансового органа, но и архивохранилища, возможно, следует рассматривать как одно из подразделений канцелярии.

Едва ли можно выяснить хотя бы приблизительное количество документов, созданных за все время функционирования канцелярии Боны Сфорца. Очевидно, что одной из задач воссоздания документального наследия этой канцелярии является обязательная фиксация упоминаний каждого документа, встречающихся в тестах источников. За счет подобных упоминаний может быть восстановлено значительное количество утерянных, не сохранившихся ни в виде подлинников, ни в виде копий грамот, относившихся к деятельности как канцелярии Боны, так и других удельных или частновладельческих канцелярий. Стоит отметить, что более трети грамот Боны Сфорца и ее урядников (22 из 76), выданных

представителям западнорусской православной корпорации, восстановлено по их упоминаниям в других документах³⁵⁷.

---

³⁵⁷ Приложение 1. С. 330–354.

ГЛАВА 3.

МЕТРИКА КОРОЛЕВЫ БОНЫ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ, СОСТАВ, ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ

Корпус изучаемых источников сформирован на основании признаков происхождения и адресата. Грамоты, выданные представителям православной церкви, освещают только одну из социально-правовых сфер, регулировавшихся королевой Боной и ее урядниками. Деятельность канцелярии Боны Сфорца была ориентирована главным образом на документационное обеспечение процесса управления имениями. Как следует из источников, в казне королевы хранились и копии документов, созданных в ее канцелярии, и грамоты других лиц (как копии, так и подлинники). Впоследствии часть этих документов вошла в состав государственного архива Великого княжества Литовского. Документальное наследие канцелярии королевы Боны представлено гораздо более широким кругом источников, чем те, которые сохранились в составе книг Литовской метрики. Его реконструкция и вовлечение в научное пространство является перспективной исследовательской задачей, основные проблемные поля которой будут освещены в этой главе.

Задачи, сформулированные для главы 3, следующие: 1) дать определение понятию «метрика королевы Боны»; 2) выявить в составе Литовской метрики документы, созданные в канцелярии Боны Сфорца или относящиеся к истории формирования ее владений; 3) определить круг источников, архивных комплексов и документальных публикаций, перспективных для поиска документов метрики королевы Боны; 4) провести археографический анализ опубликованных грамот, выданных православному духовенству, и проанализировать современные публикации грамот метрики королевы Боны.

3.1. Документы королевы Боны Сфорца в составе Литовской метрики

Документы, имеющие отношение к управлению именьями Боны Сфорца, составили так называемую «метрику королевы Боны» — тематически обособленную часть текущего архива канцелярии Великого княжества Литовского. Одно из значений слова «metryka» в польском языке — архив (очевидно, от *лат. matricula* — список, официальный перечень)³⁵⁸.

Понятие «метрика королевы Боны» было введено в научный оборот С.Л. Пташицким в «Описании книг и актов Литовской метрики». К этому разделу он относил «дела, касающиеся имущества королевы Боны», которые «находятся в особых книгах со времени смерти ее мужа Сигизмунда I (1548 г.) до времени ее отъезда из Польши в Италию (1556 г.)»³⁵⁹. К этим «особым книгам» Пташицкий отнес только три, принадлежащие отделу литовских записей: 32-ю (1548–1549 гг.), 33-ю (1549–1553 гг.) и 36-ю (1554–1555 гг.)³⁶⁰. Действительно, в указанных сборниках, которые являются книгами-копиями конца XVI в., преобладают «данины, декреты и листы поточные», выданные самой Боней или же от ее имени, хотя и встречаются акты других лиц. Хронологические рамки документов, входящих в эти книги, относятся ко времени их составления в канцелярии королевы Боны. Некоторые грамоты датируются более ранним периодом.

Возникнув в том или ином виде в канцелярии Боны, комплекс из этих трех книг, очевидно, хранился в скарбе королевы, а после ее смерти был передан в великокняжеский архив. В конце XVI в. эти книги были переписаны и в дальнейшем использовались в государственной канцелярии в качестве источника информации по вопросам землевладения. В 1634 г. Владиславом IV был подтвержден фундушевый лист княгини Феодоры Кобринской Спасскому монастырю. Подтверждение было основано на «справе» из «книг светоблиное памяти королевое, ее милости, Боны», хранившихся в «большой» канцелярии

---

³⁵⁸ *Hessen D., Stypuła R. Wielki słownik polsko-rosyjski. T. I. Warszawa, 2001. S. 437. Cp.: «метрика — собрание актов» (Словарь русского языка XI–XVIII вв. Вып. 9. М., 1982. С. 129).*

³⁵⁹ *Пташицкий С.Л. Описание книг и актов Литовской метрики. СПб., 1887. С. 219.*

³⁶⁰ РГАДА. Ф. 389. Литовская метрика. Оп. 1. Кн. 32, 33, 36.

Великого княжества Литовского³⁶¹. Грамота княгини Феодоры была скопирована в 1534 г. во время проведения королевой Боней проверки прав землевладельцев (в том числе и представителей православного духовенства) в Кобринском повете и сохранилась в составе 18-й книги записей³⁶².

Исторически сложившийся комплекс метрики королевы Боны, таким образом, неотрывно связан с Литовской метрикой в целом — первоначально как часть государственного архива, а впоследствии как отдельные единицы хранения архивного комплекса Литовской метрики.

Исторический очерк Литовской метрики с XV в. до ее «окончательного устройства» специальной комиссией в 1837 г. приведен в работах С.Л. Пташицкого и П. Кеннеди-Гримстед³⁶³. Скопированные по распоряжению канцлера Льва Сапеги, книги метрики были сверены с оригинальными книгами в 1607 г. Следующая их ревизия была проведена в 1641 г. Во второй половине XVIII в. метрика была перевезена из Вильны в Варшаву и соединена с документами Польского королевства. В 1794–1795 гг., после взятия русскими войсками Варшавы, литовский и коронный архивы, «именуемые метрики», были отправлены в Санкт-Петербург, где хранились при III Департаменте Правительствующего Сената. В 1799 г. Пруссии были переданы некоторые книги Литовской метрики и значительная часть Коронной, которая после Тильзитского мира 1807 г. была отдана Варшавскому герцогству. Оставшаяся часть Коронной метрики, за исключением документации, относящейся к территории Белоруссии и

---

³⁶¹ Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею (*далее* — АВАК). Т. III. Акты брестскаго градскаго суда. Вильна, 1870. № 1. С. 1. В публикации грамота княгини Кобринской ошибочно датирована 1401, а не 1491 г. Подтвердительная грамота короля Владислава IV была вписана в актовую книгу брестскаго городского суда в 1661 г.

³⁶² РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 18. Л. 161 об.–162 об.

³⁶³ *Пташицкий С.Л.* Описание. С. 3–20; *Kennedy Grimsted P.* What is and what was the Lithuanian Metrica? The contents, history and organization of the chancery archives of the Grand Duchy of Lithuania // *Harvard Ukrainian Studies*. Vol. 6. № 3. 1982. P. 282–297.

Украины, была возвращена Польше в 1898 и 1923 гг.³⁶⁴ В Санкт-Петербурге некоторые документы метрики были переведены в 1809 г. в Императорскую Публичную библиотеку. В 1887 г. весь комплекс был передан Московскому архиву министерства юстиции (ММЮ). В здании министерства сейчас располагается Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Часть документов метрики в 1888 г. была перемещена в Московский главный архив министерства иностранных дел (МГАМИД); но впоследствии, в 1954 г., возвращена в состав фонда метрики³⁶⁵.

В 1835 г. министром юстиции Д.В. Дашковым была учреждена специальная комиссия, которая должна была метрические книги «скрепить и, прочертя пробелы, прошнуровать и запечатать»³⁶⁶. Эта работа проводилась для предотвращения участвовавших случаев подделок документов для доказательства дворянского достоинства. Деятельность комиссии была закончена к 1837 г.; все метрические дела были разделены на двенадцать отделов: книги записей, судные дела, публичные дела, переписи, выписи, дела за печатью, книги Непременного совета и дела новейшего производства, регистры, новые книги, древние акты, родословные, карты и планы³⁶⁷. В соответствии с этим делением С.Л. Пташицкий составил в 1887 г. свое «Описание» архива метрики, которое до 1980-х гг. являлось основной архивной описью в РГАДА и до сих пор не утратило своего значения. Под руководством П. Кеннеди-Гримстед в середине 1980-х гг. вышло репринтное издание труда Пташицкого с указанием на полях современных сигнатур книг в РГАДА и Варшавском Главном архиве древних актов (Archiwum

---

³⁶⁴ Российский государственный архив древних актов: Путеводитель / сост.: М.В. Бабич, Ю.М. Эскин, Л.А. Тимошина. М., 1999. Т. 4. С. 60.

³⁶⁵ Там же. С. 60–61.

³⁶⁶ *Пташицкий С.Л.* Описание. С. 19.

³⁶⁷ Там же. С. 21.

Główne Akt Dawnych), сведениями об исчезнувших и погибших книгах и документах, о материалах метрики, хранящихся вне упомянутых архивов³⁶⁸.

В общей структуре Литовской метрики книги, относящиеся к метрике королевы Боны, выделялись особо. В настоящее время в научный оборот введено два реестра книг Литовской метрики, созданных в 1623 г. Первый из них представляет собой опись скопированных книг государственного архива Великого княжества Литовского, которая была передана Львом Сапегой вступающему в должность канцлеру Альбрехту Станиславу Радзивиллу. Книги метрики королевы Боны составляют в ней самостоятельный раздел и описаны здесь следующим образом:

«Krolowa Bona.

Księgi krolowej jejm[ości] Bony danin roznych i spraw od roku 1548 do roku [15]49.

Księgi przywileiow, dekretow tejze krolowej jejm[ości] Bony od roku 1552 do roku 1555.

Księgi krolowej m[ości] Bony danin roznych i listow inszych od roku 1549 do roku 1553.

Księgi spisowania spraw roznych osob i boiar mscibowskich, mojsogolskich, kobrynskich i innych roznych, przed krolową jejm[c]sci Boną i przed krolem je[go]m[c]s[ci] młodym Zygmuntem Augustem pokładanych w roku 1532 i 1533. Przywileiow ori[gi]nałow samych nie oddano. Reiestr nadscarpany³⁶⁹».

Здесь были последовательно описаны 32-я, 33-я, 36-я и 18-я книги записей.

Во второй инвентарной описи Литовской метрики 1623 г., которая была опубликована Д. Антанавичюсом, означенные книги занимают то же место. Важно отметить, что этот реестр представляет собой перечень подлинных книг

---

³⁶⁸ *Kennedy Grimsted P.* The «Lithuanian Metrica» in Moscow and Warsaw: Reconstructing the Archives of the Grand Duchy of Lithuania. Cambridge, Massachusetts, 1984.

³⁶⁹ *Голенченко Г.Я.* Реестр книг Метрики Великого княжества Литовского 1623 г. // Исследования по истории Литовской метрики. М., 1989. Т. 2. С. 343–344. Здесь и далее сохранена орфография, приведенная в публикациях.

Литовской метрики, еще хранившихся в архиве канцелярии Великого княжества Литовского в первой четверти XVII в.:

«Królowej Bony.

Metryka królowej Bony danin, sądów i inszych spraw od roku 1549 do roku 52 różnych lat, nieporządnie pisane.

Metryka królowej Bony danin i różnych listów potocznych od roku 1552 do roku 1555 nieporząd[n]ie, karty powypadały.

Metryka królowej Bony dekretów i listów potocznych od roku 1548 do roku [15]49, karta naprzód wypadła i druga na ostatku.

Metryka wpisanie praw i przywilegów różnych osób, przed królem Zygmuntem młodym Augustem i królową Boną pokładanych roku 1532³⁷⁰».

В недавнее время О.И. Дзярнович исследовал инвентарную опись Литовской метрики, составленную в 1787 г. Григорием Качановским: «Inwentarz Ksiąg Metryk W. X. Lite[wskiego] na nowo opracionych, ułożonych y pomnożonych tak większey iako I mnieyszey Pieczęci przez Jmci Pana Grzegorza Kaczanowskiego Metrykanta W. X. Lite[wskiego] y Sekretarza J. K. Mci w Roku 1787 sporządzony». Этот источник был создан незадолго до взятия Варшавы А.В. Суворовым и последующей транспортировки Литовской метрики в Санкт-Петербург. Здесь зафиксированы структурные изменения, произошедшие с архивным комплексом за полтора столетия. Как следует из реестра 1787 г., книги метрики королевы Боны по-прежнему составляли самостоятельный раздел — «Za Królowej Jey Mci Bony»³⁷¹.

Итак, 18-я книга записей, так же как и книги 32-я, 33-я, 36-я, несомненно, была создана в канцелярии королевы Боны. Она скомпилирована из нескольких

---

³⁷⁰ *Antanavičius D.* Originalių Lietuvos metrikos XVI a. knygų sąrašas // *Istorijos šaltinių tyrimai*. Vilnius, 2012. T. 4. P. 170.

³⁷¹ *Дзярнович О.[И].* Инвентарь «Книг Метрики ВКЛ по-новому переплетенный и составленный» Григорием Качановским (1787 г.): источник по истории государственного архива Великого княжества Литовского // *Lietuvos Statutas ir lietuvos didžiosios kunigaikštystės bajoriškoji visuomenė*. Vilnius, 2015. P. 271–272.

документальных сборников: «записовых» книг, созданных в 1532–1534 гг. во время проверки прав землевладельцев в Кобринском повете, дворах Мстибогов и Мойшагола, а также книги «поточного» делопроизводства канцелярии королевы за тот же период. Помимо грамот Боны Сфорца и ее урядников, здесь собраны документы, авторство которых принадлежит великим князьям Витовту, Казимиру, Александру, Сигизмунду I Старому, Сигизмунду II Августу, удельным князьям Кобринским, великокняжеским наместникам И.А. Солтану, Ю.М. Едко, С.Я. Кезгайло, Ю.М. Радзивилу и другим лицам.

28-я книга публичных дел (1509–1544 гг.) представляет собой «сборник привилегий, относящихся к имениям, которые принадлежали в Литве королеве Боне»³⁷². В отличие от большинства сохранившихся до настоящего времени книг Литовской метрики, эта книга относится к числу «подлинных»; она была составлена в еще в середине XVI в. В этой книге собраны как жалованные грамоты королеве Боне на земли, ее меновные грамоты (например, с князьями Сангушковичами), так и листы предыдущих держателей земель, вошедших впоследствии в состав ее владений. Большое количество документов этой книги написано на латыни. В настоящий момент она хранится в Варшавском архиве древних актов³⁷³.

28-я книга публичных дел является наиболее информативным источником о составе владений королевы Боны. Этот сборник был скомпилирован в 1541 г.,

---

³⁷² Пташицкий С.Л. Описание. С. 152.

³⁷³ Archiwum Głowne Akt Dawnych (далее — AGAD). Tak zwana Metryka litewska. Dz. III. A/28. П. Кеннеди-Гримстед отмечала, что эту книгу, присоединенную к комплексу Литовской метрики только в конце XVIII в., по составу и содержанию документов следует относить к отделу «записей», а не отделу «публичных дел» (*Kennedy Grimsted P. What is and what was the Lithuanian Metrica? P. 302, прим. 83; P. 320, прим. 150*).

вероятно, по ее распоряжению. Краткий обзор содержащихся здесь документов был приведен в статье профессора К. Петкевича³⁷⁴.

Содержание всех документов, составляющих указанные пять книг Литовской метрики, относится к истории белорусских, украинских, литовских, польских и русских владений Боны Сфорца. Таким образом, они составляют исторически сложившийся комплекс метрики королевы Боны в составе архива канцелярии Великого княжества Литовского.

Значительное количество книг Литовской метрики, охватывающих время пребывания Боны в Литовском и Польском государствах, содержит отдельные документы, имеющие отношение к истории формирования ее владений, ее экономической, хозяйственной, управленческой деятельности, а также деятельности многочисленных должностных лиц, состоявших на службе королевы. В книги «поточного» делопроизводства государственной канцелярии вносились копии данных, дозволенных, ставленных, продажных, меновных, судебных, арендных, указных грамот и копии документов других разновидностей, так или иначе касавшихся имений Боны.

22-я книга записей содержит несколько актов, характеризующих земельную политику королевы в Луцком повете³⁷⁵.

Заголовок 25-й книги записей³⁷⁶ свидетельствует о том, что эта книга была составлена по распоряжению королевы Боны. Описание этого сборника среди

---

³⁷⁴ Pietkiewicz K. Originalne księgi Metryki Litewskiej w zespole “Tak Zwanej Metryki Litewskiej” w Archiwum Głównym Akt Dawnych w Warszawie / Lietuvos metrikos naujienos. № 11. Vilnius, 2009. P. 32–34.

³⁷⁵ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 22. Л. 41 об.–43, Л. 50–51 об., Л. 51 об.–53, Л. 56–58 об., Л. 70 об.–72 об.

³⁷⁶ «Metrica privilegiorum, decretorum, actionum ac aliarum diversarum literarum per olim serenissimos divae memorię reges Poloniae et magnos duces Lithuaniae incolis Magni Ducatus Lithuaniae datarum de mandato serenissimae principis et dominae, dominę Bonae, reginae Polonię et magnae ducis Littuaniae, in anno Domini 1541 confecta, denuo descripta, correcta et cum indice omnium actorum hic contentorum ligata et compacta iussu illustris ac magnifici domini, domini Leonis Sapiehę, supreme Magni Ducatus Littuaniae cancellarii, Slonimensis, Pernaviensis, Mohileviensis etc.,

«книг королевы Боны» находим и в реестре 1623 г.: «Metryka przywileiow, dekretow, przed krolewą jejm[o]sći Boną za mandaty pokładanych w roku 1540, roznych lat»³⁷⁷. Эта книга содержит всего шесть документов, авторство которых принадлежит Боне Сфорца³⁷⁸.

Отдельные документы, относящиеся к именам Боны и характеризующие персональный состав ее должностных лиц, также содержатся в 11-й, 12-й, 15-й, 19-й³⁷⁹ книгах записей; 4-й, 6-й, 8-й, 9-й, 10-й, 12-й книгах судебных дел³⁸⁰. По цитатам и упоминаниям можно сделать вывод о наличии хотя бы одиночных документов, имеющих отношение к метрике королевы Боны, в 16, 21, 24 книгах

etc. capitanei, cancellaria tunc temporis ab eadem illustritate Alexandro Corvino de Gościow, sacrae reginae magestatis secretario, ad regendum commissa, anno a Nativitate Christi Domini 1598» (Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 25 (1387–1546). Užrašymų knyga 25. Vilnius, 1998. P. 17).

³⁷⁷ *Голенченко Г.Я.* Реестр книг Метрики Великого княжества Литовского 1623 г. // Исследования по истории Литовской метрики. М., 1989. Т. 2. С. 344.

³⁷⁸ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 25 (1387–1546). Užrašymų knyga 25. Vilnius, 1998. № 60, 61, 93, 106, 152, 168.

³⁷⁹ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 11 (1518–1523). Užrašymų knyga 11. Vilnius, 1997. № 154; Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 12 (1522–1529). Užrašymų knyga 12. Vilnius, 2001. № 344; Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 15 (1528–1534). Užrašymų knyga 15. Vilnius, 2002. № 32, 51, 147, 172; Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 19 (1535–1537). Užrašymų knyga 19. Vilnius, 2009. № 62, 128, 171, 201, 208, 214, 222, 231, 238.

³⁸⁰ Lietuvos Metrika (1522–1530). 4-oji Teismų bylų knyga (XVI a. pabaigos kopija). Vilnius, 1997. № 15, 215, 291, 379, 411, 456, 476, 503; Lietuvos Metrika (1528–1547). 6-oji Teismų bylų knyga (XVI a. pabaigos kopija). Vilnius, 1995. № 211, 277, 284; Lietuvos Metrika (1533–1535). 8-oji Teismų bylų knyga (XVI a. pabaigos kopija). Vilnius, 1999. № 31, 32, 112, 206, 311, 316, 406; Судебная книга витебского воеводы, господарского маршалка, волковыского и оболецкого державцы М.В. Ключко (1533–1540). Литовская метрика. Книга № 228. Книга судных дел № 9. М., 2008. № 106; Lietuvos Metrika (1540–1541). 10-oji Teismų bylų knyga (XVI a. pabaigos kopija). Vilnius, 2003. № 9, 125; Lietuvos Metrika (1540–1543). 12-oji Teismų bylų knyga (XVI a. pabaigos kopija). Vilnius, 2007. № 3, 12, 14, 51, 57, 83, 106, 111, 142, 155, 165, 250, 253, 258, 260–262.

записей³⁸¹, что подтверждается обращением к рукописям этих документальных сборников.

В ряде неопубликованных книг Литовской метрики были выявлены документы, происходящие из канцелярии Боны Сфорца — ее земельные пожалования, судебные листы, связанные с ее именами, документы, авторство которых принадлежит ее урядникам. Эти грамоты были вписаны как в книги «текущего» делопроизводства канцелярии Великого княжества Литовского, современные Боне Сфорца, так и в книги более позднего времени, где они встречаются в виде включенных актов или отдельных упоминаний³⁸².

Отнесенная С.Л. Пташицким к отделу «новых книг» 89-я книга, переданная впоследствии Польше³⁸³, содержит «подлинные акты времени Сигизмунда I...; подлинные привилегии королей Августа II, Августа III и Станислава Августа; копии привилегий королевы Боны Сангушкам»³⁸⁴.

Наконец, несколько слов следует сказать об архивном комплексе Коронной метрики, хранящемся в Главном архиве древних актов в Варшаве. Включенные в 42-ю книгу публичных дел Коронной метрики документы (1539–1547 гг.) относятся скорее не к деятельности канцелярии Боны Сфорца, а к сфере

---

³⁸¹ *Kolankowski L. Zygmunt August, wielki książę Litwy do roku 1548. Lwow, 1913.*

³⁸² См., напр.: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 31. Л. 4 об.–5, Л. 8 об.–9 об., Л. 28–28 об., Л. 46–46 об., Л. 183 об.–185 об., Л. 247–248 об.; Там же. Кн. 35. Л. 105 об.–106 об., Л. 145–146 об., Л. 208 об.–210, Л. 288–289, Л. 300 об.–301, Л. 307; Там же. Кн. 38. Л. 15–16 об., Л. 17 об.–19; Там же. Кн. 38. Л. 103–103 об., Л. 174–176, Л. 195–197, Л. 201–201 об., Л. 201 об.–203, Л. 205 об.–206 об.; Там же. Кн. 74. Л. 12 об.–14; Там же. Кн. 277. Л. 246; Там же. Кн. 287. Л. 156 об.–164 и т. д. Кроме того, см.: Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кніга 43 (1523–1560). Кніга запісаў 43 (Копія канца XVI ст.). Мінск, 2003. № 38; Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кніга 44 (1559–1566). Кніга запісаў 44 (Копія канца XVI ст.). Мінск, 2001. № 24, 46.

³⁸³ AGAD. Tzw. Metryka litewska. Dz. IX. 89.

³⁸⁴ *Пташицкий С.Л.* Описание. С. 201–202. Одна из грамот этой книги была опубликована в составе «Архива князей Любартовичей-Сангушковичей»: *Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie wydane nakładem właściciela. T. IV (1535–1547). Lwów, 1890. № CCXXIX. S. 410.*

государственных и династических интересов Ягеллонов. Здесь собрана государственная переписка с «Римом, с Неаполитанским и другими дворами по делу имущества королевы Боны в Неаполитанском королевстве и Барском княжестве»³⁸⁵. Часть своих итальянских владений королева «принесла в приданое» Сигизмунду I Старому. В 1532 г. король выдал «доверенность» канцлеру и секретарю Боны Людовику Алифио³⁸⁶ на «продажу или замену» его имений в герцогствах Бари и Россано³⁸⁷.

Из Коронной метрики было извлечено и опубликовано несколько латинских грамот 1545–1547 гг., касавшихся управления королевой Барским поветом³⁸⁸. Латинские документы встречаются и среди актов книг метрики королевы Боны³⁸⁹. Изучение особенностей их языка и латинской делопроизводственной практики может стать предметом специального исследования.

В Коронной метрике следует также отметить 72-ю книгу записей, содержащую документы на владения королевы Боны («*Księga wpisów dokumentów z kancelarii królewskiej tak wielkiej jak i mniejszej na dobra należące do królowej Bony*»). Отдельные документы, относящиеся к ее имениям, судя по всему, находятся и в 48-й, 55-й, 58-й, 73-й книгах записей Коронной метрики. В 94-ю книгу включено завещание («тестамент») Боны Сфорца и перечневая опись

---

³⁸⁵ Пташицкий С.Л. Описание. С. 160.

³⁸⁶ Приложение 2. С. 355.

³⁸⁷ Пташицкий С.Л. Описание. С. 218. Как с негодованием отмечал польский историк М. Бобржинский, «с трудом можно поверить, что были годы, когда польская дипломатия занималась преимущественно Баром, пренебрегая самыми существенными польскими интересами (Бобржинский М. Очерк истории Польши. Т. 2. СПб., 1891. С. 39).

³⁸⁸ Архив Юго-Западной России, издаваемый временною комиссиею для разбора древних актов, высочайше учрежденною при киевском военном, подольском и волынском генерал-губернаторе (далее — АЮЗР). Ч. 8. Т. I. Материалы для истории местного управления в связи с историею сословной организации. Акты Барского староства XV–XVI вв. Киев, 1893. № LXV. С. 113–117; № LXVII–LXII. С. 118–132.

³⁸⁹ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 18. Л. 32–32 об., Л. 33, Л. 33–34 об., Л. 66–66 об., Л. 71–71 об., Л. 147 об.–148. Там же. Кн. 32. Л. 61–62, Л. 90–92.

оставшихся после ее смерти драгоценностей («Księga zawierająca wpisy testamentu królowej Bony i inwentarza klejnotów, kosztowności i strojów po niej pozostałych»)³⁹⁰.

3.2. Проблемы и задачи реконструкции архива канцелярии королевы Боны Сфорца

В более широком контексте под понятием «метрика королевы Боны» можно понимать не только исторически сложившийся и тематически обособленный комплекс в составе Литовской метрики, но и основную часть архива канцелярии Боны Сфорца, формировавшуюся в течение времени ее пребывания на польском и литовском престолах. В силу объективных причин этот архив не существует в виде цельного комплекса, но может быть реконструирован путем эвристических изысканий. 18-я, 32-я, 33-я, 36-я книги записей и 28-я книга публичных дел составляют только его часть. Происхождение документов, составляющих архив канцелярии королевы Боны, относится и к деятельности других канцелярий — государственной, удельных, частноправовых, поветовых.

Если интерпретировать метрику королевы Боны как основу архива Боны Сфорца, к нему, в первую очередь, следует относить грамоты, влиявшие на изменение состава и границ ее владений. Хронологические рамки этих документов, таким образом, охватывают 1518–1556 гг. Акты дарения, купли, мены, вероятно — увязчие грамоты, равно как и судебные документы, закреплявшие размежевание спорных территорий, должны были храниться в скарбе Боны, являясь подтверждением ее прав на то или иное имение. В случае перехода земельного владения к другому собственнику происходила своего рода миграция документов: «твердости, листы и привилья» передавались вместе с правами на землю.

---

³⁹⁰ AGAD. Inwentarz Metryki Koronnej. Księgi wpisów i dekretów polskiej kancelarii królewskiej z lat 1447–1795 / Opracowały Irena Sułkowska-Kurasiowa i Maria Woźniakowa [Электронный ресурс]. URL: http://www.agad.gov.pl/inwentarze/Metr_Korx.xml (дата обращения: 15.04.2018).

Так, князь В.М. Сангушкович должен был передать королеве все грамоты, связанные с его ковельскими владениями³⁹¹. Бона, в свою очередь, «подала» нареченному владыке владимирскому Иоанну (И.Я. Борзобогатому), которому продала ряд сел Луцкого повета, все имевшиеся у нее на эти села документы³⁹².

Помимо основного государственного закона — Литовского Статута 1529 г. — королева Бона и ее урядники в своей управленческой и судебной деятельности должны были руководствоваться и другими нормами права. К их числу относятся грамоты предшественников Боны по землевладению, в которых был закреплён социально-правовой и экономический статус местной шляхты и духовенства. Во время проведения документальных ревизий во владениях королевы (1524, 1532, 1534, 1554 гг.) часть этих грамот была скопирована служащими ее канцелярии. Образовавшиеся сборники грамот в дальнейшем хранились в скарбе Боны и использовались в качестве источника справок по спорным вопросам землевладения, восстановления утраченных документов и т. д. Вошедшие в них документы, относящиеся к концу XIV — середине XVI в., составили 18-ю книгу записей и актовую книгу 1554 г.³⁹³ Как уже было сказано, компилятивным сборником грамот, созданным в канцелярии королевы для информационно-справочных целей, могла быть 28-я книга публичных дел.

Канцелярия Боны Сфорца состояла из центральной части, находившейся при дворе королевы, и ее поветовых подразделений (подробнее см. в Главе 2). Оригинальные грамоты, создававшиеся от имени Боны в центральной части ее канцелярии, выдавались получателям и впоследствии хранились у них вплоть до

---

³⁹¹ Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie wydane nakładem właściciela. T. IV (1535–1547). Lwów, 1890. № CCLXXVI. S. 340.

³⁹² РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 42 об.

³⁹³ Там же. Кн. 18; Ревизия пущ и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском с присовокуплением грамот и привилегий на входы в пущи и на земли, составленная старостой Мстибоговским Григорием Богдановичем Воловичем в 1559 году, с прибавлением другой актовой книги, содержащей в себе привилегии, данные дворянам и священникам Пинского повета, составленной в 1554 году. Вильна, 1867. С. 213–364.

утраты своего правового значения, гибели или порчи. В канцелярские книги «текущего» делопроизводства вносились списки некоторых исходящих документов — 32-ю, 33-ю, 36-ю книги записей составляют грамоты, закреплявшие должностные и земельные пожалования, документы судебно-процессуального содержания, указные грамоты, адресованные урядникам, и т. д.

Следует предположить, что документы, вошедшие в вышеназванные книги Литовской метрики, составляют только часть архива канцелярии королевы Боны, относящуюся к управлению ее имениями в период 1548–1555 гг. Состав и содержание грамот Боны, сохранившихся в других источниках, говорят о не меньшей интенсивности документотворческой деятельности ее канцелярии и поветовых подразделений в предшествовавшее смерти Сигизмунда I Старого время (1548 г.). Очевидно, многие подлинные документы и современные им копии не сохранились; возможно, часть из них уничтожалась в канцелярии за ненадобностью или вследствие утраты ими своей юридической силы³⁹⁴. Практически не известны черновики составлявшихся документов³⁹⁵, а также челобитные подданных³⁹⁶ и служебные письма урядников, которые, как следует из наррации большинства грамот королевы, служили основанием для создания документа той или иной разновидности.

---

³⁹⁴ Так, в 1546 г. на королевском суде оболецкие бояре Лешевичи жаловались Сигизмунду II Августу на то, что князь Василий Михайлович Сангушкович принуждает их служить ему. Ссылаясь на подтверждающий данный лист королевы Боны 1532 г. (РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 18. Л. 56–57), Лешевичи доказывали, что принадлежат к числу оболецких «бояр-шляхты»; князь В.М. Сангушкович настаивал на том, что они были «поданы» ему через «реистр увязчий» как путные слуги. По решению королевского суда у Лешевичей были отобраны их земли, подлинные листы королевы Боны были уничтожены («порезаны»), но от принудительной службы князю Сангушковичу Лешевичи были освобождены (РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 29. Л. 64 об.–67 об.).

³⁹⁵ *Таурова-Яковлева Т.Г.* Материалы по истории Белоруссии в архиве Санкт-Петербургского института истории РАН // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. Вып. 1–2 (5/6). СПб., 2009. С. 214.

³⁹⁶ Там же. С. 214, 222.

Значительно большее количество документов создавалось в поветовых канцеляриях. Эти документы, авторство которых принадлежит урядникам королевы и их «служебникам» (подстаростим, подсудкам, увязчим, децким, вижам, мерчим), другим должностным лицам (дворянам, комиссарам, посланцам), также следует относить к составу архива Боны Сфорца. В них зафиксированы вопросы землевладения и землепользования, действие и реализация норм гражданского и уголовного права, другие социально-экономические процессы, проходившие в имениях королевы во второй четверти XVI в. Копии этих документов концентрировались в составе поветовых судебных книг и в единичных случаях вносились в канцелярские книги, которые велись при дворе королевы.

Таким образом, определяя метрику королевы Боны как основную часть архива канцелярии Боны Сфорца, складывавшуюся на протяжении 1518–1556 гг., можно выделить четыре группы формировавших ее документов.

Во-первых, это великокняжеские и частновладельческие данные, продажные, дозволенные, подтверждающие, меновные, судовые, указные грамоты, напрямую влиявшие на изменение состава и границ владений королевы.

Во-вторых, это грамоты «предков» Боны по землевладению, определявшие права и обязанности населения ее имений. Эти документы откладывались в составе архива королевы в виде копий, внесенных в «записовые» книги, составлявшиеся во время проведения ревизии прав землевладельцев, или же упоминались в наррации вновь составлявшихся грамот.

В-третьих, это документы, созданные от имени Боны в центральной части ее канцелярии и относящиеся к управлению ее имениями.

В-четвертых, это документы, происходящие из поветовых канцелярий, юридическое авторство которых принадлежит урядникам и иным должностным лицам королевы, являвшимся уполномоченными представителями центральной власти на местах.

Этот комплекс, включающий в себя актовые и делопроизводственные источники конца XIV — середины XVI вв., представляет интерес для изучения

эволюции документальной традиции Великого княжества Литовского, истории канцелярий, исторической географии и региональной истории, исторической демографии, дипломатики, генеалогии, палеографии, хронологии и ряда других вспомогательных исторических дисциплин.

Изучение деятельности канцелярии Боны Сфорца является самостоятельной исследовательской задачей, связанной, прежде всего, с поиском и выявлением созданных в ней документов. Помимо книг Литовской метрики, ее грамоты отложились в составе других архивных комплексов, которые либо имели отношение к территории владений королевы, либо сформировались вследствие иных факторов. Документы канцелярии Боны сохранились в виде подлинников, современных им или более поздних копий, упоминаний в тексте других источников. Учет и восстановление содержания несохранившихся или невыявленных грамот по их упоминаниям является важной задачей реконструкции архива документов, созданных в канцелярии Боны и ее подразделениях. Около трети грамот, выданных королевой и ее урядниками представителям православного духовенства (9 и 13 из 76 соответственно) восстановлено по упоминаниям.

С точки зрения палеографии и изучения деятельности канцелярии наибольший интерес представляют подлинные документы. Часть из них описана в составе архивных собраний и рукописных отделов библиотек, часть, вероятно, до сих пор не обнаружена. В «Описании» С.Л. Пташицкого упомянут целый ряд подлинных меновных грамот королевы, приписанных к отделу древних актов Литовской метрики — литовских, польских, актов русского и волынского воеводств. Весь комплекс этих актов, насчитывающий 389 единиц, был передан Польше в 1923 г.³⁹⁷ В варшавском Главном архиве древних актов хранится по крайней мере несколько документов, созданных в канцелярии Боны³⁹⁸.

---

³⁹⁷ *Kennedy Grimsted P.* What is and what was the Lithuanian metrica? P. 297–298.

³⁹⁸ AGAD. Zbiór Dokumentów Pergaminowych. Nr. 2317, 4778, 4796, 4802, 4805.

В описании «Библиотеки ординации Красинских» Ф. Пулаского имеются сведения о ряде документов Боны Сфорца³⁹⁹. Помимо этого, здесь описаны источники, дающие сведения о коронации Боны и о расходах скарба королевы на содержание ее двора и штата должностных лиц и служащих⁴⁰⁰. Возможно, эти документы хранятся в Национальной библиотеке Польши (Biblioteka Narodowa w Warszawie).

В описаниях рукописного отдела Виленской публичной библиотеки были приведены сведения о хранящихся в ней подлинных грамотах (кириллических и латинских), влиявших на изменение состава владений королевы Боны (данные и меновные грамоты на имения в Пинском, Кобринском, Кременецком, Городенском и др. поветах), а также характеризующих ее управленческую деятельность в этих имениях⁴⁰¹.

В составе коллекции Археографической комиссии была описана оригинальная грамота королевы 1524 г.⁴⁰² и подлинные грамоты польских королей, подтверждавшие ее пожалования городам Гродно (1541, 1589, 1633, 1709 гг.)⁴⁰³, Ковелю (1611 г.)⁴⁰⁴, Кременцу (1556, 1571, 1589, 1633 гг.)⁴⁰⁵, Бельску (1582 г.)⁴⁰⁶.

---

³⁹⁹ *Pulaski F.* Opis 815 rękopisów Biblioteki ord. Krasieńskich. Warszawa, 1915. S. 166, 168, 249, 697, 706 etc.

⁴⁰⁰ Там же. S. 70, 92–93.

⁴⁰¹ Рукописное отделение Виленской публичной библиотеки, состоящей под августейшим покровительством его императорского высочества, государя, наследника, цесаревича Александра Александровича. Перечневая опись. Вып. 1. Вильна, 1871. Русские пергамены. № 6. С. 69; № 7. С. 70; № 12. С. 73; № 42. С. 90; Описание рукописного отделения Виленской публичной библиотеки. Вып. II. Вильна, 1897. № 11. С. 42; Там же. Вып. III. Вильна, 1898. № 68–69. С. 6; № 80. С. 7; № 111. С. 10; № 116. С. 10; Там же. Вып. IV. № 387. С. 2; Там же. Вып. V. Приложения. № 17. С. 14–15; № 32. С. 28–29 и т. д.

⁴⁰² *Курдюмов М.Г.* Описание актов, хранящихся в архиве Императорской Археографической комиссии. СПб., 1907. С. 425.

⁴⁰³ Там же. С. 426, 429, 440, 461.

⁴⁰⁴ Там же. С. 432.

Грамоты Сигизмунда II Августа (1541 г.) и Сигизмунда III (1589 г.), подтверждавшие дозволение королевы Боны городенским мещанам на винокурение, в настоящий момент хранятся в архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН (ф. 114)⁴⁰⁷. В том же архиве, в составе коллекции С.В. Соловьева (ф. 124), имеется несколько подлинных документов, относящихся к деятельности канцелярии королевы и деятельности ее урядников⁴⁰⁸. В коллекции П.Н. Доброхотова (ф. 52) хранится грамота Боны 1555 г. пинскому духовенству, сохранившаяся в списке XVII в.⁴⁰⁹

Небольшой комплекс актов, освещающий конфликт, возникший из-за притеснений слугами Ю.М. Радзивилла подданных Боны, хранится в отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ф. 293)⁴¹⁰. В недавнее время эти документы, сохранившиеся в виде копий, сделанных в 1540-е годы, были изданы⁴¹¹.

---

⁴⁰⁵ Там же. С. 426, 436, 439.

⁴⁰⁶ Летопись занятий Археографической комиссии (1862–1863 гг.). Вып. 2. СПб., 1862. Опись польским и латинским актам, находящимся в Археографической комиссии (1499–1789). № 27. С. 32.

⁴⁰⁷ Таирова-Яковлева Т.Г. Материалы по истории Белоруссии. С. 230, 232.

⁴⁰⁸ Там же. С. 214, 217, 220, 221, 222.

⁴⁰⁹ Там же. С. 203.

⁴¹⁰ Кром М.М. Радзивилловские акты в фондах Российской национальной библиотеки: перспективы изучения и публикации // *Lietuvos Metrika*. 1991–1996 metu tyrinejimai. Vilnius, 1998. С. 231.

⁴¹¹ Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. VI. Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки: первая половина XVI в. М., Варшава, 2002. Документы о притеснениях, чинимых урядниками Ю.М. Радзивилла подданным королевы Боны (сентябрь 1532 г.). С. 61–68.

Значительное количество подлинных документов 1530–1540-х гг., имеющих отношение к именам королевы Боны на Волыни, было опубликовано в издании, получившем название «Архив князей Любартовичей-Сангушковичей»⁴¹².

Украинскими исследователями В. Собчуком и И. Тесленко были опубликованы две оригинальные грамоты королевы Боны 1548 и 1550 гг., хранящиеся в Центральном государственном историческом архиве Украины в Киеве⁴¹³.

Специально созданными сборниками документов, подтверждавших владельческие права светских и духовных феодалов на земли, входившие в состав бывшего Пинского и Клецкого княжества, являются акты книги 1554 и 1559 гг.⁴¹⁴ Первая из них возникла в результате проведения королевой Боней второй по счету документальной ревизии в Пинском повете. Вторая была создана Г.Б. Воловичем по распоряжению Сигизмунда II Августа во время составления писцового описания лесных угодий и границ населенных мест, простиравшихся «из Заднепровских поль до пущ Великого князства Литовского»⁴¹⁵. Из 285 документов, содержащихся в обеих актовых книгах, авторство около 90 принадлежит королеве Боне. Среди них находятся самые ранние из

---

⁴¹² Archiwum Sanguszków. T. III (1432–1534). Lwów, 1890. № CCLIX. S. 251–252; № CCCLI. S. 333–334; № CCCLIV. S. 337–339; № CDL. S. 421–426. Archiwum Sanguszków. T. IV (1535–1547). Lwów, 1890. № L. S. 52–54; № LVII. S. 61; № CV. S. 131–132; № CXXVI. S. 163–164; № CXXXIII. S. 166; № CLXIX. S. 220–221; № CLXXI. S. 223–224; № CLXXIII. S. 226; № CLXXVI. S. 229–231; № CLXXIX. S. 233; № CLXXXI. S. 234; № CCV. S. 261–262; № CCLXI. S. 320–321; № CCLXII. S. 321–322; № CCLXXVI. S. 339–343; № CCLXXVII. S. 344–346; № CCLXXXVII. S. 359–360; № CCXCVIII. S. 371; № CCCV. S. 378–379; № CCCXXIV. S. 401–402; № CCCXXV. S. 402–403 etc.

⁴¹³ Собчук В., Тесленко І. Перші покоління шляхетського роду Болбасів-Розтоцьких / В.Д. Собчук, І. Тесленко // Вісник Львівського ун-ту. Сер. історична. Вип. 44. Львів, 2009. С. 276–278.

⁴¹⁴ Ревизия пущ и переходов. С. 213–364; 63–212.

⁴¹⁵ Там же. С. III.

обнаруженных на данный момент кириллических грамот, относящихся к управлению ее имениями (1522–1523 гг.)⁴¹⁶.

Грамоты королевы Боны, выданные городам, сословиям и частным лицам, не теряли юридической силы вплоть до конца существования Речи Посполитой как государственного образования. Их использовали при подготовке подтверждающих документов и «видимусов», их текст интерполировался во вновь составлявшиеся грамоты или переписывался в составе судебных замковых книг. В частности, списки грамот королевы Боны содержатся в книгах земских и гродских судов: дорогицкого (грамоты 1528, 1530 гг. в записи 1531 г.)⁴¹⁷, брестского (грамота 1542 г. в записи 1787 г.)⁴¹⁸, городенского (грамоты 1540, 1541 гг. в книге XVIII в.)⁴¹⁹, виленского (грамота 1552 г. в записи 1772 г.)⁴²⁰, пинского (грамота 1524 г. в записи 1793 г.⁴²¹; грамота 1556 г. в записи 1656 г.⁴²²), россиенского (грамоты 1536 г. в записях 1606 и 1719 гг.)⁴²³, браславского подкоморского суда (грамота 1541 г. в записи 1747 г.)⁴²⁴; книгах главного литовского трибунала (грамота 1524 г. в записи 1759 г.⁴²⁵; грамота 1555 г. в записи 1671 г.⁴²⁶) и т. д.

---

⁴¹⁶ Там же. С. 252, 324–325.

⁴¹⁷ Сборник палеографических снимков с древних грамот и актов, хранящихся в Виленском центральном архиве и Виленской публичной библиотеке. Вып. 1 (1432–1548 гг.). Вильна, 1884. № 34, 32.

⁴¹⁸ АВАК. Т. II. Акты брестского земского суда. Вильна, 1867. № 59. С. 130–131.

⁴¹⁹ Там же. Т. VII. Акты городенского гродского суда. Вильна, 1874. № 10. С. 72–74; № 12. С. 75–78.

⁴²⁰ Там же. Т. IX. Акты виленского земского суда. Вильна, 1878. № 183. С. 556–556.

⁴²¹ Там же. Т. XXIV. Акты о боярах. Вильна, 1897. № 27. С. 29–30.

⁴²² Там же. № 123. С. 193–194.

⁴²³ Там же. № 45. С. 80–81; № 53. С. 90–91.

⁴²⁴ Там же. Т. XXXIII. Акты, относящиеся к истории западнорусской церкви. Вильна, 1908. № 35. С. 36–37.

⁴²⁵ Там же. Т. XXIV. Акты о боярах. Вильна, 1897. № 28. С. 30–31.

⁴²⁶ Там же. Т. XIII. Акты главного литовского трибунала. Вильна, 1886. № 11. С. 28–29.

Актовые судебные книги, не входящие в комплекс Литовской метрики, являются ценным источником по истории Великого княжества Литовского. В их составе сохранились многие документы, происходящие из удельных и частных архивов. Эти документальные сборники, так же как и сохранившиеся подлинные грамоты, рассредоточены по архивным и музейным хранилищам сразу нескольких государств; можно с уверенностью сказать, что часть из них до сих пор не известна исследователям. Значительное количество судебных книг в середине XIX в. хранилось в архивах Вильны и Киева. В Виленский центральный архив был принято на хранение 19 244 актовых книг, каждая из которых содержала от 150 до 1400 документов⁴²⁷. В Киевском центральном архиве в 1859 г. хранилось 5815 актовых книг и 453 381 отдельных документов⁴²⁸. Очевидно, что полная публикация этих источников является слишком отдаленной перспективой.

Значительный интерес для изучения истории Великого княжества Литовского и соседних с ним регионов представляют документы, собранные в фонде Комиссии эдукационного фондуша⁴²⁹. Этот комплекс источников представляет собой собрание документов по истории польско-литовских земельных владений Ордена иезуитов, упраздненного в последней четверти XVIII в. Здесь находятся как подлинные, так и копияные документы XV–XIX вв.: жалованные и данные листы польских королей и великих князей литовских на имения, судебные документы, частноправовые акты на землю, выписи («видимусы») из книг Литовской и Коронной метрик и т. д.⁴³⁰ Фонд Комиссии эдукационного фондуша весьма объемён (13 330 единиц хранения, в каждую из которых зачастую включено по несколько десятков отдельных документов);

---

⁴²⁷ Там же. Т. I. Акты гродненского земского суда. Вильна, 1865. С. 21–22.

⁴²⁸ АЮЗР. Ч. I. Т. I. Акты, относящиеся к истории православной церкви в Юго-Западной России. Киев, 1859. С. V.

⁴²⁹ РГАДА. Ф. 1603. Оп. 1–16.

⁴³⁰ Российский государственный архив древних актов: Путеводитель / сост.: М.В. Бабич, Ю.М. Эскин, Л.А. Тимошина. Т. 4. М., 1999. С. 64–69.

исследовательскую работу с документами этого фонда осложняет тот факт, что имеющиеся к нему описи, составленные на польском языке в конце XVIII — XIX вв., не отличаются подробностью. Дела («фасцикулы»)⁴³¹ сгруппированы, главным образом, по географическому принципу. Внутренние описи документов того или иного дела (которые, к слову сказать, не имеют даже современных заголовков) отсутствуют. Кроме того, старые польские описи не отражают реальное количество дел и единиц хранения, содержащихся в настоящее время в РГАДА — значительное их количество выбыло (возможно, часть не была вывезена из Польши после разделов Речи Посполитой, часть погибла или была утрачена вследствие иных причин, часть некогда была передана в иные архивные учреждения)⁴³².

В качестве примера можно привести одно из дел, включенных в 16-ю опись фонда Комиссии эдукационного фондуша. Как следует из дела фонда Литовской метрики (фонд № 389), в 1988 г. в ЦГАДА поступило 576 архивных единиц хранения, переданных сюда Государственным архивом Горьковской области (ныне Центральный архив Нижегородской области). В 1990 г. эти дела были присоединены к фонду № 1603, где образовали самостоятельную (16-ю) опись⁴³³.

Здесь представлены документы XVI–XVIII вв., в том числе и несколько грамот первой половины XVI столетия: данный лист князя Ф.И. Ярославича и княгини Олены Никольской церкви в г. Пинске 1511 г. (в списке 1625 г.)⁴³⁴; подлинные указные листы короля польского и великого князя литовского

---

⁴³¹ Фасцикула — «справа, яка складається з документів різного змісту, розміщених за їхніми реєстраційними номерами» (Великий тлумачний словник сучасної української мови (з дод. і допов.) / уклад. і голов. ред. В.Т. Бусел. Київ, 2005. С. 1530).

⁴³² Архив Комиссии эдукационного фондуша с 1834 г. хранился в архиве Министерства народного просвещения; в 1927, 1952 и 1959 гг. основная его часть была передана на хранение в ЦГАДА и образовала фонд № 1603 (Российский государственный архив древних актов: Путеводитель / сост.: М.В. Бабич, Ю.М. Эскин, Л.А. Тимошина. Т. 4. М., 1999. С. 64).

⁴³³ РГАДА. Ф. 389 (Литовская метрика). Дело фонда. Л. 36.

⁴³⁴ РГАДА. Ф. 1603. Оп. 16. Д. 1. Л. 9–9 об.

Сигизмунда I Старого Ольбрахту Мартиновичу Гаштольд (1523 г.)⁴³⁵ и Юрию Николаевичу Радзивиллу (предположительно 1522 г.)⁴³⁶; подтвердительный лист того же правителя на земли в Городенском повете (предположительно 1522 г.)⁴³⁷, другие документы. Среди них — подлинник указного листа королевы Боны Сфорца ее уряднику квасовскому и котренскому Андрею Тарновскому о земельной отмене дворянину короля Ивану Федоровичу (1549 г.)⁴³⁸. Список этой грамоты, имеющий незначительные разночтения с оригиналом, был включен в 32-ю книгу записей Литовской метрики⁴³⁹.

Одно из дел, включенных в 16-ю опись фонда № 1603, озаглавлено как «Опись документов за XVI–XVIII вв. на польском языке». Где в настоящее время находятся подлинные и копийные документы, перечисленные в этой описи, не известно. Здесь описаны документы королевы Боны 1522, 1524, 1542, 1555 гг.⁴⁴⁰, ее урядников и должностных лиц — Ивана Михайловича Хоревича⁴⁴¹, Станислава Фальчевского⁴⁴², удельных князей Оленьковичей⁴⁴³, Ярославичей⁴⁴⁴, польских

---

⁴³⁵ РГАДА. Ф. 1603. Оп. 16. Д. 3. Л. 1.

⁴³⁶ РГАДА. Ф. 1603. Оп. 16. Д. 2. Л. 1.

⁴³⁷ РГАДА. Ф. 1603. Оп. 16. Д. 2. Л. 2.

⁴³⁸ РГАДА. Ф. 1603. Оп. 16. Д. 4. Л. 1–1 об. Подлинник написан на бумаге, формат 32,5×40,2 см, скреплен прикладной печатью королевы Боны темно-зеленого воска под бумажной кустодией, Ø 4,3 см. Филигрань — *Тиара*, сходна с отмеченной Н.П. Лихачевым под 1545 г. и, в большей степени — под 1558 г. (*Лихачев Н.П.* Бумага и бумажные мельницы в Московском государстве: историко-археографич. очерк. СПб., 1891. С. 96, Табл. 96, № 651 (1558 г.); *Он же.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. 1: исслед. и описание филиграней. С. 493, Ч. 2: предметный и хронолог. ук-ли. С. 379, Ч. 3: альбом снимков. Табл. DCXX, № 4165 (1545 г.).

⁴³⁹ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 69 об.–70 об.

⁴⁴⁰ РГАДА. Ф. 1603. Оп. 16. Д. 573. Л. 51, Л. 32–32 об., Л. 6 об., Л. 91.

⁴⁴¹ Там же. Л. 104.

⁴⁴² Там же. Л. 5 об., Л. 91, Л. 92 об., Л. 98, Л. 108, Л. 112.

⁴⁴³ Там же. Л. 32.

⁴⁴⁴ Там же. Л. 32–32 об., Л. 87 об.–88.

королей и великих князей литовских Сигизмунда I Старого и Сигизмунда II Августа, документы более позднего времени.

Таким образом, изучение коллекции документов из фонда Комиссии эдукационного фондуша может стать перспективным направлением в деле реконструкции удельных и частноправовых архивов Великого княжества Литовского XV–XVI вв. В отличие от Литовской метрики, здесь содержатся и подлинные документы⁴⁴⁵, выявление и изучение которых может дать значимую информацию о деятельности средневековых канцелярий, включая и канцелярию Боны Сфорца.

---

⁴⁴⁵ Следует отметить, что и в составе исторически сложившегося комплекса Литовской метрики существуют книги, скомпилированные из подлинных документов. Речь идет о двух книгах, отнесенных в С.Л. Пташицким к отделу переписей. По современной архивной нумерации фонда Литовской метрики одной из них присвоен 583-й порядковый номер. В «Описании» С.Л. Пташицкого 583-я книга переписей проходила под номером IV-B-27 и была кратко охарактеризована как «Сборник подлинных актов, относящихся к Литве с XV–XVII ст.» (*Пташицкий С.Л.* Описание книг и актов. С. 167). Здесь представлены оригинальные грамоты великих князей литовских и польских королей XV–XVII вв., частноправовые акты, документы судебного характера. Значительное их количество так или иначе относится к белорусско-литовским землям, которые перешли в собственность рода Гаштольдов, а после их смерти «спали» на Сигизмунда II Августа. Документы более позднего времени (XVII в.) представлены главным образом подлинными выписями («видимусами») из книг замковых судов — житомирского, браславского, винницкого, луцкого, ковенского, киевского, троцкого и др. Одной из неожиданных находок, обнаруженных среди документов 583-й книги переписей, стал ранее не введенный в научный оборот список второй духовной грамоты великого князя московского Дмитрия Ивановича Донского (РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 583. Л. 93–95 об.). В тесной связи с документами 583-й книги переписей, видимо, находится 24-я книга переписей, переданная в Польшу и ныне хранящаяся в Варшавском архиве древних актов (AGAD. Tzw. Метрыка Litewska. Dz. IV. В/24). В нее так же включены подлинные документы, «относящиеся, по преимуществу, к делам Гаштольдов» (*Пташицкий С.Л.* Описание книг и актов. С. 46).

3.3. Археографический анализ опубликованных грамот Боны Сфорца православному духовенству

Археографическая судьба документов, составляющих метрику королевы Боны, а в частности грамот, адресованных представителям западнорусских духовных корпораций, тесно связана с историей издания Литовской метрики.

Первый период публикации документов государственного архива Великого княжества Литовского, согласно статье К. Альгимантаса, продлился с середины XVIII до середины XIX в. По характеру изданий литовский историк различал две группы публикаций. К первой он относил сборники документов с опубликованными актами Литовской метрики (издания М. Догеля, П. Дубинского, И.И. Григоровича, Н.А. Полевого, П.А. Муханова, И. Даниловича, А. Востокова). Ко второй — исторические труды, в которых документы Литовской метрики были использованы или опубликованы (исследования Т. Чацкого, Н. Бантыш-Каменского, Н.М. Карамзина, Т. Нарбута, М. Балинского, Ю. Крашевского)⁴⁴⁶.

Первоначально особое внимание уделялось документам, касавшимся дипломатических связей Литовского государства. Был опубликован ряд посольских книг метрики⁴⁴⁷. В изданиях Киевской и Виленской археографических комиссий из разных книг метрики извлекались источники, подбиравшиеся по тематическому принципу. Так, различные части и тома «Архива Юго-Западной

---

⁴⁴⁶ *Альгимантас К.* Первые публикации документов Литовской метрики // Литовская метрика: Тезисы докладов межреспубликанской научной конференции. Вильнюс, 1988. С. 54–56.

⁴⁴⁷ Книга посольская Великого княжества Литовского за 1506–1507 гг. // Сборник князя Оболенского. Кн. 1. М., 1838; Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государственование короля Сигизмунда Августа с 1545 по 1572 год. Ч. 1–2. М., 1843; Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 35. СПб., 1882.

России» дают представление о таких аспектах как: «социально-экономическое и правовое положение крестьянства; феодальная земельная собственность; развитие городов... положение городского населения; классовая борьба крестьянства; социальная борьба в городах; братства, их состав и деятельность; административный строй, суд и судоустройство»⁴⁴⁸ и т. д. Для документального освещения этих проблем археографами подбирались соответствующие документы, одним из основных источников поступления которых служила Литовская метрика. После перевода Литовской метрики в МАМЮ под редакцией М.В. Довнар-Запольского был издан сборник документов метрики, которые также были выбраны из разных книг⁴⁴⁹.

Императорская Археографическая комиссия усилиями С.А. Бершадского в 1896 г. признала «своевременным печатание древнейших книг Литовской метрики целиком»⁴⁵⁰. Планы по изданию книг архива канцелярии Литовского государства так и не были полностью реализованы. Всего в серии «Русская историческая библиотека» вышло четыре тома Литовской метрики⁴⁵¹. Археографический анализ и характеристика материалов этих публикаций приведены в работах Н.Н. Улащика⁴⁵² и Н.П. Ковальского⁴⁵³. Редактор первого тома метрики П.А. Гильтебрандт, описывая принципы передачи текста, отмечал

---

⁴⁴⁸ Ковальский Н.П. Источниковедение истории Украины XVI–XVII вв. Ч. 2. Днепропетровск, 1978. С. 58–59.

⁴⁴⁹ Документы Московского архива министерства юстиции. Т. I. М., 1897.

⁴⁵⁰ Русская историческая библиотека (далее — РИБ), издаваемая Императорской Археографической комиссией. СПб., 1903. Т. 20. Литовская Метрика. Т. 1. Книги судебных дел. С. IV.

⁴⁵¹ РИБ. СПб., 1903. Т. 20. Литовская Метрика. Т. 1. Книги судебных дел; РИБ. Т. 27. СПб., 1910. Литовская Метрика. Отд. 1. Ч. 1: Книги записей. Т. 1.; РИБ. Юрьев, 1914. Т. 30. Литовская метрика. Отд. 1–2. Ч. 3: Книги публичных дел. Т. 1.; РИБ. Пг., 1915. Т. 33. Пописы войска ВКЛ 1528, 1565, 1567 гг.

⁴⁵² Улащик Н.Н. Очерки по археографии и источниковедению Белоруссии феодального периода. М., 1973. С. 207–218.

⁴⁵³ Ковальский Н.П. Источниковедение истории Украины. С. 29–34.

«сохранение особенных славянских букв»⁴⁵⁴. Впрочем, как установил Н.Н. Улащик, Гильтебрандт вносил некоторые исправления в текст⁴⁵⁵, а во втором томе, вышедшем под редакцией И.И. Лаппо, уже допускалась замена некоторых букв «в интересах приближения к... современному правописанию»⁴⁵⁶. Подобная замена в словах «вела к искажениям в их звучании..., приводила и к семантическим изменениям»⁴⁵⁷.

На данный момент выявлено 76 документов, адресованных королевой Боной и ее урядниками представителям духовного сословия Литовского государства. 22 из них восстановлены по упоминаниям в текстах других источников. 34 документа были опубликованы в различных изданиях Археографической комиссии и в приложениях к монографическим исследованиям, либо описаны в составе архивных собраний.

Количество актов, опубликованных в сборниках документов, подготовленных к печати членами Императорской Археографической комиссии, распределено следующим образом: «Ревизия пущ и переходов звериных» — 13⁴⁵⁸; «Акты, издаваемые Виленскою Археографическою комиссиею» (АВАК) — 4⁴⁵⁹; «Акты, относящиеся к истории западной России» (АЗР) — 3⁴⁶⁰; «Сборник палеографических снимков» — 2⁴⁶¹; «Архив Юго-Западной России» (АЮЗР) — 1⁴⁶²; «Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси» (АСЗР) — 1⁴⁶³; «Ревизия Кобринской экономии» — 1⁴⁶⁴.

---

⁴⁵⁴ РИБ. СПб., 1903. Т. 20. Литовская Метрика. Т. 1. Книги судных дел. С. V.

⁴⁵⁵ Улащик Н.Н. Очерки по археографии. С. 207–218.

⁴⁵⁶ РИБ. СПб., 1910. Т. 27. Литовская Метрика. Отд. 1. Ч. 1: Книги записей. Т. 1. С. VIII.

⁴⁵⁷ Ковальский Н.П. Источниковедение истории Украины. С. 30.

⁴⁵⁸ Приложение 1. № 1–4, 6, 10, 19, 46, 48, 51–52, 54, 63.

⁴⁵⁹ Там же. № 17, 34, 60, 62.

⁴⁶⁰ Там же. № 17, 68, 76.

⁴⁶¹ Там же. № 11, 14.

⁴⁶² Там же. № 20.

⁴⁶³ Там же. № 68.

⁴⁶⁴ Там же. № 17.

В предисловиях ни к одному из этих изданий не описаны принципы передачи текста публикуемых источников⁴⁶⁵. В первом томе АЗР, вышедшем в свет ранее других (1846 г.), имеется указание на то, что его составители руководствовались при передаче текста правилами, принятыми «при печатании Актов Археографической экспедиции и Актов исторических»⁴⁶⁶.

Принципы публикации текстов документов в этих изданиях сходны. Вышедшие из употребления буквы не воспроизводятся. Буквы «и десятеричное», «ять», «ер» и знаки пунктуации употребляются в соответствии с нормами правописания XIX в. Буква «й» используется при передаче как строчной, так и выносной «и». Выносные и восстановленные буквы специальными обозначениями не передаются. Текст не разбивается на абзацы. Концы строк и листов в рукописях не обозначаются.

Как уже отмечалось, опубликованные в качестве приложений к Ревизии пущ и переходов оригинальные актовые книги 1554 и 1559 г. являются ценным источником и для исследования деятельности канцелярии Боны Сфорца, и для изучения документальной традиции Великого княжества Литовского середины XVI в. Вероятно, следует поставить вопрос о целесообразности установления местонахождения этих двух актовых книг и их переиздания в соответствии с современными археографическими требованиями. Сложно переоценить сам факт публикации этих источников, подготовленных к печати Н.И. Горбачевским,

---

⁴⁶⁵ В предисловии к Ревизии Кобринской экономии отмечены некоторые филологические особенности источника — «этимологические формы, сохранившие в себе следы древнеславянского языка». Приведенные замечания не связаны с особенностями и последовательностью употребления в тексте устаревших букв (Ревизия Кобринской экономии, составленная в 1563 г. королевским ревизором Дмитрием Сапегою, с присовокуплением актов Браславского земского суда, относящихся к Кобринской архимандрии. Вильна, 1876. С. XII).

⁴⁶⁶ Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. I (1340–1506). СПб., 1846. С. III. Здесь имеются в виду издания: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской академии наук. Т. I–IV. СПб., 1836; Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. I–V. СПб., 1841–1842.

П.А. Гильтебрандтом и И.Я. Спрогисом, но их издание, помимо характерного для XIX в. археографического уровня, изобилует ошибками в датировке документов, неверным прочтением текстов, неправильной интерпретацией реалий. Эти источники являются памятниками канцелярского делопроизводства середины XVI в., что их «выгодно» отличает от копийного материала конца того же века, которым представлено большинство «древнейших» книг Литовской метрики, и требует к ним особого внимания археографов и дипломатистов.

В приложении к историческому очерку Пинского и Туровского княжества А.С. Грушевский опубликовал ряд грамот из исторически сложившегося комплекса метрики королевы Боны (18-й, 32-й, 33-й, 36-й книг записей, 28-й книги публичных дел). Семь из них относятся к сфере правоотношений, возникших между представителями светской и духовной власти⁴⁶⁷. Характеризуя принятые им принципы публикации текста, исследователь писал о «строгой передаче особенностей оригинала» и сохранении «неустойчивости орфографии и особенностей транскрипции русских актов»⁴⁶⁸. Тем не менее, А.С. Грушевский не передавал вышедшие из употребления буквы, использовал букву «й». Сокращенные под титлами буквы не восстанавливались. В некоторых документах было сохранено буквенное обозначение дат, в некоторых из них даты были указаны арабскими цифрами.

Один из документов был опубликован С.А. Бершадским⁴⁶⁹. Исследователь «по примеру С[анкт]-П[етер]б[ургской] Археографической комиссии напечатал с новейшим правописанием все документы XV и XVI веков», мотивируя это тем,

---

⁴⁶⁷ Приложение 1. № 13, 23–24, 36, 44, 50, 57.

⁴⁶⁸ *Грушевский А.С.* Пинское Полесье XIV–XVI вв. // Исторические очерки. Киев, 1903. Пинские акты. С. 2.

⁴⁶⁹ Приложение 1. № 16.

что большая часть актовых книг этого времени была переписана в конце XVI в. «без соблюдения старинного правописания»⁴⁷⁰.

Принципы передачи текста грамот, вошедших в «Собрание древних актов городов Минской губернии», описаны составителями следующим образом: «Каждая грамота печатана на том языке и теми буквами, как писан подлинник, и, дабы сохранить всевозможную точность, соблюдено при издании сих древних актов самое правописание с опущением токмо в печатании титл, помещенных в древнем письме»⁴⁷¹. Источником публикации указного листа королевы Боны епископу Варлааму, обнародованному в этом сборнике, послужила актовая книга 1554 г.⁴⁷² Устаревшие буквы не передаются, но сохранено буквенное обозначение цифр. Титла не раскрываются, знаки препинания не используются, словоразделение, вероятно, соответствует списку грамоты 1554 г.

Несколько подлинных грамот королевы Боны и ее урядников были описаны в составе коллекций: рукописного отделения Виленской публичной библиотеки⁴⁷³, архивного собрания западнорусских униатских митрополитов⁴⁷⁴, Императорской Публичной библиотеки⁴⁷⁵. В составе коллекции П.Н. Доброхотова, хранящейся в настоящий момент в архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН, описана копия грамоты Боны священникам пинской церкви св. Дмитрия XVII в.⁴⁷⁶

---

⁴⁷⁰ *Бершадский С.А.* Русско-еврейский архив: Документы и материалы для истории евреев в России. Т. 1. Документы и регесты к истории литовских евреев (1388–1550). СПб., 1882. С. III.

⁴⁷¹ Собрание древних актов городов Минской губернии, православных монастырей, церквей, и по разным предметам. Минск, 1848. С. I–II.

⁴⁷² Приложение 1. № 19.

⁴⁷³ Там же. № 5, 7.

⁴⁷⁴ Там же. № 55.

⁴⁷⁵ Там же. № 75.

⁴⁷⁶ Там же. № 74. Более ранний список этого документа содержится в 74-й книге записей Литовской метрики — он был включен в подтверждающий лист короля Стефана Батория 1585 г. (РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 74. Л. 12 об.–14).

3.4. Современные публикации документов метрики королевы Боны

18-я, 32-я, 33-я, 36-я книги записей, составляющие исторически сложившийся комплекс метрики королевы Боны, были подготовлены к публикации в 2007–2008 гг. коллективом российских археографов⁴⁷⁷, но в силу ряда причин до сих пор не вышли в свет⁴⁷⁸. В ходе работы над текстом диссертационного исследования ее автору, подготовившему к изданию 32-ю книгу записей еще в 2007 г., стало известно о публикации этой рукописи, осуществленной украинскими и литовскими исследователями⁴⁷⁹. Анализ издания, так же как и в случае с 6-й книгой записей⁴⁸⁰, указывает на укоренение в зарубежной археографической практике принципиальных расхождений с

---

⁴⁷⁷ Алексеева Д.И., Бондаренко А.А., Дубман А.Э., Поселянин А.А., Сухорученко С.С., Хоруженко О.И. Работа по подготовке к изданию книг метрики королевы Боны была начата по инициативе доктора исторических наук М.Е. Бычковой (1936–2014 гг.).

⁴⁷⁸ В настоящее время ведется подготовка к публикации этих документальных сборников в рамках одного из направлений исследовательского проекта «Акты государства Российского. Государственные, корпоративные и личные архивы XIII–XVII вв.» — серии «Акты, относящиеся к истории Западной России: документы Литовской метрики».

⁴⁷⁹ Lietuvos metrika. Knyga Nr. 32 (1548–1549). Užrašų knyga 32. Vilnius, 2012. Несколько документов 32-й книги записей было также издано отдельно в качестве приложений к исследовательским статьям участниками авторского коллектива, подготовившего к публикации этот документальный сборник (*Блануца А.В.* Господарська політика королеви Бони у Великому князівстві Литовському (за матеріалами 32 книги записів Литовської метрики) // Україна в Центрально-Східній Європі: Зб. наук. пр. Вип. 11. Київ, 2011. С. 202–204; *Ващук Д.П.* До історії повсякдення Великого князівства Литовського (Інститут «старини» за матеріалами 32-ї книги записів) // *Ukraina Lithuanica: студії з історії Великого князівства Литовського*. Т. 2. Київ, 2013. С. 203–208).

⁴⁸⁰ *Хоруженко О.И.* [Рецензия] // *Новости Литовской Метрики: науч.-информацион. прил. журн. «Lietuvos istorijos matrastis» (Ежегодник истории Литвы)*. Вильнюс, 2009. № 10. 2007/2008. С. 5–8.

Методическими рекомендациями по изданию и описанию Литовской метрики⁴⁸¹. Прежде всего, это касается принципов передачи текста и составления научно-справочного аппарата.

В литовско-украинском издании вышедшие из употребления буквы «йотированный аз», «малый юс», «омега», петлевидный «ук» заменены современными эквивалентами; в тексте сохранена только буква «ять». Присутствие в тексте рукописи якорной «есть» публикаторами игнорируется. В отношении употребления «десятеричного и» и «ферта» как в тексте, так и в числовом значении также нет никаких указаний. Выносные буквы передаются курсивом, буквы, привносимые в текст при раскрытии сокращений, вносятся в круглых скобках, восстановленные буквы передаются в квадратных скобках. Выносная «и», называемая публикаторами «паерком», передается как курсивная «й», что иногда выглядит довольно абсурдно. Так, в соответствии с принятыми археографами нормами передачи текста князь Ф.И. Ярославич выдал своему духовнику Василию Демьяновичу дворище «на ймя Десятьниковъщина»⁴⁸². Окончание листа обозначается двумя вертикальными чертами, граница строки не фиксируется⁴⁸³.

Публикаторы выделяют два типа чернил, которыми написана 32-я книга записей и, судя по всему, различают также два типа почерка. По крайней мере, все заголовки документов, как указано в предисловии к изданию, написаны рукой одного писаря⁴⁸⁴. Следует сказать, что в этой книге можно различить пять разных почерков. Первый и основной — это почерк переписчика книги, которым написана большая часть документов. Вторым почерком написаны заглавия к кириллическим документам. Третьим — латинские документы, которых содержится в этой книге-копии 7. Четвертым — польские заглавия к латинским

---

⁴⁸¹ Методические рекомендации по изданию и описанию Литовской метрики / Сост. А.Л. Хорошкевич, С.М. Каштанов. Вильнюс, 1985.

⁴⁸² Lietuvos metrika. Knyga Nr. 32. № 46. P. 54.

⁴⁸³ Там же. P. XII-XIII.

⁴⁸⁴ Там же. P. XI.

грамотам. Пятым почерком написаны два фальсификата, помещенные после кириллического реестра документов непосредственно перед их текстом. Последние два документа вписаны почерком более позднего времени, стилизованным под XVI в.

Опубликованные латинские грамоты не снабжены переводом ни на литовский, ни на украинский, ни, тем более, на русский языки. Следует полагать, что для определенной части исследователей издание латинских документов без перевода обесценивает сам факт их обнаружения, так как не позволяет в полной мере использовать содержащиеся в них сведения.

Два из трех документов 32-й книги записей, выданных ранее 1548–1549 гг., датированы составителями неверно. Упомянутая грамота князя Ярославича опубликована под 1515 г., хотя индикту, указанному в ее тексте, соответствует 1514 г. Эта грамота с правильной датировкой была ранее издана А.С. Грушевским⁴⁸⁵. Подобная ошибка публикаторов тем более странна, что ими была исправлена по индикту дата другого документа этой книги (1533 г. вместо 1535 г.) — уставного листа Боны Сфорца волостям Усвят и Озерища⁴⁸⁶. Трудности, вероятно, возникли из-за необходимости перевода числа года, данного в документе по эре от Сотворения мира, в число по эре от Рождества Христова.

Датировка упомянутой выше уставной грамоты королевы Боны Усвятской и Озерищской волостям 1533 либо 1535 г. спорна и требует уточнения. Этот документ публиковался и ранее⁴⁸⁷. В списке грамоты из 32-й книги записей одновременно указаны индикт и год ее составления, однако индикту 7 соответствует сентябрь 1533, а не 1535 г., как указано в тексте. В то же время писарь мог допустить ошибку в числе индикта, указав правильный год документа. М.В. Довнар-Запольский и белорусские археографы опубликовали эту грамоту

---

⁴⁸⁵ Грушевский А.С. Пинские акты. № XVI. С. 21.

⁴⁸⁶ Lietuvos metrika. Knyga Nr. 32. № 36. P. 46.

⁴⁸⁷ Довнар-Запольский М.В. Очерки по организации западнорусского крестьянства в XVI веке. Киев, 1905. Приложения. № 13. С. 32–33; Белоруссия в эпоху феодализма. Т. I. С древнейших времен до середины XVII века. Минск, 1959. № 89. С. 194–195.

под 1535 г., в издании 2012 г. он был передатирован по индикту 1533 г. без каких-либо дополнительных комментариев. С одной стороны, содержание уставного листа не позволяет признать ни один из возможных вариантов датировки более убедительным. С другой стороны, наибольшее количество известных документов королевы Боны, связанных с управлением Усвятской волостью, относится к периоду до 1533 г. включительно (об этом см. Главу 4). Кроме того, события Стародубской войны 1534–1537 гг. (в особенности события 1535 г.) разворачивались и на территории Витебского повета⁴⁸⁸; в условиях боевых действий жителям Задвинских волостей едва ли было уместно подавать своей «господарине» челобитную о притеснениях со стороны витебского воеводы М.В. Ключко. Таким образом, датировка по индикту этой уставной грамоты 1533 г. действительно кажется более предпочтительной.

Грамоту королевы Боны, выданную в пользу населения Усвятской волости, публикаторы вслед за М.В. Довнар-Запольским датировали по индикту 1544 г.⁴⁸⁹. В период правления Боны Сфорца 2-й индикт приходился на 1529 и 1544 гг. Основанием для выбора более ранней даты не может служить упоминание писаря грамоты Петра Кунцы, так как по своей подписи в документах королевы Боны он известен в 1526–1544 гг.⁴⁹⁰. Выбор 1529 г. основывается на упоминании уряда державцы Кирдея Гричиновича, адресата этого документа. Как следует из грамоты Сигизмунда I Старого, которой он утверждал мену землями между Боной Сфорца и князем В.М. Сангушковичем (1543 г.), К. Гричинович умер ранее 26 февраля 1543 г.; к тому же времени умер и сменивший его на этом уряде витебский воевода Матей Войтехович Ключко⁴⁹¹. В 1543 г. местным урядником

---

⁴⁸⁸ Кром М.М. Стародубская война 1534–1537 гг. Из истории русско-литовских отношений. М., 2008.

⁴⁸⁹ Довнар-Запольский М.В. Очерк по организации западнорусского крестьянства в XVI в. Киев, 1905. № 23. С. 52–53; Lietuvos metrika. Knyga Nr. 32. № 37. S. 46–47.

⁴⁹⁰ Ревизия пущ и переходов. С. 236, 286; Приложение 2. С. 356.

⁴⁹¹ AGAD. Tzw. Metryka Litewska. Dz. III. A/28. K. 55.

Боны был Юрий Войтехович Насиловский, скончавшийся годом позднее⁴⁹². Оболецкий и усвятский уряды Кирдей Гричинович занимал до 1533 г.⁴⁹³, поэтому датировать указной лист королевы Боны следует именно 1529 г.

Хронологические рамки публикуемых документов, указанные в названии издания, не соответствуют крайним датам источников — в 32-ю книгу записей включены документы 1514–1549 гг.

Отсутствие исследовательской интерпретации документов, которая могла бы быть воплощена в составлении заголовков к публикуемым источникам, сильно обедняет это издание. Разновидности документов, входящих в 32-ю книгу записей, определяются авторами в соответствии с устоявшимися в великокняжеской канцелярии на рубеже XVI–XVII вв. номинальными признаками. Составители называют следующие «типы» публично-правовых документов: «листы», «привилеи», «подтверждения» (сложно сказать, имеются ли в виду подтвердительные листы или же подтвердительные привилеи — *А.Б.*). Документы судебного характера подразделяются на «декреты», «справы», «оповеданья» и «сознанья»⁴⁹⁴. Очевидно, что ограничиваясь использованием терминологии писарских заголовков, литовские и украинские археографы мало способствуют развитию дипломатики Литовской метрики.

Парадоксально, что авторство двух делопроизводственных документов, определяемых писарскими заголовками как «оповеданье», приписывается составителями лицам, чьи показания были внесены в канцелярские книги по распоряжению королевы⁴⁹⁵. В Литве существовала практика внесения записей в поветовые судебные книги по инициативе просителя, что облагалось пошлиной установленного размера, но просителя едва ли можно считать автором таких записей. Нарративная часть обеих писарских записей 32-й книги Литовской

---

⁴⁹² *Wolff J.* Senatorowie i dygnitarze Wielkiego ksiestwa Litewskiego (1386–1795). Krakow, 1885. S. 87.

⁴⁹³ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 18. Л. 56 об., Л. 58, Л. 72; Приложение 2. С. 368.

⁴⁹⁴ Lietuvos metrika. Knyga Nr. 32. P. XII.

⁴⁹⁵ Там же. P. XI–XII; № 48. P. 56; № 50. P. 57.

метрики характеризует волеизъявление Боны: «королевая... пильность у книги записати и выпис того с книгъ ее дати росказала», «королевая... тую речъ у кнѣиги записати казала». Поэтому юридическим автором этих писарских записей скорее является Бона, а исполнителем — писарь ее канцелярии, который путем внесения показаний просителя в книги и подготовки соответствующего «выписа» придал им правовую силу (публично удостоверил).

Нельзя признать удачным объединенный указатель личных имен и географических названий. Отсутствие локализации топонимов, встречающихся в тексте рукописи, и, в ряде случаев, их буквальное или неверное прочтение, искажает и преподносит в другом свете информацию, заключенную в источнике. Прочтение уряда умершего к 1549 г. Ю.Я. Зелепуги как «жославский»⁴⁹⁶ скорее отсылает читателя ко двору и волости Трокского повета Жосли⁴⁹⁷, который королеве Боне никогда не принадлежал. По известным данным в 1530–1536 гг. Юрий Зелепуга среди прочих дворов Городенского повета «держал» от Боны двор Жорославку⁴⁹⁸. Употребление прилагательного «лещинский», обозначающего игуменство в Лещинском монастыре г. Пинска, в качестве фамилии архимандрита Макария кажется спорным⁴⁹⁹. Среди других замечаний общего характера можно указать на некоторые ошибки прочтения, опечатки и несоответствия данных, приведенных в указателе и в тексте документов. Например, «новгородский справца» вместо «новодворский», «Кринск» вместо «Кринки», «костовский справца» вместо «мостовский», «Оскольский» вместо «Осмольский»,

---

⁴⁹⁶ Там же. № 70. Р. 76.

⁴⁹⁷ *Любавский М.К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого Литовского Статута. М., 1892. С. 168.

⁴⁹⁸ Приложение 2. С. 369.

⁴⁹⁹ *Lietuvos metrika.* Knyga Nr. 32. Р. 57, 105. Это отмечал С.М. Каштанов: «Встречающиеся при именах священнослужителей определения, происходящие от названия монастыря, церкви или села, где находится церковь, и выглядящие как современная фамилия, должны... писаться со строчной буквы» (*Каштанов С.М.* Актовая археография. М., 1998. С. 105).

«Ивилецкий» вместо «Квилецкий» и т. д. Подобные ошибки серьезно дезинформируют читателя.

***

Интерпретация понятия «метрика королевы Боны» предполагает два его определения. Во-первых, это исторически сформировавшийся комплекс, состоящий из ряда тематически обособленных книг Литовской метрики. Его составляют 18-я, 32-я, 33-я, 36-я книги записей и 28-я книга публичных дел, которые в том или ином виде были сформированы в процессе деятельности канцелярии Боны Сфорца. Во-вторых, под метрикой королевы Боны можно подразумевать комплекс документов по управлению принадлежавшими ей именьями, который составляет основу архива канцелярии Боны Сфорца и складывался на протяжении всего времени ее пребывания в Великом княжестве Литовском и Польском королевстве (1518–1556 гг.). Реконструкция этого комплекса предполагает выявление и учет четырех групп документов. К ним относятся: 1) грамоты, непосредственным образом влиявшие на изменение состава владений королевы Боны; 2) грамоты ее предшественников по землевладению, фиксировавшие социально-экономический и правовой статус населения имений королевы и влиявшие на принимаемые ею управленческие решения; 3) грамоты, юридическим автором которых являлась сама Бона Сфорца; 4) грамоты, созданные в поветовых канцеляриях, которыми руководили уполномоченные королевой Боной лица.

Документы, относящиеся ко второй группе, вносились в канцелярские книги королевы или упоминались в наррации составлявшихся подтвердительных грамот. Документы остальных трех групп сохранились в виде подлинных грамот, современных им или позднейших копий, упоминаний в тексте других источников. Объектами для их поиска являются книги Литовской метрики, актовые книги судебного делопроизводства XVI–XVIII вв., архивные собрания и коллекции, часть документов которых была опубликована.

Задача поиска и учета документов, относящихся к архиву имений королевы Боны, осложняется рядом факторов. Поактовая опись всех книг Литовской метрики, актуальность создания которой подчеркивалась исследователями еще в XIX в., до сих пор не создана. Существующие в копийных книгах реестры заголовков далеко не всегда объективно передают содержание документов. Темпы издания книг архива канцелярии Литовского государства, значительно увеличившиеся в конце XX — начале XXI в., с одной стороны, являются положительным моментом в деле научного освоения Литовской метрики. Однако отсутствие в большинстве случаев официальной координации между российскими и зарубежными археографами сказывается на возможности доступа к уже опубликованным источникам. Достижения национальных историографий тем самым зачастую обесцениваются для российских исследователей, вынуждая их вновь обращаться к архивным документам.

Количество актов книг судебного делопроизводства исчисляется тысячами, что сильно отдаляет перспективу их полной публикации. Кроме того, они, равно как и сохранившиеся подлинные документы, рассредоточены по архивохранилищам нескольких стран, что осложняет возможность доступа к ним исследователей. Часть этих документов была обнародована в публикациях Археографической комиссии и других изданиях, подбор источников в которых осуществлялся главным образом по тематическому принципу.

34 документа из 76, составляющих комплекс грамот королевы Боны и ее урядников, выданных западнорусскому православному духовенству, было ранее опубликовано или описано в составе рукописных коллекций. Уровень археографических изданий XIX в. далек от современного, что, впрочем, не уменьшает значимости обнародования этих документов. В подавляющем большинстве публикаций актов Литовской метрики и других источников, относящихся к истории Литвы и Польши, не воспроизводились вышедшие из употребления буквы. Между тем, с точки зрения современной археографии

именно «дипломатические» принципы передачи текста средневековых источников отвечают целям и задачам исторической науки⁵⁰⁰.

Зарубежные археографы, занимающиеся изданием книг архива канцелярии Великого княжества Литовского, отрицают «дипломатические» правила передачи текстов источников и отступают от разработанных в 1985 г. Методических рекомендаций по изданию и описанию Литовской метрики. Проведенный выборочный анализ опубликованной Институтом истории Литвы совместно с Институтом истории Украины 32-й книги записей, доказывает необходимость продолжения работы российских ученых над подготовкой публикации книг метрики королевы Боны и Литовской метрики в целом. Серьезные методические разногласия между археографами нескольких стран, проявившиеся в публикациях документов архива канцелярии Литовского государства с 1985 г. по настоящее время, видимо, являются следствием разного понимания задач, которые ставит перед собой современная историческая наука.

---

⁵⁰⁰ В частности, употребление устаревших букв «представляет интерес для палеографии, истории канцелярий, орфографии» (*Капитанов С.М.* Актовая археография. С. 235).

РАЗДЕЛ 2. Анализ содержания грамот королевы Боны Сфорца православному
духовенству Великого княжества Литовского

ГЛАВА 4.
СОСТАВ ИМЕНЕЙ БОНЫ КОРОЛЕВЫ СФОРЦА В ВЕЛИКОМ
КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ

Документы метрики королевы Боны являются ценным источником по исторической географии региона Восточной (в большей степени) и Центральной Европы, который в середине XVI в. занимало Великое княжество Литовское и Польское королевство. Кириллические документы Литовской метрики слабо освещают историю польских земель и относятся главным образом к Литве. Определение наиболее значимых административно-территориальных единиц Литовского государства, которые находились в собственности Боны Сфорца, а впоследствии перешли в домен ее сына Сигизмунда II Августа имеет интерес не только для собственно историко-географических исследований, но и для экономической истории, исторической демографии, истории православной и католической церкви и т.д.

Формирование владений Боны Сфорца происходило в результате пожалований Сигизмунда I Старого и частных сделок мены, купли-продажи, дарения, совершавшихся самой королевой. В ее собственность переходили родовые вотчины последних представителей удельного периода истории Литовского государства — князей Ярославичей-Пинских (Рюриковичей, потомков Серпуховско-Боровских князей) и Олельковичей, Кобринских, Сангушковичей-Ковельских (Гедиминовичей).

Основной исследовательской задачей этой главы является локализация географических реалий, упоминаемых в документах метрики королевы Боны и

других источниках, как в пределах поветов Великого княжества Литовского, так и на современной политической карте¹.

Начало получения частновладельческих прав королевы на землю совпало с ее приездом в королевство Польское и Великое княжество Литовское. Сразу по приезду в Польшу в качестве вена (польск. *wiano* — приданое)² ей достались города Сонч, Беч, Санок и Перемышль (ныне города Малопольского и Подкарпатского воеводств Польши). В 1543 г. эти земли отошли к первой жене Сигизмунда II Августа Елизавете. Взамен Бона получила ряд королевских имений в Мазовии с центром в Варшаве³.

Как уже было сказано, значимым источником о составе владений королевы Боны в Великом княжестве Литовском является «проект» договора панов-рады и Сигизмунда II Августа 1548 г. Список имений, упоминаемых в этом документе, приведем полностью: «то есть, напервеи, Городно со всеми месты и дворы, Ковно з Румшышками; а в Подляшской земли лежащие места: Белско, Бранескъ и Суражъ, замок и место Пинескъ и Кобринъ, Клецко, Городокъ, Рогачевъ з дворы, фолварки и селы, дворъ Березники и дворъ Сельцо, и дворъ Мойшакгола з дворцомъ Анторками, и Высокое, Шерешовъ, Керново, Перелая, Довкги; а в земли Жомойтской лежащие: Плотели з волостями, к нимъ належачими, и с третью частью всихъ именеи Рекутевских, и Юрборокъ также по пану Рекутю, Кремянец в земли Волынской лежащи от князя Януша, бискупа познанского, и

---

¹ Предварительные результаты этой работы были опубликованы: *Бондаренко А.А.* Состав удела королевы Боны Сфорца в Великом княжестве Литовском в середине XVI в. / А. А. Бондаренко // Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве: Материалы XXIII междунар. науч. конф. Москва, 27-29 янв. 2011 г. М.: РГГУ, 2011. С. 177–180; *Он же.* Состав владений Боны Сфорца в Великом княжестве Литовском / А. А. Бондаренко // *Ministri historiae: pagalbiniai istorijos mokslai Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės tyrimuose. Mokslinių straipsnių rinkinys, skirtas dr. Edmundo Antano Rimšos 65-mečio sukakčiai.* Vilnius, 2013. P. 213–227.

² «Имущество, выделяемое мужем в обеспечение приданного жены» (Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 2. М., 1975. С. 76).

³ *Пташицкий С.Л.* Описание книг и актов Литовской метрики. Спб., 1887. С. 219.

волость Шавли въ земли Жомойтской лежащая, которую с данины короля его милости Жикгимонта также князь Янушь, бискупъ, держаль, Олита з местечками, дворы и селы, Понемуне (далее на одно сл[ово] прорв[ано] — *примечание М.В. Довнар-Запольского*) за Березынскомъ, а дворъ и место Кнышинъ с фольварками и селы, от князя Воитеха Радивиля, бискупа бывшего виленскоо, а по (одно сл[ово] не проч[тено], на одно сл[ово] прорв[ано] — *примечание М.В. Довнар-Запольского*) Кгаштолте, воеводы троцкомъ, и по матери его паней Олбрахтовой Кгаштолтовой, пании Зофеи⁴, замокъ и место Тыкотинъ с фольварками и з селы, и тежь замокъ и место Кгераноины со всеми замками, местами, дворы и именья и волости рускими и литовскими и в земли Киевской лежащими, а именье Волпа з ыншими дворы, и замокъ, дворъ и местечко Пуни, отмена Павла Голшанского, бискупа виленского, а Мстиславъ и Радомль от княжати Мстиславского»⁵.

Городенский повет Троцкого воеводства с центром в Городно (ныне Гродно, центр Гродненского р-на и обл. Белоруссии)⁶ входил в состав владений королевы Боны полностью. В некоторых актах 32-й книги записей встречаются списки урядников королевы, «которые дворы староства Городенского держат». Среди них наместники: скидельский (ныне г. Скидель Гродненского р-на и обл. Белоруссии) и кринский (польск. — *Krynki*, ныне г. Крынки Сокульского пов. Подляского воев. Польши) Лев Михайлович; мостовский (ныне г. Мосты, центр Мостовского р-на Гродненской обл. Белоруссии), озерский (ныне д. Озеры Гродненского р-на и обл. Белоруссии) и новодворский (ныне д. Новый Двор

---

⁴ Княжна Софья Васильевна Вережская (ум. ок. 1549 г.), бывшая замужем за канцлером Великого княжества Литовского Ольбрахтом Мартиновичем Гаштольдом.

⁵ *Довнар-Запольский М.В.* Договор рады В[еликого] кн[яжества] Литовского с в[еликим] кн[язем] Сигизмундом-Августом. Б. м., б. д. С. 6. Сохранены правописание и пунктуация, данные в публикации М.В. Довнар-Запольского.

⁶ Здесь и далее по тексту при локализации топонимов на современной географической карте используются следующие сокращения: воев. — воеводство; г. — город; д. — деревня; обл. — область; пов. — повет; пос. — поселок; р-н — район; с. — село; у. — уезд).

Щучинского р-на Гродненской обл. Белоруссии) Алексей Покривницкий; kwasовский (ныне д. Квасовка Гродненского р-на и обл. Белоруссии) и другие⁷.

Предшественником Боны по владению Городенским поветом со всеми его дворами был Юрий Миколаевич Радзивилл, которому в 1521 г. Сигизмунд I Старый «заставил» замок и место Городенское в 3000 копах грошей⁸.

В собственность королеве земли повета, очевидно, переходили по частям. С 1530 г. упоминается урядник Боны в дворе Жорославка, с 1537 г. державца дворов Скидель, Кринки, Новый Двор, Озеры⁹. 28-я книга публичных дел содержит продажный лист королеве Яна Юрьевича Ильинича на двор Квасовку 1533 г.¹⁰. Уже в декабре этого года Бона подтвердила местному боярину Дмитру Семеновичу «именьице» Окуловщину, выслуженную им «на пане» Я.Ю. Ильиниче¹¹.

Сам же Городно с волостями, как указывал М.К. Любавский, Бона получила от Сигизмунда I Старого только в 1540 г.¹². Как раз к этому и следующему году относятся грамоты короля (выданные по ходатайству королевы) и Боны, подтверждавшие предыдущие привилегии города, регулировавшие его административное устройство и т.д.¹³.

Однако еще в 1534 г. в листе к kwasовскому наместнику Ю.Я. Зелепуге королева Бона называла Гродно своим владением («замокъ нашъ Городень»), а

---

⁷ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 17 об.–18 об.

⁸ *Любавский М.К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого Литовского Статута. М., 1892. С. 179.

⁹ Приложение 2. С. 369–373.

¹⁰ Archiwum Glowne Akt Dawnych (далее — AGAD). Tzw. Metryka litewska. Dz. III. A/28. К. 141 v.–142 v.

¹¹ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 18. Л. 121 об.–123.

¹² *Любавский М.К.* Областное деление. С. 81.

¹³ Акты, издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов (далее — АВАК). Т. VII. Акты Гродненского гродского суда. Акты административные. Вильна, 1874. № 9–12. С. 71–75.

пана Ю.М. Радзивилла — своим городенским старостой¹⁴. Из ряда актов 1536 г. также следует, что Городенский замок в это время уже являлся собственностью королевы. Одной из грамот Сигизмунд присудил Боне млын на р. Лососне и землю Рожковщину «к замьку Городеньскому держати». Первоначально это владение было дано городенским старостой Александром Юрьевичем (а затем подтверждено королем Александром) млынару Андрею Ляху, который перепродал его, не имея на это права: «вечности и теж вольности отьданья и продажи того млына и земьли на ономъ листе не описано». Сигизмунд I Старый «ни во што обернул» сделку купли-продажи и отобрал это владение у нового владельца млына и земли Андрея Скипора в пользу Боны. Бона была инициатором вызова незаконного владельца Скипора в королевский суд¹⁵.

Другим листом 1536 г. король приказывал подданным Городенского повета, «которые уходы свои и дерево бортьное, и сеножати у пуши Городеньской мають» выплачивать в скарб Боны («до ключа городенского») «по медницы меду або по полукопью грошей». Во избежание ущерба «пожитку» королевы и своевременной платы ее подданных городенским ключником Лукашем Гринковичем был составлен «реестр» бортных деревьев, который он предоставил польскому королю¹⁶.

Состав властных прерогатив королевы в Городенском повете неоднозначен. Вероятно, земли этого повета находились в совместном пользовании Боны и ее сына (это вновь доказывает то, что идея королевы о создании династического домена была воплощена). В 1536 г. Сигизмунд I Старый издал лист о назначении комиссаров для разграничения земель поветов Городенского и Бельского, принадлежавших «королю молодому» (Сигизмунду II Августу), с именными Я.М. Радзивилла Райгородом (польск. — *Rajgród*, ныне г. Райгруд Граевского пов. Подляского воев. Польши) и Ганязью (польск. — *Goniondz*, ныне г. Гонендзь

¹⁴ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 18. Л. 135 – 135 об.

¹⁵ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 19 (1535-1537). Uzrasymu knyga 19. Vilnius, 2009. № 128. S. 143-144.

¹⁶ Там же. № 222. S. 229-230.

Подляского воев. Польши). Королева самостоятельно выбрала комиссаров: «именемъ сына нашего...», как говорит грамота¹⁷.

Судя по всему, интересы Боны как «господарыни» городенских имений впоследствии сталкивались с интересами Сигизмунда II Августа — во-первых, как собственника земель Литовского княжества, и, во-вторых, как владельца своего великокняжеского домена. В частности, спорная ситуация возникла в связи с принадлежностью права церковного патроната над городенским Борисоглебским монастырем (подробнее см. в Главе 5).

В Подляшье королеве Боне принадлежал Бельский повет с Саражской волостью, на что видим указание в упоминавшихся актах, адресованных наместникам дворов Городенских. Документ, исходивший из канцелярии королевы, предписывал вышеперечисленным наместникам, а также наместнику бельскому (польск. — *Bielsk Podlaski*, ныне г. Бельск-Подляшский, административный центр Бельского пов. Подляского воев. Польши) Петру Конинскому, бранскому (польск. — *Brańsk*, ныне г. Бранск Бельского пов. Подляского воев. Польши) и саражскому (польск. — *Suraż*, ныне г. Сураж Белостокского пов. Подляского воев. Польши) Томашу Ювсяному «во всем послушни быти» ее служебникам, которые выехали с ревизией «до тых замьков и дворов наших, держав ваших»¹⁸.

В 36-й книге записей содержится льготная грамота королевы мещанам места Бельского: Бона освобождала их от уплаты всех повинностей сроком на пять лет, причиной чему послужил пожар, случившийся на бельском рынке («з божьего допущенья» сгорело 18 домов)¹⁹. В Бранске существовал госпиталь («szpital»), «наданье» которого в соответствии с инвентарем Бранского и Саражского староств 1558 г. было приписано ему королевой²⁰.

¹⁷ Там же. № 238. S. 243–244.

¹⁸ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 17 об.–18 об.

¹⁹ Там же. Кн. 36. Л. 40–41.

²⁰ АВАК. Т. XIV. Инвентари имений XVI столетия. Вильна, 1887. С. 31.

Владения королевы Боны в Пинском княжестве включали в себя Пинск (ныне административный центр Пинского р-на Брестской обл. Белоруссии), Мотоль (ныне д. Ивановского р-на Брестской обл. Белоруссии), Нобель (ныне с. Заречненского р-на Ровенской обл. Украины) и 8 войтовств с более чем 100 селами по обеим сторонам р. Пины²¹. Пинск, также как и Клецк (ныне центр Клецкого р-на Минской обл. Белоруссии), Рогачев (ныне центр Рогачевского р-на Гомельской обл. Белоруссии), Городок (ныне г. Давид-Городок Столинского р-на Брестской обл. Белоруссии) и волость Вядо²², Бона получила от Сигизмунда I Старого после смерти их пожизненных держателей, князей Ярославичей²³.

Из многочисленных сел Пинской волости в 32-й книге записей упоминаются: с. Коморы (ныне с. Заречненского р-на Ровенской обл. Украины) с дворищами Батыевским и Дедовским, права на которые королева Бона подтвердила пинскому судье Семену Домановичу и его сыну, «водлуг данины» Федора Ярославича²⁴; с. Вышевичи (ныне д. Вишевичи Пинского р-на Брестской обл. Белоруссии), дворище которого Десятниковщину князь Ф.И. Ярославич с супругой Оленой в 1514 г. записал своему духовнику Василию Демьяновичу (ставшему впоследствии епископом Варлаамом)²⁵; с. Лосичи (ныне д. Лосичи Пинского р-на Брестской обл. Белоруссии) с «пустовской» землей Коликовщиной; с. Жолкини с пустовскими землями; с. Лашицкое с землями — все эти имения, данные пинским, клецким и городецким старостой П.К. Мыльским землянину Григорию Филозофовичу, подтверждала королева Бона

---

²¹ Писцовая книга Пинского и Клецкого княжеств, составленная старостою Станиславом Хвальчевским в 1552–1555 гг. Вильна, 1884. С. XXIII.

²² Деревня Вядо была сожжена в 1942 г., после войны не восстановилась. Предположительно располагалась рядом с д. Бобровичи Ивьевского р-на Гродненской обл. Белоруссии.

²³ AGAD. Tzw. Metryka litewska. Dz. III. A/28. K. 1–2; *Публ.*: Описание Рукописного отделения Виленской публичной библиотеки. Вильна, 1898. Вып. 3. № 10. С. 50; *Любавский М.К.* Областное деление. С. 25.

²⁴ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 39 об.–41 об.

²⁵ Там же. Л. 51–51 об.

при условии, что последний по «шести коп грошей платити будеть повинен... на кождыи рок о святом Петре»²⁶.

В 1536 г. королева жаловалась Сигизмунду I Старому о нарушении границ Пинской волости и о других «кривдах и шкодах», перечисленных в документе, людьми луцкого старосты князя Федора Михайловича Чарторыйского. До этого, как сказано в документе, князь Ф.И. Ярославич неоднократно «жаловал» на «кривды» со стороны замка Чарторыйска и других земель князя Федора Михайловича. В 1536 г. Сигизмунд сообщал луцкому старосте о создании комиссии для разграничения владений королевы с владениями князя Чарторыйского и разбирательства всех нарушений²⁷.

Помимо указаний на замок, клецких бояр и земян королевы Боны, в Клецком повете упоминаются «пустовские» земли: Головачавщина (ныне д. Головачи Клецкого р-на Минской обл. Белоруссии), Урвидевщина (возможно, ныне д. Урведь Клецкого р-на Минской обл. Белоруссии) и другие, которые отдавались в держание клецкому боярину Бартошу Стецковичу и его жене «до животов»²⁸.

Королеве Боне принадлежало бывшее удельное Кобринское княжество в полном своем составе. Предыдущим держателем Кобриня (ныне административный центр Кобринского р-на Брестской обл. Белоруссии) был Венцеслав Костевич, который получил его от Сигизмунда I Старого в 1516 г.²⁹. Женой Костевича была Анна, сестра последнего удельного кобринского князя Ивана Семеновича (Э. Гудавичюс назвал ее Ольгой³⁰, а Ф.И. Леонтович писал, что

²⁶ Там же. Л. 27–27 об.

²⁷ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 19. № 201. S. 202–204.

²⁸ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 74 об.–75.

²⁹ AGAD. Tzw. Metryka litewska. Dz. III. A/28. K. 28–28 v.

³⁰ Гудавичюс Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 г. М., 2005. Т. I. С. 394; Ср.: Pietkiewicz K. Wielkie księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka. Studia nad dziejami państwa i społeczeństwa na przełomie XV i XVI wieku. Poznań, 1995. S. 105.

по смерти князя и его супруги Феодоры, Кобринские владения перешли к их дочери³¹). Грамоты Кобринских князей встречаются в метрике королевы Боны³².

Мнение, высказанное М.К. Любавским и впоследствии Э. Гудавичюсом о том, что Бона получила Кобрин в распоряжение (соответствующая латинская грамота была выдана ей Сигизмундом I Старым в 1519 г.)³³ только после смерти пана В.С. Костевича (1532 г.), спорно. Ф.И. Леонтович писал, что королева Бона уже в 1529 г. «распоряжалась Кобринской волостью, как совершенно полновластная удельная княгиня»³⁴. Следует предположить, что пан Костевич на протяжении нескольких лет был старостой королевы. В 18-й книге записей содержатся распорядительные «листы» «господарыни» от 1529, 1530 и 1532 гг. «до старосты кобринского, пана Венъцлава Станиславовича Костевича»³⁵. В грамоте 1532 г. называется и наместник самого Костевича, Юрий Гинца, приезжавший к Боне в Краков для разбора некоторых жалоб³⁶. В декабре того же года В.С. Костевич упоминался уже как «небожчик»³⁷.

Состав Кобринского княжества известен по «Ревизии Кобринской экономии», составленной в 1563 г., то есть уже после смерти королевы Боны³⁸. М.К. Любавский считал, что состав княжества не менялся с XV в., когда его владельцами были Кобринские князья³⁹.

---

³¹ Леонтович Ф.И. Очерки истории литовско-русского права. Образование территории Литовского государства. СПб., 1894. С. 98.

³² РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 18. Л. 161 об.–162 об., 164–165 об. и т. д.

³³ AGAD. Tzw. Metryka litewska. Dz. III. A/28. K. 27–27 v.; Публ.: Описание Рукописного отделения Виленской публичной библиотеки. Вильна, 1898. Вып. 3. № 69. С. 51.

³⁴ Леонтович Ф.И. Очерки истории. С. 133.

³⁵ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 18. Л. 155 об.–158; Л. 150–151 об.; Л. 32 об.–33.

³⁶ Там же. Л. 32 об.–33.

³⁷ Там же. Л. 70–71.

³⁸ Ревизия Кобринской экономии, составленная в 1563 г. королевским ревизором Дмитрием Сапегою. Вильна, 1876.

³⁹ Любавский М.К. Областное деление. С. 191

В 32-й книге записей неоднократно упоминается сам г. Кобрин с замком и волостью. Так, королеве подали жалобу на кражу леса кобринским землянином ее подданные «волости Кобринское з села Девятчич» (ныне д. Девятки Кобринского р-на Брестской обл. Белоруссии)⁴⁰.

В 1548–1555 гг. кобринским (а также пинским, клецким, городецким) старостой королевы Боны был Станислав Фальчевский, который являлся также и державцей селецким⁴¹. Двор Селецкий (ныне д. Селец Березовского р-на Брестской обл. Белоруссии) с волостью относились к территории бывшего Кобринского княжества. Данный лист на Сельцо королева получила от Сигизмунда I Старого в 1521 г.⁴². В 1555 г. королева пожаловала С. Фальчевскому и его супруге двор Сельцо в собственность, «зо всимъ панствомъ, властностью», оставляя в своей юрисдикцией («в нашей и потомковъ нашихъ справе») только местную шляхту и подданных Селецкого костела⁴³.

Возле Селецкой волости, расположенной в пойме р. Ясельда, находилась Блуденская волость; среди должностных лиц королевы Боны указывается и староста блуденский. М.К. Любавский локализовал центр волости на месте сел Великий и Малый Блуден⁴⁴. Двор Добучин (ныне д. Пружанского р-на Брестской обл. Белоруссии) упоминался в тяжбе между добучинским князем-плебаном Еразмусом и боярами королевы Боны о земле Радивиловщине, которая была придана костелу в Добучине еще В.С. Костевичем⁴⁵. Также в состав Кобринского княжества входила Городецкая (ныне д. Городец Кобринского р-на Брестской обл. Белоруссии), Вежецкая и Черевачицкая волости, располагавшиеся на р.

---

⁴⁰ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 71 об.–73.

⁴¹ Приложение 2. С. 361.

⁴² *Pociecha W. Królowa Bona (1494–1557). Czasy i ludzi Odrodzenia*. Т. II. Poznań, 1949. S. 460–462.

⁴³ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 36. Л. 113–113 об.; *Публ.*: АВАК. Т. 13. Акты Главного Литовского трибунала. Вильна, 1886. № 11. С. 28–30. Документ взят из актовой книги 1671 г.

⁴⁴ *Любавский М.К.* Областное деление. С. 191.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 30.

Мухавце. Черевачицкую волость с именем Грушовое королева Бона в 1528 г. отсудила у князей Сангушковичей, присоединив эти владения к Кобрину⁴⁶.

В состав владений королевы входили некоторые земли на Волыни: в 32-й книге записей есть указания на ее владения в Луцком и Кременецком поветах. Так, сохранился продажный лист Боны на села Луцкого повета Красное, Ставров, Галичаны и половину с. Зборошева (ныне села Ставров, Галичаны и Новый Зборышев Гороховского р-на Волынской обл. Украины) Иоанну (И.Я. Борзобогатому), нареченному владыке Владимирскому и Берестейскому⁴⁷. Ставров королева выкупила в 1543 г. у волынского землянина Матфея Красовского за «полтретяста» коп грошей⁴⁸. В другом документе красносельский наместник королевы Боны Василий Юнкевич, который «даровал и записал» королеве по своей смерти двор Колмов (ныне с. Гороховского р-на Волынской обл. Украины) и другую половину с. Зборошева, бил челом, чтобы «оние листы его... в ни во што обернули»⁴⁹.

Сам Кременец был пожалован королеве в 1536 г.⁵⁰. В 12-й книге судебных дел содержится запись (1540 г.) о разграничении Кременецкого замка Боны с владениями князя Ивана Михайловича Вишневецкого⁵¹. Подтвердительные листы Сигизмунда I Старого 1536 г. указывают на села Кременецкого повета: Дунаево, Куликово, Рутка, Цециневцы, Демковцы, дворец Верх-Вельи⁵². Кременец (ныне административный центр Кременецкого р-на Тернопольской обл. Украины),

⁴⁶ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 15 (1528–1538). Užrašymų knyga 15. Vilnius, 2002. № 51.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 41 об.–43.

⁴⁸ Lietuvos Metrika (1540–1543). 12-oji Teismų bylų knyga (XVI a. pabaigos kopija). Vilnius, 2007. № 261. P. 227.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 45 об.–46 об.

⁵⁰ Архив юго-западной России, издаваемый временною комиссиею для разбора древних актов, высочайше учрежденною при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе (далее — АЮЗР). Ч. V. Акты о городах (1432-1798). Т. I. № IX. С. 38-45.

⁵¹ Lietuvos Metrika. 12-oji Teismų bylų knyga. № 14. P. 40–41.

⁵² Описание Рукописного отделения Виленской публичной библиотеки. Вильна, 1898. Вып. 3. Русские пергамены. № 6, 12.

вместе с замком и «местом», неоднократно упоминается в актах 32-й книги записей⁵³.

Из судебного листа 1536 г. следует, что Бона с разрешения короля выкупила «со всимъ правомъ и властью» луцкое войтовство. Разбирательство касается части владений, «тянувших» к войтовству, но находившихся в собственности «хоружиной» волынской пани Михайловой Семашковича и ее сыновей. По приказанию короля собиралась комиссия, которая должна была разрешить взаимные владельческие претензии Боны и Семашковичей⁵⁴. В состав комиссии, выступавшей со стороны королевы, вошли владыка луцкий и острожский Арсений, князь Василий Федорович Четвертенский и князь Петр Михайлович Острожецкий (Головня). С противоположной стороны в комиссию вошли архимандрит жидичинский и дворяне короля Василий Иванович Курцевич и Петр Кирдеевич. Таким образом, мы видим, что представители православной церкви принимали участие в светских судах и разбирательствах, касавшихся имущественных вопросов⁵⁵.

В 1539 г. Богдан Мартинович Хребтович продал Боне свое имение Луцкого повета Блудов (включая «въезд» в Свинускую дубраву, который оговаривался в сделке отдельно)⁵⁶, дарованное его отцу королем Александром⁵⁷. В том же году королева перепродала Блудов писарю Сигизмунда I Старого Михаилу Васильевичу за ту же сумму, за которую ей обошлась покупка этого имения у Хребтовича (1200 коп грошей)⁵⁸. В Луцком же повете Бона имела право на третью часть имений Бубнов и Войсеч, записанную ей (1542 г.) землянкой Жданой Федоровной Мацкевича в счет долга (500 коп грошей), данного королевой «з

---

⁵³ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 11–12 об., 33 об.–36 об., 92 об.–94 об. и т. д.

⁵⁴ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 19. № 214. P. 219–223.

⁵⁵ Ibid. № 237. P. 242–243.

⁵⁶ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 22. Л. 56–58 об.

⁵⁷ Любавский М.К. Областное деление. С. 215.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 22. Л. 70 об.–72 об.

особливое ласки а милосердья»⁵⁹. Право на это владение Бона передала писарю короля Михаилу Васильевичу и его потомкам, которые могли распоряжаться указанной землей, обеспеченной в сумме 500 коп грошей, после смерти землянки Жданы и ее мужа⁶⁰.

В собственности королевы оказался Ковель (ныне административный центр Ковельского р-на Волынской обл. Украины), вотчина одной из трех ветвей князей Сангушковичей. Ковель вместе со всеми имениями, замками и дворами перешел в пользование Боны в результате мены с князем Василием Михайловичем Сангушковичем, который получил дозволение на «осаду» этого города в 1518 г.⁶¹. Сделка состоялась в феврале 1543 г. и была совершена при посредничестве Сигизмунда I Старого, так как королева не захотела осуществлять мену «без воли а ведомости» короля (подробнее об это см. ниже). В.М. Сангушко-Ковельский получал взамен Горвольскую волость (ныне д. Горваль Речицкого р-на Гомельской обл. Белоруссии) и ряд имений королевы в Витебском повете, в котором Боне принадлежали двор Обольцы (ныне д. Обольцы Толочинского р-на Витебской обл. Белоруссии), волости Озерицкая (с центром в современном пос. Езерище Городокского р-на Витебской обл. Белоруссии) и Усвятская (с центром в современном пос. Усвяты, административном центре Усвятского р-на Псковской обл. России). К этой «замене» король, со своей стороны, добавил князю Сангушковичу Свислоцкий замок (ныне г. Свислочь, районный центр Гродненской обл. Белоруссии) со всеми «пожитки»⁶². Спустя десять лет после отъезда королевы в Италию Ковель с волостями получил князь Андрей Михайлович Курбский⁶³.

---

⁵⁹ Там же. Л. 51 об.–53.

⁶⁰ Там же. Л. 50–51 об.

⁶¹ *Пташицкий С.Л.* Описание. Древние акты. № 216. С. 239.

⁶² Там же. № 201. С. 237; *Публ.: Lietuvos Metrika. 12-oji Teismų bylų knyga. № 51. P. 226–227.*

⁶³ Жизнь князя Андрея Михайловича Курбского в Литве и на Волыни. Киев, 1849. Т. I. № IV. С. 10–13.

Из многочисленных владений королевы Боны Сфорца Усвяты — это единственное ее имение, которое в настоящий момент относится к территории России. В этой связи история административно-территориальной принадлежности этой волости, ее управления и налогообложения заслуживает более подробного исследования.

Историография истории Усвятской волости в XV–XVI вв. разработана в недостаточной степени. Имеющиеся любительские и исследовательские работы практически игнорируют те источники по истории этого пограничного региона, которые возникли в Литовском государстве⁶⁴. Несмотря на то, что в Литовской метрике сохранилось лишь небольшое количество документов, относящихся к Усвятам, их сведения важны для изучения истории этого пограничного региона, который на протяжении десятилетий был ареной постоянных столкновений между Московским государством и Великим княжеством Литовским.

В XV–XVI вв. Усвятская волость находилась в тесной связи с Озерицкой волостью и Оболецким поветом. Обольцы некогда входили в состав удела потомков Дмитрия Донского — князей Семена и Василия Шемячичей, затем находились в собственности королевы Алены (Елены Ивановны), дочери Ивана III и супруги Александра Ягеллончика⁶⁵. В документах Литовской метрики упоминаются жалованные грамоты как князей Шемячичей, так и Елены Ивановны, выдававшиеся ими оболецким боярам⁶⁶.

---

⁶⁴ Сапунов А.П. Усвят (местечко Витебской губ.) и святыни его. Витебск, 1889; Солодов П.В. Усвяты. Л., 1986; Пежемский В.Г. Волости Озерища и Усвят в XVI в. // Староладожский сборник / отв. ред. А.А. Селин. 2002. Вып. 5. URL: <http://www.ladogamuseum.ru/litera/pezhemsky/pub129/> (дата обращения: 15.04.2018).

⁶⁵ Любавский М.К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого Литовского Статута. М., 1892. С. 124.

⁶⁶ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. I (1361–1598). СПб., 1863. С. 298–299; Беларускі архіў. Т. II (XV–XVI ст.). Архіў Літоўскай мэтрыкі. Кніга запісаў № 16 (1530–1538 г.). Менск, 1928. С. 87–94.

Указаний на частновладельческую принадлежность волостей Усвят и Озерищи до первой четверти XVI в. источники не содержат. Очевидно, обе волости входили в состав великокняжеского домена. В «Сыске про Озерицкую Усвятскую волость» 1566 г. — фрагменте писцового описания Полоцкой земли, составленного по указанию Ивана IV после временного присоединения этой территории к Московскому государству (1563–1579 гг.) — были зафиксированы ответы местных «старост и лутчих людей» на расспросы царских переписчиков о территориальной принадлежности и фискальной подчиненности этих земель. Здесь говорилось, что «волость Озерицкая и Усвяцкая отписана от Витебска при короле при Казимире, а данщики, сказали, у них были свои, а дань возили в Вилну, и данщики и бобровники и всякие люди приезжали к ним на управу от короля из Вилны»⁶⁷. Для этих «русских» Задвинских волостей, как и для волостей Поднепровских, исстари была установлена своя система сбора дани, которая, согласно грамоте 1511 г., существовала уже во времена Витовта и Сигизмунда Кейстуовича. В 1511 г. Сигизмунд I Старый оставлял «при старине» данников всех этих волостей, включая жителей «Всвята и Озеришча»: в соответствии со сложившимся обычаем, «они сами, собравъшы дань грошовую и бобры, и куницы, отношивали до скарбу н(а)шого, а медь пресный до ключа». При этом великокняжеские писари и «децкие» (должностные лица, приставы) могли выезжать в эти волости для взыскания недоимок только в том случае, если усвятские и озерицкие «старцы» своевременно не передавали в казну подати в полном объеме и в установленные сроки⁶⁸.

В 1524 г. великий князь литовский выдал обеим волостям льготный лист, освобождавший «старцев и мужей» от выплаты всех податей на двухгодичный срок. В грамоте особо оговаривалось, что витебский воевода и его урядники в течение этого времени не должны были «въезжать» в Усвят и Озерищи и «править» доходы «наши» (то есть великокняжеские) и «свои». В обязанности

---

⁶⁷ Писцовые книги XVI века / под ред. Н.В. Калачова. Ч. I. Отд. II. СПб., 1877. С. 433.

⁶⁸ Lietuvos metrika. Knyga Nr. 8 (1499–1514). Užrašymu knyga 8. Vilnius, 2012. P. 454–455.

населения волостей вменялась «городовая работа» в Витебске, которую они должны были исполнять «по-старому». По прошествии двух лет возобновлялась устоявшаяся схема сбора дани: собрав «зъ живого» положенные подати, старец каждой из волостей был обязан отвозить их в Вильну⁶⁹.

Действительно, индикта «пятогонадцать», то есть осенью 1526 г., как и предписывал этот льготный лист, волости «за Витебском» Усвят и Озерищи были отданы в «держание» князю С.Я. Подберезскому. Последний ежегодно должен был «сполна» передавать «дань грошовую, бобровую и куницы» в великокняжеский «скарб»⁷⁰. Получается, что Сигизмунд I Старый отошел от положений своей уставной грамоты 1511 г., в соответствии с которой сборами податей в этих волостях не могли заниматься ни урядники, высылаемые витебским воеводой, ни урядники, посылавшиеся напрямую из Вильны.

Задолго до смерти князя Подберезского, который умер по данным Ю. Вольфа в 1540 г. или немногим ранее⁷¹, Усвятская и Озерицкая волости перешли во владение королевы Боны. Это произошло до июня 1529 г., о чем свидетельствует содержание указного листа королевы, адресованного ее оболецкому, усвятскому и озерицкому «державце» Кирдею Гричиновичу (обоснование датировки этого документа см. в Главе 3).

За год до этого, в июне 1528 г., в распоряжении Боны оказались Обольтцы⁷². Концом 1520-х — началом 1530-х гг. следует датировать ряд грамот Боны Сфорца, связанных с управлением Усвятской волостью, которые известны только по своим упоминаниям в других документах. Это указные листы королевы о проведении суда витебским воеводой и ее оболецким и усвятским урядником М.В. Ключко между «данными людьми» Усвятской волости. Упоминания о них

---

⁶⁹ Lietuvos metrika. Knyga Nr. 14 (1524–1529). Užrašymu knyga 14. Vilnius, 2008. P. 278–279.

⁷⁰ Lietuvos metrika. Knyga Nr. 12 (1522–1529). Užrašymu knyga 12. Vilnius, 2001. P. 472.

⁷¹ Wolff J. Kniazowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa, 1895. S. 152.

⁷² Lietuvos metrika. Knyga Nr. 1 (1380–1584). Užrašymu knyga 1. Vilnius, 1998. P. 108.

фигурируют в судебных документах 1538–1539 гг.; здесь же встречаются отсылки к решениям суда «небожчика» Кирдея Гричиновича⁷³.

Этим же временем, 1532–1533 гг., датируется ряд данных и подтверждающих листов королевы Боны на земли в Оболецком повете, пожалованные местным боярам на условии несения военной службы⁷⁴. Из содержания этих грамот следует, что в те годы велась активная переписка между канцелярией королевы и ее державцей К. Гричиновичем. Подобную документотворческую активность Боны в отношении оболецких, усвятских и озеричских владений можно связать с вероятным проведением проверки прав на землю среди местного населения. Примерно тогда же кодификация прав землевладельцев проводилась королевой в Кобринском повете, дворах Мойшагольском и Мстибоговском.

С правовой точки зрения одним из наиболее значимых документов по истории Усвята и Озерич, содержащимся в метрике королевы Боны, является ее уставной лист, выданный этим двум волостям. Как уже было показано выше (см. Главу 3), он неоднократно публиковался, а его точная датировка (1533 или 1535 г.) вызывает сомнения. Этим листом Бона «отлучала» подданных Усвятской и Озеричской волостей от «прысуду и послушеньства» замка Витебского, так как урядники витебского воеводы М.В. Ключко, который «заведаль» от королевы эти и Оболецкие земли, вводили «новины им над их пошлину». Королева постановляла, что ни воевода, ни его урядники не могут «ни судити, ни радити» людей этих волостей «покуль мы, господариня, тыхъ волостей в держаньи будемъ». Так соблюдалось сложившееся при Казимире правило о неподсудности населения волостей Витебским урядникам, однако этой грамотой нарушалась система сбора

---

⁷³ Судебная книга витебского воеводы, господарского маршалка, волковыского и оболецкого державцы М.В. Ключко (1533–1540). Литовская метрика. Книга № 228. Книга судных дел № 9. М., 2008. С. 151–152, 162–167, 326–328.

⁷⁴ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 18. Л. 56–57, 57 об.–59, 71 об.–72, 72 об.–73, 73–73 об., 73 об.–74; Там же. Кн. 29. Л. 65 об.–66; Беларускі архіў. Т. II (XV–XVI ст.). Архіў Літоўскай мэтрыкі. Кніга запісаў № 16 (1530–1538 г.). Менск, 1928. С. 87–94.

дани, заведенная при Витовте и Сигизмунде Кейстутовиче и подтвержденная грамотами 1511 и 1524 гг. Грошовую дань и «все доходы» в волостях должен был собирать не выборный старец, как прежде, а оболецкий державца королевы Боны. Он же должен был следить за выполнением местным населением повинностей по поддержанию в надлежащем состоянии Витебского замка, закреплявшихся за ними «подлуг стародавнього обычая»⁷⁵.

В 1543 г. между Боней Сфорца и князем В.М. Сангушковичем состоялась сделка обмена землями. Королеве отходил г. Ковель и часть других земель на Волыни, князь Сангушкович получал от нее Обольцы. Учитывая тесную связь Оболец с Усвятами и Озерищами, королева должна была лишиться и их, однако в описании одной из грамот Сигизмунда I Старого, которой он утверждал эту меновную сделку, сказано о том, что они являются волостями, «bez ktorych... zamek u woiewodstwo Witepskie, żadną miarą nie moze sie obyc»⁷⁶. В списке этой грамоты из 28-й книги публичных дел подчеркивалось, что обе волости относились к Витебскому повету и были пожалованы Боне «на вечность» одновременно с Обольцами, а также говорилось, что «оныи волости поблизу замку н(а)шому Витебскому сут(ь), а без них тот замок н(а)шь и воевода тамошнии трудно бы ся мог выховать». В этой связи король «взял» Усвят и Озерищи к Витебскому замку, а для совершения сделки мены уступил Боне двор Смольняны и Горвольскую волость⁷⁷. Соответствующая грамота была выдана королеве в конце февраля 1543 г. Обмен состоялся в марте того же года, и в меновных листах Боны и князя Сангушковича Усвятская и Озерицкая волости более не фигурировали⁷⁸. Значимость обеих волостей для Витебска, очевидно, заключалась в замковой повинности, которую местное население должно было исполнять по четыре недели в году.

⁷⁵ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 38–39.

⁷⁶ Lietuvos metrika. Knyga Nr. 1 (1380–1584). Užrašymu knyga 1. Vilnius, 1998. P. 108.

⁷⁷ AGAD. Tzw. Metryka Litewska. Dz. III. A/28. K. 55 v.

⁷⁸ Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie. T. IV (1535–1547). Lwów, 1890. S. 339–443.

Несмотря на то, что королева Бона должна была утратить права на свои Задвинские волости, из документов последующего времени становится известно о том, что они по-прежнему находились в ее распоряжении. В 36-й книге записей Литовской метрики среди документов, датированных маем 1555 г., содержится указной лист Боны своему державце Матеушу Гедройцу о соблюдении прав и интересов жителей Усвята и Озерищ. Ранее с жалобой на этого урядника ко двору королевы приезжали «старцы и мужи» Усвятской волости. «Слуги» М.Б. Гедройца, которых он, вопреки предыдущим уставным грамотам, «оставил» в этих волостях, запрещали продавать местными жителям меха («куницъ, рысеи, белок, бобров и инъшихъ») «посторонним» людям, самостоятельно скупая эти меха за бесценок. Королева приказывала впредь выкупать товар у усвятчан по нормальной цене, а также вновь касалась вопроса об обязательных ремонтных работах в Витебском замке, требуя от своего державцы не допускать «никоторого обьяженья» по отношению к ее подданным со стороны его «слуг»⁷⁹.

Еще одна уставная грамота Усвятской волости была выдана королевой Боной также в 1555 г. Она была оформлена в виде указного листа Остафию Богдановичу Воловичу, будущему канцлеру Великого княжества Литовского, который получил от Боны эти земли «в держание» вслед за М.Б. Гедройцем. Для Усвята и Озерищ устанавливался ежегодный чинш в размере «сороку рублеи широких и по петидесять куниц шерстью». Натуральный оброк, который предполагалось взимать мехами, по просьбе жителей волостей заменялся денежным и составлял три рубля ежегодно. «Устава», данная «до воли и ласки» королевы, вступала в силу в том же 1555 г. При этом Бона освобождала обе волости от налогового сбора за предыдущий год⁸⁰.

Административно-территориальная принадлежность Усвятской волости в первой половине XVI в. именно к Витебскому повету не вызывает сомнений и явствует из ряда документов, связанных с историей местного землевладения. В то

---

⁷⁹ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 36. Л. 81–82.

⁸⁰ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 36. Л. 111 об., 110 (порядок листов мог быть перепутан, вероятно, во время переплета или реставрации этой книги).

же время приграничные волости Усвят и Озерища долгое время являлись объектом споров в дипломатических переговорах между Литовским и Московским государствами. В конце 1537 г. или начале 1538 г., то есть уже после заключения перемирия по результатам Стародубской войны, обеими сторонами конфликта высказывались взаимные претензии о нарушении границ. Московские послы настаивали на том, что «з Витебьска» литовские наместники «уступаются» в волости Усвятскую и Озерищскую, которые якобы отошли к Ивану IV. В ответ послы Сигизмунда передавали следующие слова своего великого князя: «Што ся дотычеть волости н(а)шое Усвятское и Озерищское, котории брат н(а)шь своими менует, ино тыи волости Усвятская и Озерищская здавна на нас были держаны и тепере мы их держимъ. И в грамотах н(а)ших перемирныхъ у нашу сторону къ замьку н(а)шому Витебьскому суть описаны»⁸¹.

Позднее, после взятия Полоцка и Озерищ, московская сторона настаивала на принадлежности Усвятской волости к Полоцкому повету. В качестве одного из аргументов в пользу своих территориальных притязаний послы ссылались на грамоты королевы Боны, вывезенные в Москву: «говорили, что Усвятская волость изстари к Озерищам; да и грамоты жаловалные королевы Боны на те обе волости, на Озерищскую и на Усвятскую, послом казывали с ея рукою и с печатью». В своих «ответах» представители литовской стороны, среди которых был и последний усвятский державца Боны Остафий Волович, отрицали такое положение вещей, говоря о том, что «из предков Озерища к Усвяту», а обе волости всегда «писались» к Витебску. Кроме того, ими подчеркивалось, что грамоты королевы Боны так и не были показаны литовским послам, когда они находились в Москве⁸².

---

⁸¹ Lietuvos metrika. Knyga Nr. 15 (1528–1538). Užrašymu knyga 15. Vilnius, 2002. P. 197–198.

⁸² Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 71. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1892. С. 459, 535–536.

Подлинные грамоты королевы Боны, действительно, какое-то время хранились в Царском архиве — упоминания о них находим в его описи, составленной в 1570-е гг.: «Ящик 227. А в нем... тетрадь рубежу Полотцкому и Озерищскому, писана с воеводцких списков; и грамоты королевы Боны на Усвятцкую волость»⁸³. Содержание этих документов (следует предположить, что это могли быть уставные листы Боны, списки которых сохранились в Литовской метрике) противоречило показаниям московских дипломатов.

Таким образом, сохранившиеся в составе метрики королевы Боны акты по истории Усвятской и соседних с ней волостей дают богатый материал для изучения этого региона. Комплексному изучению политики, проводившейся на этой территории литовскими и московскими властями, способствует и сохранность писцовых материалов XVI в. Ценным источником по исторической географии и демографии Полоцкой и отчасти Витебской земель (включая и северо-западную часть России) являются писцовые книги Полоцкого повета, которые частично были изданы Н.В. Калачовым и проанализированы Н.Н. Оглобиным в XIX в.⁸⁴, а также опубликованная в недавнее время 573-я книга Литовской метрики⁸⁵.

В книгах метрики Боны встречаются распорядительные документы королевы, касающиеся и собственно литовских ее владений.

В одном из листов 32-й книги записей упоминается двор Мойшагола с волостью (лит. — *Maišiagala*, ныне пос. Майшыгала Вильнюсского р-на

---

⁸³ Описи Царского архива XVI века и Архива Посольского приказа 1614 года / под ред. С.О. Шмидта. М., 1960. С. 43.

⁸⁴ Писцовая книга Полоцка и Полоцкого повета // Писцовые книги XVI века / изд. имп. русского географического общества; под ред. Н.В. Калачова. СПб., 1877. Ч. I. Отд. II. С. 421–566; *Оглобин Н.Н.* Объяснительная записка к карте Полоцкого повета во 2-ой половине XVI века // Сб. Археологического института. СПб., 1880. Кн. 3. Отд. II. С. 3–53; СПб., 1880. Кн. 4. Отд. II. С. 3–75.

⁸⁵ Иван Грозный — завоеватель Полоцка (новые документы по истории Ливонской войны) / сост., подгот. к публ., вступ. ст. В.Ю. Ермак; описание рукописи К.Ю. Ерусалимский. СПб., 2014.

и у. Литвы). Королева подтверждала местному боярину права на владение одной из «пустовских» земель, принадлежавших Мойшагольскому двору⁸⁶. В 1533 г. в Мойшаголе и Мстибогове Боной проводилась проверка прав местных землевладельцев⁸⁷.

Боне принадлежал находившийся в Жемайтии Юрборк с волостью (лит. — *Jurbarkas*, ныне г. Юрбаркас, административный центр Юрбарского р-на Таурагского у. Литвы). Из юрборских урядников королевы известны Иван Кунцевич, Андрей Патриковский, Мартин Подсентковский⁸⁸.

В той же Жемайтской земле, в тесной связи с Юрборком, находилась волость Новая Воля (лит. — *Virbalis*, ныне г. Вирбалис Вилкавишкского р-на Марьямпольского у. Литвы). В 1550 г. королева, желая своих нововольских подданных с «юрбарьскими во вьсемь поровьнати», установила им размер чинша (польск. *czynsz* — оброк, арендная плата) и других платов («по одинадцать грошей литовьских а по одной солянце овса» с каждой службы). Платить местные жители должны были в день св. Мартина (11 ноября) уряднику юрборскому и нововольскому⁸⁹.

Место Пуне вместе с волостью (лит. — *Pune*, ныне г. Пуне Алитусского р-на и у. Литвы), как следует из одной грамоты, перешло в собственность Боне от виленского князя-бискупа Павла. В этом своем владении, также как в Пинском и Клецком княжествах, королева провела волочную померу (земли «розмерети на волоки казали»)⁹⁰. Измерением пуньских волок занимался «мерник» и писарь

⁸⁶ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 37–38.

⁸⁷ Пичета В.И. Проверка прав на землю во владениях королевы Боны // В.И. Пичета. Белоруссия и Литва в XV–XVI вв. (исследования по истории социально-экономического, политического и культурного развития). М., 1961. С. 12–15.

⁸⁸ Приложение 2. С. 368.

⁸⁹ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 13 об.–14 об.

⁹⁰ Там же. Л. 39 об. О волочной уставе королевы Боны: Пичета В.И. Волочная устава королевы Боны и устава на волоки // В.И. Пичета. Белоруссия и Литва в XV–XVI вв. (исследования по истории социально-экономического, политического и культурного развития). М., 1961. С. 21–43.

Боны Францишек Крыжковский⁹¹. Из других урядников Пуньской волости упоминались наместник Серафим и Войтех Якубовичи, писарь и князь-плебан пуньский и мстибоговский Ярош Квилецкий⁹².

В «пушах и в лесехъ» Юрборка и Пуне люди королевы заготовливали брус, смолу и другие «лесные товары», которые затем сплавлялись по Неману в земли бывшего Тевтонского ордена («до Прус»). Доход от этой торговли шел в скарб Боны. Своим листом 1551 г., адресованным ковенским мытникам короля, Бона предписывала пропустить «добровольне и безмытъне» (то есть без взимания налогов) ее человека Петра Тыдмана, сопровождавшего товар по Неману⁹³. Таможней (коморой мытной) в Ковно (лит. — *Kaunas*, ныне г. Каунас, административный центр Каунасского у. Литвы) заведовал дворянин Боны Иван Кунцевич, утвержденный в качестве местного мытника еще в 1536 г., когда Сигизмундом I Старым и королевой была издана роспись мытных «справцев» всего Литовского княжества⁹⁴. Стоит сказать, что на значительную часть упоминаемых государственных таможен были назначены дворяне Боны — в Ковно, Городно, Бельск, Дорогичин, Новгородок. Документов, в которых Ковно напрямую назывался бы владением королевы Боны, выявлено не было. М.В. Довнар-Запольский называл его спадковым имением по Барбаре Радзивилл⁹⁵ — после смерти королевы, по его мнению, Ковно перешел в состав домена Сигизмунда II Августа.

По актам метрики королевы Боны известно, что она владела местами Довги (лит. — *Daugai*, ныне г. Даугай Алитусского р-на и у. Литвы) и Перелая (лит. —

---

⁹¹ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 81 об.

⁹² Приложение 2. С. 366–367. Мстибоговская волость (ныне д. Мстибово Волковысского р-на Гродненской обл. Белоруссии) входила в состав Волковысского повета, относящегося к Трокскому воеводству (*Любавский М.К.* Областное деление. С. 163).

⁹³ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 62 об.–63.

⁹⁴ *Довнар-Запольский М.В.* Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Киев, 1901. Т. I. Приложение 4. № 3. С. XLVIII–XLIX.

⁹⁵ Там же. С. 154.

Perloja, ныне с. Перлоя Варенского р-на Алитусского у. Литвы) с их дворами и волостями. Королевой назначался общий наместник для этих дворов; в 1550 г. упоминался Себастьян Юндил, которого в том же или следующем году «пан богъ с того света рачиль... ку собе возвати»⁹⁶. Перелайскому мещанину Григорию Лавриновичу королева подтвердила права на местное войтовство, пожалованное ему уже упоминавшимся мерником волок Ф. Крыжковским (который, соответственно, проводил померу и в месте Перелайском)⁹⁷.

Были обнаружены указания на то, что королеве принадлежало жемайтское имение Плотели. В грамоте 1536 г. упоминался плотельский державца Боны Юрий Белевич⁹⁸, а в документе 1540 г., в котором Сигизмунд I Старый «назначал» купцам две дороги для перемещения товаров из Жемайтии в немецкие земли, в качестве ориентира обозначены принадлежащие королеве двор и замок Плотели⁹⁹. В «Географическом словаре древней Жомойтской земли» И.Я. Спрогиса перечислены Плотельская волость и господарский замок с двором, расположенный на одном из островов одноименного озера (Спрогис давал указание на инвентарь этого замка 1585 г., составленный на русском языке)¹⁰⁰. В словаре Брокгауза и Ефрона указано, что это местечко Тельшевского уезда Ковенской губернии вместе со своим округом «составляло вотчину польской королевы Боны, потом отдельное староство», а на одном из разбросанных по озеру островов «существовал в конце XVI в. деревянный замок королевы»¹⁰¹.

---

⁹⁶ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 12 об.–13; Л. 63.

⁹⁷ Там же. Л. 13–13 об.

⁹⁸ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 19. № 208. P. 215.

⁹⁹ Lietuvos Metrika. 12-oji Teismų bylų knyga. № 83. P. 85–86.

¹⁰⁰ *Спрогис И.Я.* Географический словарь древней Жомойтской земли XVI столетия, составленный по 40 актовым книгам российского земского суда архивариусом Виленского центрального архива древних актов губерний Виленской, Ковенской, Гродненской и Минской Иваном Яковлевичем Спрогисом. Вильна, 1888. С. 233.

¹⁰¹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXIII. СПб., 1898. С. 913.

Из литовских и жемайтских земель, перечисленных в договоре Сигизмунда II Августа с панами-рада, в документах королевы Боны не упоминаются Кернов, Гераноины (Виленский повет), Шавли (Жемайтское староство), Олита. На двор Олиту (лит. — *Alytus*, ныне г. Алитус, центр р-на и у. Литвы) Довнар-Запольский указывал как на «спадковое» (выморочное) имение по Барбаре Радзивилл¹⁰². Учитывая то, что все эти владения находились в непосредственной близости друг от друга, на пограничье с имениями королевы Боны, некоторые из них могли входить в состав ее земель.

Стоит сказать и о других землях, которые упоминаются в списке имений, но на которые нами не были обнаружены указания в метрике. Имение Берзники с землями и крестьянами находилось в собственности королевы, что доказывает дарственная запись короля Сигизмунда 1524 г.¹⁰³ Кнышин (польск. — *Knyszyn*, ныне г. Кнышин Монецкого пов. Подляского воев. Польши) и Тыкотин (польск. — *Tukosin*, ныне г. Тыкоцин Белостокского пов. Подляского воев. Польши) входили в Бельский повет Трокского воеводства¹⁰⁴. В «декрете» бельским землям Славским 1533 г. Сигизмунд II Август называл Кнышин своим двором¹⁰⁵. Имение Волпа (ныне с. Волковыйского р-на Гродненской обл. Белоруссии) «з ыншими дворы» принадлежало Троцкому повету. В 32-й книге записей упоминается соседняя с ними «великокняжеская держава»¹⁰⁶ Зельва (ныне административный центр Зельвенского р-на Гродненской обл. Белоруссии), державцей которой был Иван Горностай¹⁰⁷. Мстиславль и Радомль находились в пожизненном владении князя Михаила Ивановича Жеславского. Сигизмунд I Старый, подтверждая в 1527 г. князю эти владения, также фиксировал и его

---

¹⁰² Довнар-Запольский М.В. Государственное хозяйство. С. 154.

¹⁰³ Публ.: Описание Рукописного отделения Виленской публичной библиотеки. Вильна, 1898. Вып. 3. № 80. С. 7.

¹⁰⁴ Любавский М.К. Областное деление. С. 185.

¹⁰⁵ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 18. Л. 75–76 об.

¹⁰⁶ Любавский М.К. Областное деление. С. 169.

¹⁰⁷ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 18 об.–19 об.; Л. 77–78 об.

отказную запись, по которой они переходили в собственность Сигизмунда II Августа после смерти Жеславского, взявшего его «заместо сына»¹⁰⁸.

***

География распределения документов метрики Боны весьма обширна. Имена королевы локализуются в современных границах нескольких государств: Польши (Малопольское, Подкарпатское, Подляское, Мазовецкое воеводства), Литвы (Вильнюсский, Таурагский, Марьямпольский, Алитусский уезды), Белоруссии (Гродненская, Брестская, Гомельская, Минская, Витебская области), Украины (Ровенская, Волынская, Тернопольская, Львовская, Винницкая области) и России (Псковская область).

Содержащаяся в актах информация проливает свет на состав того или иного административно-территориального субъекта, принадлежавшего королеве. Если в списке имений Боны, перешедших Сигизмунду II Августу, не были названы «месты и дворы» Гродно (точнее Городенского повета), то указания на них встречаются в актах метрики. В то же время, как справедливо отметил М.В. Довнар-Запольский, «из источников мы узнаем только названия имений, но редко имеются какие-нибудь сведения о размерах их или хозяйственном значении»¹⁰⁹. Действительно, в большинстве документов, касающихся землевладения, границы земель, объем обязанностей и прав владельца указываются по «старине», без описания их реальных масштабов.

В книгах метрики королевы Боны не представлены акты, относящиеся к части ее владений. Например, ни в проекте «договора» Сигизмунда II Августа, ни в книгах, Литовской метрики не обозначены некоторые украинские и польские земли королевы (Львовское, Барское староства, Мазовецкие владения, упоминавшиеся выше). Документы по управлению Барским староством были

---

¹⁰⁸ Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1848. Т. II. № 148. С. 181–182.

¹⁰⁹ Довнар-Запольский М.В. Государственное хозяйство. С. 138.

опубликованы в одном из изданий Императорской археографической комиссии¹¹⁰. Эти материалы были подобраны из книг Коронной метрики и книг Каменецкого земского суда М.С. Грушевским, который на их основании написал подробную историю этого старства. Таким образом, информационный пробел в кириллических документах Литовской метрики может восполнить архив Коронной метрики.

Приведенные выше сведения об истории формирования частных владений королевы Боны Сфорца не могут носить исчерпывающего характера по причине неполноты и разрозненности информации, содержащейся в актах метрики королевы Боны. В то же время очевидна их значимость как источника по исторической географии исследуемого региона, социокультурной истории, исторической антропологии и т.д. Изучение определенных правовых практик и особенностей функционирования социальных институтов, существовавших во владениях королевы Боны, может стать основой для проведения сравнительно-исторических исследований.

---

¹¹⁰ АЮЗР. Материалы для истории местного управления в связи с историей сословной организации. Акты Барского старства XV–XVI вв. Киев, 1893. Ч. 8. Т. I.

ГЛАВА 5.**ГРАМОТЫ КОРОЛЕВЫ БОНЫ СФОРЦА ПРАВОСЛАВНОМУ
ДУХОВЕНСТВУ КАК ИСТОЧНИК ПО ЦЕРКОВНОЙ ИНВЕСТИТУРЕ**

Комплекс документов, выданных королевой Боной и ее урядниками представителям духовенства Киевской митрополии (и их потомкам), характеризует различные аспекты социально-экономических отношений между светским и духовным миром Великого княжества Литовского во второй четверти XVI в. Информация, заключенная в этих источниках, содержит сведения не только о социальном институте церковного патроната. Их информационный потенциал и перспективы его использования в различных областях исторического знания видятся в более широком свете. С точки зрения изучения истории западнорусской православной церкви этот документальный комплекс является основным источником, позволяющим судить об особенностях реализации права «подавания» королевой Боной в ее владениях, о составе православных церквей и монастырей, находившихся в подвластных ей землях. Выяснению этих вопросов посвящена данная глава.

5.1. Объем права церковного патроната Боны Сфорца

В актах Литовской метрики право светских лиц утверждать священнослужителей на иерейские и архиерейские места обозначалось формулой «подаванье столиц духовных и всех хлебов духовных»¹¹¹. Б.Н. Флоря подразумевает под правом патроната «права основателей (и их потомков) по отношению к основанным ими учреждениям»¹¹² — то есть фактически приравнивает это понятие к византийскому ктиторству. Термины «ктитор» и

---

¹¹¹ Бондаренко А.А. Право «подавания» православных церквей как прерогатива польской королевы Боны Сфорца / А.А. Бондаренко // Вестник РГГУ. Сер. Исторические науки. М., 2012. № 21. С. 83–92.

¹¹² Флоря Б.Н. Исследования по истории церкви. М., 2007. С. 44.

«ктиторство» встречаются в документах метрики, использовались в историографии применительно к реалиям Литовского государства и не всегда трактуются одинаково. Наиболее подходящая к историческим реалиям Великого княжества Литовского интерпретация этого понятия определяет ктитора как «лицо, построившее на свои средства православный храм или сменившее его внутреннее убранство» и получившее за счет этого «право распоряжаться частью доходов от храма и... передавать это право по наследству»¹¹³.

С этим определением соотносится одна из форм права церковного патроната, которую выделил И.А. Чистович, а именно — право покровительства (*jus patronatus*): «попечение о патронируемых учреждениях, снабжение их всем необходимым и охранение при всяких случаях»¹¹⁴. Другими формами проявления права светского патроната Чистович (а вслед за ним и А.В. Карташев) называл: 1) «право подавания (*jus donandi*), или отдачи монастырей и церквей известным лицам»; 2) «право представления (*jus praebendi, jus praesentationis*), или рекомендации известных лиц на должности священников и монастырских настоятелей»; 3) «право управления и суда в определенных границах по отношению к общей подсудности церквей и монастырей государству и духовной власти»¹¹⁵. В этих проявлениях патроната А.В. Карташев видел «параллель западному праву инвеституры». Если под «церковной инвеститурой» понимать «акт возведения в духовный сан и передачу связанного с ним земельного владения»¹¹⁶, то этот термин может быть обоснованно использован в отношении

---

¹¹³ Атеистический словарь. М., 1983. С. 246; Советский энциклопедический словарь. М., 1980. С. 671. Словари древнерусского языка определяют ктитора просто как «основателя» (*Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I. СПб., 1893. Стб. 1356) и как «основателя монастыря» (Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8. М., 1981. С. 100).

¹¹⁴ *Чистович И.А.* Очерк истории западнорусской церкви. СПб., 1882. Ч. I. С. 197.

¹¹⁵ Там же; *Карташев А.В.* Очерки по истории Русской Церкви. М., 2009. Т. 1. С. 605–606.

¹¹⁶ Энциклопедический словарь. М., 1953. Т. I. С. 678.

господарского права «подавания», то есть выдачи ставленных листов священнослужителям¹¹⁷.

Грамоты королевы Боны православному духовенству — документы, соблюдавшие экономические и святительские интересы иереев (подтверждения пожалований предшественников королевы по землевладению, утверждение наследственных прав на церковные кафедры, охранительные листы в пользу священнослужителей, разграничивавшие полномочия светской и духовной власти) — позволяют говорить о реализации ею в ряде случаев *jus patronatus* (в значении «покровительства»).

Что касается *jus praebendi* (или *jus praesentationis*), то им в полной мере обладали урядники королевы Боны. Они не только выдвигали кандидатов на иерейские места, но и были наделены правом их поставления. Впоследствии ставленников своих старост утверждала королева, хотя не исключено, что это происходило не всегда.

В документах метрики королевы Боны нет указаний на то, что королева вмешивалась в область святительского суда, ведавшего вопросы «церковного порядка и благочиния», а также «дела веры и христианской жизни»¹¹⁸. По имущественным и уголовным делам клир, включая и высших иерархов, вызывался в светский суд¹¹⁹. Таким образом, в гражданском судопроизводстве православное духовенство руководствовалось Статутом 1529 г.

Значительное количество грамот свидетельствует о реализации королевой основного своего права как патрона ряда имений — *jus donandi*. Эти акты являются основным источником, позволяющим судить о составе православных

---

¹¹⁷ Под ставленным листом в Великом княжестве Литовском следует понимать документ, при помощи которого представители светской власти закрепляли за тем или иным священнослужителем право единоначалия в отношении конкретной церкви, монастыря или архиерейской кафедры с передачей ему прав на недвижимое имущество (подробнее об этом см. в Главе 6).

¹¹⁸ Чистович И.А. Очерк истории. С. 192.

¹¹⁹ Приложение 1. № 3, 4, 15, 17, 39–40, 55, 62, 71–73.

священников и церквей, существовавших во второй четверти XVI в. во владениях Боны. Помимо этого, в документах, так или иначе, зафиксированы реалии более раннего периода, упоминаются записи и «наданья» бывших обладателей церковной инвеституры над теми же «духовными хлебами». Давая в держание священнослужителю церковь, монастырь или подавая архиерейскую кафедру, королева отсылалась на «старину», обычай, издревле сложившийся комплекс движимого и недвижимого имущества, принадлежавшего тому или иному объекту господарского «подавания», и связанных с ним прав.

Географическое распределение грамот Боны указывает на храмы и настоятельские места, которые находились в юрисдикции королевы. Однако в ряде случаев определение границ диоцезов, отнесение того или иного топонима, на который, как это следует из документов, распространялось право патроната королевы к одной из православных епархий Литовского государства затруднительно. Прояснению этих вопросов не способствует и сложившаяся историографическая ситуация. При детальной разработке общих положений истории Литовской митрополии в области изучения локальных явлений жизни западнорусского духовенства присутствуют обширные пробелы. В частности, в отечественной историографии недостаточно представлена история епархий (как изучаемого периода, так и времени Брестской унии), входивших в Киевскую митрополию. Большая часть подобных работ была создана в XIX в.¹²⁰, и такой информационный «пробел», растянувшийся более чем на столетие, нельзя назвать полезным ни для изучения истории церкви, ни для истории литовско-русских отношений. В последние годы интерес исследователей к истории православных

---

¹²⁰ *Николай, архим.* Историко-статистическое описание Минской епархии. СПб., 1864; Воспоминания о древнем православии Западной Руси // История униатской Турово-Пинской епархии XVI–XIX вв. М., 1867; *Рункевич С.* История Минской архиепископии (1792–1832). СПб., 1893; *Теодорович Н.И.* Город Владимир Волынской губернии в связи с историей Волынской иерархии. Почаев, 1903 и др.

епархий и отдельных православных монастырей Великого княжества Литовского возрастает¹²¹.

Была ли легитимной деятельность королевы по реализации права «подавания» (*jus donandi*) в своих владениях? На Городенском сейме 1522 г. Сигизмунд I Старый подтвердил грамоту своего брата Александра Ягеллончика о неприкосновенности святительских прав пинскому и туровскому владыке Ионе. Лист короля Александра касался нарушений князьями Иваном и Федором Ярославичами внутрицерковного управления и устройства ими «кривд» епископу: православные князья самовольно строили церкви в своих владениях и ставили в них священников, «выимуючи их с послушенства» главы епархии. Грамота не только запрещала «людям светским» «церквеи и монастыреи закладати и будовати, и до нихъ поповъ отъ себе подавати» без «воли» и благословения владыки, но и закрепляла за ним это исключительное право «на вечные часы»¹²². Этот документ напрямую коррелирует с одним из постановлений Виленского собора 1509 г.: «А котории священникъ по повелению князя или боярина учнетъ въ церкви священствовати безъ нашего благословения, таковыи попъ, по правиломъ, да будетъ чужь своего сана»¹²³. Это положение, так же как и неприкосновенность церковного суда, невмешательство лиц «закона римского» в

---

¹²¹ Мосейчук В. История Пинского Свято-Успенского Лещинского монастыря. Сергиев Посад, 2002; *Tieplowa W.* Eparchia Pińsko-Turowska przed unią Brzeska (XV–XVI w.) / Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej. Rok 4. 2016. S. 13–24; *Mironowicz A.* Diecezja Włodzimierska do końca XVI wieku / Przegląd Wschodnioeuropejski. № 4. Olsztyn, 2013. S. 13–23; *Walczak W.* The structure of the uniate Turau-Pinsk eparchy in the 17th and 18th centuries. Białystok, 2013; *Mironowicz A.* Prawosławne parafie Pińska w XVI wieku / Przegląd Wschodnioeuropejski. Vol. 2. Olsztyn, 2014. S. 11–28, etc.

¹²² Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные археографическою комиссиею (далее — АЗР). СПб., 1848. Т. II. № 109. С. 134–135.

¹²³ Русская историческая библиотека (далее — РИБ). СПб., 1878. Т. 4. Памятники полемической литературы в Западной Руси. Кн. 1. С. 14.

дела православной церкви и т. д., было закреплено и в грамоте Сигизмунда 1511 г.¹²⁴.

Очевидно, что правило о рукоположении и благословении владыкой не исполнялось. По замечанию Б.Н. Флори «клир церковного учреждения... в большей мере был подчинен своему патрону, чем церковному иерарху — главе диоцеза»¹²⁵. Схожие процессы Н.М. Никольский видел и в Московском государстве: «Архиереи были подчинены, с одной стороны, митрополиту, дававшему им посвящение, с другой стороны, местному князю, который выдвигал кандидата, лишь утверждавшегося на соборе епископов; право князя основывалось на том, что он считал себя обладателем *dominium directum* (права прямого владения) над всеми землями его княжества»¹²⁶. Ни один из ставленных листов королевы Боны не содержит отсылок к благословенным или рукоположенным грамотам (хиротониям) церковных иерархов. Можно предположить, что их не было вовсе, и, таким образом, королева действовала в своих владениях абсолютно независимо от киевского митрополита¹²⁷. С формальной стороны Бона нарушала и постановление Собора 1509 г., и упомянутые грамоты 1511 и 1522 гг.

5.2. Православные епархии в составе владений Боны Сфорца

---

¹²⁴ АЗР. Т. II. № 65. С. 81–82.

¹²⁵ Флоря Б.Н. Исследования. С. 53.

¹²⁶ Никольский Н.М. История русской церкви. Минск, 1990. С. 115.

¹²⁷ Иногда православные архиереи все же легитимизовали (с каноничной точки зрения) светские акты передачи прав на церковную инвеституру. Так, в данном листе Сигизмунда I Старого 1523 г. В.М. Сангушковичу на «подавание» владимирской церкви св. Василия упоминается «дозволение» на совершение этого действия нареченным владимирским епископом Ионой (АЗР. Т. II. № 124. С. 154; Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie wydane nakładem właściciela. Lwów, 1890. Т. III (1432–1534). № CCLVIII. S. 251).

Наиболее полно и широко документы изучаемого периода характеризуют правовые отношения Боны с духовенством епископии Пинской и Туровской. Право поставления местного владыки находилось в руках королевы как владельницы бывшего удельного Пинского и Клецкого княжества.

Первым случаем «подавания» Боной архиерейской кафедры митрополит Макарий (Булгаков) называл грамоту архимандриту пинского Лещинского монастыря на владычество Туровское и Пинское от 5 мая 1552 г.¹²⁸. В этом ставленном листе королева называла указанную епископию своим «подаваньем» и давала ее архимандриту Макарию «до живота». Сохранилась более ранняя грамота Боны (13 февраля 1549 г.), предшественнику Макария, кобринскому архимандриту Вассиану¹²⁹. Королева «з ласки» удовлетворяла его «чолом битье», поданное после смерти владыки Варлаама («Варлама», «Варомея»). Нареченный епископ получал кафедру и принадлежавшие ей «всякие именья, люди и дворцы, и иньшие речи и пожитьки, ку оному владыцтву... здавьна прислухаючие». В своем «владыцтве» Вассиан должен был «справовати» согласно греческому закону, «яко ся предки его, владыки тамошние... справовали»¹³⁰. Из грамоты остается неясным реальный объем прав владыки епархии, состав ее владений и тяглого населения, количество входивших в нее церквей и монастырей.

Как следует из грамоты королевы 1550 г.¹³¹, упоминавшийся владыка Варлаам и духовник князя Ф.И. Ярославича Василий Демьянович — это одно и то же лицо. П.М. Строеву епископ Варлаам не известен; им упоминаются только Вассиан (1540 г.) и Макарий (1552 г.)¹³². Вассиан был пожалован епископской

---

¹²⁸ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 105–105 об.; *Макарий (Булгаков), митрополит. История русской церкви.* М., 1996. Кн. 5. С. 156–157.

¹²⁹ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 50 об.–51.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 24 об.–25 об.; Публ.: *Грушевский А.С.* Пинское Полесье XIV–XVI вв. // *Исторические очерки.* Киев, 1903. Пинские акты. С. 76–78.

¹³² *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. С. 1045–1046.

кафедрой, очевидно, между 1531 и 1540 гг. В 1531 г. упоминается пинский и туровский епископ Григорий¹³³, в 1540 г. королева Бона подтвердила сыновьям владыки Вассиана права на недвижимость в г. Пинск¹³⁴, а Сигизмунд I Старый пожаловал им шляхетство и герб¹³⁵. В качестве действующего епископа Варлаам упоминается в указном листе королевы 1545 г.¹³⁶. Умер он, как уже было сказано, ранее февраля 1549 г. Не исключено, что епископ Вассиан между 1540 и 1545 г. мог принять великую схиму под именем Варлаама.

Туров, второй по значению город епархии (епископская кафедра была перенесена из Турова в Пинск в 1241 г.), в начале XVI в. принадлежал князю М.В. Глинскому, а после его отъезда в Москву — князю К.И. Острожскому¹³⁷. И.А. Чистович писал, что князь Острожский получил Туров «с вольным подаваньем церковей»¹³⁸. В 1520 г. князь вместе со своей первой женой Татьяной (урожденной княжной Гольшанской) записал соборной Успенской церкви «владычества» Туровского «подданныхъ мещан в месте Турове». Соответствующая запись с перечислением земель, угодий и озер, передававшихся

---

¹³³ Таурова-Яковлева Т.Г. Материалы по истории Белоруссии в архиве Санкт-Петербургского института истории РАН // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. Вып. 1–2 (5/6). СПб., 2009. С. 203. П.М. Строевым в числе пинских и туровских епископов не назван владыка Григорий, равно как и его предшественник Михаил, упоминавшийся в 1527 г. (Таурова-Яковлева Т.Г. Материалы по истории Белоруссии. С. 203).

¹³⁴ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 36. Л. 87 об.–88 об.; Публ.: Грушевский А.С. Пинские акты. С. 56–57.

¹³⁵ Грушевский А.С. Пинские акты. С. 54–56.

¹³⁶ Собрание древних актов городов Минской губернии, православных монастырей, церквей, и по разным предметам. Минск, 1848. № 11. С. 11; Ревизия пущ и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском с присовокуплением грамот и привилегий на входы в пущи и на земли, составленная старостой Мстибоговским Григорием Богдановичем Воловичем в 1559 году, с прибавлением другой актовой книги, содержащей в себе привилегии, данные дворянам и священникам Пинского повета, составленной в 1554 году. Вильна, 1867. С. 224.

¹³⁷ Любавский М.К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого Литовского Статута. М., 1892. С. 26.

¹³⁸ Чистович И.А. Очерк истории. С. 158.

«на часы вечные» владычеству и «отцу владыке» Арсению, была сделана в напрестольном евангелии соборного храма¹³⁹. Характерно, что в этом документе не зафиксирована принадлежность Турова к Пинской епархии. Арсений назван «владыкой», то есть епископом, в то время как из грамот князя Федора Ярославича (1518 г.)¹⁴⁰ и Сигизмунда I Старого (1522 г.)¹⁴¹ следует, что владыкой объединенной Турово-Пинской епархии в этот период был Иона.

Впоследствии князь Острожский записал Туров с волостями своей второй жене, Александре Семеновне (урожденной княжне Слуцкой)¹⁴². В судебном документе времен Сигизмунда III (13 января 1628 г.), в котором речь шла о церковных доходах «с Турова с селами», были перечислены более ранние акты, относившиеся к истории этой епархии. Среди прочих упоминался лист Сигизмунда II Августа 1549 г. княгине Острожской, в котором было сказано: «а тая епископия Туровская с давних часов подаванье есть наше господарское, до чого ты ничего не маешь»¹⁴³. Интересно, что в том же году королева Бона пожаловала владычеством архимандрита Вассиана, говоря о Турово-Пинской епархии как о своем «подаванье». Вероятно, это один из случаев прямого столкновения интересов королевы и ее сына, претендовавших на патронат над одним и тем же объектом — известно, что отношения Боны и Сигизмунда II Августа испортились после смерти Сигизмунда I Старого (1548 г.), и одной из причин этого были имущественные разногласия.

Грамоте, выданной кобринскому архимандриту Вассиану, предшествовал указной лист королевы княгине Александре Острожской, в соответствии с которым ей предписывалось освободить имения, «наданые» к Пинскому и

---

¹³⁹ АЗР. Т. II. № 105. С. 128–129.

¹⁴⁰ Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа (далее — АСЗР). Вильна, 1869. Т. VI. № 123. С. 285. В публикации ошибочно указан 1513 г.

¹⁴¹ АЗР. Т. II. № 109. С. 134–135.

¹⁴² Там же. № 157. С. 191–192; Чистович И.А. Очерк истории. С. 158.

¹⁴³ АСЗР. Т. VI. № 92. С. 210.

Туровскому владычеству. Нареченного епископа «водлуг обычая» должен был «увязать» в его новые владения дворянин Боны Д.Р. Гладкий, и княгиня Острожская не должна была этому противиться, принимая Вассиана «за богомольцу нашего и своего»¹⁴⁴. Не совсем понятно, на каком основании княгиня распоряжалась «пашнями, людьми и всякими иными пожитки» туровской части епархии. Вероятно, это проявление института так называемого *jus regaliū*, то есть права светского феодала «пользоваться доходами кафедры в период от смерти епископа до назначения нового»¹⁴⁵. Точная дата смерти епископа Варлаама неизвестна, что не позволяет определить, какой срок епархия «пастыра своего не мела». Церкви, например, согласно постановлениям Виленского собора 1509 г., могли оставаться «в небрежении» без священника не более трех месяцев, по истечению которых поп присылался митрополитом¹⁴⁶. Возможно, право на временную реализацию *jus regaliū* было передано Боней княгине Острожской сразу после смерти пинского и туровского владыки. В противном случае она получала доход с церковных земель неправомерно, что и было пресечено грамотой королевы¹⁴⁷.

Хотя королева Бона не обладала правом поставления священников в церкви «наданья» Туровского замка, который в изучаемый период принадлежал православным князьям Острожским, в ее руках находились наиболее значимые «духовные хлеба» Пинской и Туровской епархии. Ее иерархия выглядела

---

¹⁴⁴ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 57–57 об.

¹⁴⁵ Флоря Б.Н. Исследования. С. 45.

¹⁴⁶ РИБ. Т. 4. Кн. 1. С. 13–14.

¹⁴⁷ Княгиня Острожская не единожды нарушала права церковных иереев в своих владениях. Например, из указной грамоты Сигизмунда II Августа от 1551 г. следует, что княгиня Острожская «побрала... с престола церковного» «евангелия фундушов владыцтва Туровского и прав, ему належачих» — судя по всему тех самых, которые были записаны владычеству и соборной церкви князем Острожским и его первой женой (АСЗР. Т. VI. № 92. С. 210).

следующим образом: епископ, архимандрит Лещинского монастыря, игуменья монастыря св. Варвары и протопоп соборной замковой церкви св. Дмитрия.

В 1550 г. Бона подтвердила архимандриту пинского Лещинского монастыря Макарию, будущему епископу, дворце, приданное к монастырской церкви Успения Богородицы¹⁴⁸. Дворце «на имя Десятниковщина» было даровано князем Ф.И. Ярославичем и его супругой Оленой 14 сентября 1514 г. их духовнику с правом записать его после своей смерти любой церкви¹⁴⁹. Монастырь и церковь св. Варвары были пожалованы королевой пинской землянке Ульяне Почаповской согласно листу игуменьи Анисьи Велятицкой и рекомендации старосты С. Фальчевского (грамота среди документов 1552 г.). У. Почаповская должна была содержать старую игуменью до ее смерти («до живота ей добре ховати»), а монастырь со всем имуществом она получала в пожизненное владение¹⁵⁰.

Из 14 церквей г. Пинска, известных по «Писцовой книге Пинского и Клецкого княжеств» (1552–1555 гг.)¹⁵¹, в изучаемых грамотах упоминается только 4 — св. Юрья, св. Дмитрия, св. Михаила и монастырская Варваринская¹⁵². Помимо этого, в «Писцовой книге» не значится церковь св. Иоакима и Анны, которой королева Бона подтверждала пожалования князя Ф.И. Ярославича, оберегая местных священников от присвоения части «наданья» владыкой Варлаамом¹⁵³. Логично допустить, что все церкви, находившиеся во владениях князей Ярославичей и перешедшие впоследствии Боне, также относились к

---

¹⁴⁸ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 24 об.–25 об.

¹⁴⁹ Там же. Кн. 32. Л. 51–51 об.

¹⁵⁰ Там же. Кн. 33. Л. 111–111 об.

¹⁵¹ Писцовая книга Пинского и Клецкого княжеств, составленная старостою Станиславом Хвальчевским в 1552–1555 гг. Вильна, 1884. С. XXVI.

¹⁵² Ревизия пущ и переходов. С. 252, 324–325; РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 73 об.–74, Л. 111–111 об.

¹⁵³ Собрание древних актов городов Минской губернии. № 11. С. 11; Ревизия пущ и переходов. С. 224.

Турово-Пинской епархии. Речь идет о церквах Рогачева, Давид-Городка с волостями и о церквах сел, располагавшихся на территории бывшего Пинского и Клецкого княжеств, полученных королевой после смерти Ярославичей¹⁵⁴.

В 1548 г. Бона обращалась к своему рогачевскому державце П. Попелжинскому, указывая ему не делать «кривд» попу Космодемьянской церкви и не вмешиваться в «стародавние» повинности, которые «люди того попа» несли в пользу Рогачевского замка¹⁵⁵. В 1553 г. королевой были подтверждены пожалования Ярославичей соборной замковой церкви Давид-Городка и даны указания местным урядникам выдавать «доходы тые церковные... без кождого замешкания»¹⁵⁶.

В грамотах королевы и ее урядников упоминались Введенская церковь в с. Купечичи и церковь св. Иоанна в с. Малешеве¹⁵⁷. В Введенской церкви хранилась чудотворная Купятицкая икона Богоматери, имевшая «на себе надпись 1182 г.» и перенесенная в середине XVII в. в Киевский Софийский собор¹⁵⁸. На месте этой церкви в XVII в. был устроен Купятицкий монастырь, упраздненный в 1817 г.¹⁵⁹. В местечке Нобель, согласно Писцовой книге, было 5 церквей (так же как и в Клецке, где в середине XVI в. был еще и монастырь)¹⁶⁰, но об их существовании не упоминается ни в одной из дошедших грамот королевы Боны.

Один из документов, зафиксированных в составе актовой книги 1554 г., указывает на то, что и в Нобеле был монастырь: его игумен незаконно держал

---

¹⁵⁴ Archiwum Główne Akt Dawnych (далее — AGAD). Tzw. Metryka litewska. Dz. III. A/28. К. 1–2; *Публ.*: Описание Рукописного отделения Виленской публичной библиотеки. Вильна, 1898. Вып. 3. № 10. С. 50; *Любавский М.К.* Областное деление. С. 25.

¹⁵⁵ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 19 об.–20.

¹⁵⁶ Ревизия пущ и переходов. С. 351–352.

¹⁵⁷ Там же. С. 220–221, 360.

¹⁵⁸ *Николай, архимандрит.* Историко-статистическое описание Минской епархии, составленное ректором Минской духовной семинарии архимандритом Николаем. СПб., 1864. С. 65.

¹⁵⁹ Писцовая книга Пинского и Клецкого княжеств. С. XXXI.

¹⁶⁰ Там же. С. XXVIII, XXX.

«отчизное поле» боярина королевы, о чем она указывала разобраться своему старосте И.М. Хоревичу¹⁶¹. Эта грамота датирована 1524 г., и, возможно, ко времени составления Писцовой книги Нобельский монастырь перестал существовать.

Во владении королевы Боны находилась часть городов, составлявших Владимиро-Берестейскую православную епархию, которая наряду с Луцкой была в то время важнейшей епископией «в Западной Руси по обширности и богатству церковных имений»¹⁶². К ней, в том числе, относились Кобрин, Ковель и принадлежавшие королеве подляшские города Бельск, Сураж, Бранск¹⁶³.

Несмотря на то, что Кобрин с волостями оказался в пользовании Боны вскоре после ее приезда из Италии, сохранилось только два документа, касающихся церковного управления в этой местности. Первым из них (20 июня 1533 г.) кобринский староста королевы И.М. Хоревич подтверждал Яцку, сыну попа кобринской замковой церкви св. Петра, права на Ильинскую церковь в Городце. Яцко получил ее в держание еще от пана В.С. Костевича (ум. 1532 г.), предыдущего держателя Кобрина и первого местного старосты Боны. Выдавая священнику свой лист, И.М. Хоревич руководствовался дозволением королевы «хлебы духовъные годнымъ и навъчоным людемъ роздавати»¹⁶⁴. В 1550 г. Бона, ссылаясь на листы князя И.С. Кобринского и старосты И.М. Хоревича, закрепляла за Федором и Василием Рябцами церковь Рождества Богородицы в Кобрине «со вьсими пожитъки». Под опекой Рябцев оставался священник, на тот момент «оть бога милостивого слепотою скаранный», которому принадлежала половина указанной церкви¹⁶⁵.

---

¹⁶¹ Ревизия пущ и переходов. С. 289–290.

¹⁶² *Теодорович Н.И.* Город Владимир Волынской губернии в связи с историей Волынской иерархии. Почаев, 1893. С. 52.

¹⁶³ Там же. С. 26.

¹⁶⁴ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 18. Л. 166–166 об.

¹⁶⁵ Там же. Кн. 33. Л. 46–47 об.

Немногочисленность листов королевы Боны представителям кобринского духовенства отчасти компенсируется рядом грамот православных удельных князей Кобринских XV в., которые были представлены во время проверки прав на землю, проводившейся королевой Боной в ее владениях. Обзор этих грамот был приведен В.И. Пичетой¹⁶⁶.

Самая ранняя (1465 г.) грамота — «запис» княгини Ульяны Семеновы Кобринской городской церкви г. Кобрина св. апостолов Петра и Павла. Княгиня жаловала своему слуге Июде церковь «со всеми доходы и с приходы» и т. д., как то было при старом «попе петровскомъ» Паце. Грамота была скреплена вислой печатью княгини Ульяны, а в качестве свидетелей присутствовали «добрыи люди королевы» — видимо, бояре супруги Казимира IV Елизаветы Габсбург (1436–1505 гг.)¹⁶⁷.

В 1469 г. князь Иван Семенович, сын Ульяны, записал кобринской церкви св. Николая половину дворища Таратопского (Таратовского) «вечно навеки непорушьно»¹⁶⁸. После смерти князя (1490 г.) его супруга Феодора (Федка) повторно вышла замуж, на этот раз за виленского воеводу Паца, и при этом, как писал о ней митрополит Макарий, «изменила православию», приняв «латинскую веру вместе с новым для себя именем Софии»¹⁶⁹. О ней имеется упоминание в сохранившемся в отрывке листе Сигизмунда I Старого: «воеводиная виленская пани Зофея... придала къ костелу кобриньскому» ту самую землю Таратовщину, пожалование кобринского князя. Отобрав у Никольской церкви землю в пользу костела, Феодора-Зофея скончалась, не успев дать «отмену» — другое земельное

---

¹⁶⁶ Пичета В.И. Проверка прав на землю во владениях королевы Боны // В.И. Пичета. Белоруссия и Литва в XV–XVI вв. (исследования по истории социально-экономического, политического и культурного развития). М., 1961. С. 20.

¹⁶⁷ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 18. Л. 163 об.–164 об. Публ.: Акты Литовской метрики. Т. 1. Вып. II. Варшава, 1897. № 19. С. 13; Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie wydane nakładem właściciela. T. I (1366–1506). Lwów, 1887. № LXII. S. 58.

¹⁶⁸ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 18. Л. 166 об.–167.

¹⁶⁹ Макарий (Булгаков), митрополит. История русской церкви. С. 96.

владение, вместо старого. Сигизмунд придал к церкви землю Котовщину, на что местный священник Василий получил соответствующий лист¹⁷⁰.

Тот же князь Иван Семенович вместе со своей женой после того, как «погадали есмо и с своими бояры и з нашею верною радою», дали в держание церковь Успения Пречистой Богоматери «отчичу», попу Якову, «абы за нас Бога просил, покиль живъ» (1478 или 1479 г.). После смерти Якова церковь должна была перейти его «внучатом», а в том случае, если «детки еще будут не доросли своих лет», его старшая дочь могла «держати наемного попа»¹⁷¹.

В 1487 г. Иван Семенович и Феодора основали церковь Рождества в своем дворе Добучине. Фундушевая запись¹⁷² была сделана в евангелии, хранившемся в этой церкви. В грамоте перечислены все «дани», приписанные к основываемой церкви. «А хто... порушить нашу данину», указывал князь, «тот россудит ся со мною перед Богомъ на Страшномъ суде»¹⁷³. Это евангелие послужило доказательством добучинского попа Павла на владение указанной церковью в 1534 г.

Несколько документов относится к истории кобринского Спасского монастыря. В 1491 г. княгиня Феодора «подлугъ слова мужа», умершего к тому времени Ивана Кобринского, записала монастырю с. Корчичи со всеми «доходы и з данью», две городские корчмы, десятину с мельницы на р. Кобринке с жита и «ярины всякое». Одним из свидетелей составления этой грамоты был владыка владимирский и берестейский Вассиан¹⁷⁴. Из грамоты Сигизмунда I Старого (5 октября 1512 г.), которой он подтверждал пожалование княгини Феодоры,

---

¹⁷⁰ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 18. Л. 165 об.–166.

¹⁷¹ Там же. Л. 164 об.–165.

¹⁷² Запись «заложения новой церкви с наделом ее землею» (*Горбачевский Н.И.* Словарь древнего актового языка Северо-Западного края и Царства Польского. Вильна, 1874. С. 139).

¹⁷³ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 18. Л. 165–165 об. Публ.: *Акты Литовской метрики. Т. 1. Вып. II.* Варшава, 1897. № 49. С. 24.

¹⁷⁴ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 18. Л. 161 об.–162 об.

известно, что И.С. Кобринский был похоронен в Спасском монастыре¹⁷⁵. В конце XV в. игуменом монастыря был некий Андрей; в 1512 г. Сигизмунд удовлетворял челобитную игумена Антония Критского. В 1534 г. обе эти грамоты были представлены королеве Боне игуменом Вассианом¹⁷⁶ — очевидно, тем самым, который в 1549 г. получил от нее епископию пинскую и туровскую (см. выше). Вероятно, в этот временной промежуток Кобринский монастырь был переведен в архимандрию, так как в ставленном листе на владычество Вассиан был назван уже архимандритом, а не игуменом.

В том же 1549 г. по распоряжению королевы была составлена инвентарная опись имущества монастыря, говорящая о богатстве его внутреннего убранства. Среди монастырского «скарба» описано значительное количество церковных книг, образы святых, выполненные в золоте и серебре. Имеется «попис» церковных людей и их повинностей, «пашни гумна архимандрицкого». Созданием описи занимался дворянин королевы С.Е. Пришихвостский, составивший ее в двух экземплярах, один из которых был оставлен архимандриту. Инвентарь Спасского монастыря, опубликованный в одном из изданий Императорской Археографической комиссии, был скопирован в книгу Кобринской магдебургии за 1664–1769 гг.¹⁷⁷.

Несколько листов королевы Боны относится к поставлению иереев на духовные кафедры г. Ковеля и его округи. При этом из многочисленных имений, отошедших Боне вместе с Ковелем, в связи с церковной инвеститурой упоминается только замок и место Вижовское, в котором находилась церковь св. Спаса с приделом св. Семена, и с. Старая Вижва, также имевшее свою Спасскую церковь¹⁷⁸.

---

¹⁷⁵ Там же. Л. 162 об. – 163 об.

¹⁷⁶ Там же. Л. 161 об.

¹⁷⁷ Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией (далее — АВАК). Вильна, 1872. Т. VI. С. 492–494.

¹⁷⁸ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 88 об.–89 об.

Ковель был получен королевой Боней от князя Василия Михайловича Сангушковича-Ковельского взамен земель в Витебском повете. Мена была зафиксирована сразу в нескольких документах, так как записи делались «з росказанья» и Сигизмунда I Старого, и Боны, и В.М. Сангушковича-Ковельского. Списки меновой грамоты, а также подтверждающих ее грамот, содержатся в разных книгах Литовской метрики¹⁷⁹; некоторые публикации были сделаны по сохранившимся оригиналам этих документов¹⁸⁰. Указание на переходящее Боне вместе с землями право «подавания» содержится только в грамоте, записанной от лица В.М. Сангушковича, которая целиком воспроизведена в подтвердительном листе Сигизмунда I Старого: «замки и имена свои спустиломъ королевои... с церкви Божими и с подавани церковными»¹⁸¹.

Вероятно, передача прав на церковную инвеституру подразумевалась во всех случаях перехода недвижимости от одного владельца к другому, но далеко не всегда фиксировалась в документах. Исключение составляют те случаи, когда в грамотах особо оговаривался переход или, наоборот, закрепление за пожалователем *jus donandi* (то есть права «подавания»). Например, жалуха в 1555 г. своему старосте двор Сельцо, королева Бона оставляла в собственной юрисдикции местный костел — «только... подаванье костела и плебаней Селецкое в нашої и потомьковъ нашихъ справе а владности заховываемъ»¹⁸².

Все известные грамоты королевы Боны по назначению православных священников в церкви г. Ковеля и его округи были выданы в один день (17 августа 1549 г.). Этому, видимо, предшествовало согласование священниками

---

¹⁷⁹ Lietuvos Metrika (1540–1543). 12-oji Teismų bylą knyga (XVI a. pabaigos kopija). Vilnius, 2007. № 51. P. 226–227.

¹⁸⁰ *Пташицкий С.Л.* Описание книг и актов Литовской метрики. СПб., 1887. Древние акты. № 228. С. 241; Archiwum Sanguszków. T. IV (1535–1547). Lwów, 1890. № CCLXXVI. S. 341.

¹⁸¹ Archiwum Sanguszków. T. IV (1535–1547). Lwów, 1890. № CCLXXVI. S. 341.

¹⁸² РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 36. Л. 113–113 об.; Публ.: АВАК. Вильна, 1886. Т. XIII. № 11. С. 28–30.

распределения церковных мест со старостой Б.М. Семашко, который фигурировал в грамотах королевы в качестве ходатая и просителя наряду с челобитчиком.

Ковельский поп Михаил получил в держание городскую церковь Благовещенья, которую до него «держалъ и заведаль» Алексей Тришинец Гайко¹⁸³. Сам же Гайко был переведен в «местскую» церковь Воскресения¹⁸⁴. Подобная же перестановка иереев произошла в Троицком монастыре и церкви Успения Пресвятой Богородицы. В монастырь, названный в грамоте «наданьем предка» королевы Боны князя Сангушковича, был поставлен священник Успенской церкви Кузьма Жаба. До того, как стать игуменом, он «заведаль» Свято-Троицкий монастырь «у своимъ дозренью, порученью и справе» согласно «дозволенья» ковельского старосты Семашко, то есть фактически являлся его опекуном¹⁸⁵. В его же распоряжении находилось и «наданье» самого монастыря, состав которого приведен в меновой грамоте В.М. Сангушкович-Ковельского — это села Гошин, Бахово, Лагодлево, Воля, Озерница, Облапы, Городищо¹⁸⁶. Успенскую церковь Бона дала в держание Марку Жабѣ, сыну поставленного Троицкого игумена.

Семейное наследование «хлебов духовных» — естественное явление для западнорусской церкви. В одной из грамот королевы Боны, касавшейся назначения священником некоего Богданца в пинскую Юрьевскую церковь, при которой «дед и прадед, и отец его служил», содержится ссылка на «обычай в Руси, ижъ церковь и доходы церковные на потомки спадаеть»¹⁸⁷.

В связи с историей Владимирской и Берестейской епархии можно упомянуть нареченного владыку Ивана Яцковича Борзобогатого

¹⁸³ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 85 об.–86.

¹⁸⁴ Там же. Л. 85–85 об.

¹⁸⁵ Там же. Л. 87 об.–88.

¹⁸⁶ Archiwum Sanguszków. T. IV (1535–1547). Lwów, 1890. № CCLXXVI. S. 341.

¹⁸⁷ Ревизия пущ и переходов. С. 252; *Макарий (Булгаков), митрополит*. История русской церкви. С. 124; *Беднов В.А.* Православная церковь в Польше и Литве (по Volumina Legum). Минск, 2002. С. 80.

(Борздобогатого), которому Бона продала несколько своих имений Луцкого повета. Этот епископ, принявший имя Иоанн, так и не вступив в духовный сан, – небезызвестный в историографии персонаж. В том числе и на его примере историки церкви указывали на «нравственную распущенность» западнорусских владык и окончательное «расстройство» Литовской митрополии, наступившее к середине XVI в.¹⁸⁸ Н.И. Теодорович писал, что во владении «старинной дворянской южнорусской фамилии» Борздобогатых к изучаемому времени осталось только «небольшое родовое» село Красное, по названию которого они именовались Красненскими¹⁸⁹. Как раз это имение, а также имения Ставров, Галичаны и половину Зборошева, нареченный владыка выкупил у королевы Боны¹⁹⁰. Это произошло в декабре 1548 г., в год получения И.Я. Борздобогатым прав на Владимирскую епископию.

Далеко не все владения Боны, находившиеся в границах Владимиро-Берестейского владычества, зафиксированы в грамотах королевы местному православному духовенству. Так, в метрике королевы Боны нет сведений о церквях Подляшья. Помимо этого, в историографии нет единого мнения о принадлежности некоторых городов с их поветами к этой или соседним епархиям. Если Н.И. Теодорович относил Кременец, принадлежавший Боне с 1536 г.¹⁹¹, к Владимирской епископии, то И.А. Чистович называл его в числе городов Луцко-Острожской¹⁹². Известны только грамоты королевы, выданные представителям

---

¹⁸⁸ *Чистович И.А.* Очерк истории. С. 165-166; *Теодорович Н.И.* Город Владимир. С. 53–56; *Плоцанский В.М.* Прошлое Холмской Руси по архивным документам XV–XVIII вв. и др[угим] источникам. Вильна, 1899. Ч. I. Холмская епархия православной и б[ывшей] униатской церкви (1428–1630 гг.). С. 163-164; *Макарий (Булгаков), митрополит.* История Русской церкви. С. 191–192; *Карташев А.В.* Очерки по истории. С. 665–666.

¹⁸⁹ *Теодорович Н.И.* Город Владимир. С. 53.

¹⁹⁰ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 41 об.–43.

¹⁹¹ Archiwum Sanguszków. T. IV (1535–1547). Lwów, 1890. № XXVI. S. 24–26; *Теодорович Н.И.* Город Кременец Волынской губернии // Церковно-исторический очерк. Почаев, 1890. С. 16.

¹⁹² *Теодорович Н.И.* Город Владимир. С. 26; *Чистович И.А.* Очерк истории. С. 167.

кремenceцкого римско-католического, а не православного духовенства¹⁹³. Также остается невыясненным вопрос о том, обладала ли Бона правом патроната над церквами Луцкого повета (входившего, соответственно, в Луцкую епархию), в котором она имела несколько имений.

Неоднозначно определяется и отношение Городно к конкретной епископской кафедре. Как и в случае с Кременцом, Н.И. Теодорович считал Городенский повет подвластным владыке владимирскому и берестейскому. Исследователь, вероятно, исходил из того, что в XIX в. Гродненская губерния почти в полном своем составе входила во Владимиро-Волынскую епархию¹⁹⁴. Иного мнения придерживался И.А. Чистович, который приписывал этот город Трокского воеводства к митрополичьей (Киевской) епархии¹⁹⁵. Об этом же писал и В.П. Рыбинский, считавший, что Жемайтя, Трокское и Виленское воеводства (с городами Троки, Городно, Ковно) были присоединены к митрополичьей епархии в начале XIV в.¹⁹⁶. Из ставленной грамоты митрополита Ионы 1451 г. следует, что Городно однозначно относился к Киевской епископии¹⁹⁷.

Сохранилось по крайней мере две грамоты королевы Боны, касающихся Борисоглебского монастыря в Городне. Церковь этого монастыря, возникновение которой относят к XII в., именовалась Коложской, «от местности, на которой она стоит», и богослужения в ней проходили вплоть до 1845 г.¹⁹⁸. В середине XVI в. Коложский монастырь, «не имея таких сильных покровителей, какими были Ходкевичи для Супрасля (имеется в виду Супрасльский Благовещенский монастырь, основанный в конце XV в. — А.Б.)... переходил от одного светского

¹⁹³ Теодорович Н.И. Город Кременец. С. 17, 39.

¹⁹⁴ Он же. Город Владимир. С. 26–27.

¹⁹⁵ Чистович И.А. Очерк истории. С. 126.

¹⁹⁶ Рыбинский В.П. Киевская митрополичья кафедра с половины XIII до конца XVI века. Киев, 1891. С. 88–89.

¹⁹⁷ Абеленцева О.А. Митрополит Иона и установление автокефалии русской церкви. СПб., 2009. Приложение № 18. С. 358–359.

¹⁹⁸ АСЗР. Вильна, 1870. Т. IX. С. VI–VII.

покровителя к другому, имения его расхищались, братия была нередко разгоняема», а во время церковной унии монастырь претерпевал «бедность и разорение»¹⁹⁹.

В 1738 г. Игнатием Кульчинским, архимандритом Коложского (на тот момент уже базилианского) монастыря, был составлен его «инвентарь», в который были включены все хранившиеся в монастырском архиве грамоты «фундаторов», держателей и жалователей. По этим документам И. Кульчинский составил «хронику» Коложских игуменов, архимандритов и ктиторов²⁰⁰.

История Борисоглебского монастыря второй трети XVI в. была тесно связана с родом Воловичей, представители которого подчас «произвольно» называли себя ктиторами этой обители. «Самым злым» из опекунов, согласно И. Кульчинскому, был Богдан Гринкович Волович, причинявший монастырю «невыносимые кривды»²⁰¹. Составитель инвентаря указывал на то, что впоследствии его вдова при помощи своего зятя Николая Якубовича Кунцевича (отец которого был дворным конюшим и городенским лесничим)²⁰² получила от королевы Боны «привилегию» на Коложский монастырь. И. Кульчинский не обнаружил эту грамоту, выданную королевой прежде 1546 г.; не известен ни один из ее списков.

Не вполне ясно, кому же в большей мере принадлежало право патроната над монастырем свв. Бориса и Глеба — Боне или Сигизмунду II Августу. Очевидно, их имущественные интересы здесь пересекались. Грамотой 1546 г., охранявшей

---

¹⁹⁹ Там же. С. IX. Последствия унии сказались на количестве православных храмов этого края. Согласно ведомости «О числе православных церквей по всем Российским епархиям..., учиненной в 1805 году» в Гродненской губернии, относившейся в то время к Минской епархии, их было всего две (*Амвросий, епископ. История российской иерархии, собранная бывшим Новгородской семинарии префектом, философии учителем, соборным иеромонахом Амвросием, что ныне епископ Пензенский и Саратовский. М., 1822. Ч. I. С. 644–646*).

²⁰⁰ АСЗР. Т. IX. С. 409–454.

²⁰¹ Там же. С. 424.

²⁰² РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 18. Л. 117.

городенских монахов от притеснений дворян, «молодой» король пояснял: «сей монастырь не есть въ державе королевы, ее милости, пани матки наше, але есть подаване наше господарское»²⁰³. Впрочем, в 1552 г. Бона удовлетворила жалобу архимандрита Михаила, разрешая монастырским людям входы в королевские пущи. Здесь же сказано, что опекун монастыря — маршалок, земский дворный подскарбий и королевский писарь Иван Горностай — был ранее назначен королевой, а не ее сыном («будучи отъ насъ дании опекунь»)²⁰⁴. Подтверждение этому находим и в листе Боны, выданном двумя годами позднее. В 1554 г. королева подтверждала Марку Воловичу его поставление в Коложский монастырь, осуществленное паном Горностаем после смерти игумена Михаила («Мисаила»). И. Кульчинский при составлении своего «инвентаря» указал неверные даты: он писал, что Михаил, заняв место архимандрита Сергия в 1550 г., «управлял архимандрией около 20 лет»²⁰⁵. Однако в ставленном листе на игуменство 1554 г. Михаил был упомянут уже как «небожчик», и именно после его смерти Борисоглебским монастырем «справовал и заведал» Марк Волович²⁰⁶. За него ходатайствовал Остафий Богданович Волович, который в 1555 г. получил в держание от Боны Усвятскую и Озерицкую волости²⁰⁷, а в 1579–1587 гг. был канцлером Великого княжества Литовского²⁰⁸. Заметим также, что Михаил получил игуменство «з ласки» королевы Боны, соответственно, ему была выдана и ставленная грамота, до нас не дошедшая²⁰⁹.

Содержание грамоты Сигизмунда II Августа из 38-й книги записей от 3 июля 1555 г., которой он подтверждал Марку Воловичу права на

²⁰³ АВАК. Вильна, 1865. Т. I. № XXXI. С. 120–121.

²⁰⁴ Там же. № XXXII. С. 122–123.

²⁰⁵ АСЗР. Т. IX. С. 427.

²⁰⁶ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 36. Л. 28–29.

²⁰⁷ Там же. Кн. 32. Л. 101 об.–102.

²⁰⁸ *Wolff. J. Senatorowie i dygnitarze Wielkiego ksiestwa Litewskiego (1386-1795). Krakow, 1885. S. 80, 161, 163.*

²⁰⁹ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 36. Л. 28.

Борисоглебский городенский монастырь, позволяет несколько иначе трактовать ситуацию с его церковным управлением в середине XVI в. Из документа следует, что Иван Горностай получил в опеку монастырь «на Коложи» «за листом» Сигизмунда I Старого. Королева Бона, в свою очередь, смогла распорядиться этим объектом подавания «за писаньем и позволеньем» Ивана Горностая, «дав и поручив в справу» этот монастырь Марку Воловичу. Последний испрашивал короля о «доживотном» подтверждении этого пожалования, а также просил, чтобы права на пользование доходами, идущими с Коложского монастыря, после его смерти перешли к его же сыну, слепому от рождения Семену Воловичу²¹⁰.

Благодаря А.И. Добрянскому, который работал с документами архива русской капитулы Перемышльской, известно несколько распоряжений королевы Боны по православной Перемышльской и Самборской епархии²¹¹. В 1546 г. Бона выдала грамоту епископу Антонию Радыловскому, который «старался усильно... об освобождении клира епархии Самборской от притеснений различного рода»²¹². С юридической точки зрения королева действовала «яко пожизненная властителька Самборщины» — это староство вошло в состав ее владений в середине 1530-х гг.²¹³. В 1554 г. она удовлетворила прошение того же епископа о создании церкви Рождества Богородицы в Новом Самборе, где «не было еще никакой церкви»²¹⁴. Антоний Радыловский построил «малу деревянну» церковь, просуществовавшую до 1738 г., в котором она была перестроена помещиком И. Комарницким, и в таком виде простояла по крайней мере до времени издания А.И. Добрянским своего исследования (1893 г.)²¹⁵.

---

²¹⁰ Там же. Кн. 38. Л. 17 об.–19.

²¹¹ *Добрянский А.И.* История епископов трех соединенных епархий, Перемышльской, Самборской и Саноцкой, от наидавнейших времен до 1794 г. Львов, 1893. С. 52, 54–55.

²¹² Там же. С. 46.

²¹³ *Грушевский М.С.* Барское староство. Исторические очерки (XV–XVIII в.). Киев, 1894. С. 77.

²¹⁴ *Добрянский А.И.* История епископов. С. 49.

²¹⁵ Там же. С. 49–50.

Недостаток документов, касающихся церковной инвеституры в некоторых административно-территориальных единицах Великого княжества Литовского, не позволяет с точностью говорить о наличии или же отсутствии *jus donandi* у королевы в отношении этих земель. В первую очередь, это касается Луцкого повета, а также повета Витебского, который находился в юрисдикции Полоцкого архиепископа²¹⁶. Частью витебских имений, отошедших впоследствии Боне, до своей смерти (1513 г.) распоряжалась великая княгиня Елена Ивановна, покровительствовавшая православным. В метрике королевы Боны не обнаружены грамоты, адресованные местному духовенству.

Сохранение многих документов в копиях, в том числе и немаловажных грамот предшественников Боны по землевладению, произошло благодаря проверке прав на землю, которую королева проводила в своих имениях. Значительная часть древнейших документов была утеряна вследствие неблагоприятных условий хранения, различных катаклизмов и т. д. Например, при проверке прав 1554 г. городецкие священники — Хома Воскресенский, Семен Никольский, Григорий «Кузму-Демьянский», Василий Велемицкий — не смогли предоставить документы на свои церковные владения, объяснив это тем, «иж татарове, коли в Городку были, фундаты им попалили»²¹⁷. Пергаменные листы, закреплявшие «наданье» церкви Вознесения минского монастыря, «великое нарушенье приняли», так как в них «мыши печати показали и от шнурков воскъ с печатями отъели»²¹⁸.

Таким образом, представленные выше документы, вероятно, являются только частью комплекса грамот королевы Боны, выданных православному духовенству. Возможно, определенная часть этого комплекса не сохранилась или до сих пор не была обнаружена в составе рукописных сборников, описаний и публикаций, подготовленных губернскими археографическими комиссиями.

---

²¹⁶ Чистович И.А. Очерк истории. С. 152.

²¹⁷ Ревизия пущ и переходов. С. 351.

²¹⁸ Метрыка Вялікага княства Літоускага. Кніга 28 (1522–1552). Менск, 2000. № 145. С. 185–186.

***

Сохранившиеся источники свидетельствуют о том, что право церковного патроната, которое принадлежало королеве Боне в ее имениях, распространялось на объекты «подавания», относившиеся к Турово-Пинской, Владимиро-Берестейской, Киевской, Перемышльской и Самборской православным епархиям Великого княжества Литовского. Вполне вероятно, что выявление новых источников позволит говорить о реализации Боней права «подавания» в пределах Луцко-Острожской и Полоцкой епархий.

Церковная инвеститура переходила к королеве вместе с правами на земельные владения. Принимая решения в области назначения священнослужителей на церковные кафедры, королева действовала независимо от митрополита, зачастую основываясь на решениях своих старост. Несмотря на то, что эта деятельность противоречила постановлениям государственной и высшей духовной власти, подобная практика являлась нормой для Великого княжества Литовского того времени. Активное участие светских лиц во внутрицерковном устройстве едва ли было навязано Литовской митрополии последними представителями династии Ягеллонов; следует предположить, что эта система последовательно формировалась в течение многих десятилетий. Из содержания грамот королевы Боны следует, что она отстаивала интересы православного духовенства в пределах своих владений, принуждая урядников соблюдать законодательство и установившиеся нормы обычного права, зафиксированные в грамотах фундаторов (ктиторов) «духовных хлебов», находившихся в ее распоряжении.

ГЛАВА 6.

ГРАМОТЫ КОРОЛЕВЫ БОНЫ СФОРЦА ПРАВОСЛАВНОМУ ДУХОВЕНСТВУ В ВИДОВОЙ СТРУКТУРЕ ДОКУМЕНТОВ ЛИТОВСКОЙ МЕТРИКИ

В настоящей главе рассмотрены вопросы классификации, систематизации и терминологии актовых и делопроизводственных источников метрики королевы Боны. Поставлено несколько исследовательских задач: 1) уточнить понятийный аппарат дипломатики литовско-русских актов; 2) выработать определения принимаемых терминов «ставленный» и «дозволенный» лист; 3) разработать схему систематизации актовых и делопроизводственных документов, адресованных Боной Сфорца и ее урядниками представителям духовного сословия Литовского государства.

Немногочисленные попытки классификации документов канцелярии Великого княжества Литовского не были основаны на видовых характеристиках. Одним из распространенных в историографии критериев классификации материалов Литовской метрики является тематический принцип (деление «по содержанию», «по номиналам»). Этот принцип основан на субъективной интерпретации содержания документа. Построенным на объективных свойствах источника классом интеллектуальных продуктов является вид. Категория вида является основной классификационной категорией в феноменологической концепции источниковедения²¹⁹, «генетически восходящей» к

---

²¹⁹ «Вид — классификационная категория, включающая интеллектуальные продукты, обладающие общностью структуры, которая сформировалась и закрепились как образцовый эталон соответствия общей функции (назначения) продуктов данного вида в системах действующих сообществ» (*Медушевская О.М.* Теория и методология когнитивной истории. М., 2008. С. 346). В этом определении понятия «вид» не находим противоречий определению, предложенному в одной из недавних работ С.М. Каштановым: «Вид — группа источников, имеющих общие формально-юридические признаки происхождения, содержания и внутренней

эпистемологической теории А.С. Лаппо-Данилевского²²⁰. В представлениях Лаппо-Данилевского о видах исторических источников нашли отражение воззрения современных ему западноевропейских дипломатистов (в первую очередь, французских и немецких)²²¹. Несмотря на идейное неприятие и острую критику, которой подверглись работы Лаппо-Данилевского в советский период²²², их содержание в значительной степени повлияло на развитие теоретических разработок в исторической науке (О.М. Медушевская, Л.В. Черепнин, Л.Н. Пушкарев, С.М. Каштанов)²²³.

формы» (Каштанов С.М. К изучению летописного Лицевого свода Ивана Грозного // Археографический ежегодник за 2011 год. М., 2014. С. 61).

²²⁰ Румянцева М.Ф. Феноменологическая концепция источниковедения в познавательном пространстве постпостмодерна // Вестник РУДН. Сер. «Ист. науки». М., 2006. № 2(6). С. 5–17. В основе теоретико-методологических построений исследователя находится определение исторического источника («реализованный продукт человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением») и «главенствующей» задачи методологии источниковедения — «установить, действительно ли существовал тот самый факт, который известен из источника» (Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории / Подгот. текста: Р.Б. Казаков, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. Т. II. М., 2010. С. 38, 41).

²²¹ Комочев Н.А. Теоретические вопросы дипломатики в трудах А.С. Лаппо-Данилевского // Вестник РГГУ. Сер. Исторические науки. М., 2009. № 4. С. 91–99.

²²² Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский — основатель русской школы дипломатики частного акта // Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов. СПб., 2007. С. 225–273.

²²³ Середа Н.В. Реабилитация методологии // Диалог со временем: альм. интеллектуал. истории. М., 2014. Вып. 46. С. 38–44; Казаков Р.Б., Румянцева М.Ф. Идеи А.С. Лаппо-Данилевского в интеллектуальных контекстах XX–XXI веков: «круглый стол» к 150-летию со дня рождения А.С. Лаппо-Данилевского (РГГУ, 6 апр. 2013 г.) / Р.Б. Казаков, М.Ф. Румянцева // Новое литературное обозрение [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — М., 2013. — № 124 (6/2013). URL: <http://www.nlobooks.ru/node/4216>, свободный (дата обращения 15.04.2018).

Признаками вида исторических источников является общность «происхождения, содержания и формы»²²⁴, и эти признаки изначально обусловлены функциями, заданными системой, в которой интеллектуальный продукт был создан²²⁵. Таким образом, вид является названием функции документа в системе²²⁶. Базовой правовой функцией для актов как исторических источников является договорная, хотя она сочетается с рядом других функций²²⁷.

Само понятие «акт» не получило в литературе общепризнанного и однозначного определения. Наиболее единодушным является признание того, что актами следует считать документы «правозначающего характера» (А.С. Лаппо-Данилевский)²²⁸. В ранних работах С.М. Каштанова под актами предлагалось

---

²²⁴ *Каштанов С.М., Курносоев А.А.* Некоторые вопросы теории источниковедения // Исторический архив. М., 1962. № 4. С. 178; *Каштанов С.М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 15.

²²⁵ *Каштанов С.М.* Русская дипломатика. М., 1988. С. 14–16.

²²⁶ *Медушевская О.М.* Теория и методология. С. 216.

²²⁷ К социальным функциям, которые реализуются в любом «письменно-изобразительном источнике», С.М. Каштанов относит 1) управление, 2) самовыражение автора, 3) информацию (*Каштанов С.М.* К изучению летописного Лицевого свода Ивана Грозного // Археографический ежегодник за 2011 год. М., 2014. С. 73).

²²⁸ Исследователь определял «акты» как «документы или “грамоты” с правозначающим содержанием, то есть такие, которые облачают известное правоотношение — правительственное постановление или юридическую сделку — в письменную форму». Среди них он выделил акты с осведомительным (декларативным) и акты с удостоверительным (конститутивным) характером. В первом случае акт служит «для показания о состоявшемся правоотношении; он пишется для запечатления в памяти тех действий или событий, которые породили его»; во втором акт является «основанием для признания правоотношения состоявшимся; он пишется для закрепления тех элементов или условий, из которых оно состоит» (*Лаппо-Данилевский А.С.* Очерк русской дипломатики частных актов. СПб., 2007. С. 39–40). С.М. Каштанов указал на то, что общему определению «акта», которое предложил А.С. Лаппо-Данилевский, из обозначенных двух «видов» соответствуют только «удостоверительные» акты (*Каштанов С.М.* Русская дипломатика. С. 21).

понимать документы только договорного вида²²⁹. Позднее С.М. Каштанов писал, что дипломатика изучает «документы правового характера, причем в большей мере такие, где указаны автор и адресат или контрагенты (участники сделки, договора), часто же не только адресат, но и фактический контрагент, не тождественный адресату»²³⁰. Употребление в литературе и источниках термина «акт» по отношению к документам нескольких видов не позволяет, по мнению С.М. Каштанова, считать «акты» «видом» исторических источников. С его точки зрения, это, скорее, «группа видов» или «надвид»²³¹.

В настоящее время в надвиде актов выделяются следующие «смешанные по своей функции виды»: договорный, договорно-законодательный, договорно-удостоверительный, договорно-законодательно-распорядительный, договорно-распорядительный, договорно-протокольно-резолютивный, договорно-регистрационно-учетный, просительный, договорно-отчетный, договорно-докладной, договорно-эпистолярный²³². Близкими, но не тождественными актам надвидами Каштанов считает законодательно-распорядительный и регистрационно-описательный надвиды документальных источников²³³.

---

²²⁹ Каштанов С.М. Акты // Советская историческая энциклопедия. Т. I. М., 1961. С. 313; *Он же*. Дипломатика как специальная историческая дисциплина // Вопросы истории. М., 1965. № 1. С. 39.

²³⁰ *Он же*. Русская дипломатика. С. 3.

²³¹ Там же. С. 22; Каштанов С.М. Актовая археография. М., 1998. С. 10–13. В самое последнее время ученый заговорил о «подклассе» документальных источников, куда включается и «группа видов» под названием «акты» (Каштанов С.М. К изучению летописного Лицевого свода Ивана Грозного // Археографический ежегодник за 2011 год. М., 2014. С. 60).

²³² Каштанов С.М. Актовая археография. С. 13. Ср.: *Он же*. Русская дипломатика. С. 150–154.

²³³ *Он же*. Актовая археография. С. 13–14.

6.1. Публично-правовые и частноправовые акты метрики королевы Боны

Как в западной, так и в российской исследовательской литературе наиболее распространенным является деление актов на публично-правовые и частноправовые. Так, А.С. Лаппо-Данилевский выделял акты публичные, частные и переходную между ними форму: «публично-правовые акты с частноправовым значением». В основу этой «классификации» было положено понятие о праве. С «чисто дипломатической точки зрения» (различая формуляры актов и учитывая их происхождение из конкретной канцелярии) публично-правовыми актами «называются те, которые касаются государственного права и исходят от лиц, облеченных правительственной властью; а частноправовыми актами называются те, которые относятся к гражданскому праву и исходят от частных лиц»²³⁴.

С.М. Каштанов считает, что подобное деление актов на «разряды» и «подразряды» (в терминологии исследователя) — то есть «деление источников на группы по принципу их происхождения от институтов власти или от частных лиц»²³⁵ — должно дополнять их видовую классификацию. Самостоятельными подразрядами С.М. Каштанов называет публично-частные и частно-публичные акты²³⁶.

В то же время далеко не всегда удается однозначно интерпретировать акты в соответствии с классификацией по разрядам. Не всегда ясен правовой статус средневекового феодала, одновременно выступавшего и в роли субъекта частного права, и в роли носителя публичной власти. С.М. Каштанов, вслед за К. Брюлем, неоднократно указывал на алогичность и абсурдность такой классификации по отношению к актам «несуверенных» правителей, которые, невзирая на фактическую независимость, формально были подчинены своим сюзеренам²³⁷.

---

²³⁴ Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики. С. 61.

²³⁵ Каштанов С.М. Русская археография. С. 16.

²³⁶ Он же. К изучению летописного Лицевого свода. С. 60.

²³⁷ Там же. С. 59; Он же. Русская дипломатика. С. 146–147.

Применение этого деления актов парадоксально, в том числе, и в отношении практики феодального землевладения Великого княжества Литовского, так как зачастую невозможно однозначно определить социально-правовой статус того или иного вотчинника, крупного землевладельца или должностного лица.

Политическая обособленность части земель, еще сохранявших остатки удельного иммунитета к началу XVI в., придавала Литовскому государству федеративный характер, который оно сохраняло вплоть до заключения унии с Польским королевством в 1569 г. Все имения, не принадлежавшие другим владельцам (церковным корпорациям или светским феодалам), являлись собственностью великого князя и «были главной материальной опорой великокняжеской власти»²³⁸. Этот земельный фонд сокращался из-за непрекращающихся раздач имений и пополнялся только за счет отхода к казне недвижимого имущества последних удельных князей и конфискованных владений. Осуществляя пожалования имений «со всей властностью» (то есть предоставляя новому владельцу практически полную независимость в распоряжении и управлении землей, доходами с тяглого населения и т. д.), великий князь тем самым делегировал частным лицам ряд своих прерогатив, относящихся к области публичного права. Представители удельных княжений обладали такими полномочиями по природе своей власти.

Характер управления королевой Боной своими владениями и их владельческий статус неоднозначны. С одной стороны, ее деятельность по собиранию и приобретению земель была ориентирована на обеспечение правящей династии Ягеллонов недвижимостью, которая находилась бы в их частной собственности (в противовес общегосударственному фонду). В некоторых крупных имущественных сделках, совершавшихся Боной, фигурировал ее супруг Сигизмунд I Старый и впоследствии сын Сигизмунд II Август, оговаривалось наследование владений представителями династии в случае смерти королевы

---

²³⁸ Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1910. С. 95.

и т. д. В качестве субъекта частного права Бона выступала, участвуя в равноправных сделках мены и купли-продажи имений с другими феодалами и в судебных разбирательствах, касавшихся, например, размежевания спорных территорий.

С другой стороны, королева была полноправным носителем публичной власти в своих имениях. Ее уполномоченные представители — старосты, наместники, державцы — осуществляли местное управление, обращаясь по многим вопросам к Боне как к высшей судебной-административной инстанции. Единственным документом общегосударственного значения, регламентировавшим действия королевы Боны и составлявшим их правовую основу, был Литовский Статут 1529 г. Локальными источниками права, которые королева подтверждала своими листами, являлись грамоты бывших держателей ее имений, выданные в пользу конкретных субъектов права, областей или категорий населения. Известны и уставные грамоты самой Боны Софрца. В разные годы ею проводились масштабные мероприятия, касавшиеся характера и условий землевладения в большинстве регионов ее владений: документальная ревизия и измерение земель, устроенное согласно «уставы» на волокни.

Передача права церковного патроната подразумевалась, вероятно, во всех случаях перехода недвижимости от одного владельца к другому, но далеко не всегда фиксировалась в документах. Исключение составляют те нечастые случаи, когда в грамотах особо оговаривался переход или же, наоборот, закрепление за пожалователем так называемого права «подавания столиц духовных и всех хлебов духовных». В XV — начале XVI в. этим правом широко пользовались удельные православные князья (Кобринские, Ярославичи, Острожские, Олельковичи), а впоследствии королева Бона. Принимая решения в области назначения священнослужителей на церковные кафедры, настоятельские и архиерейские места, королева действовала независимо от киевского митрополита. Это противоречило постановлениям и государственной (грамоты короля Сигизмунда I Старого 1511 и 1522 гг.), и высшей духовной власти («деяния» Виленского собора 1509 г.), но подобная практика в Великом княжестве Литовском того времени

встречалась повсеместно. С точки зрения канонического права возведение священнослужителя в сан («благословление») было исключительной прерогативой церковных властей. Светские же лица имели возможность попечительствовать патронируемым «духовным столицам», выдвигать своих кандидатов на утверждение высшему духовенству и передавать ставленникам движимое и недвижимое имущество («наданье»), закрепленное за конкретным церковным учреждением. В действительности, судя по всему, в своих имениях королева Бона обладала всеми полномочиями, касавшимися церковной инвеституры.

В западной дипломатике церковные грамоты (акты пап) выделялись в отдельную группу публично-правовых актов²³⁹. В отечественной историографии также предлагались классификационные схемы актовых источников, в которых грамоты из области церковного управления и права составляли обособленный раздел²⁴⁰. В классификационной схеме С.М. Каштанова 1988 г. акты церковных властей относятся к публично-правовым актам и представлены договорно-законодательным (жалованные, уставные, ставленные, благословенные, храмозданные), договорно-распорядительным (грамоты и послания о соблюдении интересов реального контрагента) и распорядительно-агитационным (послания иерархов) видами²⁴¹.

Резюмируя сказанное, следует прийти к выводу, что ряд литовских средневековых актов, включая акты королевы Боны, удельных князей и других крупных литовских феодалов, проблематично отнести к публично-правовым или частноправовым. Такое различение актов не может являться универсальной моделью классификации в силу неоднозначности правового статуса многих средневековых землевладельцев.

---

²³⁹ *Каштанов С.М.* Русская дипломатика. С. 146.

²⁴⁰ *Шумаков С.А.* Грамоты и записи // Обзор грамот Коллегии экономии. М., 1917. Вып. IV. С. 17; *Коробков Н.* Русская дипломатика // Архивное дело. 1939. № 1. С. 34–35; *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М., 1951. Ч. 2. С. 63.

²⁴¹ *Каштанов С.М.* Русская дипломатика. С. 151.

Наследие архива канцелярии Боны Сфорца представлено широким спектром актовых и делопроизводственных источников, попытки систематизации которых неизбежно приведут к смешению понятий частноправового, публично-частного, публично-правового акта. Если следовать классификационной схеме С.М. Каштанова 1988 г., в которой учтены документы не только договорного, но и других видов, окажется, что грамоты метрики королевы Боны находят свои места во всех указанных группах. Помимо разных видов публичных и частных актов, ряд документов метрики можно отнести к 1) публично-частным («присяга» должностных лиц королевы, эквивалент русской крестоцеловальной записи); 2) делопроизводственным (писарские записи, «науки», решения, донесения и т. д.); 3) частно-публичным (челобитные, жалобы, ходатайства и т. д.); 4) частным письмам²⁴².

Даже в рамках конкретной разновидности — например, указных грамот королевы — бывает проблематично однозначно идентифицировать правовую сущность документа. Такие грамоты зачастую одновременно содержат указания по разным вопросам: от общих рекомендаций или инструкций по принятию управленческих и хозяйственных решений до непосредственных указов, обязательных для исполнения. Многосоставная диспозитивная формула позволяет квалифицировать некоторые указные листы королевы Боны и как разновидность договорно-распорядительного или распорядительного видов публично-правовых актов, и как разновидность распорядительного вида частных актов, и как разновидность распорядительного вида делопроизводственных источников²⁴³.

---

²⁴² Там же. С. 150–154.

²⁴³ Позднее С.М. Каштанов писал, что документы распорядительного вида, включающего в себя «такие распоряжения, которые нельзя рассматривать как результат взаимоотношения сторон» следует относить к законодательно-распорядительному надвиду источников (*Каштанов С.М.* Актовая археография. С. 13). Специфика указанных листов и «наук» Литовской метрики требует отдельного изучения.

6.2. Основные разновидности грамот королевы Боны Сфорца православному духовенству и схема их систематизации

Археографы и исследователи Литовской метрики XIX–XX вв. использовали главным образом терминологию источников. Начало разработки понятийного аппарата дипломатики литовско-русских актов было положено составителями Методических рекомендаций по изданию и описанию Литовской метрики²⁴⁴. Эта работа до сих пор сохраняет свою актуальность, хотя многие ее положения в недавнее время были развиты О.И. Хоруженко²⁴⁵. Дальнейшее изучение внутренней формы актов Литовской метрики, составление дробной схемы классификации составляющих ее документов должны способствовать избавлению от терминологической путаницы и развитию актового источниковедения Литовского государства в целом. Подробнее остановимся на некоторых дискуссионных вопросах терминологии грамот королевы Боны.

6.2.1. Термины «привилей», «лист», «грамота» в историографии и источниках

Применительно к значительной по объему массе документов Литовской метрики XV–XVI вв. в историографии утвердился термин «привилей». Он же предлагается для использования составителями Методических рекомендаций 1985 г. как пришедший на смену термину «грамота» в конце XV в.²⁴⁶

Под названием «привилей» М.Н. Ясинский предполагал «три рода совершенно различных по характеру и предмету содержания актов

²⁴⁴ Методические рекомендации. С. 20–40.

²⁴⁵ Хоруженко О.И. Современные принципы публикации. С. 359–364.

²⁴⁶ Методические рекомендации. С. 20; Хорошкевич А.Л. Жалованные грамоты Литовской метрики конца XV века и их классификация // Источниковедческие проблемы истории народов Прибалтики. Рига, 1970. С. 52.

правительственной деятельности»²⁴⁷. К первому роду или «виду» он относил жалованные грамоты «в тесном смысле» и различал среди них: 1) пожалования на недвижимое имущество, 2) подтверждения актов купли-продажи, 3) пожалования титулов и шляхетского достоинства. Ко второму роду он относил льготные грамоты, которые подразделял на «привилегии с более случайным и частным характером» и «привилегии с более общим, публичным характером». И, наконец, в качестве третьего рода назывались жалованные грамоты «охранительного характера» — то есть документы, которыми подтверждались ранее данные пожалования, льготы и «законы»²⁴⁸. Таким образом, М.Н. Ясинский интерпретировал понятие «привилей» как совокупность нескольких разновидностей актов договорно-законодательного вида (данных, уставных, льготных, дозволенных, подтверждающих).

Широкое употребление этого термина в исследовательской литературе связано с тем, что большинство писарских заголовков, составленных к документам метрики при их копировании уже на рубеже XVI–XVII вв., определяло пожалования разного рода именно как «привилеи», что было вызвано усилившейся к этому времени полонизацией канцелярского языка Литовского государства²⁴⁹. Польское слово «*przywilej*» произошло от латинского «*privilegium*», означавшего «*priva lex*» (от *privus* «особый» и *legis* «закон»). В качестве самоназвания актов XV и XVI вв. термин «привилей» не встречается, употребляется в текстах в качестве названия других документов значительно

---

²⁴⁷ Ясинский М.Н. Уставные земские грамоты Литовско-Русского государства. Киев, 1889. С. 10.

²⁴⁸ Там же. С. 10–25.

²⁴⁹ На примере документов 6-й книги записей О.И. Хоруженко рассмотрел бытование терминов «привилей», «грамота» и «лист» в канцелярской практике Литовского государства в конце XV — начале XVI в. Проведенный анализ позволил уточнить ряд представлений, изложенных в Методических рекомендациях 1985 г. (Хоруженко О.И. Современные принципы публикации актов Литовской метрики. С. 359–360).

реже, чем «лист» и, как пишет О.И. Хоруженко, относится в этих случаях к великокняжеским грамотам²⁵⁰.

В текстах грамот метрики королевы Боны «привилеями» чаще всего называются пожалования великих князей, в том числе и грамоты на имения, полученные самой королевой от Сигизмунда I Старого²⁵¹. Наиболее употребительная формула, относящаяся к документам, которые являлись доказательством прав землевладельца на имения, другое недвижимое и движимое имущество, — «листы, привилья и всякие твердости». «Привилеями» не назывались грамоты урядников («листы», «даты»), но в ряде случаев так именовались пожалования удельных князей: Ф.И. Ярославича и его супруги Олены²⁵², Марьи Олелькович²⁵³. Этот же термин употреблялся и в отношении некоторых грамот Боны («привилье нашо», «хотечи твердость и привилей от нас мети»)²⁵⁴. Так, в одном из документов 36-й книги записей королева называла «привилеем» свою уставную грамоту, которая должна была быть составлена и выдана жемайтской волости Новая Воля только после ее «волочного» измерения и создания реестра повинностей местного населения «посланцами» Боны²⁵⁵. Таким образом, «привилеями» назывались не только великокняжеские грамоты, но и просто «господарские» пожалования — то есть пожалования, исходившие от представителей центральной власти в той или иной местности.

---

²⁵⁰ Хоруженко О.И. Современные принципы публикации. С. 359–360.

²⁵¹ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 41 об.; Там же. Кн. 36. Л. 113 об.

²⁵² Там же. Кн. 33. Л. 95 об.; Ревизия пущ и переходов. С. 224.

²⁵³ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 36. Л. 58–58 об.

²⁵⁴ Там же. Кн. 18. Л. 57 об.–58; Там же. Кн. 32. Л. 4 об.–5; Там же. Кн. 33. Л. 104 об.; Ревизия пущ и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском с присовокуплением грамот и привилегий на входы в пущи и на земли, составленная старостой Мстибоговским Григорием Богдановичем Воловичем в 1559 году, с прибавлением другой актовой книги, содержащей в себе привилегии, данные дворянам и священникам Пинского повета, составленной в 1554 году. Вильна, 1867. С. 148, 234, 284.

²⁵⁵ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 36. Л. 77–78.

В работах по источниковедению и археографии истории Украины Н.П. Ковальский одновременно употреблял и термины «лист», «привилей», «грамота», и обобщающие понятия «записи», «документы». Основываясь на номинальном анализе документов, составляющих книги записей Литовской метрики, исследователь называл следующие их основные «разновидности»: «лист» (грамота), «подтвержденье» (подтвержденная грамота), «признанье» (акт признания соответствующих прав), «привилеи»²⁵⁶. В составе 22-й, 37-й, 38-й, 47-й книг записей Н.П. Ковальский выделил двадцать «форм актов записей», «исходя из их разновидностей и содержания»²⁵⁷. Наименования этих «разновидностей» соответствуют писарским заголовкам конца XVI в., помещенным как перед текстами документов, так и в виде отдельно составленного реестра²⁵⁸.

Среди «листов-грамот», как наиболее распространенной категории документов Литовской метрики, Н.П. Ковальским было выделено семь «разновидностей»: 1) «листы»-наказы представителям местной администрации по внутривоеводическим и военным вопросам; 2) «листы»-распоряжения, направленные местной администрацией по хозяйственным и финансовым вопросам; 3) «листы» о предоставлении земельных владений и крестьян феодалам; 4) «листы» с разрешением организовывать ярмарки и торги, открывать корчмы; 5) «листы»-разрешения на беспошлинную торговлю; 6) «листы», представляющие собой имущественные (главным образом, земельные) сделки между феодалами; 7) «листы» о взаимоотношениях между светскими и духовными феодалами²⁵⁹. В основе этого деления лежит тематический принцип; исследователем учитывались и критерии авторства и адресата, и сфера

---

²⁵⁶ Ковальский Н.П. Источники по истории Украины XVI–XVII вв. в Литовской метрике и фондах приказов ЦГАДА. Днепропетровск, 1979. С. 15.

²⁵⁷ Там же. С. 14.

²⁵⁸ См., напр.: Lietuvos metrika. Knyga Nr. 22 (1547). Užrašymų knyga 22. Vilnius, 2010. P. 3–8; Lietuvos metrika. Knyga Nr. 37 (1552–1561). Užrašymų knyga 37. Vilnius, 2011. P. 54–90.

²⁵⁹ Ковальский Н.П. Источники по истории Украины. С. 15–17.

социального воздействия документа. Как видно из примеров, приведенных Н.П. Ковальским к каждой из этих «разновидностей», здесь представлены акты договорно-распорядительного (указные листы, «науки»), договорно-законодательного (данные, дозволенные, льготные листы), договорного (продажные листы) видов.

«Привилеями» Н.П. Ковальский считал документы, фиксировавшие «пожалования магнатам, шляхтичам (“земьянам”), представителям местной королевской администрации на недвижимое имущество, организацию ярмарок, мещанам — на беспошлинную торговлю». В отличие от близких к ним «листов», «привилеи не содержат распоряжений, наказов и других норм подобного императивного характера»²⁶⁰. Следуя логике исследователя, к «привилеям» в таком случае следует относить те же данные, дозволенные и льготные грамоты, идентичные по своей функции одновременно нескольким «разновидностям» листов.

Номинальный анализ писарских заголовков также лег в основу выявления Н.П. Ковальским основных «видов» записей, составлявших книги судебных дел Литовской метрики²⁶¹. Классифицируя «по происхождению и видовым признакам» документы, опубликованные в XIX–XX вв., исследователь в большей степени основывался на тематическом и номинальном принципах²⁶².

Г.В. Боряк и С.В. Абросимова насчитали 45 различных наименований документов в книгах записей и 98 в книгах судебных дел Литовской метрики. По мнению авторов, номинальный анализ актов подтверждает отсутствие в

---

²⁶⁰ Там же. С. 18.

²⁶¹ Там же. С. 24.

²⁶² *Ковальский Н.П.* Источниковедение истории Украины (XVI — первая половина XVII века). Ч. I. Анализ советских археографических публикаций документальных источников. Днепропетровск, 1977; *Он же.* Источниковедение и археография истории Украины XVI — первой половины XVII века в. Ч. II. Анализ дореволюционных отечественных публикаций источников. Днепропетровск, 1978.

канцелярии Великого княжества Литовского «терминологической чистоты» в названиях грамот одной и той же разновидности²⁶³.

Выявление, учет и анализ устоявшихся номинальных признаков источников — их самоназваний и названий, встречающихся в тексте, — является важной составляющей в развитии дипломатики литовско-русских актов. В то же время построение классификационных схем актовых источников не может быть основано только лишь на номинальном признаке. Некоторые современные литовские и украинские археографы продолжают «типологизировать» документы Литовской метрики в соответствии с терминологией писарских заголовков конца XVI в., поэтому «привилеи» (наряду с «листами» и «потверженьями») в их представлении являются одной из основных разновидностей документов архива канцелярии Литовского государства²⁶⁴.

Проанализировав около пяти тысяч актов Литовской метрики, относящихся к 1522–1552 гг., В.С. Менжинский «по содержанию и видовым признакам» различил пять «подгрупп» документов: 1) «жалованные и подтвердительные акты; 2) указные грамоты (“листы”); 3) судебные акты; 4) акты-записи; 5) акты частноправовых сделок между феодалами»²⁶⁵. В соответствии с классификационной схемой С.М. Каштанова 1988 г. здесь одновременно представлены акты договорно-законодательного, договорно-распорядительного, судебно-процессуального, договорного видов, а также делопроизводственные источники²⁶⁶.

---

²⁶³ Боряк Г.В., Абросимова С.В. Разновидности актовых документов Литовской метрики // Проблемы применения количественных методов анализа и классификации источников по отечественной истории. Днепропетровск, 1988. С. 86–88.

²⁶⁴ Lietuvos metrika. Knyga Nr. 32 (1548–1549). Užrašymų knyga 32. Vilnius, 2012. P. XII.

²⁶⁵ Менжинский В.С. Феодалное землевладение в Белоруссии во второй четверти XVI в.: автореф. дис. канд. ... ист. наук. М., 1988. С. 8–9.

²⁶⁶ Каштанов С.М. Русская дипломатика. С. 150–154.

В.С. Менжинский, следуя, вероятно, Методическим рекомендациям 1985 г., относит к «листам» только указные грамоты²⁶⁷. Подобную трактовку этого термина О.И. Хоруженко считает «неправомерно зауженной», что подтверждается номинальным анализом документов любой из книг Литовской метрики, относящейся к концу XV — первой половине XVI в.²⁶⁸

В источниках изучаемого времени термин «лист» употребляется широко, зачастую неопределенно и по своему объему, как и московско-русская «грамота», совпадает с понятием «документ». В этой связи использование термина «лист» (а не «привилей» или «грамота») при построении схем систематизации и составлении издательских заголовков к актовым источникам Литовской метрики представляется наиболее целесообразным. Термин «грамота» в дипломатике литовско-русских актов вполне возможно употреблять как общепринятый и синонимичный «листу».

А.Л. Хорошкевич провела классификацию «жалованных грамот» Великого княжества Литовского конца XV в. Ею назывались следующие разновидности грамот: данные, несудимые, меновные, отдельные, купчие, льготные, на устройство торгов, на аренду мыт, на устройство става²⁶⁹. Большая часть действий, совершавшихся представителями публичной власти в пользу того или иного контрагента, оформлялась в виде пожалования, поэтому в качестве обобщающего наименования подобных актов действительно можно использовать

---

²⁶⁷ Методические рекомендации. С. 25. При публикации актов их архива канцелярии Радзивиллов М.М. Кром точно так же сохранил самоназвание многих документов «лист» «только в отношении грамот распорядительного характера» (Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. VI. Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки: первая половина XVI в. М., Варшава, 2002. С. 21–22). Ср. также: Груша А.І. Метадычныя рэкамендацыі па публікацыі рукапісных актавых кірылічных крыніц у Беларусі (XIII–XVIII ст., перыяд Вялікага княства Літоўскага). Мінск, 2003. С. 70–71.

²⁶⁸ Хоруженко О.И. Современные принципы публикации. С. 360.

²⁶⁹ Хорошкевич А.Л. Жалованные грамоты. С. 52.

термин «жалованные грамоты». Очевидно, что их следует относить к договорному и договорно-законодательному видам.

6.2.2. Подтвердительные листы

Еще одной разновидностью грамот А.Л. Хорошкевич предлагала признать подтвердительные грамоты, отмечая при этом, что они «имеют все те же виды (подразновидности? — А.Б.) грамот, что и жалованные»²⁷⁰. Самостоятельным видом «привилеев» называл грамоты охранительного характера М.Н. Ясинский, подразумевая под ними великокняжеские «потверженья» (см. выше). Точно так же и Н.П. Ковальский одним из наиболее распространенных «видов» актовых записей считал «потвержения», различая на основании критерия адресата подтвердительные грамоты 1) магнатам и шляхтичам, 2) мещанам и 3) духовенству²⁷¹.

«Выделение подтвердительных грамот из общей массы жалованных, — писала А.Л. Хорошкевич, — могло бы пролить новый дополнительный свет на земельную политику Казимира и Александра»²⁷². Таким же образом ситуация может обстоять и с деятельностью королевы Боны по отношению к западнорусскому духовенству. В отличие от пожалований костелам, которые Бона основывала в своих владениях и в которые делала вклады, ее вклады православным церквам неизвестны. Однако существование грамот, при помощи которых она подтверждала «наданья» и вклады своих «предков» по землевладению — фундаторов (ктиторов) церквей, свидетельствуют о попечительстве королевы над православным духовенством, соблюдении его прав и интересов.

Следует полагать, что подтвердительные грамоты нужно считать не самостоятельным видом, но разновидностью грамот договорного и договорно-законодательного видов. Таким образом, выделяются подтвердительные данные

²⁷⁰ Там же. С. 53.

²⁷¹ Ковальский Н.П. Источники по истории Украины. С. 19–20.

²⁷² Хорошкевич А.Л. Жалованные грамоты. С. 53.

листы, подтвердительные дозволенные листы, подтвердительные ставленные листы и т. д.

На примере грамот, адресованных православному духовенству, видно, что листами королевы подтверждались 1) пожалования ее предшественников по землевладению; 2) пожалования ее урядников и других уполномоченных лиц; 3) частноправовые сделки. Подтвердительные листы, очевидно, не изменяли сути и объема первоначального пожалования, закрепленного в грамоте-протографе. В то же время выдача такого документа не лишала юридической силы ранее выданные грамоты, которые продолжали храниться у их получателей и предъявлялись ими во время проверки прав на землю.

В 1550 г. королева подтвердила архимандриту пинского Лещинского монастыря Макарию права на дворище в с. Вешеневичи, которое было дано в 1514 г. князем Ф.И. Ярославичем и княгиней Оленой²⁷³ в пожизненное владение их духовнику Василию Демьяновичу с правом переписать его на любую церковь²⁷⁴. Постригшись под именем Варлаам и став епископом пинским и туровским, бывший духовник Ярославичей «записал» «на вечныи часы по животе своем» указанное дворище монастырской церкви Успения Богородицы, на что выдал архимандриту соответствующую грамоту. Прежде чем удовлетворить челобитье о подтверждении этого вклада, Бона поручила старосте П.К. Мыльскому ознакомиться с упомянутыми документами, а уже затем «увязать» Макария в церковное владение. На основании одновременно всех трех грамот — данной князей Ярославичей, вкладной Варлаама, увязчей Мыльского — королева выдала свой подтвердительный лист.

Как и русские подтвердительные жалованные грамоты, этот лист Боны «в какой-то мере близок» по своей форме к подтвердительным *видимусам*²⁷⁵. В его наррации подробно изложено содержание источников пожалования, упомянуты

---

²⁷³ Грушевский А.С. Пинское Полесье XIV–XVI вв. // Исторические очерки. Киев, 1903. Пинские акты. № XVI. С. 21; РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 51–51 об.

²⁷⁴ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 24 об.–25 об.

²⁷⁵ Каутанов С.М. Актовая археография. С. 91–92.

удостоверительные знаки грамоты епископа Варлаама (присутствие в документе оттиска его печати и печатей свидетелей составления сделки), лист издан от имени королевы «в качестве действующего юридического документа»²⁷⁶. Оригиналы упомянутых документов могли отложиться в составе монастырского архива и впоследствии подтверждаться другими лицами.

Подобными признаками сборников удостоверительных видимусов обладают «записовые» книги 1554 и 1559 гг., составленные при проверке прав землевладельцев Пинского, Клецкого княжеств и других земель. Эти книги, как уже говорилось выше, использовались в дальнейшем в господарской канцелярии как источник справок — то есть подлинность и достоверность содержащихся в них сведений не подлежала сомнению. В писарских записях, предшествующих текстам внесенных в книги грамот, во многих случаях описаны внешние признаки документов: материал письма (пергамен и бумага), вид печатей (вислые, прикладные, прикладные под кустодией), а также наличие подписи («рукоприкладства») юридического автора²⁷⁷. При внесении документов в такую же «записовую» книгу в 1533 г. были выявлены подложные грамоты: «Нижъли тотъ листъ того боярина найденъ быти не яко подозренный, печать к нему какъ бы фальшивая приложона»²⁷⁸.

---

²⁷⁶ Там же. С. 91.

²⁷⁷ *Напр.*: «поп... оказалъ прывилья... на паркаmine писаныи под прывесистыми печатями, а третий прывилей... на папере писаный, под кустодейную печатью»; «тотъ листъ съ подписью руки... королевое и великое кнегини Боны» (Ревизия пуц и переходов. С. 221, 118 и др.).

²⁷⁸ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 18. Л. 80 об.–81. Судьба этих поддельщиков осталась неизвестной. По Статуту 1529 г. «фалшеры» предавались смертной казни через сожжение (Кауштанов С.М. Исследования по истории княжеских канцелярий средневековой Руси. М., 2014. С. 361; Zbiór praw litewskich od roku 1389 do roku 1529 tudzież rozprawy sejmowe o tychże prawach od roku 1544 do roku 1563. Poznań, 1841. S. 148; Литовский Статут 1529 года // Временник императорского московского общества истории и древностей российских. Кн. 18. Раздел II. Материалы. М., 1854. С. 3).

Наряду со случаями, когда изначальное пожалование осуществлялось на законных основаниях, и Бона его подтверждала в соответствии с установившейся правовой традицией, были и другие, не обязывавшие королеву выступать гарантом прав и привилегий местного населения. В подтвердительном данном листе боярам Селецкой волости на «землицу» Бона особо указывала, что предыдущий держатель Сельца Станислав Янович Виштортович не имел права раздавать землю, так как это владение «не на вечность ему было дано». По закону нелегитимно пожалованные имения должны были «спасть» на королеву, однако она «з особливое ласки» оставила землю за ее держателями, выдав им на то свою грамоту²⁷⁹. Такую же ситуацию наблюдаем и в случае с некоторыми пожалованиями Ф.И. Ярославича, который «не мел моцы» даровать землей²⁸⁰. Вероятно, подобные «незаконные» грамоты все же продолжали иметь юридическую силу после удостоверения Боной легитимности закрепленных в них «данин».

Земельные и должностные пожалования, осуществлявшиеся урядниками королевы и другими ее должностными лицами (дворянами, посланцами, комиссарами) требовали подтверждения Боны. Остается неизвестным, был ли регламентирован срок, в течение которого получатель грамоты должен был подтвердить ее у королевы. В марте 1524 г. Бона восстановила в правах нескольких пинских бояр, приехавших в Краков с жалобами на «кривды», причиненные им князем Ф.И. Ярославичем и его супругой. В своем листе она указывала старосте И.М. Хоревичу выдать им соответствующие данные листы, скрепленные его печатью, после чего предписать им в трехмесячный срок вновь явиться ко двору для получения от королевы подтвердительного листа («и ты бысь приказаль ему оть того часу по трех месяцех до насъ быти на потвержение»)²⁸¹. В грамоте 1555 г. старосте С. Фальчевскому также указывалось выдачей своего листа восстановить в правах пинского землянина, однако сведений

---

²⁷⁹ Ревизия пущ и переходов. С. 149.

²⁸⁰ Там же. С. 256-258.

²⁸¹ Там же. С. 65-66, 123-124.

о необходимости получения подтверждения от Боны в этом документе не имеется²⁸². Возможно, соблюдение трехмесячного срока все же являлось обязательной нормой, но скорее всего получатели грамот могли годами обходиться без их утверждения центральной властью, имея на руках документы, выданные королевскими урядниками.

Частные сделки купли-продажи, дарения и мены подданных Боны требовали ее подтверждения точно так же, как совершение подобных сделок «дозволялось» и утверждалось великокняжеской властью в масштабах всего государства²⁸³. В продажном листе королевы нареченному владыке владимирскому Иоанну (И.Я. Борзобогатому) на имения Луцкого повета упоминается дозволение Сигизмунда II Августа на проведение этой сделки²⁸⁴. Очевидно, что утверждение Боней частноправовых договоров в разных случаях или предшествовало их заключению (то есть являлось буквальным разрешением — «дозволением») или происходило *post factum*, окончательно придавая им законную силу. Сроки подтверждения уже совершенных сделок опять же не ясны. Так, 28 марта 1527 г. королева подтвердила земельную мену священника пинской Юрьевской церкви с местными боярами, произошедшую за полтора года до этого (1525 г. октября 29)²⁸⁵.

6.2.3. Ставленные листы

Юридическая сущность сделки, закрепленная в диспозитивной части актов, которыми осуществлялось то или иное пожалование, чаще всего выражена

²⁸² РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 36. Л. 58–59.

²⁸³ Эта необходимость была закреплена еще в Городельском привелее 1413 г. (Любавский М.К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого Литовского Статута. М., 1892. С. 585) и впоследствии утвердилась в Статуте 1529 г. (Zbiór praw litewskich. S. 155–156; Литовский Статут 1529 года. С. 6–7).

²⁸⁴ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 41 об.–43.

²⁸⁵ Описание рукописного отделения Виленской публичной библиотеки. Вып. V. Вильна, 1906. Приложения. № 17. С. 14–15.

глаголом «дал». Таким образом, значительную часть жалованных грамот Литовской метрики следует трактовать как «данные листы». Встречаются их различные самоназвания и названия — «листы», «привилеи», «данины», «даты».

Определение разновидности акта на основании инфинитивной формы его юридической клаузулы предпочтительно, но не всегда оправдано. Так, сущность пожалований, временно освобождавших определенных лиц или категории населения от выполнения повинностей, может быть выражена глаголами «отпускаем»²⁸⁶, «вызволяем»²⁸⁷, оборотом «воли дали и сим листом даем»²⁸⁸. Очевидно, что определение таких грамот как «отпускных», «вызволенных» или «данных на льготу» нецелесообразно, так как в историографии вполне утвердился термин «льготный лист», который полностью характеризует правовое содержание подобных документов. Арендные листы могут иметь в диспозиции и глагол «арендовали», и глагол «запродали», однако наименование этих грамот «продажными листами на аренду мыта (корчмы, озера)» едва ли уместно.

Ставленные листы в своем большинстве имеют форму данных грамот и содержат в диспозиции глагол «дать». Учитывая то, что 1) целеполагание создания этих документов заключалось в регулировании конкретной сферы социально-экономических отношений (общественный институт церковного патроната); 2) термин русской дипломатики «ставленная грамота» имеет схожее правовое содержание; 3) этот термин известен литовским источникам первой половины XVI в.²⁸⁹ — он может быть использован в терминологии литовской дипломатики для обозначения акта, утверждающего права на священноначалие.

Методическими рекомендациями 1985 г. подобные акты, судя по всему, предлагается называть «жалованными уставными», то есть грамотами, «устанавливающими юридический статус должностных лиц или различных групп

---

²⁸⁶ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 25 об.

²⁸⁷ Там же. Л. 71.

²⁸⁸ Там же. Кн. 36. Л. 40 об.

²⁸⁹ Русская историческая библиотека. СПб., 1878. Т. 4. Памятники полемической литературы в Западной Руси. Кн. 1. С. 9.

населения». Здесь остается непонятной разница с «привилеями» (просто «жалованными грамотами»), «согласно которым передаются права на занятие должностей или даруются чины». Для первого случая в качестве примера составителями Методических рекомендаций приведен лист на архимандритство, для второго — лист на воеводство и канцлерство²⁹⁰. Великокняжеским пожалованием, выданным на тот или иной уряд (светский или духовный), в любом случае фиксировался статус получателя и передавался ряд определенных полномочий — даже если это не было специально оговорено в тексте источника. Под уставными грамотами все же следует понимать только «грамоты, регламентирующие основные принципы управления и суда различных социальных категорий населения»²⁹¹. Пожалования светских административных должностей целесообразно именовать данными листами (на воеводство, на войтовство и т. д.); пожалования духовных санов — ставленными листами.

Выдача ставленных грамот в древней христианской церкви практиковалась с V–VI вв., в Северо-Восточной Руси с XI–XII вв.²⁹². Ставленные грамоты «представляют собой документ о том, что получивший его священнослужитель был... последовательно возведен из мирянина в чтеца, поддиакона, диакона и пресвитера и поставлен к определенному храму епархии. Благословенная грамота подтверждает права священнослужителя, уже имевшего ранее ту или иную степень священства, совершать богослужения и обряды»²⁹³.

---

²⁹⁰ Методические рекомендации. С. 21, 23.

²⁹¹ Там же. С. 23.

²⁹² Черкасова М.С. Корпус актовых источников по севернорусским епархиям XVI–XVII вв. // Проблемы дипломатики, кодикологии и актов археографии: Материалы XXIV междунар. науч. конф. Москва, 2–3 февр. 2012 г. М.: РГГУ, 2012. С. 120. Появление русских благословенных и ставленных грамот среди документов церковных властей С.М. Каштанов относит к XV в. (*Каштанов С.М. Русская дипломатика*. С. 151).

²⁹³ Полознев Д.Ф. Благословенные и ставленные грамоты Ростовской и Вологодской епархий XVI–XVII веков из фондов отдела письменных источников Государственного исторического музея // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 1995. Вып. VIII. С. 49–57.

Принимая во внимание особенности функционирования института церковной инвеституры в Литовском государстве, под ставленным листом следует понимать документ, при помощи которого представители светской власти закрепляли за тем или иным священнослужителем право единоначалия в отношении конкретной церкви, монастыря или архиерейской кафедры с передачей ему прав на недвижимое имущество. Ставленные листы являются разновидностью актов договорно-законодательного вида и образуют подразновидности: 1) на священство (поповство), 2) на игуменство, 3) на владычество (епископство)²⁹⁴.

В диспозиции ставленных листов на священство обороты, выражающие юридическую сущность акта, формулируются как «церковь дали», «мает церковь держати», «мает попом быти». Ставленные листы на игуменство содержат в диспозиции обороты «манастырь дали», «мает монастырь держати»; листы на владычество — «владыцтво дали», «мает владыкою быти», «мает владыцтво держати».

При подтверждении королевой Боной пожалований «хлебами духовными», которые были осуществлены ее урядниками или предшественниками, соответствующие грамоты следует называть подтверждательными ставленными листами. Они содержат отсылку к более ранним ставленным листам, выданным тому же адресату, и также являются самостоятельной разновидностью. Таким образом, акт, подтверждающий права священнослужителя на конкретный объект «подавания» — например, подтверждательный лист на поповство в определенной церкви — образует уже подразновидность. В их диспозиции употребляются обороты «потвержаемъ», «дали» и т. д.

Вероятно, среди актов Великого княжества Литовского следует различать 1) ставленные архиерейские листы, выдававшиеся церковными властями в соответствии с каноническим правом, и 2) ставленные светские листы, получившие широкое распространение вследствие действия права церковного

---

²⁹⁴ Бондаренко А.А. Проблемы терминологии и классификации грамот метрики королевы Боны // Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археографии: Материалы XXIV междунар. науч. конф. Москва, 2–3 февр. 2012 г. М.: РГГУ, 2012. С. 199–202.

патроната. Ни один из известных ставленных листов королевы Боны и ее урядников не содержит отсылок к благословенным и рукоположенным грамотам (хиротониям) церковных иерархов. Сам документ предписывал ставленникам исполнение культовых обязанностей в соответствии с каноном — «водлуг закону греческого». При этом факт получения иерейского или архиерейского места, вероятно, приравнивался к занятию административной должности, связанной с исполнением определенного набора обязанностей: священники проводили церковные службы в соответствии с «урядом и повинностью своею»²⁹⁵.

При сочетании видовой классификации с классификацией по признакам происхождения схема систематизации актов выглядит довольно громоздко. Однако подобное сочетание позволяет в большей степени конкретизировать социальные и правовые функции акта той или иной разновидности. Например, «подтвердительный ставленный лист королевы Боны Федору и Василию Рябцам “на половицу” церкви Рождества в г. Кобрине, на условии опеки старого попа Бориса Еремеевича»²⁹⁶ следующим образом вписывается в схему систематизации актовых источников:

надвид: акты

вид: договорно-законодательный,

разряд: публичный акт,

подразряд: публичный светский акт,

подвид: ставленный лист,

разновидность: подтвердительный ставленный лист,

подразновидность: подтвердительный ставленный лист на священство,

надподразновидность: подтвердительный ставленный лист на священство

при условии опеки.

6.2.4. Данные и дозволенные листы

---

²⁹⁵ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 46 об.

²⁹⁶ Приложение 1. № 42.

В отношении передачи права опеки над тем или иным объектом «подавания», вероятно, следует отличать ставленные грамоты от данных и дозволенных. Наличие между ними различий объясняется особенностями функционирования института церковного патроната в Литовском государстве и находит отражение в оборотах диспозитивной части некоторых документов.

Ставленными листами, как уже было сказано, за получателем закреплялся весь объем прав, связанных с проведением священнослужительской деятельности и распоряжением церковным имуществом. Ставленники утверждались пожизненно («до живота»). Передача права опеки над патронируемым церковным учреждением другому лицу, очевидно, не означала переход патроната как такового и носила временный характер. По своей форме опекунство скорее приближалось к праву попечительства или покровительства (*jus patronatus*). В изучаемое время опекунами большей частью являлись светские лица, поэтому назначение великокняжеской или частновладельческой властью опекуна для церковного учреждения, возможно, следует рассматривать как его передачу в кормление. Прерогативами опекуна было управление экономической и хозяйственной деятельностью опекаемого объекта, право взимания податей, поступавших в его пользу, право выбора и поставления священнослужителя (либо рекомендации кандидата своему господарю). Объем этих прерогатив, передававшихся патроном опекуну, и срок их использования разнился в зависимости от характера каждого конкретного пожалования опекунства или дозволения пользоваться теми или иными привилегиями в отношении церковных учреждений.

В 1536 г. Сигизмунд I Старый передал князю Ю. Слуцкому право назначения архимандрита киевского Печерского монастыря. Это пожалование было совершено еще при жизни действовавшего настоятеля Геннадия: «кгда... в животе не станет... мает князь Юрий оный манастыр к руком своим взяти и дати его тому держати, кому воля его з законом греческого будет». После смерти ставленника князя Слуцкого прерогатива поставления местного архимандрита

возвращалась великому князю²⁹⁷. Возможность князя распоряжаться доходами и имуществом монастыря в этой грамоте не оговаривается, хотя не исключено, что по смерти Геннадия к нему все же переходило право так называемого *jus regaliū* — право светского феодала «пользоваться доходами кафедры в период от смерти епископа до назначения нового»²⁹⁸.

В случае, когда в грамоте патрона (господаря) специально не оговаривается право опекуна на пользование материальными ресурсами церковного учреждения, и правовое содержание этого документа сводится только к разрешению на осуществление каких-либо действий в отношении внутрицерковного устройства, такую грамоту предлагается называть дозволенной. В отличие от нее данная грамота предусматривает полную передачу прав по церковному управлению опекуну (но не передачу права светского патроната)²⁹⁹. Грамота, содержащая временное разрешение на управление церковным имуществом (или его частью) и участие во внутрицерковной жизни, может именоваться данной дозволенной.

Под «дозволенным листом» Литовский Статут 1529 г. подразумевает документ, которым великий князь или его урядники разрешали осуществление частноправовых сделок купли-продажи, мены или дарения³⁰⁰. С формальной стороны дозволенный лист должен был предварять заключение любой сделки, однако на самом деле многие совершенные правовые действия приобретали законную силу уже через подтверждательные великокняжеские листы³⁰¹.

Представляется целесообразным рассматривать дозволенные грамоты как самостоятельную разновидность актов договорно-законодательного вида, а не приравнивать их к подтверждательным листам, как это предлагает

---

²⁹⁷ Lietuvos metrika. Knyga Nr. 19 (1535–1537). Užrašymų knyga 19. Vilnius, 2009. № 37. P. 94–95.

²⁹⁸ Флоря Б.Н. Исследования по истории церкви. М., 2007. С. 45.

²⁹⁹ «З воли и порученья в опеце и обороне маючи» (РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 36. Л. 28–29).

³⁰⁰ Zbiór praw litewskich. S. 155–156; Литовский Статут 1529 года. С. 6–7.

³⁰¹ Любавский М.К. Областное деление. С. 586.

О.И. Хоруженко³⁰². Эти грамоты являлись буквальным разрешением центральной власти на осуществление какого-либо действия (либо действий), но не утверждением уже произошедшей сделки или события. Понятно, что юридическая сущность таких документов выражена формулой «дозволить есми» с присовокуплением к ней инфинитивной формы глагола, описывающего суть и содержание «дозволяемого» действия. Инфинитивная форма далеко не всегда представлена глаголом «дать». Так, диспозиции двух грамот, выданных старостами королевы Боны И.В. Владычичу Пинскому как разрешение на постройку плотины и перенесение торговых лавок с городского рынка, имеют следующий вид: «дозволили есмо... езь заробити и его держати и вживати»; «дозволил есми... шесть комор перенести... або... поставити и их держати и вживати»³⁰³. Несмотря на то, что правовая сущность дозволенного листа выражается инфинитивной формой его юридической клаузулы, специфическим признаком этой разновидности актов следует скорее считать его «разрешительный» характер. Само господарское дозволение на совершение того или иного действия определяет ту «узкую сферу воздействия»³⁰⁴, для регулирования которой была предназначена эта разновидность актовых источников. К таким сферам можно, например, отнести сферу церковной инвеституры, сферу торговли и налогообложения, сферу перераспределения земельной собственности и т. д. Таким образом, предлагаемые А.Л. Хорошкевич разновидности жалованных грамот «на устройство става» и «на устройство торгов» скорее следует считать подразновидностями дозволенных листов³⁰⁵. Из области патроната известны данные дозволенные листы Боны и ее урядников на управление церковными учреждениями.

---

³⁰² Хоруженко О.И. Современные принципы публикации. С. 362–363. Ср.: Груша А.І. Метадычныя рэкамендацыі па публікацыі рукапісных актавых кірылічных крыніц у Беларусі (XIII–XVIII ст., перыяд Вялікага княства Літоўскага). Мінск, 2003. С. 61.

³⁰³ Ревизия пущ и переходов. С. 283; Приложение 1. № 51, 52.

³⁰⁴ Каиштанов С.М. Очерки русской дипломатики. С. 19.

³⁰⁵ Хорошкевич А.Л. Жалованные грамоты. С. 52.

В ставленном листе королевы Боны К.В. Жабе на ковельский Свято-Троицкий монастырь упоминается дозволенный данный лист старосты Б.М. Семашко, согласно которому Жаба «за дозволеньем» «у своимь дозренью, порученью и справе... со всимь наданьемъ его мель и его заведаль». В грамоте королевы К.В. Жаба назван священником, а не игуменом, так как, имея в опеке Троицкий монастырь, он оставался попом городской церкви Успения Богородицы. Как следует из наррации акта, в его челобитной содержалось прошение «дать» монастырь, а не «подтвердить» пожалование старосты Богдана Семашко³⁰⁶.

Другим листом Б.М. Семашко «дал заведати» попу Лаврентию Ивановичу церковь св. Спаса в месте Вижва. Вместе с этим староста разрешил («дал и дозволил») священнику пользоваться частью доходов с этой церкви. Само поставление и утверждение права на распоряжение доходами было осуществлено королевой³⁰⁷.

Вероятно, глагол «заведать» подразумевал временный характер управления церковным учреждением и его имуществом. Глагол «держать», свойственный ставленным листам («мает попом быти и всих пожитков держати»), подчеркивал «доживотное» закрепление учреждения вместе с его «наданьем» за ставленником.

Не только старосты, но и сама королева Бона выдавала дозволенные данные листы на управление церковными учреждениями. Такую грамоту на управление пинским Варваринским монастырем и право распоряжения частью монастырского имущества («некоторыми речьми») получила землянка У.Ю. Почаповская, которая также должна была опекать престарелую «теперешнюю» игуменью. Основанием для выдачи этого документа явилось «позволение» игуменьи получения Почаповской опекунских полномочий³⁰⁸.

---

³⁰⁶ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 87 об.–88.

³⁰⁷ Там же. Л. 88 об.–89 об.

³⁰⁸ Там же. Кн. 33. Л. 111–111 об.

6.2.5. Схема систематизации грамот, выданных королевой Боной Сфорца и ее урядниками православному духовенству Великого княжества Литовского

Ниже приводится схема систематизации грамот, адресованных представителям православных духовных корпораций Литовского государства и выходцам из духовного сословия. В ее основе находится классификационная схема русских актов, предложенная в 1988 г. С.М. Каштановым³⁰⁹. В скобках указаны номера документов в соответствии с их расположением в Приложении 1.

I. Акты

1) *Договорный и договорно-законодательный виды:*

1.1. Данные листы:

1.1.1 на земли:

1.1.1.1 на землю вместо дани (47),

1.1.1.2 на сельцо при условии несения боярской службы (64);

1.1.2 на часть «наданья» (27);

1.1.3 на опеку:

1.1.3.1 имений (67),

1.1.3.2 монастыря (59);

1.1.4. подтверждающие данные листы:

1.1.4.1 на «наданье» (2, 48, 50, 63, 74),

1.1.4.2 на земли (6, 36, 75);

1.2. Данные льготные листы:

1.2.1 подтверждающие данные льготные листы (13);

1.3. Дозволенные листы:

1.3.1 на постройку плотины (51),

1.3.2 на перенесение торговых лавок (52),

1.3.3 подтверждающие дозволенные листы:

1.3.3.1 на постройку плотины (54);

---

³⁰⁹ Каштанов С.М. Русская дипломатика. С. 150–154.

1.4. Данные дозволенные листы:

1.4.1 на опеку:

1.4.1.1 монастыря с правом распоряжения имуществом (25, 56, 70),

1.4.1.2 церкви с правом распоряжения имуществом (26);

1.5. Меновные листы:

1.5.1 на дворище (7),

1.5.2 подтвердительные меновные листы:

1.5.2.1 на дворец (5);

1.6. Продажные листы:

1.6.1 на войтовство (20),

1.6.2 на имения (22);

2) Договорно-законодательный вид:

2.1. Ставленные листы:

2.1.1 на владычество (12, 24, 53),

2.1.2 на игуменство (30, 58, 69),

2.1.2.1 при условии опеки старой игуменьи (57),

2.1.3 на священство (8, 28, 29, 32, 43, 45),

2.1.3.1 при условии опеки старого попа (18),

2.1.4 подтвердительные ставленные листы:

2.1.4.1 на священство (9, 31, 46):

2.1.4.1.1 при условии опеки старого попа (41, 42);

3) Договорно-распорядительный вид:

3.1. Указные листы о действиях властей в пользу реального контрагента:

3.1.1 о назначении попом (1),

3.1.2 об учинении суда (3, 4, 37),

3.1.3 о не нарушении прав церковных людей (21),

3.1.4 о выдаче десятины (10, 19),

3.1.5 об уступлении владений (23);

3.2. Увязчие листы:

3.2.1 в дворище (35),

3.2.2 в сельцо (65);

3.3. Квиты на волокы (76);

4) *Распорядительный вид:*

4.1. Указные листы:

4.1.1 о назначении судьями (38, 44, 61),

4.1.2 о предоставлении листов на корчму (39),

4.1.3 о разбирательстве жалобы (55, 73),

4.1.4 о дозволении входить в пуши (60),

4.1.5 о перенесении срока суда (71),

4.1.6 о прибытии в суд (72);

5) *Судебно-процессуальный вид:*

5.1. Судовые листы:

5.1.1 о принятии присяги (15),

5.1.2 о земле (17, 33, 62),

5.1.3 о держании корчмы (40),

5.1.4 о подтверждении дани (49),

5.1.5 о не нарушении границ (68);

II. Делопроизводственные документы

1) *Распорядительный вид:*

1.1 Писарские записи:

1.1.1 об убийстве и освидетельствовании убитого (11),

1.1.2 об ограблении (14),

1.1.3 об отказе принимать «присягу» (16);

2) *Регистрационно-учетный вид:*

2.1 Реестры:

2.1.1 церковного имущества (34),

2.1.2 частного имущества (66).

Схема систематизации грамот королевы Боны православному духовенству приобретает несколько иной вид, если учесть теоретические разработки С.М. Каштанова, обнародованные в 1998 г.³¹⁰ В соответствии с ними изучаемые грамоты относятся одновременно к нескольким надвидам внутри рода документальных источников. Надвид акты представлен договорным (меновные, продажные листы), договорно-законодательным (данные, дозволенные, ставленные листы), договорно-протокольно-резолютивным (судовые листы), договорно-распорядительным (указные листы о соблюдении интересов реальных контрагентов), договорно-регистрационно-учетным (увязчие листы, квиты) видами. Законодательно-распорядительный надвид представлен распорядительным видом (указные листы). Регистрационно-описательный надвид представлен регистрационно-удостоверительным видом (писарские записи).

***

В данной главе были рассмотрены вопросы классификации, систематизации и терминологии актовых и делопроизводственных источников метрики королевы Боны.

Деление актов на «удостоверительные» и «осведомительные», несмотря на свое распространение в отечественной (А.С. Лаппо-Данилевский) и западной историографии, является сугубо условным и основано на широком понимании объекта дипломатики. Следует четче дифференцировать документы актового и неактового характера. Различение публично-правовых и частноправовых актов также не может являться универсальной моделью классификации в силу

---

³¹⁰ *Каштанов С.М.* Актовая археография. С. 12–15.

неоднозначности правового статуса многих средневековых (например, литовских) феодалов.

Одним из распространенных критериев классификации актов Литовской метрики является тематический принцип, являющийся искусственной конструкцией, основанной на субъективной интерпретации содержания документа. Построенным на объективных свойствах источника классом совокупности интеллектуальных продуктов является вид. Разработка схем классификации и систематизации исторических источников, в основе которых находилась бы категория вида, позволяет в большей степени приблизиться к пониманию социально-политической организации того или иного изучаемого общества.

В среде источниковедов, дипломатистов и археографов нет единства в использовании понятийного аппарата дипломатики литовско-русских актов. Применительно к значительной по объему части документов Литовской метрики, созданных в XV–XVI вв., в историографии утвердился термин «привилей», хотя его употребление в источниках этого периода встречается крайне редко. Большинство книг архива канцелярии Великого княжества Литовского сохранилось в виде копий, сделанных на рубеже XVI–XVII вв., когда усилилась полонизация делопроизводственного языка, и словом «привилей» во впервые составившихся тогда писарских заголовках к документам обозначались земельные и должностные пожалования. Наиболее характерным для источников изучаемого времени является понятие «лист». Это дополнительно подтверждает анализ грамот метрики королевы Боны. Оно встречается в качестве самоназваний и названий документов различных видов, а также продолжало употребляться канцеляристами более позднего периода. В исследовательской литературе под «листами» понимались исключительно указные грамоты, и лишь в недавнее время эта позиция была подвергнута сомнению (О.И. Хоруженко).

Представляется целесообразным использование именно термина «лист» в источниковедении кириллических актов Литовского государства, относящихся к XV и XVI в. Юридическая детализация этого понятия должна быть основана на

правовом содержании и конкретной сфере воздействия каждой определенной разновидности актов. Номинальная дифференциация «листов» имела место в литовской делопроизводственной практике — ее необходимо учитывать, но при этом ключевыми при интерпретации правовой сущности источников и построении схем их классификации должны оставаться признаки вида и разновидности.

Общепринятый в историографии термин «грамота» употреблялся и в отношении документального наследия канцелярии Великого княжества Литовского. А.Л. Хорошкевич оперирует понятием «жалованные грамоты», относя к ним несколько разновидностей актов договорного и договорно-законодательного видов. Акты, выданные в пользу того или иного контрагента, действительно имеют форму пожалований, хотя их юридическая клаузула, характеризующая суть состоявшихся правоотношений, в большинстве случаев выражена глаголом «дал». Таким образом, исходя из юридического подхода к интерпретации актов, понятие русской дипломатики «жалованные грамоты» применительно к Литовской метрике следует трактовать как «данные листы».

В качестве самостоятельного вида актов некоторыми исследователями назывались подтвердительные листы («привилеи охранительного характера» по М.Н. Ясинскому, «подтвердительные жалованные грамоты» по А.Л. Хорошкевич, «потвержения» или «подтвердительные грамоты» по Н.П. Ковальскому). Учитывая то, что с помощью этой категории документов за контрагентами закреплялись ранее осуществленные пожалования, и их объем и правовая сущность при этом оставались неизменными, подтвердительные листы скорее следует рассматривать как разновидность актов договорного и договорно-законодательного видов.

Термин русской дипломатики «ставленная грамота» представляется наиболее уместным для обозначения актов Литовской метрики, утверждавших права на священноначалие. В Великом княжестве Литовском следует различать 1) ставленные архиерейские листы, выдававшиеся церковными властями в соответствии с каноническим правом, и 2) ставленные светские листы, получившие широкое распространение вследствие действия права церковного

патроната. Ставленным светским листом является документ, при помощи которого представители светской власти закрепляли за тем или иным священнослужителем право единоначалия в отношении конкретной церкви, монастыря или архиерейской кафедры с передачей ему прав на недвижимое имущество. В метрике королевы Боны эта разновидность актов договорно-законодательного вида представлена четырьмя подразновидностями листов: 1) на священство, 2) на игуменство, 3) на епископство и 4) подтвердительными.

Одним из проявлений существовавшего в Литовском государстве общественного института церковного патроната являлось право опеки над тем или иным церковным учреждением. Главным образом опекуновство заключалось в возможности осуществления контроля над хозяйственно-экономической деятельностью учреждений западнорусской православной церкви и в праве выдвигать или утверждать ставленника на иерейское, либо архиерейское место. Объем прав, передававшихся представителями публичной власти (патроном церковного учреждения) опекуну, не был равноценен передаче права патроната как такового. Полномочия опекуна и срок их действия («до воли» господаря, до момента смерти ранее рукоположенного священнослужителя) закреплялись в данных и дозволенных листах.

Специфическим признаком дозволенных листов как разновидности актов договорно-законодательного вида является их «разрешающий» характер на осуществление какой-либо деятельности. В случае с опекой над церковными учреждениями «дозволение» патрона, вероятно, предусматривало право опекуна только на участие во внутрицерковном устройстве в течение устанавливаемого промежутка времени. Данные дозволенные листы присовокупляли к этому привилегию распоряжения церковным имуществом или его частью. Выдачей данного листа патрон временно делегировал опекуну весь объем прав по управлению церковным учреждением. Исключение составляло право на священнодействие, которое, как уже было сказано, закреплялось в ставленных листах.

Большую часть комплекса документов королевы Боны Сфорца и ее урядников, адресованных представителям западнорусского православного духовенства и выходцам из духовного сословия, составляют акты источники. Они представлены договорно-законодательным, договорным, договорно-распорядительным и судебно-процессуальным видами. Делопроизводственные источники, которые имеют непосредственное отношение к этому документальному комплексу, представлены распорядительным и регистрационно-учетным видами. На основании классификационной схемы, предложенной в 1988 г. С.М. Каштановым, систематизированы все известные на данный момент документы (в том числе — восстановленные по упоминаниям), регулировавшие правовые отношения между светской и духовной властью в имениях Боны Сфорца. Очевидно, что степень сохранности метрики королевы Боны, как и любого средневекового архива, не позволяет говорить о том, что приведенная схема исчерпывающе охватывает все разнообразие документов, регулировавших эту сферу социально-экономических отношений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поставленные в диссертационном исследовании цель и задачи представляются выполненными. Комплекс грамот королевы Боны православному духовенству, как и метрика королевы Боны в целом, является важным источником по истории церкви, канцелярий, региональной истории, исторической географии и демографии, биографики, просопографии, хронологии, генеалогии, палеографии и т. д.

Во Введении исследования было приведено обоснование значимости темы и ее актуальности. Проведен анализ существующей историографии по теме и связанной с ней проблематике, обозначены объект и предмет исследования, сформулированы его цель и задачи, охарактеризован корпус исследуемых источников, определены хронологические рамки работы, дана характеристика ее методологической основы и научной новизны.

Глава I была посвящена выяснению вопросов происхождения и авторства корпуса изучаемых исторических источников. Великое княжество Литовское в первой половине XVI в. было тесным образом связано в политическом, правовом, культурном аспектах с королевством Польским. Оба государства были объединены династической унией. Избрание на литовский и польский престолы сына Боны Сфорца и Сигизмунда I Старого до смерти правящего монарха противоречило сложившейся традиции. Это событие не рассматривалось современниками в качестве правового прецедента и не означало закрепления за представителями династии Ягеллонов наследственных прав на престолы обоих государств. Принцип выборности государя сохранялся. Основным правовым источником Литовского государства являлся Статут 1529 г., регламентировавший основные общественные сферы. Наряду с ним действовали нормы локального и обычного права, закрепленные в грамотах великих и удельных князей. Исполнение всех этих законодательных норм было общеобязательным для населения Литвы, в том числе — для королевы Боны и ее подданных. Административно-территориальное деление Литовского государства было близко

к федеративному, что являлось следствием бывшего удельного устройства этого региона. Значительная часть документов, созданных в этот период в канцелярии Великого княжества Литовского (а также в поветовых и частных канцеляриях), писалась кириллическим письмом на языке, представлявшем собой уникальное для Европы лингвистическое явление.

В российской историографии содержится не так много биографических данных о королеве Боне Сфорца. Богатый материал, касающийся управления ее владениями и характеризующий ее экономическую и социокультурную политику, находится в метрике королевы Боны. Данные, почерпнутые из документального наследия канцелярии королевы, доказывают высокую степень ее активности в деле формирования династического домена, объясняют ее во многом новаторскую деятельность по управлению имениями, связанную с кодификацией прав землевладельцев и проведением «волочного» измерения.

Состав владений королевы Боны начал формироваться практически одновременно с ее приездом в Литовское и Польское государства. Наличие в интитуляции грамот Боны 1524–1526 гг. определений «пани отчичка» и «пани дедичка» указывает либо на совершенно особый владельческий статус части ее имений, либо на стремление самоидентифицировать себя в ряду литовско-русских владетельных князей и их потомков. Наиболее полная форма титулатуры Боны Сфорца известна по ее кириллическим документам, — «королева польская, великая (найвысшая) княгиня литовская, руская, пруская, жомоитская, мазовецкая и иныхъ». Использование в интитуляции грамот оборотов «великая» и «найвысшая» не всегда логично и последовательно. Привлечение новых источников, вероятно, позволит приблизить решение вопросов, связанных с уточнением владельческого статуса имений Боны, ее властных прерогатив, выяснением закономерности употребления компонентов интитуляции грамот королевы, составлением ее итинерария.

В Главе II были исследованы общие и частные черты структуры и характера деятельности государственной, поветовых и частновладельческих канцелярий Литовского государства; особое внимание было уделено реконструкции

деятельности канцелярии Боны Сфорца. Филологическое объяснение слова «канцелярия» предполагает достаточно широкое поле для его употребления. В отличие от Московского государства, в котором вплоть до XVIII в. не существовало учреждений с названием «канцелярия»³¹¹, документам Литовской метрики, относящимся к первой половине XVI в., известен этот термин. Анализ деятельности поветовых канцелярий, во главе которых находились великокняжеские урядники, опровергает спорное утверждение М.К. Любавского, оставленное без каких-либо комментариев А.И. Грушей, о том, что государственная канцелярия Великого княжества Литовского не имела других функций, кроме функции технического исполнения³¹². Оставаясь верховным судьей государства, великий князь делегировал своим урядникам судебные полномочия. Можно считать, что деятельность поветовых канцелярий, главным образом направленная на осуществление судопроизводства, носила распорядительно-исполнительный характер.

Следует говорить о существовании комплекса государственных канцелярий, сложившегося в Великом княжестве Литовском ко второй четверти XVI в. Центральная часть канцелярии, находившаяся при великом князе (панах-рады, канцлере) не являлась единственным в своем роде учреждением, а была тесно связана со своими подразделениями, располагавшимися в центрах местного административного и судебного управления.

Очевидно, что понятие «канцелярия» может быть применено к различным формам ведения делопроизводства в поветах Литовского государства и частновладельческих землях с большой степенью условности. Из-за отсутствия

---

³¹¹ *Каштанов С.М.* Исследования по истории княжеских канцелярий средневековой Руси. М., 2014. С. 6.

³¹² *Любавский М.К.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1915. С. 177; *Он же.* Литовско-русский сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства. М., 1900. С. 394; *Груша А.И.* Канцелярия Вялікага княства Літоускага 40-х гадоў XV — першай паловы XVI ст. Мінск, 2006. С. 6.

«типового» образца средневековой канцелярии ее характерные признаки не вполне ясны. Общими чертами, присущими государственной канцелярии Литовского княжества, с одной стороны, и поветовым, частновладельческим канцеляриям, с другой, можно считать наличие руководителя этого «учреждения», наличие штата служащих и документооборота. В зависимости от специфики и характера деятельности каждой конкретной такой канцелярии ее организация и внутреннее устройство может отличаться от великокняжеского «образца». В качестве специального лица, ответственного за осуществление всего комплекса делопроизводственной деятельности, мог выступать как канцлер, так и урядник, старший писарь, дьяк или сам землевладелец. Персональный и количественный состав должностных лиц (непосредственных исполнителей и второстепенных участников делопроизводственного процесса) напрямую зависел от масштабов деятельности подобной канцелярии. Количество (при всей условности количественных критериев применительно к средневековым канцеляриям) и разновидности создаваемых документов, практики их копирования, удостоверения, дальнейшего использования – все это во многом было связано с социально-правовым статусом их юридического автора.

Компаративное изучение формуляров и текстологический анализ конкретных разновидностей актов, происходящих из государственной, поветовых, удельных и частновладельческих канцелярий позволит объяснить эволюцию документальной традиции Великого княжества Литовского. Уровень правовой культуры, сформировавшейся в этом государстве под влиянием многих внешних факторов, в изучаемое время был воплощен в совокупности всех существовавших разновидностей актовых (а также законодательных) источников. Для дальнейшей реконструкции правовой системы Литовского государства как исторического и культурного феномена необходимо изучение каждой из их разновидностей: «Обобщение добытых фактов о происхождении и функции актов входит в задачу исторического синтеза, воссоздающего методами исторической науки историю

актов определенной разновидности как социально-экономического или социально-политического явления»³¹³.

Канцелярию королевы можно считать автономным учреждением, ключевой функцией которого являлось управление ее именьями. Это учреждение имело значительный по числу штат должностных лиц, занятых созданием, оформлением, перемещением и хранением документов различных разновидностей. Так же как и в государственной канцелярии, в устройстве канцелярии королевы прослеживается двухуровневая структура. Центральная ее часть находилась при дворе Боны, где писарями велись специальные книги для внесения в них исходящих (главным образом) документов, куда приезжали подданные из разных частей ее владений на судебные разбирательства, урядники для получения инструкций и продвижения ходатайств и т.д. Подразделения этой канцелярии находились в центральных замках имений королевы, их руководителями являлись ее урядники. Документы создавались на каждом из двух уровней.

Во главе канцелярии королевы находился канцлер, о функциях и обязанностях которого кириллические документы метрики королевы Боны практически не дают сведений. Непосредственное участие в работе канцелярии, связанное, в первую очередь, с организацией судопроизводства, принимал управляющий двором Боны (охмистр). Упоминания секретаря и референдаря Боны Сфорца отрывочны и не позволяют прийти к каким-то конкретным выводам в отношении их деятельности. Часть писарей, задействованных в канцелярии Боны, известна по своим сигнатурам в документах, часть фигурировала в качестве свидетелей составления той или иной грамоты, некоторые именовались писарями королевы только при упоминании занимаемого ими областного уряда. На службе в канцелярии и ее подразделениях состояли или были задействованы лица разного социально-экономического положения: представители княжеских, панских, шляхетских родов, представители римско-католической и православной духовной

---

³¹³ Каутанов С.М. Русская дипломатика. М., 1988. С. 195.

корпораций. К изучению состава должностных лиц Боны Сфорца может быть продуктивно применен просопографический метод исследования.

В большинстве случаев составление документа той или иной разновидности в канцелярии королевы происходило на основании поданного челобитья, которое либо продвигалось урядником Боны, либо передавалось лично просителем (или группой просителей). Управление своими имениями королева осуществляла при помощи указных грамот, адресованных ее урядникам. Те, в свою очередь, были уполномочены самостоятельно принимать некоторые управленческие решения, осуществлять земельные и должностные пожалования, которые впоследствии должны были подтверждаться Боной.

Организация судопроизводства во владениях королевы была подобна государственной судебной системе. И королева, и ее урядники руководствовались в принятии решений литовским Статутом 1529 г. и локальными нормами права. Подданные Боны, не удовлетворенные «выроком», принятым поветовым судом, могли перенести дело на рассмотрение суда королевы как высшей судебной инстанции в пределах своих владений. При этом участники тяжбы брали из местных судебных канцелярских книг специальные «выписы», в которых содержалось подробное описание разбирательства, свидетельские показания, иные сведения, приобщенные к делу. Внесение показаний и записей различного содержания в поветовые книги, а также взятие из них «выписов», скрепленных печатью и подписью местного урядника, облагалось пошлиной, размер которой был регламентирован как Статутом, так и уставными грамотами Боны, выданными населению той или иной части ее владений.

Некоторые обороты и компоненты формуляра грамот метрики королевы Боны позволяют предположить, что ее участие в создании документа не ограничивалось одним лишь принятием конкретного решения или волеизъявлением. В пользу предположения о том, что многие документы записывались под диктовку королевы, говорит содержание указных листов и «наук» Боны, в которых приводились подробные разъяснения и приказания ее урядникам в отношении совершения тех или иных действий, связанных с

управлением имениями. В ряде случаев при королеве действовала группа советников, среди которых были ее канцлер, охмистр, некоторые старосты и наместники. Неизвестно, происходило ли составление документа на основании специальных формулярников, или же писари использовали в качестве образца похожие по структуре и содержанию документы, вписанные ранее в канцелярские книги. Материалом для письма служили и бумага, и пергамен; некоторые грамоты заверялись печатью королевы Боны и ее подписью.

Как следует из ряда источников, в канцелярии Боны существовала практика ведения специальных книг и их дальнейшего хранения. Упоминаемые в документах «книги» можно разделить на книги текущего делопроизводства («поточные»), в которые вносились некоторые писарские записи и копии исходящих документов; «записовые» книги, в которые переписывались «слово от слова» грамоты великих, удельных князей и их урядников, грамоты самой королевы во время проведения ревизий прав землевладельцев; «реестры», составлявшиеся по особым распоряжениям Боны и ее старост. Вероятно, все эти книги передавались на хранение в казну («скарб») королевы и в дальнейшем использовались для получения необходимой информации о социально-правовом статусе подданных, размерах и условиях взимания податей, восстановления утраченных документов и т.д. Скарб королевы, имевший функцию не только финансового органа, но и архивохранилища, возможно, следует считать одним из подразделений канцелярии.

Едва ли можно выяснить хотя бы приблизительное количество документов, созданных за все время функционирования канцелярии Боны Сфорца. Очевидно, что одной из задач воссоздания документального наследия этой канцелярии является обязательная фиксация упоминаний каждого документа, встречающихся в тестах источников. За счет подобных упоминаний может быть восстановлено значительное количество утерянных, не сохранившихся ни в виде подлинников, ни в виде копий грамот, относившихся к деятельности как канцелярии Боны, так и других удельных или частновладельческих канцелярий. Более трети грамот Боны Сфорца и ее урядников (22 из 76), выданных представителям западнорусской

православной корпорации, восстановлено по их упоминаниям в других документах.

В Главе III корпус исследуемых источников рассматривался в контексте проблемы реконструкции и издания архива канцелярии Боны Сфорца. Интерпретация понятия «метрика королевы Боны» предполагает два аспекта. Во-первых, это исторически сформировавшийся комплекс, состоящий из ряда тематически обособленных книг Литовской метрики. В него входят книги записей 18, 32, 33, 36 и книга публичных дел 28, которые были сформированы в процессе деятельности канцелярии Боны. Во-вторых, под «метрикой королевы Боны» можно подразумевать комплекс документов по управлению принадлежавшими ей имениями, который составляет основу архива канцелярии Боны Сфорца и складывался на протяжении всего времени ее пребывания в Великом княжестве Литовском и Польском королевстве (1518–1556 гг.). Реконструкция этого комплекса предполагает выявление и учет четырех групп документов. К ним относятся: 1) грамоты, непосредственным образом влиявшие на изменение состава владений королевы Боны; 2) грамоты ее предшественников по землевладению, фиксировавшие социально-экономический и правовой статус населения имений королевы и влиявшие на принимаемые ею управленческие решения; 3) грамоты, юридическим автором которых являлась сама Бона Сфорца; 4) грамоты, созданные в поветовых канцеляриях, которыми руководили уполномоченные королевой Боной лица.

Документы, относящиеся ко второй группе, вносились в канцелярские книги королевы или упоминались в наррации составлявшихся подтвердительных грамот. Документы остальных трех групп сохранились в виде подлинных грамот, а также современных им или позднейших копий, упоминаний в тексте других источников. Объектами для их поиска являются книги Литовской метрики, актовые книги судебного делопроизводства XVI–XVIII вв., архивные собрания и коллекции, часть документов которых была опубликована.

Задача поиска и учета документов, относящихся к архиву имений королевы Боны, осложняется рядом факторов. Поактовая опись всех книг Литовской

метрики, актуальность создания которой подчеркивалась исследователями еще в XIX в., до сих пор не создана. Существующие в копийных книгах реестры заголовков далеко не всегда объективно передают содержание документов. Темпы издания книг архива канцелярии Литовского государства, значительно увеличившиеся в конце XX — начале XXI в., с одной стороны, являются положительным моментом в деле научного освоения Литовской метрики. Однако отсутствие официальной координации между российскими и зарубежными археографами сказывается на возможности доступа к уже опубликованным источникам.

34 документа из 76, составляющих комплекс грамот королевы Боны и ее урядников, выданных западнорусскому православному духовенству, было ранее опубликовано или описано в составе рукописных коллекций. Уровень археографических изданий XIX в. далек от современного, что, впрочем, не уменьшает значимости факта издания этих документов. В подавляющем большинстве старых и современных публикаций актов Литовской метрики и других источников, относящихся к истории Великого княжества Литовского, не воспроизводились вышедшие из употребления буквы. Между тем, с точки зрения новейшей археографии именно «дипломатические» принципы передачи текста средневековых источников в наибольшей мере отвечают целям и задачам исторической науки.

Зарубежные археографы, занимающиеся изданием книг архива канцелярии Великого княжества Литовского, отрицают «усложненные» правила передачи текстов источников и не следуют разработанным в 1985 г. Методическим рекомендациям по изданию и описанию Литовской метрики. Проведенный выборочный анализ опубликованной Институтом истории Литвы совместно с Институтом истории Украины 32-й книги записей, доказывает необходимость продолжения работы российских ученых над подготовкой публикации книг метрики королевы Боны (включая 32-ю книгу) и Литовской метрики в целом. Серьезные методические разногласия между археографами нескольких стран, проявившиеся в публикациях документов архива канцелярии Литовского

государства с 1985 г. по настоящее время, видимо, являются следствием влияния различных традиций археографии и разного понимания задач, которые ставит перед исследователями современная историческая наука.

Глава IV была посвящена выявлению и локализации известных по документам метрики королевы Боны топонимов в пределах административно-территориального состава Литовского государства и на современной политической карте. География распределения документов метрики Боны весьма обширна. Имена королевы локализуются в современных границах пяти государств: Польши (Малопольское, Подкарпатское, Подляское, Мазовецкое воеводства), Литвы (Вильнюсский, Таурагский, Марьямпольский, Алитусский уезды), Белоруссии (Гродненская, Брестская, Гомельская, Минская, Витебская области), Украины (Ровенская, Волынская, Тернопольская, Львовская, Винницкая области) и России (Псковская область). Составленный очерк истории формирования владений Боны Сфорца не может носить исчерпывающего характера по причине неполноты и разрозненности информации, содержащейся в актах метрики королевы Боны. Пробел в кириллических документах Литовской метрики может частично восполнить архив Коронной метрики. Изучение определенных правовых практик и особенностей функционирования социальных институтов, существовавших во владениях королевы Боны, может стать основой для проведения сравнительно-исторических исследований.

В Главе V был определен объем права церковного патроната, принадлежавшего королеве Боне, и установлены епархии, в пределах которых находились ее имения. Сохранившиеся источники свидетельствуют о том, что право церковного патроната, которое принадлежало королеве Боне в ее имениях, распространялось на объекты «подавания», относившиеся к Турово-Пинской, Владимиро-Берестейской, Киевской, Перемышльской и Самборской православным епархиям Великого княжества Литовского. Вполне вероятно, что выявление новых источников позволит говорить о реализации Боней права «подавания» в пределах Луцко-Острожской и Полоцкой епархий. Церковная инвеститура переходила к королеве вместе с правами на земельные владения.

Боной соблюдались интересы православных иереев, зафиксированные в грамотах фундаторов (ктиторов) тех «духовных хлебов», которые впоследствии перешли в ее распоряжение. Принимая решения в области назначения священнослужителей на церковные кафедры, королева действовала независимо от митрополита, зачастую основываясь на решениях своих старост. Несмотря на то, что эта деятельность противоречила постановлениям государственной и высшей духовной власти, подобная практика являлась нормой для своего времени.

В Главе VI были рассмотрены вопросы классификации, систематизации и терминологии актов и делопроизводственных источников метрики королевы Боны. Анализ грамот Боны Сфорца в очередной раз доказывает, что различие публично-правовых и частноправовых актов не может являться универсальной моделью классификации в силу неоднозначности правового статуса многих средневековых (например, литовских) феодалов.

Одним из распространенных в историографии критериев классификации актов Литовской метрики является тематический принцип, но он основан на субъективной интерпретации содержания документа. Построенным на объективных свойствах источника классом интеллектуальных продуктов является вид. Разработка схем классификаций исторических источников, в основе которых находилась бы категория вида, позволяет в большей степени приблизиться к пониманию социально-политической организации того или иного изучаемого общества.

В среде источниковедов, дипломатистов и археографов нет единства в использовании понятийного аппарата дипломатики, в том числе и литовско-русских актов. Применительно к значительной по объему массе документов Литовской метрики, созданных в XV–XVI вв., в историографии утвердился термин «привилей», хотя его употребление в источниках этого периода встречается крайне редко. Большинство книг архива канцелярии Великого княжества Литовского сохранилось в виде копий, сделанных на рубеже XVI–XVII вв., когда усилилась полонизация делопроизводственного языка. Слово «привилей» впервые появилось тогда в писарских заголовках к документам, содержащим земельные и

должностные пожалования. Наиболее часто встречающимся в текстах источников было слово «лист». Это дополнительно подтверждается анализом грамот королевы Боны. Оно встречается в качестве самоназвания документов различных видов, а также продолжало применяться и канцеляристами более позднего периода. В исследовательской литературе под «листами» понимались исключительно указные грамоты, и лишь в недавнее время эта позиция была пересмотрена.

Использование термина «лист» при составлении издательских заголовков кириллических актов Литовского государства, относящихся к XV и XVI в., представляется целесообразным. Дальнейшая детализация заголовков (уточнение разновидности акта) должна быть основана на учете его правового содержания и конкретной сферы воздействия. Номинальная дифференциация «листов» имела место в литовской делопроизводственной практике. Эту практику необходимо учитывать, но все же ключевыми критериями при интерпретации правовой сущности источников, составлении их заголовков, схем классификации и систематизации должны оставаться признаки вида и разновидности.

Общепринятый термин «грамота» употреблялся в историографии и в отношении документального наследия Великого княжества Литовского. А.Л. Хорошкевич оперирует понятием «жалованные грамоты», относя к ним несколько разновидностей актов договорного и договорно-законодательного видов. Акты, выданные в пользу того или иного юридического или физического лица, действительно имеют форму пожалований, хотя их юридическая функция в большинстве случаев выражена глаголом «дал». Таким образом, применительно к актам Литовской метрики вместо определения «жалованные грамоты» лучше использовать выражение «данные листы».

Некоторые исследователи считали самостоятельным видом актов подтвердительные листы («привилеи охранительного характера» по М.Н. Ясинскому, «подтвердительные жалованные грамоты» по А.Л. Хорошкевич, «потвержения» или «подтвердительные грамоты» по Н.П. Ковальскому). Учитывая то, что с помощью этой категории документов за контрагентами закреплялись ранее осуществленные пожалования, и их объем и правовая сущность при этом

оставались неизменными, подтверждающие листы скорее следует рассматривать как разновидность актов договорного и договорно-законодательного видов (данных, дозволенных, меновных, ставленных и др. листов).

Термин русской дипломатики «ставленная грамота» представляется наиболее уместным для обозначения актов Литовской метрики, утверждавших права на священноначалие. В Великом княжестве Литовском следует различать 1) ставленные архиерейские листы, выдававшиеся церковными властями в соответствии с каноническим правом, и 2) ставленные светские листы, получившие широкое распространение вследствие действия права церковного патроната. Ставленным светским листом является документ, при помощи которого представители светской власти закрепляли за тем или иным священнослужителем право единоначалия в отношении конкретной церкви, монастыря или архиерейской кафедры с передачей ему прав на недвижимое имущество. В метрике королевы Боны эта разновидность актов договорно-законодательного вида представлена четырьмя подразновидностями листов: 1) на священство, 2) на игуменство, 3) на епископство и 4) подтверждающими.

Одним из проявлений существовавшего в Литовском государстве общественного института церковного патроната являлось право передачи опеки над тем или иным церковным учреждением определенному иерею или светскому лицу. По своей форме опекуновство скорее приближалось к праву попечительства или покровительства (*jus patronatus*). Опекунами большей частью являлись светские лица, поэтому назначение патроном опекуна для церковного учреждения, вероятно, следует рассматривать как его передачу в кормление. Опекуновство устанавливало возможность осуществления контроля над хозяйственно-экономической деятельностью учреждений православной церкви и право выдвигать или утверждать ставленника на иерейское либо архиерейское место. Объем прав, передававшихся патроном опекуну, не был равноценен праву патроната как такового. Полномочия опекуна и срок их действия («до воли» господаря, до момента смерти ранее рукоположенного священнослужителя) закреплялись в данных и дозволенных листах.

Специфическим признаком дозволенных листов как разновидности актов договорно-законодательного вида является их разрешительный характер, позволяющий осуществление какой-либо деятельности. В случае с опекой над церковными учреждениями «дозволение» патрона, вероятно, предусматривало право опекуна только на участие во внутрицерковном устройстве в течение устанавливаемого промежутка времени. Данные дозволенные листы присовокупляли к этому привилегию распоряжения церковным имуществом или его частью. Выдачей данного листа патрон временно делегировал опекуну весь объем прав по управлению церковным учреждением. Исключение составляло право на священнодействие, которое, как уже было сказано, закреплялось в ставленных листах.

Большую часть комплекса документов королевы Боны Сфорца и ее урядников, адресованных представителям православного духовенства и выходцам из духовного сословия, составляют акты источники. Они представлены договорно-законодательным, договорным, договорно-распорядительным и судебно-процессуальным видами. Делопроизводственные источники, которые имеют непосредственное отношение к изучаемому документальному комплексу, представлены распорядительным и регистрационно-учетным видами. Все известные на данный момент документы, регулировавшие правовые отношения между светской и духовной властью в имениях Боны Сфорца, систематизированы на основании классификационной схемы С.М. Каштанова. Степень сохранности метрики королевы Боны, как и любого средневекового архива, не позволяет говорить о том, что приведенная схема исчерпывающе охватывает реально существовавшее разнообразие документов, регулировавших эту сферу социально-экономических отношений.

***

Проведенная реконструкция деятельности канцелярии Боны Сфорца показывает плодотворность комплексного изучения истории различных делопроизводственных центров методами дипломатики и других вспомогательных исторических дисциплин. Компаративное исследование организации, структуры,

штата должностных лиц канцелярий, разновидностей создававшихся в них документов позволяет установить этапы становления и эволюцию документальной традиции Литовского государства, а также степень влияния на нее практики ведения делопроизводства в соседних государствах. В качестве основной перспективы дальнейшего изучения функционирования канцелярии Боны Сфорца видится работа по выявлению максимального количества созданных в ней актов и делопроизводственных источников, составляющих метрику королевы Боны.

Деятельность Боны Сфорца в области церковной инвеституры показывает, что королева действовала в рамках сложившейся светской правовой традиции, которая во многом противоречила нормам канонического права. Очевидно, что для выяснения особенностей функционирования и эволюции церковного патроната как одного из социальных институтов Великого княжества Литовского в период, предшествовавший Брестской унии 1596 г., необходимо выявление максимального количества разновидностей документов, устанавливавших правоотношения между представителями светской власти и духовенством.

Автор надеется, что полученный опыт систематизации документов, адресованных представителям православных духовных корпораций, может быть учтен в разработке практической дипломатики кириллических документов Литовской метрики, а предложенные определения некоторых разновидностей актов будут восприняты научным сообществом и получат дальнейшее развитие.

Изучение метрики королевы Боны как части сохранившегося средневекового архива методами и средствами целого ряда вспомогательных исторических дисциплин представляется более чем перспективным. Основное внимание в диссертации было уделено истории акта — изучению обстоятельств возникновения корпуса исторических источников, изучению их канцелярского происхождения, анализу социально-правовых отношений, в результате которых стало возможным появление этих источников. На данном этапе изучения метрики королевы Боны исследование конкретно-исторических причин, приведших к формированию этого документального комплекса, на наш взгляд органично предшествует формулярному анализу конкретных разновидностей составляющих

его документов. Формулярный анализ позволяет проследить эволюцию конкретных компонентов формуляра удельных, частных, великокняжеских грамот на протяжении XV–XVI вв., на основании фиксации их специфических признаков (выраженных юридическими клаузулами) выявить значительно большее количество разновидностей актов Литовской метрики.

С точки зрения палеографии и филологии перспективным является изучение особенностей сохранившихся подлинных актов в сравнении с их копиями середины и конца XVI в., а также копиями последующего времени (вплоть до конца XVIII в.). Постановка этой исследовательской проблемы возможна лишь в случае «дипломатического» издания источников.

Задача реконструкции фрагментарно сохранившихся земельных архивов удельных князей и частных лиц актуализирует альтернативный подход к археографическому освоению Литовской метрики и других архивных комплексов. В настоящее время книги архива канцелярии Великого княжества Литовского издаются целиком — как отдельные единицы хранения фонда Литовской метрики. Возможным подходом к публикации источников является их тематический отбор, основанный на критерии авторства. Ранее этот принцип издания документов был воплощен в публикациях Императорской Археографической комиссии. Так может быть восстановлено документальное наследие делопроизводственных центров, существовавших во владениях православных князей Кобринских, Ярославичей, Вереиских, Шемячичей, Стародубских-Можайских, Головчинских, Оленьковичей, Сангушковичей, Острожских и т. д.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Неопубликованные

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

1. Ф. 389. Литовская метрика. Оп. 1. Кн. 13, 18, 21, 22, 23, 24, 27, 29, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 38, 47, 74, 77, 240, 247, 262, 277, 287, 292, 294, 583.
2. Ф. 389. Литовская метрика. Дело фонда.
3. Ф. 1603. Комиссия эдукационного фондуша. Оп. 16. Д. 1–574.

Archiwum Głowne Akt Dawnych (AGAD. Варшава, Польша).

4. Tzw. Metryka litewska. Dz. III. A/28; Dz. III. B/42; Dz. IX. 89.
5. Zbiór Dokumentów Pergaminowych. Nr. 2317, 4778, 4796, 4802, 4805.

Опубликованные

6. Акты, издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов. — Вильна, 1865–1915. — 39 т.
7. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. — СПб., 1841–1842. — 5 т.
8. Акты Литовской метрики / сост. Ф. И. Леонтович. — Т. 1. — Варшава : тип. Варшавского учебного округа, 1896–1897. — 2 вып.
9. Акты, относящиеся к истории западной России, собранные и изданные археографическою комиссиею. — СПб., 1846–1853. — 5 т.
10. Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1 (6). Сборник документов канцелярии великого князя литовского Александра Ягеллончика, 1494–1506 гг. Шестая книга записей Литовской метрики / сост., коммент., вспом. указ. : М. Е. Бычкова (отв. сост.), О. И. Хоруженко, А. В. Виноградов; отв. ред. тома С. М. Каштанов. — М., СПб. : Нестор-История, 2012. — 664 с.

11. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской академии наук. — СПб., 1838–1838. — 4 т.
12. Археографический сборник документов, относящийся к истории северо—западной Руси, издаваемый к при управлении Виленского учебного округа. — Вильна, 1867–1904. — 14 т.
13. Архив Юго-Западной России, издаваемый Временною комиссиею для разбора древних актов, Высочайше утвержденною при Киевском военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. — Киев, 1859–1914. — 36 т.
14. Белоруссия в эпоху феодализма. Т. I. С древнейших времен до середины XVII века. — Минск : Издательство АН БССР, 1959. — 518 с.
15. *Бершадский, С. А.* Русско-еврейский архив. Документы и материалы для истории евреев в России / сост. С. А. Бершадский. — СПб. : Издание общества распространения и просвещения между евреями в России, 1882. — 2 т.
16. *Герберштейн, С.* Записки о Московии / С. Герберштейн. — М. : Изд. МГУ, 1988. — 430 с.
17. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. подгот. Я. Н. Щапов. М. : Наука, 1976. — 240 с.
18. Жизнь Андрея Михайловича Курбского в Литве и на Волыни: [Сб. актов] / изд. Н. Д. Иванишев. Киев : Университетская тип., 1849. — 2 т.
19. Законодательные акты Великого княжества Литовского XV–XVI вв. / сост.: И. И. Яковкин. — Л.: Соцэкгиз, 1936. — 155 с.
20. *Зельверович, Л.М.* Литовская метрика, государственный отдел Великого княжества Литовского, при Правительствующем Сенате. Грамоты и регесты из собрания древних актов, писанных на пергаменте на литовско-русском, латинском, ниже-германском, старо-чешском и польском языках / сост. Л. М. Зельверович. — СПб. : Б. и., 1883. — 119 с.
21. Иван Грозный — завоеватель Полоцка (новые документы по истории Ливонской войны) / сост., подгот. к публ., вступ. ст. В.Ю. Ермак; описание рукописи К.Ю. Ерусалимский. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2014. — 484 с.

22. Книга посольская Великого княжества Литовского за 1506–1507 гг. // сост. М. А. Оболенский. — Москва : В типографии Лазаревых Института восточных языков, 1838. — [8], 120 с.

23. Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государственование короля Сигизмунда Августа с 1545 по 1572 год / сост. М. А. Оболенский, И. Данилович. — М. : Университетская тип., 1843. — 2 ч.

24. Литовская Метрика. Т. 1 / ред. П. А. Гильтебрандт // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией. — Т. 20. — СПб. : Сенатская тип., 1903. — 1122 с.

25. Литовская метрика. Отдел 1. Часть 1-я: Книга записей. Том первый / ред. И. И. Лаппо // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией. — Т. 27. — СПб. : Сенатская тип., 1910. — 660 с.

26. Литовская метрика. Отделы первый-второй. Ч. 3: Книги публичных дел. Т. 1 / ред. И. И. Лаппо // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией. — Т. 30. — Юрьев : тип. К. Маттисена, 1914. — IV, 30 с., 896 стб.

27. Литовская метрика. Отдел первый. Часть третья: Книги публичных дел. Переписи войска Литовского / ред. С. Л. Пташицкий // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией. — Т. 33. — Пг. : тип. Главного управления уделов, 1915. — 693 с.

28. Литовский Статут 1529 года // Временник императорского московского общества истории и древностей российских. — Кн. 18. Раздел II. Материалы. — М., 1854.

29. *Макиавелли, Н.* Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия / пер. Г. Муравьевой. — СПб. : Изд-во Азбука классика, 2004. С. 29—152.

30. *Малиновский, И. А.* Сборник материалов, относящихся к истории панов—рады Великого княжества Литовского / сост. И. А. Малиновский. — Томск : Паровая типо-литография П.И. Макушина, 1901. — 693 с.

31. *Малиновский, И. А.* Сборник памятников древнего русского права / сост. И. А. Малиновский. — Ростов-на-Дону : Акционерная печатня, 1917. — 248 с.
32. *Михалон Литвин.* О нравах татар, литовцев и москвитян / пер. В. И. Матузовой. — отв. ред. А. Л. Хорошкевич. — М. : Изд-во МГУ, 1994. — 126 с.
33. Памятники полемической литературы в Западной Руси. Кн. 1 / сост. П. А. Гильтебрандт // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией. — Т. 4. СПб. : Изд-во Археографической комиссии, 1878. — 440 с.
34. Писцовая книга Пинского и Клецкого княжеств, составленная старостою Станиславом Хвальчевским в 1552–1555 гг. — Вильна : тип. А. Г. Сыркина, 1884. — 714 с.
35. Писцовые книги XVI века / под ред. Н.В. Калачова. Ч. I. Отд. II. — СПб., 1877. — 1601 с.
36. Полное собрание русских летописей. Западнорусские летописи. — Т. 17. — СПб. : тип. М. А. Александрова, 1907. — 364 с.
37. Полное собрание русских летописей. Летописи белорусско-литовские. — Т. 35. — М. : Наука, 1980. — 313 с.
38. Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки: первая половина XVI в. / сост. М. М. Кром // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV—XVII вв. — Т. VI. — М., Варшава : Древлехранилище, 2002. — 267 с.
39. Ревизия Кобринской экономии, составленная в 1563 г. королевским ревизором Дмитрием Сапегою. — Вильна : Типография А. Г. Сыркина, 1876. — 448 с.
40. Ревизия пущ и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском с присовокуплением грамот и привилегий на входы в пущи и на земли, составленная старостой Мстибоговским Григорием Богдановичем Воловичем в 1559 году, с прибавлением другой актовой книги, содержащей в себе привилегии,

данные дворянам и священникам Пинского повета, составленной в 1554 году. — Вильна : тип. Губернского правления, 1867. — 381 с.

41. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 71. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. — СПб., 1892. — [8], VI, 807 с. 234 стб.

42. Сборник палеографических снимков с древних грамот и актов, хранящихся в Виленском центральном архиве и Виленской публичной библиотеке. Вып. 1 (1432–1548 гг.) / ред. С. Шолкович. — Вильна : тип. А. Г. Сыркина, 1884. — 62 с.

43. Собрание древних актов городов Минской губернии, православных монастырей, церквей, и по разным предметам. — Минск : Губернская тип., 1848. — 454 с.

44. Статут Великого княжества Литовского 1529 года / под. ред. К. И. Яблонскиса. — Минск : Изд-во АН БССР, 1960. — 253 с.

45. *Стрекалова З.Н.* Два письма королевы Боны из рукописных фондов государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина // Славянский архив. Сборник статей и материалов. М. : АН СССР, 1962.

46. Судебная книга витебского воеводы, господарского маршалка, волковыского и оболецкого державцы М.В. Ключко (1533–1540). Литовская метрика. Книга № 228. Книга судных дел № 9 // публ. подгот. В. А. Воронин, А. И. Груша, И. П. Старостина, А. Л. Хорошкевич ; отв. ред. А. Л. Хорошкевич, Г. Я. Голенченко М. : Наука, 2008. — 530 с.

47. Acta Tomiciana; Epistole. Legationes. Responsa. Actiones. Res Geste; Serenissimi Principis Sigismundi, Ejus Nominis Primi, Regis Polonie, Magni Ducis Lithuanie, Russie, Prussie, Masovie Domini. Quarum Primus Hic Tomus Est. — Poznań, 1852–1915. — 13 t.

48. Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie wydane nakładem właściciela. — Lwów, 1887–1910. — 7 t.

49. Беларускі архіў. Т. 1. Матэрыялы і дакументы да гісторыі Беларуска-Літоўскай дзяржавы (XVI–XVII ст.) / Склад. З. Даўгяла. — Мінск : Інстытут беларускай культуры, 1927. — 268 с.
50. Беларускі архіў. Т. 2. Літоўская метрыка (XV–XVI ст.) / Склад., уступ. арт. З. Даўгяла. — Мінск : Інстытут беларускай культуры, 1928. — 343 с.
51. Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах. Т.1. (IX–XVIII ст.) / Склад. З. Даўгяла. — Мінск : Выдавецтва АН БССР, 1936. — 678 с.
52. *Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiéj Rusi Macieja Strykowskiego.* — Warszawa : Gustaw Leon Glücksberg, 1846.
53. *Lietuvos metrika. Knyga Nr. 1 (1380–1584). Užrašymu knyga 1.* Vilnius, 1998. — 208 p.
54. *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 11 (1518–1523). Užrašymų knyga 11.* — Vilnius, 1997. — 228 p.
55. *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 25 (1387–1546). Užrašymų knyga 25.* — Vilnius, 1998. — 462 p.
56. *Lietuvos metrika. Knyga Nr. 8 (1499–1514). Užrašymu knyga 8.* Vilnius, 2012. — 709 p.
57. *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 12 (1522–1529). Užrašymų knyga 12.* — Vilnius, 2001. — 856 p.
58. *Lietuvos metrika. Knyga Nr. 14 (1524–1529). Užrašymu knyga 14.* Vilnius, 2008. — 646 p.
59. *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 15 (1528–1538). Užrašymų knyga 15.* — Vilnius, 2002. — 448 p.
60. *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 19 (1535–1537). Užrašymų knyga 19.* — Vilnius, 2009. — 362 p.
61. *Lietuvos metrika. Knyga Nr. 32 (1548–1549). Užrašymų knyga 32.* — Vilnius, 2012. — 144 p.
62. *Lietuvos Metrika (1522–1530). 4-oji Teismų bylų knyga (XVI a. Pabaigos kopija).* — Vilnius, 1997. — 514 p.

63. Lietuvos Metrika (1528–1547). 6-oji Teismų bylų knyga (XVI a. Pabaigos kopija). — Vilnius, 1995. — 338 p.
64. Lietuvos Metrika (1533–1535). 8-oji Teismų bylų knyga (XVI a. Pabaigos kopija). — Vilnius, 1999. — 305 p.
65. Lietuvos Metrika (1540–1541). 10-oji Teismų bylų knyga (XVI a. Pabaigos kopija). — Vilnius, 2003. — 262 p.
66. Lietuvos Metrika (1540–1543). 12-oji Teismų bylų knyga (XVI a. pabaigos kopija). — Vilnius, 2007. — 394 p.
67. Менскія акты. Вып. 1 (XV–XVIII ст.) / Склад. З. Даўгяла. — Мінск : Інстытут беларускай культуры, 1930. — 413 с.
68. Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кніга 28 (1522–1552). Кніга запісаў 28 (Копія канца XVI ст.). — Мінск, 2000. — 312 с.
69. Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кніга 44 (1559–1566). Кніга запісаў 44 (Копія канца XVI ст.). — Мінск, 2001. — 229 с.
70. Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кніга 43 (1523–1560). Кніга запісаў 43 (Копія канца XVI ст.). — Мінск, 2003. — 168 с.
71. Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кніга 46 (1562–1565). Кніга запісаў 46 (Копія канца XVI ст.). — Мінск, 2006. — 280 с.
72. Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кніга 30 (1480–1546). Кніга запісаў 30 (Копія канца XVI ст.). — Мінск, 2008. — 386 с.
73. Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кніга 70 (1582–1585). Кніга запісаў 70 (Копія канца XVI ст.). — Мінск, 2008. — 356 с.
74. *Przedziecki, A.* Jagiellonki Polskie w XVI wieku. — Krakow, 1868—1878. — 5 t.
75. Zbiór pamiętników historycznych o dawnej polszce z rękopismów, tudzież dzieł w różnych językach o Polszcze wydanych, oraz z listami oryginalnemi królów i znakomitych ludzi w kraju naszym, przez J.U. Niemcewicza. — T. II. — Lipsk : Nakładem i drukiem Breitkopfa i Haertela, 1839. — 358 s.

76. Zbior praw litewskich od roku 1389 do roku 1529. Tudziez rozprawy sejmowe o tychze prawach od roku 1544 do roku 1563. — Poznan : W drukarni na Garbarach, 1841. — 580 s.

ЛИТЕРАТУРА

77. *Абеленцева, О. А.* Митрополит Иона и установление автокефалии Русской церкви: монография / О. А. Абеленцева. — М.; СПб. : Альянс—Архео, 2009. — 468 с.: ил.

78. *Абросимова, С. В.* Традиции Литовской метрики в документах канцелярий Украины XVII–XVIII вв. / С. В. Абросимова // Lietuvos Metrika: 1991—1996 metu tyginejimai : Сб. ст. Vilnius, 1998. — P. 172—189.

79. *Алёшин, М.* Имагология // Теория и методология исторической науки: терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян. — М. : Аквилон, 2014. — С. 122—123.

80. *Альгимантас, К.* Первые публикации документов Литовской метрики / К. Альгимантас // Литовская метрика: Тез. докл. межресп. науч. конф. Вильнюс, 1988. — С. 54–56.

81. *Амвросий, (Орнатский), еп.* История Российской иерархии, собранная Новгородской семинарии префектом, философии учителем, соборным иеромонахом Амвросием / Амвросий (Орнатский). — М. : Синод, тип., 1807–1815. — 6 ч.

82. *Амосов, А. А.* Архивы двинских монастырей. Очерки по истории организации и складывания архивов духовных корпораций : автореф. дис. канд. ... ист. наук: 07.00.02 / Амосов Александр Александрович. — М., 1975. — 35 с.

83. *Амосов, А. А.* Крестьянский архив XVI столетия / А. А. Амосов // Археографический ежегодник за 1973 год. — М., 1974. — С. 206–209.

84. *Антоний, игум.* Воспоминания о древнем православии Западной Руси / Антоний // История униатской Турово-Пинской епархии XVI–XIX вв. — М. : Синод. тип., 1867. — 60 с.

85. Белорусский православный вестник. Могилев, 1924–1925, 1927.
86. *Баненис, Э. Д.* «Книги листов судебных и данины» 1492–1506 гг. / Э. Д. Баненис // Литовская метрика: Тез. докл. межресп. науч. конф. Вильнюс, 1988. — С. 33—36.
87. *Беднов, В. А.* Православная церковь в Польше и Литве (по Volumina legum): монография / В. А. Беднов. — Печ. по 1-му изд. 1908 г. — Минск : Лучи Софии, 2002. — 432 с.
88. *Бережков, Н. Г.* Литовская Метрика как исторический источник. Ч. 1. О первоначальном составе книг Литовской Метрики по 1522 год: монография / Н. Г. Бережков. — М.; Л. : Изд-во и 2-я тип. изд-ва Акад. наук СССР, 1946. — 179 с.
89. *Бернштам, Т. А.* Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии : монография / Т. А. Бернштам. — СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2005. — 311 с.
90. *Бершадский, С. А.* Литовские евреи: история их юридического и общественного положения в Литве от Витовта до Люблинской унии (1388–1569 гг.) : монография / С. А. Бершадский. — СПб. : тип. М. М. Стасюлевича, 1883. — 432 с.
91. *Бершадский, С. А.* О наследовании в выморочных имуществах по литовскому праву / С. А. Бершадский. — СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1892. — 94 с.
92. *Бершадский, С. А.* Литовский Статут и польские конституции: Историко-юридическое исследование экстра-ординарного профессора С[анкт]-Петербургского университета С. А. Бершадского / С. А. Бершадский. — СПб. : тип. М. М. Стасюлевича, 1893. — [4], 114, [1] с.
93. *Беспалов, Р. А.* К вопросу о терминах «верховские князья» и «Верховские княжества» / Р. А. Беспалов // Проблемы славяноведения : Сб. научных статей и материалов. — Вып. 12. — Брянск : Изд-во Брянского гос. пед. ун-та, 2010. — С. 15–61.

94. *Блануца, А. В.* Господарська політика королеви Бони у Великому князівстві Литовському (за матеріалами 32 книги записів Литовської метрики) / А. В. Блануца // Україна в Центрально-Східній Європі: Зб. наук. пр. Вип. 11. — Київ, 2011. — С. 191–206.
95. *Бобржинский, М.* Очерк истории Польши = Dzieję Polski / М. Бобржинский ; пер. с польского ; 3-е изд. под ред. [и с предисл.] проф. С.-Петербургского ун-та Н. И. Кареева. — СПб. : Тип. Л. Ф. Пантелеева, 1888–1891. — 2 т.
96. *Бондаренко, А. А.* Метрика королевы Боны в отечественной историографии / А. А. Бондаренко // Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин: Материалы XXII междунар. научн. конф. Москва, 28–30 января 2010 г. М.: РГГУ, 2010. — С. 164–167.
97. *Бондаренко, А. А.* Прерогативы королевы Боны в ее уделе (1518–1556 гг.) / А. А. Бондаренко // Опыты историко-антропологических исследований: сб. науч. раб. студ. и асп. / Рос. Ун-т дружбы народов. М. : РУДН, 2010. — С. 35–41.
98. *Бондаренко, А. А.* Состав удела королевы Боны Сфорца в Великом княжестве Литовском в середине XVI в. / А. А. Бондаренко // Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве: Материалы XXIII междунар. науч. конф. Москва, 27–29 янв. 2011 г. М.: РГГУ, 2011. — С. 177–180.
99. *Бондаренко, А. А.* Проблемы терминологии и классификации грамот метрики королевы Боны / А. А. Бондаренко // Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археографии: Материалы XXIV междунар. науч. конф. Москва, 2–3 февр. 2012 г. М.: РГГУ, 2012. — С. 199–202.
100. *Бондаренко, А. А.* Бона Сфорца, королева польская и «найвысшая» княгиня литовская / А. А. Бондаренко // Ежегодник историко—антропологических исследований 2011–2012. М., 2012. — С. 183–198.
101. *Бондаренко, А. А.* Право «подавания» православных церквей как прерогатива польской королевы Боны Сфорца / А. А. Бондаренко // Вестник РГГУ. Сер. Исторические науки. М., 2012. № 21. — С. 83–92.

102. *Бондаренко, А. А.* Метрика королевы Боны: определение понятия, состав, исследовательские практики / А. А. Бондаренко // Исторический ежегодник 2012: Сб. науч. тр. / Институт истории СО РАН. Новосибирск : Параллель, 2012. — С. 5–20.

103. *Бондаренко А. А.* Метрика королевы Боны: определение понятия, состав, исследовательские практики / А. А. Бондаренко // Исторический ежегодник 2012 : сб. науч. тр. / Ин-т истории СО РАН. — Новосибирск : Параллель, 2012. — С. 5–20. — Режим доступа : http://www.history.nsc.ru/website/history_institute/var/custom/File/IE2012/01_Bondarenko.pdf, свободный.

104. *Бондаренко, А. А.* Западнорусские епархии в практике церковной инвеституры польской королевы Боны Сфорца / А. А. Бондаренко // материалы VII Международной конференции «Поляки в России». Краснодар, 2018 (в печати).

105. *Бондаренко, А. А.* Состав владений Боны Сфорца в Великом княжестве Литовском / А. А. Бондаренко // *Ministri historiae: pagalbiniai istorijos mokslai Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės tyrimuose. Mokslinių straipsnių rinkinys, skirtas dr. Edmundo Antano Rimšos 65-mečio sukakčiai.* Vilnius, 2013. — P. 213–227.

106. *Бондаренко, А. А.* Теоретические основания актового источниковедения А.С. Лаппо-Данилевского в дипломатике литовских средневековых актов / А. А. Бондаренко // Сайт научно-педагогической школы источниковедения Источниковедение.ru. URL: http://ivid.ucoz.ru/publ/lappo_150/bondarenko_id/16-1-0-147, свободный (дата обращения: 15.04.2018).

107. *Бондаренко, А. А.* Теоретические основания актового источниковедения А. С. Лаппо-Данилевского в дипломатике литовских средневековых актов / А. А. Бондаренко // Диалог со временем: альм. интеллектуал. истории. М., 2014. Вып. 46. — С. 63–71.

108. *Бондаренко, А. А.* Публично-правовые и частноправовые акты в дипломатике Великого княжества Литовского / А. А. Бондаренко // Вестник

РГГУ. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение. — М.: РГГУ, 2015. — № 9 (152). — С. 71–78.

109. *Бондаренко, А. А.* Канцелярия Боны Сфорца в контексте изучения документальной традиции Великого княжества Литовского: к постановке проблемы / А. А. Бондаренко // Барська земля Поділля — європейська спадщина та перспективи сталого розвитку: Матеріали III міжнародної науково-практичної конференції, присвяченої 520-річчю з дня народження Бони Сфорци та 120-річчю виходу у світ праці М.С. Грушевського «Барське староство. Історичні нариси XV–XVIII ст.». Бар, 26 вересня 2014 р. Київ–Бар, 2014. — С. 201–206.

110. *Бондаренко, А. А.* Ставленные листы метрики королевы Боны как исторический источник / А. А. Бондаренко // Гуманитарные науки в Сибири. — Новосибирск, 2015. — № 4 (Т. 22). — С. 10–15.

111. *Бондаренко, А. А.* Перспективы просопографического изучения состава канцелярских служителей Великого княжества Литовского XV–XVI вв. / А. А. Бондаренко // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXVIII междунар. науч. конф. Москва, 14–16 апр. 2016 г. — М.: Аквилон, 2016. — С. 139–141.

112. *Бондаренко, А. А.* Источники по истории Усвятской волости в метрике королевы Боны / А. А. Бондаренко // Сайт школы-конференции молодых ученых ИРИ РАН. Режим доступа: <http://www.mkonf.iriran.ru/papers.php?id=222>, свободный (дата обращения: 15.04.2018).

113. *Боряк, Г. В., Абросимова, С. В.* Разновидности актовых документов Литовской метрики / Г. В. Боряк, С. В. Абросимова // Проблемы применения количественных методов анализа и классификации источников по отечественной истории. Днепропетровск : ДГУ, 1988. — С. 85–89.

114. *Брянцев, П. Д.* История Литовского государства с древнейших времен : монография / П. Д. Брянцев. — Вильна: тип. Сыркина, 1889. — 675 с.

115. *Булгаков, Г. [И].* Западнорусские православные церковные соборы как органы церковного управления: Опыт ист.-канон. исслед. / Г. [И]. Булгаков. — Курск : Епарх. тип., 1917. — [6], VI, 324 с.

116. *Бычкова, М. Е.* Документы Литовской метрики как источник деятельности канцелярии Великого княжества Литовского (конец XV — перв. четв. XVI в.) / М. Е. Бычкова // Литовская метрика : Тез. докл. межресп. науч. конф. Вильнюс, 1988. — С. 31–33.

117. *Бычкова, М. Е.* Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г.: Опыт сравнительно-исторического изучения политического строя / М. Е. Бычкова. — М. : Изд. центр ИРИ, 1996. — 173, [2] с.

118. *Бычкова, М. Е.* Русско-литовская знать XV–XVII вв. Источниковедение. Генеалогия. Геральдика / М. Е. Бычкова ; сост. и авт. предисл. «От составителей» (с. 5–7) : О. И. Хоруженко, Р. Б. Казаков. — М. : Квадрига, 2012. — 367 с. : ил.

119. *Бычкова, М. Е., Хоруженко, О. И.* Современные принципы издания кириллических документов Литовской метрики / М. Е. Бычкова, О. И. Хоруженко // Труды Института российской истории РАН : Отв. ред. А. Н. Сахаров; Сост. Е. Н. Рудая ; РАН, Ин-т рос. истории. — Вып. 8. — М. : Наука, 2009. — С. 70–86.

120. *Валк, С. Н.* Начальная история древнерусского частного акта / С. Н. Валк // Вспомогательные исторические дисциплины : Сб. статей. — М. : Изд-во АН СССР ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937. — С. 285–318.

121. *Валк, С. Н.* Избранные труды по историографии и источниковедению : научное наследие / С. Н. Валк. — СПб. : Наука, 2000. — 663 с.

122. Варшавский епархиальный вестник. Варшава, 1906–1917.

123. *Васіленка Г.* Гістарыяграфія і крыніцы праблемы «Дзейнасць Боны Сфорца на тэрыторыі Беларусі (1518–1555 гг.)» / Г. Васіленка // Гістарычна-археалагічны зборник. Вып. 28. — Мінск, 2013. — С. 45–51.

124. *Васюк, Г. В., Карев, Д. В.* Православная церковь в Великом княжестве Литовском и Польше в XIV–XVIII вв. / Г. В. Васюк, Д. В. Карев // Наш радавод : международная научная конференция по региональной истории Восточной Европы «Культура народов Вел. Кн. Литовского и Белоруссии. XIII — нач. XX в.» (1991, Гродно). Кн. 3, Ч. 2 : материалы. Гродно : Б. и., 1991. — С. 203–210.

125. *Ващук, Д. П.* До історії повсякдення Великого князівства Литовського (Інститут «старини» за матеріалами 32-ї книги записів) / Д. П. Ващук // *Ukraina Lithuanica: студії з історії Великого князівства Литовського*. Т. 2. — Київ, 2013. — С. 191–208.

126. *Введенский, А. А.* Лекции по документальному источниковедению истории СССР (Дипломатика) / А. А. Введенский. — Киев : Изд-во. Киевского ун-та им. Т. Г. Шевченко, 1963 . — 219 с.

127. *Веселовский, С. Б.* Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси : монография / С. Б. Веселовский. — М. : Изд-во АН СССР ; Л. : Изд-во АН СССР, 1947. — 2 ч.

128. *Веселовский, С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев : монография / С. Б. Веселовский. — М. : Наука, 1969. — 586 с.

129. Вестник Виленского православного Свято-Духовского братства. Вильна, 1907–1916.

130. Вестник западной России. Вильна, 1864–1871.

131. Вестник Юго-Западной и Западной России. Киев, 1862–1864.

132. *Владимирский-Буданов, М. Ф.* Очерки по истории литовско-русского права : монография / М. Ф. Владимирский-Буданов. — Киев : Тип. В. И. Завадского, 1889–1890. — 2 ч.

133. *Владимирский-Буданов, М. Ф.* Церковные имущества в Юго-Западной России XVI в. / М. Ф. Владимирский-Буданов // *Архив Юго-Западной России, издаваемый Комиссиею для разбора древних актов, состоящей при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе*. — Киев, 1907. Ч. VIII. Т. IV. С. 1–224.

134. Волынские епархиальные ведомости. Кременец, Почаев, Житомир, 1867–1917.

135. Воспоминания о древнем православии Западной Руси // *История униатской Турово-Пинской епархии XVI–XIX вв.* — М. : Синодальная тип., 1867.

136. *Голенченко, Г. Я.* Реестр книг Метрики Великого княжества Литовского 1623 г./ Г. Я. Голенченко // Исследования по истории Литовской метрики. — М., 1989. Т. 2. — С. 343–344.
137. *Голос литовской православной епархии.* Каунас, 1924–1940.
138. *Голубев, С. Т.* Материалы для истории западнорусской церкви / С. Т. Голубев. — Киев : тип. Имп. Ун-та св. Владимира В.И. Завадского, 1891. — Вып. I. — 24 с.
139. *Голубев, С. Т.* Объяснительные параграфы по истории западнорусской церкви : монография / С.Т. Голубев. — Киев : Б. и., 1893. — 88 с.
140. *Грицкевич, А. П.* Слуцк. Историко-экономический очерк : монография / А. П. Грицкевич. — Изд. 2-е перераб. и дополн. — Минск : Беларусь, 1970. — 112 с.
141. *Грицкевич, А. П.* Историография истории православной церкви в Белоруссии (XIV — середина XVI века) / А. П. Грицкевич // Из истории книги в Белоруссии : Сб. статей. — Минск : АН Белорусской ССР, 1976. — С. 122–139.
142. *Гродненские епархиальные ведомости.* Гродно, 1901–1915.
143. *Груша, А. І.* Канцылярыя Вялікага княства Літоўскага 40-х гадоў XV — першай паловы XVI ст. : монографія / А. І. Груша. — Мінск : Беларуская навука, 2006. — 215 с.
144. *Груша, А. І.* «Хранить вечно». Архивы Великого княжества Литовского конца XIV первой трети XVI в. / А. И. Груша // Исторический вестник. Т. 7 (154). Литва, Русь и Польша XIII–XVI вв. — М., 2014. — С. 6–53.
145. *Груша, А. І.* Документальная письменность Великого княжества Литовского (конец XIV — первая треть XVI в.) : монографія / А. І. Груша // — Минск : Беларуская навука, 2015. — 465 с.
146. *Грушевский, А. С.* Пинское Полесье XIV–XVI вв. : Исторические очерки : монография / А. С. Грушевский. — Киев : Тип. Ун-та св. Владимира Н. Т. Корчак-Новицкого, 1901–1903. — 2 т.

147. *Грушевский, А. С.* Города Великого княжества Литовского в XIV–XVI вв. Старина и борьба за старину : монография / А. С. Грушевский. — Киев : Б. и., 1918 . — 240 с.

148. *Грушевский, М. С.* Барское старство. Исторические очерки: XV–XVIII вв. : монография / М. С. Грушевский. — Киев : Тип. Ун-та Св. Владимира И. Завадского, 1894. — 404 с.: 1 л. карт., 1 л. табл.

149. *Грушевский, М. С.* Южнорусские господарские замки в половине XVI века. Историко-статистический очерк / М. С. Грушевский. — Киев : Тип. ун-та [Св. Владимира И. Завадского], 1890. — 34 с.

150. *Гудавичюс, Э.* История Литвы. Т. I: С древнейших времен до 1569 года : монография / Э. Гудавичюс. — М. : Фонд им. И. Д. Сытина, 2005. — 686 с.

151. *Данилович, И. Н.* Взгляд на литовское законодательство и литовские статуты / И. Н. Данилович // Юридические записки, издаваемые Петром Редкиным, доктором права и ординарным профессором Императорского Московского университета. — М. : Б. и., 1841. — Т. I. — С. 1–47.

152. *Дворниченко, А. Ю.* Историография Великого княжества Литовского и «Очерк истории Литовско-Русского государства» М. К. Любавского // *Любавский М. К.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. — СПб. : Наука, 2004. — С. 14–30.

153. *Дзярнович, О. [И].* Инвентарь «Книг Метрики ВКЛ по-новому переплетенный и составленный» Григорием Качановским (1787 г.): источник по истории государственного архива Великого княжества Литовского / О. И. Дзярнович // *Lietuvos Statutas ir lietuvos didžiosios kunigaikštystės bajoriškoji visuomenė.* — Vilnius, 2015. — P. 261–276.

154. *Дмитриев М. В., Флоря Б. Н., Яковенко С. Г.* Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI — начале XVII в. Ч. I: Брестская уния 1596 г.: Исторические причины: сб. статей / отв. ред. Б. Н. Флоря. — М. : Изд-во «Индрик», 1996. — 199 с.

155. *Дмитриев, М. В.* Киевская митрополия во второй половине XVI в. и генезис Брестской церковной унии 1595–1596 гг. : автореф. дис. док. ... ист. наук.: 07.00.03 / Михаил Владимирович Дмитриев. — М., 2001. — 46 с.
156. *Дмитриев, М. В.* Между Римом и Царьградом. Генезис Брестской церковной унии 1595–1596 гг. : монография / М. В. Дмитриев. — М. : Исторический факультет МГУ, 2003. — 319 с.
157. *Добровольский, Д. А.* О видовой классификации древнерусских письменных источников / Д. А. Добровольский // Вестник РГГУ : ежемес. науч. журн. Сер. «Ист. науки» / гл. ред. Е. И. Пивовар ; Рос. гос. гуманитар. ун-т. — М. : РГГУ, 2011. — № 12. — С. 13–24.
158. *Добрянский, А. И.* История епископов трех соединенных епархий, Перемышльской, Самборской и Саноцкой, от наидавнейших времен до 1794 г. : монография / А. И. Добрянский. — Львов : Б. и., 1893.
159. *Довнар-Запольский, М. В.* Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах: монография / М. В. Довнар-Запольский. — Киев : Тип. Имп. Ун-та Св. Владимира, акц. общ-ва печ. и изд. дела Н. Т. Корчак-Новицкого, 1901. — Т. I. — VIII, 807, [3], V–СХII, II с., 1 л. табл.
160. *Довнар-Запольский, М. В.* Договор рады В[еликого] кн[яжества] Литовского с в[еликим] кн[язем] Сигизмундом Августом / М. В. Довнар-Запольский : подг. текста и вступит. статья. — Б. м., б. д.
161. *Довнар-Запольский, М. В.* Очерк по организации западнорусского крестьянства в XVI в.: монография / М. В. Довнар-Запольский. — Киев : Киевская артель печатного дела, 1905. — 473 с.
162. *Дубонис А.* Акты, относящиеся к истории Западной России, т. 1(6): Сборник документов канцелярии великого князя литовского Александра Ягеллончика (1494–1506 гг.) [рец.] / А. Дубонис // Новости Литовской метрики. № 14. — Вильнюс, 2014. — С. 11–17.
163. *Журавский, А. И.* Деловая письменность в системе старобелорусского литературного языка / А. И. Журавский // Восточнославянское и общее языкознание. — М., 1978. — С. 185–191.

164. *Зимин, А. А.* Методика издания древнерусских актов / А. А. Зимин. — М. : МГИАИ, 1959. — 64 с.

165. *Знаменский, П. В.* Руководство к русской церковной истории. / П. В. Знаменский. — Изд. испр. и доп. — Казань : Университетская тип., 1886. — 532, VII с.

166. Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы : сб. статей / под ред. Л. П. Репиной. — Изд. 2-е. — М. : Изд-во ЛКИ, 2012. — 608 с.

167. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М. : РГГУ, 2004. — 701 с.

168. *Казаков Р. Б.* Введение в источниковедческом исследовании : опыт построения / Р. Б. Казаков // Вестник РГГУ : ежемес. науч. журн. Сер. «Ист. науки» / гл. ред. Е. И. Пивовар ; Рос. гос. гуманитар. ун-т. — М. : РГГУ, 2008. — № 4. — С. 350–367.

169. *Казаков Р. Б., Румянцева М. Ф.* Идеи А.С. Лаппо-Данилевского в интеллектуальных контекстах XX–XXI веков: «круглый стол» к 150-летию со дня рождения А.С. Лаппо-Данилевского (РГГУ, 6 апр. 2013 г.) / Роман Казаков, Марина Румянцева // Новое литературное обозрение [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — М., 2013. — № 124 (6/2013). URL: <http://www.nlobooks.ru/node/4216>, свободный (дата обращения 15.04.2018).

170. *Карев, Д. В.* Великое княжество Литовское в российской либеральной историографии / Д. В. Карев // Наш радавот : международная научная конференция по региональной истории Восточной Европы «Культура народов Вел. Кн. Литовского и Белоруссии. XIII — нач. XX в.» (1991, Гродно). Кн. 2, Ч. 1 : материалы. — Гродно : Б. и., 1991. — С. 146–160.

171. *Карский, Е. Ф.* Белорусы: [В 3-х тт. (7 кн.)] / Е. Ф. Карский. — Москва–Вильна–Варшава–Петроград, 1904–1922. — 3 т.

172. *Карташев А. В.* Очерки по истории русской церкви: монография / А. В. Карташев. — М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2009. — 2 т.

173. *Каштанов, С. М.* К вопросу о классификации и составлению заголовков жалованных грамот / С. М. Каштанов // Исторический архив. — 1956. — № 3. — С. 211–217.
174. *Каштанов, С. М.* Акты / С. М. Каштанов // Советская историческая энциклопедия. Т. I. — М., 1961. — С. 313.
175. *Каштанов, С. М.* Дипломатика как специальная историческая дисциплина / С. М. Каштанов // Вопросы истории. — М., 1965. — № 1. — С. 39–44.
176. *Каштанов, С. М.* Очерки русской дипломатики: учеб. пособие / С. М. Каштанов. — М. : Наука, 1970. — 502 с.
177. *Каштанов, С. М.* Русская дипломатика: монография / С. М. Каштанов. — М. : Высшая школа, 1988. — 231 с.
178. *Каштанов, С. М.* Из истории русского средневекового источника. Акты X—XVI вв. / С. М. Каштанов. — М. : Наука, 1996. — 265 с.
179. *Каштанов, С. М.* Актовая археография: монография / С. М. Каштанов. — М. : Наука, 1998. — 318 с.
180. *Каштанов, С. М.* Исследования по истории княжеских канцелярий средневековой Руси: монография / С. М. Каштанов. — М. : Наука, 2014. — 674 с.
181. *Каштанов, С. М.* К изучению летописного Лицевого свода Ивана Грозного / С. М. Каштанов // Археографический ежегодник за 2011 год. — М. : Наука, 2014. — С. 57–79.
182. *Каштанов С. М., Курносоев А. А.* Некоторые вопросы теории источниковедения // Исторический архив. М., 1962. № 4.
183. Киевская старина. Киев, 1882–1907.
184. Киевские епархиальные ведомости. Киев, 1861–1917.
185. *Кириллова Л. А.* Православный приход Киевской митрополии во второй половине XVI века: автореф. дис. канд. ... ист. наук: 07.00.02 / Кириллова Людмила Александровна. — Саратов, 2006. — 22 с.

186. *Ковальский, Н. П.* Источниковедение истории Украины (XVI — первая половина XVII вв.): учеб. пособие / Н. П. Ковальский. Днепропетровск : Изд-во ДГУ, 1977–1979. — 4 ч.

187. *Ковальский, Н. П.* Источники по истории Украины XVI–XVII вв. в Литовской метрике и фондах приказов ЦГАДА : учеб. пособие / Н. П. Ковальский. — Днепропетровск : Изд-во ДГУ, 1979. — 73 с. : ил.

188. *Ковальский, Н. П.* Обзор историографии источниковедения истории Украины XVI — первой половины XVII в. / Н. П. Ковальский // Актуальные историографические проблемы отечественной истории XVII–XIX веков: сб. науч. трудов. — Днепропетровск : Изд-во Днепропетровского университета, 1982. — С. 26–48.

189. *Ковальский, Н. П.* Источники по социально-экономической истории Украины XVI — первой половины XVII века : структура источниковой базы : учеб. пособие / Н. П. Ковальский. — Днепропетровск : Изд-во ДГУ, 1982. — 91 с.

190. *Ковальский, Н. П.* Источниковедение социально-экономической истории Украины (XVI — первая половина XVII в.) : акты о городах : учеб. пособие / Н. П. Ковальский. — Днепропетровск : ДГУ, 1983. — 70 с.

191. *Козловский, И.* Судьбы русского языка в Литве и на Жмуди / И. Козловский // Вестник западной России. Вильна : Тип. М. Ромма, 1869. — Т. IV. Кн. 10. С. 1–16; Кн. 11. С. 45–63; Кн. 12. С. 85–111.

192. *Коллинсон-Морлей, Л.* История династии Сфорца : монография / Л. Коллинсон-Морлей. — СПб. : Евразия, 2005. — 352 с.

193. *Комочев, Н. А.* Теоретические вопросы дипломатики в трудах А.С. Лаппо-Данилевского / Н. А. Комочев // Вестник РГГУ : ежемес. науч. журн. Сер. «Ист. науки» / гл. ред. Е. И. Пивовар ; Рос. гос. гуманитар. ун-т. — М. : РГГУ, 2009. — № 4. — С. 91–99.

194. *Комочев, Н. А.* Царские жалованные грамоты светским лицам (1613–1696 гг.): источниковедческое исследование: автореф. дис. канд. ... ист. наук: 07.00.09 / Комочев Никита Алексеевич. — М., 2010. — 26 с.

195. *Котляров, Г. М.* [Рец.:] Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920 / Г. М. Котляров // Русский исторический журнал. Пг. : Тип. «Новое время», 1922. — Кн. 8. — С. 259–265.

196. *Корзо, М. А.* Социальные и этические вопросы католической и православной церковно-учительной литературы Речи Посполитой XVII в.: автореф. дис. канд. ... ист. наук / Корзо Маргарита Анатольевна. — М., 1999. — 26 с.

197. *Корзо М. А.* Украинская и белорусская катехическая традиция конца XVI–XVIII вв.: становление, эволюция и проблема заимствований : монография / М. А. Корзо. — Российская акад. наук, Ин-т философии. — М. : Канон, 2007. — 671 с.

198. *Коробков, Н.* Русская дипломатика. Краткий очерк / Н. Коробков // Архивное дело. — 1940. — № 1 (53). — С. 17–37; — № 3 (55). — С. 32–43.

199. *Корогодина, М. В.* Евангелие пинского Лещинского монастыря 1506–1513 годов / М. В. Корогодина // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXVIII междунар. науч. конф. Москва, 14–16 апреля 2016 г. — М., 2016. — С. 292–295.

200. *Коялович, М. О.* Литовская церковная уния: монография / М. О. Коялович. — СПб. : Тип. Н. Тихменева, 1859. — 2 т.

201. *Кром, М. М.* Канцелярии и документы великих княжеств Литовского и Московского в XV — первой половине XVI в.: опыт сравнительного анализа / М. М. Кром // Вспомогательные исторические дисциплины : Отв. ред. Плешков В. Н. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2010. — Т. XXXI. — С. 46–56.

202. *Кром, М. М.* Меж Русью и Литвой: Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. / М. М. Кром. — М. : «Археографический центр», 1995. — 304 с.

203. *Кром, М. М.* Понятие «старины» в политической и правовой культуре Великого княжества Литовского XV—XVI вв. / М. М. Кром // Наш радавод : международная научная конференция по региональной истории Восточной

Европы (1991, Гродно). Кн. 3, Ч. 3 : материалы. — Гродно : Б. и., 1991. — С. 540–544.

204. *Кром, М. М.* Радзивилловские акты в фондах Российской национальной библиотеки: перспективы изучения и публикации / М. М. Кром // Lietuvos Metrika. 1991–1996 metu tyrinejimai : Сб. ст. Vilnius, 1998. Р. 229–234.

205. *Кром, М. М.* Стародубская война 1534–1537 гг. Из истории русско-литовских отношений : монография / М. М. Кром. — М. : Рубежи XXI, 2008. — 140 с.

206. *Кручковский, Т. Т.* Великое княжество Литовское времен Витовта в современной польской историографии / Т. Т. Кручковский // Наш Радавод: Кн. 1. Ч. 2: Материалы межд. науч. конференции по региональной истории Восточной Европы. Гродно: Б. и., 1990. — С. 161–165.

207. *Кручковский, Т. Т.* Польская проблематика в русской историографии второй половины XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Кручковский Тадеуш Тадеушевич. М., 1992. — 24 с.

208. *Кручковский, Т. Т.* Польша, Литва, Западная Русь: проблема формирования федеративных структур (концептуальные подходы современной польской историографии) / Т. Т. Кручковский // Наш Радавод: Кн. 3. Ч. 3: Материалы межд. науч. конференции по региональной истории Восточной Европы. Гродно: Б. и., 1991. — С. 522–534.

209. *Лаппо, И. И.* Великое княжество Литовское за время заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569–1586). Опыт исследования политического и общественного строя: монография / И. И. Лаппо. — СПб. : Тип. Скороходова, 1901. — 701 с.

210. *Лаппо, И. И.* Об издании Литовской Метрики / И. И. Лаппо // Летопись занятий Археографической комиссии. — П., 1908. — Вып. XIX.

211. *Лаппо, И. И.* Люблинская Уния и третий Литовский статут / И. И. Лаппо // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1917. — № 5. — С. 89–150.

212. *Лаппо-Данилевский, А. С.* Очерк русской дипломатики частных актов / А. С. Лаппо-Данилевский // подгот. текста А. И. Андреева ; испр. и доп. Е. А. Ростовцева. — СПб. : Северная звезда, 2007. — 284 с.
213. *Лаппо-Данилевский, А. С.* Методология истории / А. С. Лаппо-Данилевский // подгот. текста : Р. Б. Казаков, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. — М. : РОССПЭН, 2010. — 2 т.
214. *Левицкий, О. И.* Предисловие // Архив Юго-Западной России, издаваемый Временною комиссиею для разбора древних актов, Высочайше утвержденною при Киевском военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Киев : Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1883. — Ч. I. — Т. VI. — С. 1–182.
215. *Левицкий, О. И.* Внутреннее состояние западнорусской церкви в Польско-Литовском государстве в конце XVI в. и уния: монография / О. И. Левицкий. — Киев: Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1884. — 247 с.
216. *Леонтович, Ф. И.* Русская Правда и Литовский Статут / Ф. И. Леонтович // Киевские Университетские Известия. Киев, 1865. — № 2. — С. 1–25; — № 3. — С. 1–31; — № 4. — С. 1–38.
217. *Леонтович, Ф. И.* Очерки истории литовско-русского права. Образование территории Литовского государства / Ф. И. Леонтович. — СПб. : Тип. В.С. Балашева, 1894. — 393 с.
218. Литовская метрика: Тез. докл. межресп. науч. конф., апр. 1988 Вильнюс, 1988. — 68 с.
219. Литовские епархиальные ведомости. Вильна, 1863–1916.
220. *Лихачев, Н. П.* Из истории дипломатики (XIX в.) / Н. П. Лихачев. — СПб. : [б. и.], [б. г.] — 52 с.
221. *Лихачев, Н. П.* Бумага и бумажные мельницы в Московском государстве: историко-археографич. очерк. / Н. П. Лихачев. — СПб. : Тип. Имп. академии наук, 1891. — 339 с.
222. *Лихачев, Н. П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков : монография / Н. П. Лихачев. — СПб. : тип. «В. С. Балашев и Ко», 1899. — 3 ч.

223. *Лихачев, Н. П.* Дипломатика (Из лекций, читанных в С.-Петербургском Археологическом институте) / Н. П. Лихачев. — М. : ГПИБ, 2001. — 332 с.
224. *Лотоцький, О.* Соборні крилоси на Україні й Білій Русі в XV–XVI віках // Записки наукового товариства імени Шевченка. — Львів, 1896. — Т. IX.
225. *Лукашова, С. С.* Взаимоотношения клира и мирян в восточных землях Речи Посполитой в конце XVI в.: автореф. дис. канд. ... ист. наук: 07.00.03 / Лукашова Светлана Станиславовна. — М., 2001. — 24 с.
226. *Лукашова, С. С.* Миряне и церковь: религиозные братства киевской митрополии в конце XVI века : монография / С.С. Лукашова. — Институт славяноведения РАН. — Москва : Институт славяноведения РАН, 2006. — 319 с.
227. *Любавский, М. К.* К вопросу об ограничении политических прав православных князей, панов и шляхты в Великом княжестве Литовском / М. К. Любавский // Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому. — М. : Печатня С. П. Яковлева, 1909. — С. 1–17.
228. *Любавский, М. К.* Литовско-русский сейм: Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства: монография / М. К. Любавский. — М. : Университ. тип., 1900. — 1160 с.
229. *Любавский, М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого Литовского Статута: монография / М. К. Любавский. — М. : Университетская тип., 1892. — 998 с.
230. *Любавский, М. К.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно: монография / М. К. Любавский. — Изд. 2-е. — М. : Московская художественная печатня, 1915. — 409 с.
231. *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. М. : Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994–1996. — 12 т.
232. *Максимейко, Н. А.* Источники уголовных законов Литовского статута : монография / Н. А. Максимейко. — Киев : тип. Ун-та св. Владимира В. И. Завадского, 1894. — [2], VI, 185 с.

233. *Максимейко, Н.А.* Сеймы Литовско-Русского государства до Люблинской унии 1569 г.: монография / Н. А. Максимейко. — Харьков : Тип. А. Дарре, 1902. — [2], IV, 205 с.
234. *Малиновский, И. А.* Рада Великого княжества Литовского в связи с Боярской думой древней Руси: монография / И. А. Малиновский. — Томск : паровая типо-лит. П.И. Макушина, 1903–1904. — 2 ч.
235. *Малышевский, И. И.* Киевские церковные соборы / И. И. Малышевский // Труды Киевской духовной академии. 1884. — № 12.
236. *Медушевская, О. М.* Историческая антропология как феномен гуманитарного знания: перспективы развития / О. М. Медушевская // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. Москва, 4–6 февр. 1998 г. — М., 1998.
237. *Медушевская, О. М.* Теория и методология когнитивной истории: монография / О. М. Медушевская. — М. : РГГУ, 2008. — 358 с.
238. *Мейчик, Д. А.* Грамоты XIV и XV вв. Московского архива Министерства юстиции / Д. А. Мейчик. — М. : тип. Л. Ф. Снегирева, 1883. — VIII, 158 с.
239. *Менжинский В. С.* Феодалное землевладение в Белоруссии во второй четверти XVI в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Менжинский Валерий Станиславович. — М., 1988.
240. Минские епархиальные ведомости. Минск, 1868–1917.
241. Могилевские епархиальные ведомости. Могилев, 1883–1917.
242. *Модест (Стрельбицкий)*, бывший епископ Люблинский, ныне Нижегородский и Арзамасский. Холмская православная епархия: монография / Стрельбицкий (Модест). — Варшава : тип. Варшав. учеб. окр., 1886. — [2], 181 с.
243. *Мойсієнко, В.* До проблеми виділення «західноруського» наріччя, або якою мовою писали на теренах українсько—білоруського пограниччя у XVI—XVII столітті? / В. Мойсієнко // Український гуманітарний огляд. Випуск 7. — Київ, 2002. — С. 92–115.

244. *Морозов, Б. Н.* Архив торговых крестьян Шангиных / Б. Н. Морозов // Советские архивы. — 1980. — №2. — С. 57–61.

245. *Морозов, Б. Н.* Библиотека-архив государевых певчих дьяков конца XVI — первой половины XVII в. / Б. Н. Морозов // Царский храм. Благовещенский собор Московского Кремля в истории русской культуры : сост. И. А. Стерлигова, Л. А. Щенникова, отв. ред. А. К. Левыкин. — М. : Куна, 2008. — С. 428–445.

246. *Микулич, Т. Н.* Особенности этноязыкового развития Белоруссии XIII–XVIII вв. как проявление специфики культурной жизни / Т. Н. Микулич // Наш Радавод. Материалы международной научной конференции по региональной истории Восточной Европы «Культура народов Великого княжества Литовского и Белоруссии. XIII — нач. XX вв.». — Кн. 3. Ч. 3. Гродно : Б. и., 1991. — С. 417–422.

247. *Миловидов, А. И.* Архив упраздненного Пинского Лещинского монастыря / [соч.] А. И. Миловидова. — М. : Унив. тип., 1900. — 33 с.

248. *Мосейчук, В.* История Пинского Свято-Успенского Лещинского монастыря : монография / В. Мосейчук. — Сергиев Посад, 2002.

249. *Муравьев, А. Н.* История Русской церкви: монография / А. Н. Муравьев. — СПб. : в типографии III Отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1838. — IX, [4], 370 с.

250. *Мяцельскі, А. А.* Мсціслаўскае княства і ваяводства ў XII–XVIII ст. : монография / А. А. Мяцельскі. — Мінск. : Беларуская навука, 2010. — 664 с.

251. *Николай, архим.* Историко-статистическое описание Минской епархии / архим. Николай. — СПб. : Странник, 1864. — 328 с.

252. *Никольский, Н. М.* История русской церкви: монография / Н. М. Никольский. — Минск : Беларусь, 1990. — 541 с.

253. Новости Литовской Метрики: науч.-информацион. прил. журн. Lietuvos istorijos matraštis (Ежегодник истории Литвы). Vilnius, 1996—2012.

254. *Оглобин, Н. Н.* Объяснительная записка к карте Полоцкого повета во 2-ой половине XVI века / Н. Н. Оглобин // Сб. Археологического института. — СПб., 1880. Кн. 3. Отд. II. — С. 3–53; — СПб., 1880. Кн. 4. Отд. II. — С. 3–75.

255. *Пежемский, В. Г.* Волости Озерища и Усвят в XVI в. // Староладожский сборник / отв. ред. А.А. Селин. 2002. Вып. 5. URL: <http://www.ladogamuseum.ru/litera/pezhemsky/pub129/> (дата обращения: 15.04.2018).

256. *Перов, И. Ф.* Епархиальные учреждения в русской церкви в XVI и XVII веках. Историко-канонический очерк: монография / И. Ф. Перов. — Рязань : Губернская тип., 1882. — 224 с.

257. *Пилипенко, М. Ф.* Возникновение Белоруссии: Новая концепция: монография / М. Ф. Пилипенко. — Минск : Беларусь, 1991. — 143 с.

258. *Пичета, В. И.* Литовский Статут 1529 г. и его источники / В. И. Пичета // Ученые записки института славяноведения : сб. ст. — Т. V. М. : Изд-во АН СССР, 1952. — С. 244–258.

259. *Пичета, В. И.* Литовско-польские унии и отношение к ним литовско-русской шляхты / В. И. Пичета // Белоруссия и Литва в XV–XVI вв. (исследования по истории социально-экономического, политического и культурного развития) : сб. уч. трудов. — М. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 525–550.

260. *Пичета, В. И.* Проверка прав на землю во владениях королевы Боны / В. И. Пичета // Белоруссия и Литва в XV–XVI вв. (исследования по истории социально-экономического, политического и культурного развития: сб. уч. трудов. — М. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 11–21.

261. *Пичета, В. И.* Волочная устава королевы Боны и устава на волоки / В. И. Пичета // Белоруссия и Литва в XV–XVI вв. (исследования по истории социально-экономического, политического и культурного развития) : сб. уч. трудов. — М. : Изд-во АН СССР, 1961. — С. 21–43.

262. *Платон (Левшин), митрополит.* Краткая церковная российская история М. : Б. и., 1805. — 2 т.

263. *Площанский, В. М.* Прошлое Холмской Руси по архивным документам XV–XVIII вв. и др[угим] источникам : монография / В. М. Площанский. — Вильна : тип. А. А. Зака, 1899–1901. — 2 т.

264. *Покровский, И. М.* Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав, пределы : монография / И. М. Покровский. — Казань : типо-лит. Имп. Унта, 1897. — 2 т.

265. *Полищук, В. В.* Между процедурой и формуляром: источниковедческий анализ судебных записей замковых книг перед реформой 1564–1566 гг. (на примере Луцких замковых книг 1558–1566 гг.) / В. В. Полищук // Lietuvos Didziosios Kunigaikstystes istojos saltiniai. Faktas. Kontekstas. Interpretacija. Vilnius, 2007. — P. 355–380.

266. *Полищук, В. В.* Ревизия Волынских мыт и особенности документального состава книги Литовской Метрики № 22 (1547 г.) / В. В. Полищук // Istorijos Šaltinių Tyrimai / Lietuvos Istorijos Institutas ; Vilniaus Universitetas ; sudarė A. Dubonis. Vilnius : LI leidykla, 2010. — Т. 2. — P. 142–143.

267. *Полознев, Д. Ф.* Благословенные и ставленные грамоты Ростовской и Вологодской епархий XVI–XVII веков из фондов отдела письменных источников Государственного исторического музея / Д. Ф. Полознев // Сообщения Ростовского музея : сб. ст. — Ростов, 1995. — Вып. VIII. — С. 49–57.

268. Полоцкие епархиальные ведомости. Витебск, 1874–1917.

269. Православная Волынь: Еженедельный орган духовенства и мирян Волынской епархии. Житомир, 1917–1918.

270. *Пташицкий, С. Л.* К вопросу об изданиях и комментариях Литовского Статута: историко-библиографическая справка : монография / С. Л. Пташицкий. — СПб. : тип. С. А. Корнатовского, 1893. — 78 с.

271. *Рагаускене, Р.* Канцлеры Великого княжества Литовского и Литовская Метрика в XVI в.: вопросы сохранности документов государственной канцелярии / Р. Рагаускене // Новости Литовской Метрики. — Вильнюс, 2003. № 7. — С. 35–47.

272. *Репина, Л. П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. Социальные теории и историографическая практика : монография / Л. П. Репина. — М. : Кругъ, 2011. — 560 с.
273. *Ростовцев, Е. А.* А.С. Лаппо-Данилевский — основатель русской школы дипломатики частного акта / Е. А. Ростовцев : вступ. ст. // Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатики частных актов. СПб. : Северная звезда, 2007. — С. 225–273.
274. *Румянцева, М. Ф.* Феноменологическая концепция источниковедения в познавательном пространстве постпостмодерна / М. Ф. Румянцева // Вестник РУДН. Сер. «Ист. науки». — М., 2006. — № 2 (6). — С. 5–17.
275. *Рункевич, С. Г.* История Минской архиепископии (1793–1832 гг.) : С подробным описанием хода воссоединения западно-русских униатов с православной церковью в 1794–1796 гг. : монография / С. Г. Рункевич. — СПб. : тип. А. Катанского и Ко, 1893. — XVI, 572, XXXVIII с.
276. *Рыбакоў, А. Я.* Арганізацыя дзяржаўнага архіва Вялікага княства Літоўскага ў XVI ст. / А. Я. Рыбакоў // Архівы і справаводства. 1999. № 2. — С. 70–76.
277. *Рыбинский, В. П.* Киевская митрополичья кафедра с половины XIII до конца XVI века : монография / В. П. Рыбинский. — Киев : тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1891. — 101 с.
278. *Сапунов, А. П.* Усвят (местечко Витебской губ.) и святыни его / А. П. Сапунов. — Витебск, 1889. — 35, [9] с. : 1 л. ил.
279. *Свяжынскі, У.* Праблема ідэнтыфікацыі афіцыйнай мовы Вялікага княства Літоўскага // *Metriciana: Даследаванні і матэрыялы Метрыкі Вялікага княства Літоўскага.* — Т. I. Мінск, 2001. — С. 109–136.
280. *Свяжынскі, У.* Аб статусе беларускай і украінскай моў у часы Вялікага княства Літоўскага // *Metriciana: Даследаванні і матэрыялы Метрыкі Вялікага княства Літоўскага.* — Т. II. — Мінск, 2003. — С. 132–163.
281. *Середа, Н. В.* Реабилитация методологии / Н. В. Середа // Диалог со временем: альм. интеллектуал. истории. М., 2014. Вып. 46. — С. 38–44.

282. Смоленские епархиальные ведомости. Смоленск, 1865–1918.
283. *Собчук В., Тесленко І.* Перші покоління шляхетського роду Болбасів-Розтоцьких / В. Д. Собчук, І. Тесленко // Вісник Львівського ун-ту. Сер. історична. Вип. 44. — Львів, 2009. — С. 276–278.
284. *Солодов, П. В.* Усвяты / П. В. Солодов. — Л. : Лениздат, 1986. — 76,[2] с. : ил.
285. *Стефанович, П. С.* Приход и приходское духовенство в России в XVI—XVII веках : монография / П. С. Стефанович. — М. : Изд-во Индрик, 2002. — 346 с.
286. *Строев, П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви : монография / П. М. Строев. — СПб. : Изд-во Археографической комиссии, 1877. — X с., 1064, 68 стб.
287. *Суприянович, А. Г.* Гендерная история / А. Г. Суприянович // Теория и методология исторической науки: терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян. — М. : Аквилон, 2014. — С. 68–69.
288. *Сухорученко, С. С.* Социальный и географический состав вкладчиков Супрасльского монастыря XVI–XVII вв. / С. С. Сухорученко // Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве : материалы XXIII междунар. науч. конф. Москва, 27—29 янв. 2011 г. — М. : РГГУ, 2011. — С. 422–424.
289. *Теодорович, Н. И.* Город Кременец Волынской губернии. Церковно-исторический очерк : монография / Н. И. Теодорович. — Почаев : тип. Почаево-Успенской Лавры, 1890. — 115 с.
290. *Теодорович, Н. И.* Город Владимир Волынской губернии в связи с историей Волынской иерархии : монография / Н. И. Теодорович. — Почаев : тип. Почаево-Успенской Лавры, 1893. — 234, 269, XIII с.
291. Терминологический словарь частных актов Московского государства / Под ред. и с предисл. А. И. Андреева ; Российская Академия наук. — Пг. : [Рос. гос. акад. тип.], 1922. — XIII, [1], 54 с.

292. *Тихомиров, Н. Д.* Галицкая митрополия. Церковно-историческое исследование : монография / Н. Д. Тихомиров. — СПб. : Печатня Е. Евдокимова, 1895. — 186 с.

293. *Топалова, Т. А.* Задачи изучения канцелярии Великого княжества Литовского на материалах Литовской метрики / Т. А. Топалова // Литовская метрика: Тез. докл. межресп. науч. конф. — Вильнюс, 1988. — С. 28–31.

294. *Топалова, Т. А.* Задачи изучения истории великокняжеской канцелярии Жигимонта I Старого периода канцлерства О.М. Гаштольда: (По материалам книг-копий Литовской метрики, 1522–1539 гг.) / Т. А. Топалова // Вопросы историографии и источниковедения дооктябрьского периода. — М., 1992. — С. 5–27.

295. *Трачевский, А. С.* Польское бескоролье по прекращении династии Ягеллонов : монография / А. С. Трачевский. — М. : тип. Грачева и Ко, 1869. — 655 с.

296. Труды Киевской духовной академии. Киев, 1860–1917.

297. *Тугова, Т. А.* Из истории архива Соловецкого монастыря / Т. А. Тугова // Археографический ежегодник за 1983 г. — М., 1985. — С. 58–67.

298. *Тугова, Т. А.* Коллекция грамот из ризницы Соловецкого монастыря (к истории документального комплекса) / Т. А. Тугова // Россия в IX–XX веках. — М., 1999. — С. 468–475.

299. *Тугова, Т. А.* Сохраненные святыни Соловецкого монастыря: Кат. выставки / авт. вступ. ст. и сост. Тугова Т. А. — Москва: Белый берег, 2001. — 298 с.

300. *Улащик, Н. Н.* Очерки по археографии и источниковедению Белоруссии феодального периода : монография / Н. Н. Улащик. — М. : Наука, 1973. — 302 с.

301. *Фефелова, О. А.* Православные братства на восточнославянских территориях Речи Посполитой во второй половине XVI — первой половине XVII вв.: автореф. дис. канд. ... ист. наук : 07.00.02 / Фефелова Оксана Анатольевна. — Томск, 2001. — 20 с.

302. *Филин, Ф. П.* Об истоках русского литературного языка / Ф. П. Филин // Вопросы языкознания. М. : Наука, 1974. № 3.
303. *Флоря, Б. Н.* Отношения государства и церкви у восточных и западных славян: (Эпоха Средневековья) : монография / Б. Н. Флоря // отв. ред. Л. В. Милов; Ин-т славяноведения РАН. — М. : Наука, 1992. — 157 с.
304. *Флоря, Б. Н.* Восточные патриархи и западнорусская церковь / Б. Н. Флоря // Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI — начале XVII века. — Ч. 1. — М., 1996. — С. 117–130.
305. *Флоря, Б. Н.* Исследования по истории церкви. Древнерусское и славянское средневековье : монография / Б. Н. Флоря. — М. : Православная энциклопедия, 2007. — 436 с.
306. *Флоря, Б. Н.* Западнорусская митрополия / Б. Н. Флоря // Православная энциклопедия. — Т. 19. — М. : Изд-во Православная энциклопедия, 2009. — С. 612–615.
307. Холмско-Варшавский епархиальный вестник. Варшава, 1877–1905.
308. *Хорошкевич, А. Л.* Жалованные грамоты Литовской метрики конца XV века и их классификация / А. Л. Хорошкевич // Источниковедческие проблемы истории народов Прибалтики: сб. ст. — Рига : Зинатне, 1970. — С. 47–74.
309. *Хорошкевич, А. Л.* К истории издания и изучения Литовской метрики // Acta Baltico-Slavica. Т. 8. — Bialystok, Warszawa, 1973. — С. 69–94.
310. *Хорошкевич, А. Л.* Первая российская публикация книг Литовской Метрики или о пользе распределения издательских обязанностей / А. Л. Хорошкевич // Новости Литовской метрики. № 14. — Вильнюс, 2014. — С. 18–20.
311. *Хоруженко, О. И.* Дворянские дипломы XVIII века в России: монография / О. И. Хоруженко. — М. : Наука, 1999. — 419 с.
312. *Хоруженко, О. И.* Кодикологический аспект проблемы начального состава книг Литовской метрики / О. И. Хоруженко // Палеография и

кодикология: 300 лет после Монфокона: Материалы междунар. науч. конф. Москва, 14–16 мая 2008 г. — М. : РГГУ, 2008. — С. 233–242.

313. *Хоруженко, О. И.* [Рецензия] / О. И. Хоруженко // Новости Литовской Метрики: науч.-информацион. прил. журн. «Lietuvos istorijos matrastis» (Ежегодник истории Литвы)». — Вильнюс, 2009. — № 10. 2007/2008. — С. 5–8.

314. *Хоруженко, О. И.* Современные принципы публикации актов Литовской метрики / О.И. Хоруженко // Археографический ежегодник за 2011 год. — отв. ред. С. О. Шмидт. — М. : Наука, 2014. — С. 347–363.

315. *Чаропко, В. К.* Великие князья Великого княжества Литовского : монография / В. К. Чаропко. — 2-е изд., испр. — Минск : Беларусь, 2013. — 264 с. : ил.

316. *Черепнин, Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. : монография / Л. В. Черепнин. — М., Л. : Изд-во АН СССР, 1948–1951. — 2 т.

317. *Черепнин, Л. В.* Русская палеография : учеб. пособие / Л. В. Черепнин. — М. : Гос. Изд-во полит. Лит-ры, 1956. — 616 с.

318. *Черкасова, М. С.* Корпус актовых источников по северно-русским епархиям XVI–XVII вв. / М. С. Черкасова // Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археографии: Материалы XXIV междунар. науч. конф. Москва, 2–3 февр. 2012 г. — М. : РГГУ, 2012. — С. 113–127.

319. *Черкасова, М.С.* Архивы вологодских монастырей и церквей XV–XVII вв.: исследование и опыт реконструкции : монография / М. С. Черкасова. — Вологда : Древности севера, 2012. — 576 с.: ил.

320. *Чистович, И. А.* Очерк истории западнорусской церкви : монография / И. А. Чистович. — СПб. : тип. Департамента уделов, 1882. — 2 ч.

321. *Шеков, А. В.* Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в. : монография / А. В. Шеков. — М. : Квадрига ; Русская панорама, 2012. — 364 с.

322. *Шумаков, С. А.* Грамоты и записи / С. А. Шумаков // Обзор грамот Коллегии экономии. Вып. IV. — М. : Синодальная тип., 1917. — С. 1–43.

323. *Шустова, Ю. Э.* Документы Львовского Успенского Ставропигийского братства (1586–1788): источниковедческое исследование :

монография / Ю. Э. Шустова. — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. — 666 с.

324. *Ясинский, М. Н.* Уставные земские грамоты Литовско-Русского государства : монография / М. Н. Ясинский. — Киев : Университетская тип., 1889. — 210 с.

325. *Antanavičius, D.* Originalių Lietuvos metrikos XVI a. knygų sąrašas / D. Antanavičius // Istorijos šaltinių tyrimai. — Vilnius, 2012. T. 4. — P. 157–185.

326. *Bardach, J.* Bratstwa cerkiewne na ziemiach Rzeczypospoliteej XVI–XVIII w. / J. Bardach // Kwartalnik historyczny. 1967. — № 1. — S. 77–82.

327. *Bardach, J.* Studia z ustroju państwa i prawa Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVII w. : монография / J. Bardach. — Warszawa : Państwowe Wydawn. Naukowe, 1970.

328. *Bardach, J.* Statuty litewskie w ich kregu prawno-kulturowym // J. Bardach. O dawnej i niedawnej Litwie. — Poznan, 1988. — S. 9–71.

329. *Barwiński E.* Archiwum Radziwiłłów w Nieświeżu. Rys historii i sprawozdanie z poszukiwań // Archiwum Komisji historycznej PAU. 1909–1913. T. 11.

330. *Bieńkowski, L.* Organizacja kościoła wschodniego w Polsce / L. Bieńkowski // Kościół w Polsce. Vol. 2. Wieki XVI–XVIII. — Kraków, 1969. — S. 779–1049.

331. *Bogucka, M.* Bona Sforza : монография / М. Bogucka. — Warszawa, 1989.

332. *Buczek K.* Z dziejów polskiej archiwistyki prywatnej. Archiwa XX. Czartoryskich. Kraków, 1938.

333. *Chodynicki, K.* Kościół prawosławny a Rzeczpospolita Polska: Zarys historyczny (1370–1632). Warszawa, 1934.

334. *Cioffari, G.* Bona Sforza. Donna del Rinascimento tera Italia e Polonia, 2000.

335. *Czermak, W.* Sprawa równouprawnienia schizmatyków I katolików na Litwie (1432–1563 r.) // Rozprawy Akademji Umiejetnosci. — Krakow, 1903. T. XIX. — S. 348–405.

336. *Dubonis, A.* Lietuvių kalba: poreikis ir vartojimo mastai (XV a. antra pusė — XVI a. pirma pusė). Naujasis Židinys-Aidai, 2002. — № 9–10. — S. 473–478.

337. *Fijalek, S.* Los unji florenckiej w Wielkiem ksiestwie Litewskiem za Kazimierza Jagiellonczyka. — Krakow, 1934.
338. *Halecki, O.* Dzieje unii jagiellonskiej. T. I–II. — Krakow, 1919–1920.
339. *Ісаевич, Я. Д.* Братства та їх роль в розвитку української культури XVI—XVIII ст. : монографія / Я. Д. Ісаевич. — Київ, 1966.
340. *Ісаевич, Я. Д.* Українське книговидання: витоки, розвиток, проблеми : монографія / Я. Д. Ісаевич. — Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2002. — 520 с.
341. *Jakubowski J.* Archiwum państwowe W. X. Litewskiego i jego losy // Archeion. 1931. T. 9.
342. *Jankowski, R.* Burzliwe losy archiwum Radziwiłłów z Nieświeża od XV w. do 1838 r. // Miscellanea historico-archivistica. 2000. T. 11.
343. *Kamieniecki, W.* Ograniczenia wyznaniowe w prawodawstwie litewskim w XV–XVI wieku // Przegląd Historyczny. — Warszawa, 1911. — T. XIII. — S. 268–282.
344. *Kennedy Grimsted, P.* The archival legacy of the Grand Duchy of Lithuania: The fate of historical archives in Vilnius // Slavonic and East European Review. — 1979. № 57. — P. 552–571.
345. *Kennedy Grimsted, P.* What is and what was the Lithuanian Metrica? The contents, history and organization of the chancery archives of the Grand Duchy of Lithuania // Harvard Ukrainian Studies. — Vol. 6. № 3. 1982. — P. 269–338.
346. *Kennedy Grimsted, P.* The «Lithuanian Metrica» in Moscow and Warsaw: Reconstructing the Archives of the Grand Duchy of Lithuania. — Cambridge, Massachusetts, 1984.
347. *Kennedy Grimsted, P.* The Archival Legacy of Soviet Ukraine: Problems of Tracing the Documentary Records of a Divided Nation // Cahiers du Monde Russe et Soviétique 28, no. 1 (1987). — P. 95–108.
348. *Кіаура, Z.* Городской архив времен Великого княжества Литовского как объект комплексного исследования // Дніпропетровський історико-археографічний збірник. Вип. 1. Дніпропетровськ, 1997.

349. *Kiaupa, Z.* The history of Lithuania. — Vilnius, 2002. — 360 p.
350. *Kolankowski, L.* Zygmunt August, wielki książę Litwy do roku 1548. — Lwow, 1913.
351. *Korczak, L.* Monarcha i poddani. System władzy w Wielkim Księstwie Litewskim w okresie wczesno jagiellonskim. — Krakow, 2008.
352. *Kosman M.* Archiwum wielkiego księcia Witolda // Archeion. 1967. T. 46.
353. *Kosman, M.* Kancelaria wielkiego księcia Witolda // Studia Źródłoznawcze. — 1969. T. 14. — S. 91–119.
354. *Kosman, M.* Archiwum kapituły Wileńskiej // Archeion. 1976. T. 64.
355. *Kosman, M.* Historia Białorusi. — Warszawa, 1979.
356. *Kutrzeba S., Semkowicz W.* Akta Unji Polski z Litwa (1385–1791). — Krakow, 1932.
357. *Lapinski, A.* Zygmunt Stary a Kościół prawosławny. — Warszawa, 1937.
358. Lietuvos Metrika (1988 metu tyrinejimai) = Литовская метрика (исследования 1988 г.) = Lithuanian Metrica (investigations in 1988) / сост. Э. Банионис, З. Кяупа: сб. науч. трудов. — Vilnius: Academia, 1992. — 189 с.
359. *Lowmianski, H.* Studia nad dziejami Wielkiego Księstwa Litewskiego. — Poznan, 1983.
360. *Mironowicz, A.* Kościół prawosławny w Polsce. Białystok : Wydawnictwo Uniwersytetu w Białym Stoku, 2006. — 918 s.
361. *Mironowicz A.* Diecezja Włodzimierska do końca XVI wieku / Przegląd Wschodnioeuropejski. № 4. — Olsztyn, 2013. — S. 13–23.
362. *Mironowicz A.* Prawosławne parafie Pińska w XVI wieku / Przegląd Wschodnioeuropejski. Vol. 2. — Olsztyn, 2014. — S. 11–28.
363. *Melchiorre, V.* Documenti baresi su Bona Sforza. — Bari, 2000.
364. *Ochmanski, J.* Historia Litwy. — Wrocław; Warszawa, 1982.
365. *Pietkiewicz, K.* Wielkie księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka. Studia nad dziejami państwa i społeczeństwa na przełomie XV i XVI wieku. — Poznań, 1995.

366. *Pietkiewicz, K.* Originalne księgi Metryki Litewskiej w zespole “Tak Zwanej Metryki Litewskiej” w Archiwum Głównym Akt Dawnych w Warszawie / K. Pietkiewicz // *Lietuvos metrikos naujienos*. № 11. — Vilnius, 2009. — P. 30–34.
367. *Pociecha, W.* Królowa Bona (1494–1537). Czasy i ludzie Odrodzenia : монографія / W. Pocięha. — Poznań : Państwowe wydawnictwo naukowe, 1949–1958. — 4 t.
368. *Ptaszycki, S.* Gdzie się przechowywały i przechowują obecnie akty unii Litwy z Polską // *Kwartalnik historyczny*. 1902. R. 16. Z. 4.
369. *Pulaski, K.* Gospodarka królowej Bony na kresach // *Biblioteka Warszawska*. — Warszawa, 1878. — T. I. — S. 353–381.
370. *Ragauskienė, R.* Najstarsze dokumenty XVI w. w archiwach prywatnych szlachty WKL (na podstawie Metryki Litewskiej) // *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės istorijos šaltiniai. Faktas. Kontekstas. Interpretacija*. Vilnius, 2007.
371. *Stang, C. S.* Die westrussische Kanzleisprache des Grossfürstentums Litauen. — Oslo, 1935.
372. *Stang, C. S.* Die altrussische Urkundensprache der Stadt Polozk. — Oslo, 1939.
373. *Tieplowa W.* Eparchia Pińsko-Turowska przed unią Brzeska (XV–XVI w.) / W. 336. *Tieplowa* / *Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej*. Rok 4. 2016. — S. 13–24.
374. *Vodoff, W.* Princes et principautes russes X–XVII siècles. — Northampton : Variorum Reprints, 1989. — 341 s.
375. *Walczak W.* The structure of the uniate Turau-Pinsk eparchy in the 17th and 18th centuries. — Białystok: Instytut Badań Nad Dziedzictwem Kulturowym Europy, 2013. — 236 s.
376. *Wolff, J.* O kniaziach Kobryńskich // *Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń wydziału hist.— filoz. AU*. — Kraków, 1884. — T. 17. — S. 107–134.
377. *Wolff, J.* Senatorowie i dygnitarze Wielkiego księstwa Litewskiego (1386–1795). — Krakow, 1885.
378. *Wolff, J.* Rod Gedimina. — Krakow, 1886.

379. *Zacchino, V.* Salento e Polonia. Cinquecento anni di amicizia da Bona Sforza a Carol Wojtyła, 1994.

380. *Zielińska, T.* Archiwa Radziwiłłów i ich twórcy // *Archeion*. 1978. Т. 66.

381. *Zielińska, T.* Archiwa różnych linii rodu Radziwiłłów w polskich zbiorach publicznych // *Miscellanea historico-archivistica*. 1997. Т. 7.

СПРАВОЧНЫЕ И ИНФОРМАЦИОННЫЕ ИЗДАНИЯ

382. Атеистический словарь. М. : Изд-во политической литературы, 1983. — 560 с.

383. Великий тлумачний словник сучасної української мови (з дод. і допов.) / уклад. і голов. ред. В.Т. Бусел. — Київ, 2005. — 848 с.

384. *Гильтебрандт, П. А.* Рукописное отделение Виленской публичной библиотеки, состоящей под августейшим покровительством Его императорского высочества государя, наследника, цесаревича Александра Александровича / сост. П. А. Гильтебрандт. — Вып. 1. — Вильна : Б. и., 1871. — 185 с.

385. *Горбачевский, Н. И.* Каталог древним актовым книгам губерний: Виленской, Гродненской, Минской и Ковенской, также книгам некоторых судов губерний Могилевской и Смоленской, хранящимся ныне в Центральном архиве в Вильне / сост. Н. И. Горбачевский. — Вильна : тип. А. И. Зака, 1872. — 963 с.

386. *Горбачевский, Н. И.* Словарь древнего актового языка Северо-Западного края и царства Польского / Н. И. Горбачевский. — Вильна : тип. А. И. Зака, 1874. — 418 с.

387. *Груша, А. І.* Метадычныя рэкамендацыі па публікацыі рукапісных актавых кірылічных крыніц у Беларусі (XIII–XVIII ст., перыяд Вялікага княства Літоўскага) / А. І. Груша. — Мінск, 2003. — 168 с.

388. *Даль, В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка / сост. В. И. Даль. — М.; СПб., 1880—1882. — 4 т.

389. *Дмитриев, Д. В.* Толковый словарь русского языка / ред. Д. В. Дмитриев. — М. : Аст, 2003. — 1578 с.

390. Документы Московского архива министерства юстиции / сост. М. В. Довнар-Запольский. — М. : тип. Правительствующего Сената, 1897. — Т. I. — 596 с.
391. *Ефремова, Т. Ф.* Новый словарь русского языка. М., 2000 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.efremova.info/word/kantseljarija.html#.VCgmXFfz6ho> (дата обращения: 15.04.2018).
392. *Крысин, Л. П.* Толковый словарь иноязычных слов / ред. Л. П. Крысин. — М. : Эксмо, 2008. — 944 с
393. *Курдюмов, М. Г.* Описание актов, хранящихся в архиве Императорской Археографической комиссии / сост. М. Г. Курдюмов. — СПб., 1907. — 627 с.
394. Летопись занятий Археографической комиссии (1862–1863 гг.). Вып. 2. — СПб. : тип. И. А. Кулиша, 1862. — 354 с.
395. Методические рекомендации по изданию и описанию Литовской метрики // сост. С. М. Каштанов, А. Л. Хорошкевич. Вильнюс, 1985.
396. *Миловидов, А. И.* Описание славяно-русских старопечатных книг Виленской публичной библиотеки (1491–1800 гг.) / сост. А. И. Миловидов. — Вильна : тип. А. Г. Сыркина, 1908. — 160 с.
397. *Миловидов, А. И.* Рукописное отделение Виленской публичной библиотеки. Его история и состав / сост. А. И. Миловидов. — Вильна : тип. Русский почин, 1910. — 55 с.
398. *Новицкий, И. П.* Справочный словарь юридических терминов древнего актового языка Юго-Западной России / сост. И. П. Новицкий. — Киев : Университетская тип., 1871. — 37 с.
399. *Новицкий, И. П.* Указатель к изданиям Временной комиссии для разбора древних актов, Высочайше учрежденной при киевском, подольском и волынском генерал-губернаторе / сост. И. П. Новицкий. — Т. 1. — Киев : тип. К. Н. Милевского, 1878. — 965 с.
400. *Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1997.

401. Описание документов архива западнорусских униатских митрополитов. — Т. I. 1470–1700 гг. — СПб. : Синодальная тип., 1897. — VIII, 502 с.
402. Описание рукописного отделения Библиотеки Императорской Академии наук. I: Рукописи. Т. 1 : (I. Книги священного писания и II. Книги богослужебные) / сост. В.И. Срезневский, Ф.И. Покровский. — СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1910. — XVI, 525 с.
403. Описание Рукописного отделения Виленской публичной библиотеки. — Вильна : Б. и., 1895–1906. — 5 вып.
404. Описи Царского архива XVI века и Архива Посольского приказа 1614 года / под ред. С.О. Шмидта. М. : Изд-во восточной литературы, 1960. — 207 с.
405. Отчет императорской публичной библиотеки за 1876 год. СПб., 1878.
406. *Петрученко, О.* Латинско-русский словарь / ред. О. Петрученко. — изд. 9-е, испр. — М. : Изд-во товарищества В. В. Думнов, наследники Бр. Салаевых, 1914. — 814 с.
407. Подробный каталог изданий Археографической комиссии, вышедших в свет с 1836 по 1918 г. / изд. 6-е. — Пг. : Девятая государственная тип., 1918. — 124 с.
408. *Пташицкий, С.Л.* Описание книг и актов Литовской метрики / сост. С. Л. Пташицкий. — СПб. : тип. Правительствующего Сената, 1887. — 118 с.
409. Российский государственный архив древних актов: Путеводитель / сост.: М. В. Бабич, Ю. М. Эскин, Л. А. Тимошина. — М., 1991–1999. — 4 т.
410. Словарь иностранных слов / ред. И. В. Лехин. — изд. 13-е. — М., 1986.
411. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–28. М. : Наука, 1975–2008.
412. Советский энциклопедический словарь / ред. А. М. Прохоров. М. : Советская энциклопедия, 1980–1983.
413. *Спрогис, И.Я.* Географический словарь древней Жомойтской земли XVI столетия, составленный по 40 актовым книгам российского земского суда

архивариусом Виленского центрального архива древних актовых книг губерний Виленской, Ковенской, Гродненской и Минской Иваном Яковлевичем Спрогисом / сост. И. Я. Спрогис. — Вильна : тип. И. Я. Яловцера, 1888.

414. *Срезневский, И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам / сост. И. И. Срезневский. — СПб. : тип. Императорской академии наук, 1893–1912. — 3 т.

415. *Таурова-Яковлева, Т. Г.* Материалы по истории Белоруссии в архиве Санкт-Петербургского института истории РАН // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. — Вып. 1—2 (5/6). — СПб., 2009. — С. 195–232.

416. *Ушаков, Д. Н.* Толковый словарь современного русского языка / ред. Д. Н. Ушаков. — М. : Аделант, 2013. — 800 с.

417. Энциклопедический словарь / ред. Б. А. Введенский. — М., 1953–1955. — 3 т.

418. Энциклопедический словарь / ред. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. — СПб., 1890–1904. — 41 т.

419. AGAD. Inwentarz Metryki Koronnej. Księgi wpisów i dekretów polskiej kancelarii królewskiej z lat 1447–1795 / Opracowały Irena Sułkowska-Kurasiowa i Maria Woźniakowa [Электронный ресурс]. URL: http://www.agad.gov.pl/inwentarze/Metr_Korx.xml (дата обращения: 15.04.2018).

420. *Hessen D., Stypuła R.* Wielki słownik polsko-rosyjski. — Warszawa : Wiedza Powszechna, 2001. — 2 т.

421. *Pulaski, F.* Opis 815 rękopisów Biblioteki ord. Krasieńskich. — Warszawa : Drukiem Piotra Laskauera, 1915. — 1010 s.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Список сокращений, принятых в Приложениях

Общие термины

б. м. — без места	подл. — подлинник
бывш. — бывший	подтв. — подтверждающий
вол. — волость	публ. — публикация
г. — город	с. — село
дан. — данный	св. — святой
дв. — двор	ставлен. — ставленный
двц. — дворец	суд. — судебный
дврщ. — дворище	увяз. — увязчий
дозволен. — дозволенный	уп. — упоминание
им. — имение	ц. — церковь
пов. — повет	

Учреждения

РГАДА — Российский государственный архив древних актов

AGAD — Archiwum glowne akt dawnych (Варшава)

Издания

АЗР — Акты, относящиеся к истории западной России, собранные и изданные археографической комиссией. Т. I–V. СПб., 1846–1853.

Грушевский — *Грушевский А.С.* Пинское Полесье XIV–XVI вв. // Исторические очерки. Киев, 1903. Пинские акты.

Довнар-Запольский — *Довнар-Запольский М.В.* Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Т. I. Киев, 1901. Приложение № 5.

Ревизия пуц и переходов — Ревизия пуц и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском с присовокуплением грамот и привилегий на входы в пуци и на земли, составленная старостой Мстибоговским Григорием Богдановичем Воловичем в 1559 году, с прибавлением другой актовой книги, содержащей в себе привилегии, данные дворянам и священникам Пинского повета, составленной в 1554 году. Вильна, 1867.

Ревизия пуц и переходов. Указатель — Алфавитный указатель к актовой книге, изданной Виленскою Археографическою комиссиею в 1867 году: Ревизия пуц и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском Григория Богдановича Воловича, а также собрание привилегий, данных дворянам и священникам Пинского повета. Вильна, 1873.

Сборник палеографических снимков — Сборник палеографических снимков древних актов и грамот, хранящихся в Виленском Центральном архиве и Виленской публичной библиотеке. Вып. I (1432–1548 гг.). Вильна, 1884.

Archiwum Sanguszkow — *Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie* wydane nakładem właściciela. Т. I–VII. Lwów, 1887–1910.

Wolff — *Wolff. J.* Senatorowie i dygnitarze Wielkiego ksiestwa Litewskiego (1386–1795). Krakow, 1885.

Титулы, чины

в. — великий, великая	кн. — князь
воев. — воевода	кнг. — княгиня
дв-н — дворянин	марш. — маршалок
держ. — державца	намест. — наместник
кашт. — каштелян	подстар. — подстаростий
кор. — король, королева	служ. — служебник

стар. – староста

уряд. – урядник

увяз. – увязчий

Географические определения

бельск. – бельский

кремен. – кременецкий

берест. – берестейский

крин. – кринский

бержн. – бержницкий

лабен. – лабенский

бран. – бранский

лид. – лидский

варш. – варшавский

лит. – литовский

вижов. – вижовский

луц. – луцкий

вилен. – виленский

мельниц. – мельницкий

витеб. – витебский

милян. – миляновицкий

володим. – володимирский

мойшаг. – мойшагольский

волын. – волынский

молявиц. – молявицкий

вяд. – вядский

мост. – мостовский

городен. – городенский

новодв. – новодворский

городец. – городецкий

обол. – оболецкий

добуч. – добучинский

озер. – озерский

довг. – довговский

озерищ. – озерищский

долгал. – долгалишский

острож. – острожский

дубнен. – дубненский

перел. – перелайский

жоросл. – жорославский

пин. – пинский

квасов. – квасовский

плотел. – плотельский

клец. – клецкий

плоц. – плоцкий

кобр. – кобринский

пол. – польский

ковел. – ковельский

пун. – пунский

ковен. – ковенский

рогач. – рогачовский

котр. – котринский

сараж. – саражский

селец. – селецкий
 скид. – скидельский
 троц. – троцкий
 усв. – усвятский

фалим. – фалимицкий
 шембел. – шембелевский
 юрбор. – юрборский

Личные имена

Богд. – Богдан
 Вас. – Василий, Васильевич
 Дм. – Дмитрий, Дмитриевич
 Ив. – Иван, Иванович
 Кирд. – Кирдеевич
 Мих. – Михаил, Михайлович

Сем. – Семенович, Семеновна
 Стан. – Станислав,
 Станиславович
 Фед. – Федор
 Ян. – Янович
 Яцк. – Яцко, Яцкович

Хронологический перечень грамот королевы польской, великой княгини литовской Боны Сфорца и ее урядников православному духовенству Великого княжества Литовского (1523–1556 гг.)

В Хронологическом перечне учтены подлинные, копийные документы (как опубликованные, так и неопубликованные) и их упоминания в других документах. Заголовки публикуемых в Хронологическом перечне документов подготовлены в соответствии с требованиями современной актовой археографии¹. В заголовках используется понятийный аппарат, принятый в Методических рекомендациях по изданию и описанию Литовской метрики², а также терминология дипломатики литовско-русских актов, обоснованная в отечественной исследовательской и археографической практике последних лет³.

В случаях, когда самоназвание документа отличается от составительского, это самоназвание приводится в круглых скобках и кавычках. В случаях, когда датировка документа является спорной или требует уточнения, соответствующие комментарии приводятся в подстрочных примечаниях.

---

¹ *Каштанов С.М.* Актовая археография. М., 1998.

² Методические рекомендации по изданию и описанию Литовской метрики / Сост. А.Л. Хорошкевич, С.М. Каштанов. Вильнюс, 1985.

³ *Бычкова М.Е., Хоруженко О.И.* Современные принципы издания кириллических документов Литовской метрики // Труды Института российской истории. М., 2009. С. 70–85; Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1 (6). Сборник документов канцелярии великого князя литовского Александра Ягеллончика, 1494–1506 гг. Шестая книга записей Литовской метрики / сост., коммент., вспом. указ.: М.Е.Бычкова (отв. сост.), О.И. Хоруженко, А.В. Виноградов; отв. ред. тома С.М. Каштанов. М.; СПб., 2012; *Бондаренко А.А.* Проблемы терминологии и классификации грамот метрики королевы Боны // Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археографии: Материалы XXIV междунар. науч. конф. Москва, 2–3 февр. 2012 г. М., 2012. С. 199–202; *Хоруженко О.И.* Современные принципы публикации актов Литовской метрики // Археографический ежегодник за 2011 год. М., 2014. С. 347–364.

Легенда следует после заголовка и включает в себя поисковые указания на копии, упоминания (*Уп.*) и публикации (*Публ.*) указанных актов. Легенда составлена в соответствии с действующими библиографическими стандартами.

1523 г.

1. [1523 — в тексте 1520 г.] октября 8. Краков. — Указной лист («наказ») кор. пол., в. кнг. лит. Боны стар. пин., [клец., городец., рогач.] Ив. Мих. [Хоревичу] о назначении попом в ц. св. Юрия Богдана, внука попа юрьевского [Юхно]⁴.

Публ.: Ревизия пущ и переходов. С. 252 (по копии 1554 г. с подл.).

2. 1523 г. октября 8. Краков. — Подтв. лист кор. пол., в. кнг. лит. Боны причту соборной замковой ц. св. Дмитрия в г. Пинск на данины кн. Фед. Ив. Ярославича, подтвержденные [1522 г.] кор. пол., в. кнг. лит. Сигизмундом I Старым.

Публ.: Ревизия пущ и переходов. С. 324–325 (по копии 1554 г. с подл.).

1524 г.

3. [1524 г.]. февраля 21. Краков. — Указной лист кор. пол., в. кнг. лит. Боны писарю, стар. пин., клец., городец., рогач. Ив. Мих. [Хоревичу] об учинении суда между боярином королевы Антоном Андреевичем и игуменом Нобельского м-ря о поле Горбачевщина⁵.

---

⁴ Документ датирован по индикту.

⁵ Документ датирован по индикту. В пользу 1524 г., а не 1539 г. говорит отсутствие в интитуляции И.М. Хоревича кобринского уряда (Приложение 2. С. 359).

Публ.: Ревизия пущ и переходов. С. 289–290 (по копии 1554 г. с подл.).

4. [1524 г.]. марта 4. Краков. — Указной лист кор. пол., в. кнг. лит. Боны писарю, стар. пин., клец., городец., рогач. Ив. Мих. Хоревичу о ненарушении прав бояр пин. Олизара Дмитриевича и его брата Ивана на им. Жабчичи и Нянковичи в Пинском пов. и об учинении разбирательства между теми же боярами, Нацем Лемешовичем и владыкой пин. и туров. о землях, отнятых у Олизара Дмитриевича кн. Фед. Ив. Ярославичем⁶.

Публ.: Ревизия пущ и переходов. С. 65–66 (по копии 1559 г. с подл.).

1527 г.

5. 1527 г. марта 28. б. м. — Подтв. меновный лист кор. пол., в. кнг. лит. Боны попу ц. св. Юрия в г. Пинск [Богдану] и боярам пин. Полозовичам мены двц. церковного Дятилевщины на дврщ. Мисовщину, «на вечность».

Публ.: Описание рукописного отделения Виленской публичной библиотеки. Вып. V. Вильна, 1906. № 526. С. 4 (опис. подл. грамоты); Там же. Приложения. № 17. С. 14–15. (публ. подл. грамоты).

1529 г.

6. 1529 г. июля 24. Вильна/Вильнюс. — Подтв. лист кор. пол., в. кнг. лит. Боны боярину Селец. вол. Федько Дьяку на земли Тютковщина и Гиковщина

---

⁶ Документ датирован по индикту. В пользу 1524 г., а не 1539 г. говорит отсутствие в интитуляции И.М. Хоревича кобринского уряда (Приложение 2. С. 359), а также наличие в интитуляции кор. Боны оборота «пани отчичка Пинская», характерного только для середины 1520-х гг.

«со всим на все» и человека Степана Конашевича с землями и доходами, согласно пожалованиям небожчика пана Стан. [Ян.] Виштортовича.

Публ.: Ревизия пущ и переходов. С. 150–151 (по копии 1559 г. с подл.).

7. 1529 г. октября 11. Пинск. — Меновный лист стар. пин., клец., городец., рогач. Ив. Мих. [Хоревича] с владыкой пин. [и туров.] Тихоном на дврщ. Малаховское и Павловщину.

Публ.: Описание рукописного отделения Виленской публичной библиотеки. Вып. IV. Вильна, 1903. № 387. С. 2 (опис. подл. грамоты).

1532 г.

8. [1519 г. — 1532 г. Кобрин]. — Ставлен. лист стар. кобр., кор. пол., в. кнг. лит. Боны Венцлава Стан. Костевича Яцку, сыну попа замковой кобр. ц. св. Петра, на ц. св. Ильи в г. Городец⁷.

Уп.: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 18. Л. 166–166 об.

1533 г.

9. 1533 г. июня 20. Кобрин. — Подтв. став. лист стар. пин., кобр., клец., городец., рогач. кор. пол., в. кнг. лит. Боны Ив. Мих. [Хоревича] Яцку, сыну попа замковой кобрин. ц. св. Петра, на ц. св. Ильи в г. Городец, согласно став. листа стар. кобр. небожчика Венцлава Стан. Костевича.

---

⁷ Документ датирован условно. Данный лист на г. Кобрин с волостями кор. Бона получила в 1519 г. (AGAD. Tzw. Metryka litewska. Dz. III. A/28. K. 27–27 v.; Описание Рукописного отделения Виленской публичной библиотеки. Вильна, 1898. Вып. 3. № 69. С. 51); уряд старосты кобринского В.С. Костевич занимал с 1516 по 1532 г. (Приложение 2. С. 363).

Копия: РГАДА. Ф. 389. Кн. 18. Л. 166–166 об.

1537 г.

10. 1537 г. февраля 20. Городок/Давид-Городок. — Указной лист стар. пин., кобр., клец., городец., рогач., держ. селец. кор. пол., в. кнг. лит. Боны Ив. Мих. [Хоревича] подстар. городец. Ив. Глебовичу о выдаче священнику ц. св. Иоанна в с. Малишево Омельяну десятины с соляной пошлыны.

Публ.: Ревизия пущ и переходов. С. 360 (по копия 1554 г. с подл.).

1540 г.

11. 1540 г. февраля 11. [Городно/Гродно]. — Писарская запись в актовой книге Городен. земского суда о заявлении архимандрита [Коложского м-ря в г. Городно] об убийстве «человека монастырского» Сергея Щербенича и об освидетельствовании его вижом [«справцы городен.»] кор. пол., в. кнг. лит. Боны Войтеха Требского.

Публ.: Сборник палеографических снимков. № 44.

12. [1531 г. — до 1540 г. сентября 6]. б. м. — Ставлен. лист кор. пол., в. кнг. лит. Боны Вассиану на владычество пин. и туров.⁸

---

⁸ Документ датирован условно по известному упоминанию в 1531 г. епископа пинского и туровского Григория, возможно, предшественника Вассиана (*Таирова-Яковлева Т.Г.* Материалы по истории Белоруссии в архиве Санкт-Петербургского института истории РАН // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. Вып. 1-2 (5/6). СПб., 2009. С. 203) и датой листа, в котором Вассиан титулуется владыкой (№ 13).

Уп.: 1) *Грушевский*. С. 56–57; 2) РГАДА. Ф. 389. Кн. 36. Л. 87 об.–88 об.

13. 1540 г. сентября 6. Вильна/Вильнюс. — Подтв. дан. льготный лист кор. пол., в. кнг. лит. Боны сыновьям владыки пин. и туров. Вассиана Ивану и Яцку [Васильевичам Владычичам Пинским] на дома и коморы на рынке в г. Пинске, фольварок под городом, земли и освобождение от всех повинностей, кроме службы земской, «на вечность».

Публ.: *Грушевский*. С. 56–57.

Копия: РГАДА. Ф. 389. Кн. 36. Л. 87 об.–88 об.

14. 1540 г. сентября 11. [Городно/Гродно]. — Писарская запись в актовой книге Городен. земского суда о заявлении попа [ц. св. Николая Чудотворца] в дв. Новый Двор Климента об ограблении его дома слугами намест. новодв. кор. пол., в. кнг. лит. Боны Симона Геца.

Публ.: Сборник палеографических снимков. № 46.

15. [1540 г. до сентября 22]. б. м. — Суд. лист («вырок» суда) кор. пол., в. кнг. лит. Боны попу [ц. св. Николая Чудотворца] в дв. Новый Двор Клименту по тяжбе с жидом новодв. Хацком о принятии последним «присяги»⁹.

Уп.: *Бершадский С.А.* Русско-еврейский архив. Документы и материалы для истории евреев в России. Т. I. Документы и регесты к истории литовских евреев (1388–1550). СПб., 1882. № 236. С. 257.

16. 1540 г. сентября 22. [Городно/Гродно] — Писарская запись в актовой книге Городен. земского суда об отказе попа. [ц. св. Николая Чудотворца] в

---

⁹ Документ датирован по писарской записи, в которой упоминается (№ 14).

дв. Новый Двор Климента принимать «присягу» у жида новодв. Хацка согласно суд. листа кор. пол., в. кнг. лит. Боны.

Публ.: Бершадский С.А. Русско-еврейский архив. Документы и материалы для истории евреев в России. Т. I. Документы и регесты к истории литовских евреев (1388–1550). СПб., 1882. № 236. С. 257.

1541 г.

17. 1541 г. июля 16. Вильна/Вильнюс. — Суд. лист кор. пол., в. кнг. лит. Боны архимандриту м-ря св. Спаса в г. Кобрин Вассиану по тяжбе с боярином кобр. Миколаем Жамбоцким о землях Пострыгачевской и Хилцовщине, данных м-рю небожчиком кн. Ив. Сем. Кобринским.

Публ.: 1) АЗР. Т. V (1633–1699). СПб., 1853. № 2. С. 4–5 (по копии 1633 г. с подл.); 2) Ревизия Кобринской экономии, составленная в 1563 г. королевским ревизором Дмитрием Сапегою. Вильна, 1876. Акты браславского земского суда, относящиеся к Кобринской архимандрии. № 1. С. 307–309 (по копии 1747 г. с подл.); 3) Акты, издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов. Т. XXXIII. Акты, относящиеся к истории западнорусской церкви. Вильна, 1908. № 35. С. 36–37 (по копии 1747 г. с подл.).

Копия: [РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 106. Л. 138–143].

1544 г.

18. [1532 г. — 1543/1544 г.]. б. м. — Ставлен. лист стар. пин., клец., городец., рогач., кобр., держ. селец. кор. пол., в. кнг. лит. Боны Ив. Мих. Хоревича

Фед. и Вас. Рябцам «на половицу» ц. Рождества Пречистой Богоматери в г. Кобрине, на условии опеки старого попа Бориса Еремеевича¹⁰.

Уп.: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 46 – 47 об.

1545 г.

19. 1545 г. июля 28. Краков. — Указной лист кор. пол., в. кнг. лит. Боны пин. и туров. владыке Варлааму о выдаче попу Ставецкой ц. в г. Пинске Максиму и его брату десятины и «десятой копы» на ц. Якима и Анны «водлуг привилья» кн. Фед. Ив. Ярославича и кнг. Олены.

Публ.: 1) Собрание древних актов городов Минской губернии, православных монастырей, церквей, и по разным предметам. Минск, 1848. № 11. С. 11 (по копии 1554 г. с подл.); 2) Ревизия пуц и переходов. С. 224 (по копии 1554 г. с подл.).

1548 г.

20. [1548 г. до января 23]. б. м. — Продажный лист кор. пол., в. кнг. лит. Боны [нареченному владыке володим.] Ив. Яцк. Борзобогатому на войтовство луц. с полем Караймовским, «с горелкою и иными доходы», кроме с. Ставров Луц. пов., «на вечность».

Уп.: Архив Юго-Западной России, издаваемый временной комиссией для разбора древних актов, высочайше учрежденной при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе // Ч. 5. Акты о городах (1432–1798). Т. 1. Киев, 1859. № XIV. С. 52–56 (по копии 1790 г.).

---

¹⁰ Документ датирован по уряду И.М. Хоревича: староста кобринский с 1532 г. по 1543/1544 г. (Приложение 2. С. 359).

21. 1548 г. февраля 18. Петриков/Петркув-Трыбунальски. — Указной лист кор. пол., в. кнг. лит. Боны держ. рогачев. Павлу Попелжинскому о ненарушении прав людей ц. св. Косьмы и Домиана в г. Рогачев.

Копия: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 19 об.–20.

22. 1548 г. декабря 29. Варшава. — Продажный лист кор. пол., в. кнг. лит. Боны нареченному владыке володим., войту луц., мытнику волын. Ив. Яцк. Борзобогатому на им. Красное, Ставров, Галичаны и полсела Зборошева Луц. пов.

Копия: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 41 об.–43.

1549 г.

23. 1549 г. февраля 12. Варшава. — Указной лист кор. пол., в. кнг. лит. Боны кнг. Александре Сем. Константиновой Острожской об уступлении ее владений в пользу нареченного владыки пин. и туров. Вассиана.

Публ.: Грушевский. С. 68.

Копия: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 57–57 об.

24. 1549 г. февраля 13. Варшава. — Ставлен. лист кор. пол., в. кнг. лит. Боны архимандриту ц. Св. Спаса в г. Кобрин Вассиану на владычество пин. и туров.

Публ.: Грушевский. С. 69.

Копия: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 50 об.–51.

25. [1543 г. марта 10 — 1549 г. августа 16.]. б. м. — Дан. дозволен. лист стар. ковел., вижов., мельниц., фалим., милян. кор. пол., в. кнг. лит. Боны Богд. Мих. Семашко Кузьме Вас. Жабе на опеку м-ря Св. Троицы в м. Ковельском¹¹.

Уп.: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 87 об.–88.

26. [1543 г. марта 10 — 1549 г. августа 16.]. б. м. — Дан. дозволен. лист стар. ковел., вижов., мельниц., фалим., милян. кор. пол., в. кнг. лит. Боны Богд. Мих. Семашко попу Лаврентию Ив. на опеку ц. св. Спаса с приделом св. Семена в м. Вижовском с правом получения с нее двух частей «наданья»¹².

Уп.: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 88 об.–89 об.

27. [1543 г. марта 10 — 1549 г. августа 16.]. б. м. — Дан. лист стар. ковел., вижов., мельниц., фалим., милян. кор. пол., в. кнг. лит. Боны Богд. Мих. Семашко попу ц. св. Спаса в с. Старая Вижва Степану на получение третьей части «наданья» с ц. св. Спаса в м. Вижовском¹³.

Уп.: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 88 об.–89 об.

---

¹¹ Документ датирован условно. В 1543 г. состоялась меновная сделка кор. Боны с кн. Вас. Мих. Сангушковичем Ковельским, в результате которой г. Ковель с землями перешел в ее распоряжение (*Пташицкий С.Л.* Описание книг и актов Литовской метрики. СПб., 1887. Древние акты. № 228. С. 241; *Archiwum Sanguszkow.* Т. IV. Lwów, 1890. № CCLXXVI. S. 339–343). В том же году Б.М. Семашко упоминался в качестве старосты ковельского и т. д. (Приложение 2. С. 365–366). Его пожалования предшествовали листам кор. Боны, выданным в 1549 г., августа 17 (№ 28–32).

¹² См. примечание к № 25.

¹³ См. примечание к № 25.

28. 1549 г. августа 17. Варшава. — Ставлен. лист кор. пол., в. кнг. лит. Боны попу Алексею Тришинуцу Гайко на ц. Воскресенскую в м. Ковельском, «до живота».

Копия: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 85–85 об.

29. 1549 г. августа 17. Варшава. — Ставлен. лист кор. пол., в. кнг. лит. Боны попу Михаилу на ц. Благовещения в г. Ковеле.

Копия: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 85 об.–86.

30. 1549 г. августа 17. Варшава. — Ставлен. лист кор. пол., в. кнг. лит. Боны Кузьме Вас. Жабе на м-рь Св. Троицы в м. Ковельском, «до живота».

Копия: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 87 об.–88.

31. 1549 г. августа 17. Варшава. — Подтв. ставлен. лист кор. пол., в. кнг. лит. Боны попу Лаврентию Ив. на ц. св. Спаса с приделом св. Семена в м. Вишовском, «водлуг постановления» стар. ковел., вишов., [мельниц., фалим., мялян.] Богд. Мих. Семашко.

Копия: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 88 об.–89 об.

32. 1549 г. [августа 17]. Варшава. — Ставлен. лист кор. пол., в. кнг. лит. Боны Марку [Кузьмичу] Жабе на ц. св. Успения в г. Ковель, «до живота».

Копия: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 86 об.–87 об.

33. [1549 — в тексте 1550 г.]. декабря 12. Варшава. — Суд. лист кор. пол., в. кнг. лит. Боны землянам кобр. Науму Ив. Голенищеву, Ив. Пинскому и Ив. Вас. Владычичу об им. Васковщина в Кобр. пов.¹⁴

Копия: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 14 об.–16.

34. 1549 г. [Кобрин] — Реестр имущества м-ря св. Спаса в г. Кобрине, составленный дворянином Семеном Есковичем Пришихвостским «с росказанья» кор. пол., в. кнг. лит. Боны.

Публ.: Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т. VI. Вильна, 1872. С. 492–494 (по копии 1664–1769 г. с подл.)

1550 г.

35. [1544 — до 1550 г. апреля]. б. м. — Увяз. лист стар. пин., клец., городец. кор. пол., в. кнг. лит. Боны Петра Кирд. Мыльского архимандриту Лещинского м-ря в г. Пинск Макарию в двщ. Десятниковское в с. Вешеневичи, «водлуг росказанья» кор. Боны¹⁵.

Уп.: 1) *Грушевский*. С. 76–78; 2) РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 24 об.–25 об.

36. 1550 г. апреля. Варшава. — Подтв. дан. лист кор. пол., в. кнг. лит. Боны архимандриту Лещинского м-ря в г. Пинск Макарию на дврщ. Десятниковское в с. Вешеневичи, согласно листов кн. Фед. Ив. Ярославича и кнг.

¹⁴ Документ датирован по индикту.

¹⁵ Документ датирован по уряду П.К. Мыльского (староста пинский и т. д. с 1544 г. — Приложение 2. С. 360) и датой листа, в котором он был упомянут (№ 36).

Олены, владыки пин. и туров. Варлаама, стар. пин., клец., городец. Петра Кирд. Мыльского, «на вечность».

Публ.: Грушевский. С. 76–78.

Копия: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 24 об.–25 об.

37. 1550 г. июня 23. Гомолин. — Указной лист кор. пол., в. кнг. лит. Боны стар. пин., клец., городец. Петру Кирд. Мыльскому и владыке пин. и туров. Вассиану о справе пин. жидов и мещан.

Копия: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 34 об.–35 об.

38. 1550 г. июля 3. Гомолин. — Указной лист кор. пол., в. кнг. лит. Боны дворянам Войне Матвеевичу Гричину, Ив. Вас. Протасовичу и Ив. Вас. Владычичу о назначении их судьями в межевом споре между дворянами кор. пол., в. кн. лит. Сигизмунда II Августа Туровичами и кн.-гардианом пин. Каспором.

Копия: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 35 об.–36 об.

39. [1550 г. до августа 22. Варшава]. б. м. — Указной лист кор. пол., в. кнг. лит. Боны владыке пин. и туров. Вассиану о предоставлении «листов, привильев и твердостей» на корчму во владычинском дворе в г. Пинске¹⁶.

Уп.: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 44 об.–46.

40. 1550 г. августа 22. Варшава. — Суд. лист кор. пол., в. кнг. лит. Боны по тяжбе пин. мытников с владыкой пин. и туров. Вассианом о держании на владычинском дворе корчмы.

---

¹⁶ Документ датирован по судовому листу кор. Боны, в котором упоминается (№ 40).

Копия: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 44 об.—46.

41. [1548 г. — 1550 г. до сентября 4]. б. м. — Подтв. ставлен. лист. стар. кобр., держ. селец. кор. пол., в. кнг. лит. Боны Стан. Фальчевского Фед. и Вас. Рябцам «на половицу» ц. Рождества Пречистой Богоматери в г. Кобрин, на условии опеки старого попа Бориса Еремеевича¹⁷.

Уп.: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 46–47 об.

42. 1550 г. сентября 4. Варшава. — Подтв. ставлен. лист кор. пол., в. кнг. лит. Боны Фед. и Вас. Рябцам «на половицу» ц. Рождества Пречистой Богоматери в г. Кобрине, на условии опеки старого попа Бориса Еремеевича.

Копия: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 46–47 об.

1551 г.

43. [1544 г. — до 1551 г. июня 15]. б. м. — Ставлен. лист. кор. пол., в. кнг. лит. Боны мещанину пин. Богд. Соличичу на ц. св. Дмитрия в г. Пинске¹⁸.

Уп.: 1) *Грушевский*. С. 94; 2) РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 70.

44. 1551 г. сентября 5. Варшава. — Указной лист кор. пол., в. кнг. лит. Боны стар. пин., клец., городец. Петру Кирд. Мыльскому, владыке пин. и туров.

---

¹⁷ Документ датирован по уряду С. Фальчевского (староста кобринский с 1548 г. — Приложение 2. С. 361) и датой листа, в котором он был упомянут (№ 42).

¹⁸ Документ датирован условно по уряду П.К. Мыльского (староста пинский и т. д. с 1544 г. — Приложение 2. С. 360), который подал ставленнику кор. Боны указанную церковь, и датой листа, в котором упомянуто поставление (1551 г. июня 15).

Вассиану, кн.-плебану кобр. Якубу Бобровницкому и войсковому пин. Мартину Ширме о назначении их судьями в межевом споре между дворянами кор. пол., в. кн. лит. Сигизмунда II Августа Туровичами и кн.-гардианом пин. Каспором.

Публ.: Грушевский. С. 100–101.

Копия: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 82 об.–83 об.

45. [1544 г. — 1551 г. до сентября 30]. б. м. — Ставлен. лист стар. пин., клец., городец. кор. пол., в. кнг. лит. Боны Петра Кирд. Мыльского попу Вас. Ив. на Пятницкую ц. в с. Ольшанах Городецкой вол.¹⁹

Уп.: 1) Ревизия пуц и переходов. С. 353 (по копии 1554 г. с подл.);
2) РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 117 об.–118.

46. [1551 — в тексте 1552 г.]. сентября 30. Варшава. — Подтв. ставлен. лист кор. пол., в. кнг. лит. Боны попу Вас. Ив. на Пятницкую ц. в с. Ольшанах Городецкой вол., согласно листа стар. пин., клец., городец. Петра Кирд. Мыльского, «до живота».

Публ.: Ревизия пуц и переходов. С. 353 (по копии 1554 г. с подл.).

Копия: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 117 об.–118.

47. [1551 г. после марта 2 — до декабря 31]. б. м. — Дан. лист стар. пин., клец., городец. Петра Кирд. Мыльского и посланцев кор. пол., в. кнг. лит. Боны Мартина Липского, Бартоломея Брудницкого, Яна Викторина попу ц. Введения в

---

¹⁹ Документ датирован по уряду П.К. Мыльского (староста пинский и т.д. с 1544 г. — Приложение 2. С. 360) и датой листа, в котором он был упомянут (№ 46).

с. Купечичи пов. Пин. Вечорку на землю Васильковскую вместо дани с людей Семеховских²⁰.

Уп.: Ревизия пущ и переходов. С. 220–221 (по копии 1554 г. с подл.).

48. 1551 г. [после марта 2 — декабря 31]. Варшава. — Подтв. дан. лист кор. пол., в. кнг. лит. Боны попу ц. Введения в с. Купечичи Пин. пов. Вечорку на дань с людей Семеховских «з наданья» кн. Фед. Ив. Ярославича²¹.

Публ.: Ревизия пущ и переходов. С. 220–221 (по копии 1554 г. с подл.).

49. [1544 г. — 1551 г.]. б. м. — Суд. лист стар. пин., клец., городец. кор. пол., в. кнг. лит. Боны Петра Кирд. Мыльского попам ц. Св. Михаила в г. Пинске на «чотыры ведры меду пресного» с подданных с. Гневчицкого Пин. вол., «водлуг» судовых листов кн. Фед. Ив. Ярославича²².

Уп.: 1) *Грушевский*. С. 98–99; 2) РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 73 об.–74.

50. [1551 г.]. б. м. — Подтв. дан. лист кор. пол., в. кнг. лит. Боны попам ц. Св. Михаила в г. Пинск на «чотыры ведры меду пресного» с подданных с. Гневчицкого Пин. вол., «водлуг» судовых листов кн. Фед. Ив. Ярославича и стар. пин., клец., городец. Петра Кирд. Мыльского²³.

---

²⁰ Документ датирован по синхронному упоминанию посланцев кор. Боны Мартина Липского, Бартоломея Брудницкого и Яна Викторина, отправленных к старосте пинскому и т. д. П.К. Мыльскому после 1551 г. марта 2 (РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 60–61).

²¹ См. примечание к № 47.

²² Документ датирован по уряду П.К. Мыльского (староста пинский и т. д. с 1544 г. — Приложение 2. С. 360) и датой листа, в котором он был упомянут (№ 50).

²³ Документ датирован условно 1551 г., поскольку стоит в хронологически последовательном ряду записей 33-й книги Литовской метрики за 1551 г.

Публ.: Грушевский. С. 98–99.

Копия: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 73 об.–74.

1552 г.

51. 1552 г. февраля 3. Пинск. — Дозволен. лист стар. пин., клец., городец. кор. пол., в. кнг. лит. Боны Петра Кирд. Мыльского и посланцев королевы Якуба Осмольского и Томаша Каменского землянину Ив. Вас. Владычичу Пинскому на постройку еза на р. Пина.

Публ.: Ревизия пущ и переходов. С. 283 (по копии 1554 г. с подл.).

52. 1552 г. марта 27. Пинск. — Дозволен. лист стар. пин., кобр., клец., городец., держ. селец. кор. пол., в. кнг. лит. Боны Стан. Фальчевского землянину Ив. Вас. Владычичу Пинскому на перенесение шести «комор крамных» с рынка г. Пинска на «новое местце».

Публ.: Ревизия пущ и переходов. С. 283 (по копии 1554 г. с подл.).

53. 1552 г. мая 5. Варшава. — Ставлен. лист кор. пол., в. кнг. лит. Боны архимандриту Лещинского м-ря в г. Пинск Макарию на владычество пин. и туров.

Копия: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 105–105 об.

54. 1552 г. мая 5. Варшава. — Подтв. дозволен. лист кор. пол., в. кнг. лит. Боны землянину пин. Ив. Вас. Владычичу Пинскому на постройку еза на р. Пине и перенесение шести «комор крамных» с рынка г. Пинска на «новое местце», «водлуг листов старост и посланцев» королевы.

Публ.: Ревизия пущ и переходов. С. 284 (по копии 1554 г. с подл.).

Копия: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 104–104 об.

55. 1552 г. июня 16. Варшава. — Указной лист кор. пол., в. кнг. лит. Боны стар. пин., кобр., клец., городец., держ. селец. Стан. [Фальчевскому] о разбирательстве жалобы нареченного владыки пин. и туров. Макария на нареченного архимандрита Лещнского м-ря в г. Пинск Быховца.

Публ.: 1) Вестник Западной России. Историко-литературный журнал, издаваемый К. Говорским. Т. III. Май. Вильна, 1865. С. 21–22 (по подл.); 2) Описание документов архива Западнорусских униатских митрополитов. Т. I. 1470–1700. Спб., 1897. № 38. С. 22 (опис. подл. грамоты).

56. [1519 г. — до 1552 г. июля 13]. б. м. — Дан. дозволен. лист кор. пол., в. кнг. лит. Боны Ульяне Юхновой Почаповской на опеку м-ря и ц. св. Варвары в г. Пинске и его игуменьи Онисьи Велятицкой²⁴.

Уп.: 1) *Грушевский*. С. 102–103; 2) РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 111–111 об.

57. [1552 г.]. июля 13. Варшава. — Ставлен. лист кор. пол., в. кнг. лит. Боны Ульяне Юхновой Почаповской на м-рь и ц. св. Варвары в г. Пинске, на условии опеки старой игуменьи Онисьи Велятицкой, «до живота»²⁵.

---

²⁴ Документ датирован условно по году получения кор. Боной бывшего Пинского княжества — 1519 г. (AGAD. Tzw. Metryka litewska. Dz. III. A/28. K. 1–2; Описание Рукописного отделения Виленской публичной библиотеки. Вильна, 1898. Вып. 3. № 10. С. 50) и датой листа, в котором упоминается этот документ (№ 57).

²⁵ Документ датирован условно 1552 г., поскольку стоит в хронологически последовательном ряду записей 33-й книги Литовской метрики за 1552 г.

Публ.: Грушевский. С. 102–103.

Копия: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 111–111 об.

58. [1534 г. — до 1552 г. декабря 28] — Ставлен. лист кор. пол., в. кнг. лит. Боны Михаилу на м-рь св. мучеников Бориса и Глеба в г. Городно²⁶.

Уп.: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 36. Л. 28–29.

59. [1534 г. — до 1552 г. декабря 28]. — Дан. лист кор. пол., в. кнг. лит. Боны Ив. Горностаю на опеку м-ря св. мучеников Бориса и Глеба в г. Городно²⁷.

Уп.: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 36. Л. 28–29.

60. 1552 г. декабря 28. Городно/Гродно. — Указной лист кор. пол., в. кнг. лит. Боны намест. молявиц., перстун., березниц. Яну Викторину о дозволении церковным людям Чащанам «входить» в пущи Молявиц. и Перстун., по челобитью архимандрита м-ря свв. Бориса и Глеба в г. Городно Михаила и «жеданью» воев. новгород., марш. дворн., подскарбего зем., стар. слоним., мстибог. Ив. Горностая.

Публ.: Акты, издаваемые комиссией, высочайше учрежденной для разбора древних актов в Вильне. Т. I. Акты Гродненского земского суда. Вильна, 1865. № XXXII. С. 122–123 (по копии 1759 г. с подл.).

1553 г.

---

²⁶ Документ датирован условно. Точная дата получения кор. Боной г. Городно неизвестна. В 1534 г. кор. Бона называла Городно «замок наш» (РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 18. Л. 135–135 об.); в 1552 г. декабря 28 Михаил упоминался уже как архимандрит (№ 60).

²⁷ Документ датирован условно. См. примечание к № 58. В 1552 г. декабря 28 Ив. Горностай упоминался уже как опекун монастыря (№ 60).

61. 1553 г. апреля 4. Городно/Гродно. — Указной лист кор. пол., в. кнг. лит. Боны владыке луц. и острож. Феодосию, стар. крем. Петру Мих. Семашко и марш. кор. пол., в. кн. лит. Сигизмунда II Августа Богд. Мих. Семашко о назначении их судьями в межевом споре между кор. Боной и марш. кор. Сигизмунда II Августа, стар. луц. кн. Андреем Мих. Сангушковичем-Коширским.

Копия: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 132 об.–133 об.

62. 1553 г. мая 16. Рогачев. — Суд. лист стар. пин., кобр., клец., городец., держ. селец. кор. пол., в. кнг. лит. Боны Стан. Фальчевского и других комиссаров попу ц. свв. Косьмы и Дамиана в г. Рогачеве Федору по земельной тяжбе с землянами Вилен. пов. Иваном и Исмаилом Зенковичами.

Публ.: Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т. XI. Акты главного литовского трибунала. Вильна, 1880. № 14. С. 25–28 (по копии 1760 г. с копии 1556 г.).

63. [1553 — в тексте 1554 г.]. октября 8. Краков. — Подтв. дан. лист кор. пол., в. кнг. лит. Боны соборному причту церкви св. Великомученика Дмитрия в г. Давид-Городке на данины кн. Ив. Вас. и Фед. Ив. Ярославичей, подтв. [1522 г.] кор. пол., в. кн. лит. Сигизмундом I Старым²⁸.

Публ.: Ревизия пущ и переходов. С. 351–352 (по копии 1554 г. с подл.).

64. [1549 — 1553 г.]. б. м. — Дан. лист кор. пол., в. кнг. лит. Боны Яцк. Кузьмичу Жабе, сыну попа «городищского», на сельцо Вольку Осовскую в Ковел. вол., на условии несения военной боярской службы, «за прозбою» писаря Богд.

---

²⁸ Документ датирован по индикту.

Мих. Семашко и «за справою и писаньем листу» стар. ковел., подкоморего бельск. кор. Боны Александра Лаща²⁹.

Уп.: Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кніга 43 (1523–1560). Кніга запісаў 43 (Копія канца XVI ст.). Мінск, 2003. № 38. С. 86–87.

65. [1549 — 1553]. б. м. — Увяз. лист стар. ковел., подкоморего бельск. кор. пол., в. кнг. лит. Боны Александра Лаща Яцк. Кузьмичу Жабе, сыну попа «городищского», на сельцо Вольку Осовскую в Ковел. вол., «водлуг розказанья» кор. Боны³⁰.

Уп.: Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кніга 43 (1523–1560). Кніга запісаў 43 (Копія канца XVI ст.). Мінск, 2003. № 38. С. 86–87.

1554 г.

66. [1554 г. до апреля 16. Пинск] — Реестр «списованья» имений, дворов и людей небожчика Льва Ив. Полоза, переданных в опеку землянину пин. Ив. Вас. Владычичу Пинскому, составленный подстар. стар. пин., клец., городец., кобр., держ. селец. кор. пол., в. кнг. лит. Боны Стан. Фальчевского Яном Радимским³¹.

Уп.: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 36. Л. 89–89 об.

67. 1554 г. апреля. 16. Пинск. — Дан. лист стар. пин., клец., городец., кобр., держ. селец. кор. пол., в. кнг. лит. Боны Стан. Фальчевского землянину пин. Ив. Вас. Владычичу Пинскому и его жене Софии Львовне на опеку имений небожчика Льва Ив. Полоза.

²⁹ Документ датирован условно 1549–1553 гг. по уряду А. Лаща (Приложение 2. С. 366).

³⁰ Обоснование датировки см. в примечании к № 64.

³¹ Документ датирован условно по дате листа, в котором упоминается (№ 67).

Копия: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 36. Л. 89–89 об.

68. 1554 г. октября 12 — октября 20. Пинск. — Суд. лист стар. пин., кобр., клец., городец., [держ. селец.] кор. пол., в. кнг. лит. Боны Стан. Фальчевского и стар. рожанского и маковского, лесника черского, ревизора справ замков княжества Пин. Франтишка Добрынецкого владыке пин. и туров. Макарию по тяжбе с селянами Паршевицкими и Колодеевицкими о нарушении границ двц. Кропотчичи³².

Публ.: 1) АЗР. Т. 5 (1633–1699). СПб., 1853. № 8. С. 14–16 (по копии 1633 г. с подл.); 2) Археографический сборник документов, относящихся к истории северо-западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа. Т. 6. Вильна, 1869. № 20. С. 31–33 (по неизвестной копии).

69. 1554 г. б. м. — Подтв. ставлен. лист кор. пол., в. кнг. лит. Боны дворянину Марку Воловичу на м-рь св. мучеников Бориса и Глеба в г. Городно, «за подаваньем» воеводы новгородского, марш. дворного, подскарбего зем., стар. слонимского, мстибоговского Ив. Горностая.

Копия: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 36. Л. 28–29.

Уп.: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 38. Л. 17 об.–19.

70. [1534 г. — 1554 г.]. б. м. — Дан. дозволен. лист воеводы новгородского, марш. дворного, подскарбего зем., стар. слонимского, мстибоговского Ив. Горностая дворянину кор. пол., в. кнг. лит. Боны Марку

---

³² В публикациях документа составителями указаны разные даты (октября 12 — октября 20).

Воловичу на опеку м-ря св. мучеников Бориса и Глеба в г. Городно, «до воли и ласки господарской»³³.

Уп.: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 36. Л. 28–29.

1555 г.

71. 1555 г. февраля 3. Варшава. — Указной лист кор. пол., в. кнг. лит. Боны стар. пин., клец., городец., кобр., [держ. селец.] Стан. Фальчевскому о перенесении срока судебного разбирательства с владыкой пин. и туров. Макарием «о некоторые речи и кривды его».

Копия: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 36. Л. 50 об.–52.

72. 1555 г. февраля 20. Варшава. — Указной лист кор. пол., в. кнг. лит. Боны дворянину Макарию Мартиновичу о прибытии в суд «водлуг позву» стар. пин., клец., городец., кобр., держ. селец. Стан. Фальчевского вместе с владыкой пин. и туров. Макарием.

Копия: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 36. Л. 53 об.–54.

73. [1555 г., февраля 20 — марта 14. Варшава]. б. м. — Указной лист кор. пол., в. кнг. лит. Боны владыке пин. и туров. Макарию и землянину пин. Макарию Мартиновичу о «усправидливенъе» со служебниками стар. пин., кобр., клец., городец., держ. селец. Стан. Фальчевского перед ревизором кор. Боны³⁴.

---

³³ Документ датирован условно. См. примечание к № 58 и документ № 69. Отсутствие упоминаний М. Воловича на дворянской службе кор. Боны не позволяет уточнить датировку.

³⁴ Документ датирован условно 1555 г., поскольку стоит в хронологически последовательном ряду записей 36-й книги Литовской метрики за 1555 г.

Копия: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 36. Л. 55 об.–57.

74. 1555 г. декабря 23. Варшава³⁵. — Подтв. дан. лист кор. пол., в. кнг. лит. Боны попам Дмитриевской ц. в г. Пинске на «наданья» кн. Ив. Вас. и Фед. Ив. Ярославичей.

Публ.: Таурова-Яковлева Т.Г. Материалы по истории Белоруссии в архиве Санкт-Петербургского института истории РАН // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. Вып. 1-2 (5/6). СПб., 2009. С. 203 (опис. копии XVII в.).

Копия: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 74. Л. 12 об.–14.

1556 г.

75. 1556 г. января 6. б. м. — Подтв. дан. лист кор. пол., в. кнг. лит. Боны землянину пин. Ив. Вас. [Владычичу Пинскому] на имения в Пин. пов.

Публ.: Отчет императорской публичной библиотеки за 1876 год. СПб., 1878. С. 110 (опис. подл. грамоты).

76. 1556 г. апреля 20. Пинск. — Квит подстар. пин. Валентина Чарковского стар. пин., кобр., клец., городец., держ. селец. Стан. Фальчевского и мерчего, писаря волок пин. Яна Горецкого владыке пин. и туров. Макарию на три волоки земли в с. Паршевичи в Пин. пов.

Публ.: АЗР. Т. 5 (1633–1699). СПб., 1853. № 8. С. 16 (по копии 1633 г. с подл.).

---

³⁵ Место издания документа указано в его списке, включенном в 74-ю книгу записей Литовской метрики.

**Состав должностных лиц польской королевы, великой княгини
литовской Боны Сфорца (1518–1556 гг.)**

Приведенный в Приложении список лиц, имевших прямое или косвенное отношение к деятельности канцелярии Боны Сфорца, управлению ее имениями, осуществлению административных, судебных, хозяйственных мероприятий, проводившихся королевой в ее владениях, не претендует на исчерпывающий характер. В качестве основных источников были использованы те, в которых наблюдается наибольшая концентрация документов, связанных с имениями Боны Сфорца — книги метрики королевы Боны (18-я, 32-я, 33-я, 36-я книги записей; 28-я книга публичных дел), актовые книги 1554 и 1559 г., документы из «Архива князей Любартовичей-Сангушковичей», а также некоторые издания Императорской Археографической комиссии, публикации отдельных книг Литовской метрики, другие источники. Очевидно, что привлечение новых кириллических и латинских документов позволит в значительной степени дополнить и расширить этот список.

Приложение состоит из трех частей. Первая из них представляет собой список лиц, задействованных в работе центральной части канцелярии Боны Сфорца. Здесь учтены писари, известные либо по своей инскрипции в документах Боны, либо упомянутые в источниках в качестве писарей королевы. Урядники, имевшие в своей титулатуре определение «писарь», помещены во вторую часть Приложения.

Во второй части приводится список лиц, занимавших административные уряды в имениях Боны Сфорца. Названия должностей конкретных лиц даются в соответствии с их употреблением в источниках. Имеющиеся варианты

указываются в скобках³⁶. Основными рубриками этой части Приложения являются географические понятия, указанные в соответствии с территориальным делением Великого княжества Литовского на поветы. Внутри каждой рубрики урядники королевы Боны расположены в хронологическом порядке. Дополнительно указываются «служебники» старших урядников королевы (их наместники, подстаростии, мытники, вижи, увязчие и т. д.).

Третья часть Приложения представляет собой перечень лиц, в том или ином качестве состоявших на службе Боны Сфорца. Здесь упоминаются «дворяне» и «посланцы», использовавшиеся в качестве гонцов, ревизоров, составителей различного рода инвентарей, описей и т. д. Здесь указаны лица, принимавшие участие по поручению Боны в судебных разбирательствах, касавшихся как ее подданных, так и ее саму. Они выступали в роли судей, свидетелей, участников специальных судебных комиссий.

Варианты написания личных имен, встречающиеся в источниках, указываются в скобках. Почетное титулование «князьями» католических прелатов, если оно имеется в источнике, указывается через дефис с саном («князь-бискуп», «князь-каноник»). Повторное упоминание лица в связи с занимаемым им урядом имеет отсылку к первому упоминанию, где биографические сведения о нем приведены в более полном виде.

---

³⁶ Наименования «староста», «наместник», «державца», «урядник», «тиун», «справца» употребляются в документах изучаемого периода синхронно и достаточно неопределенно. В ряде случаев сразу несколько из этих наименований применялись для обозначения одного и того же лица. М.К. Любавский предпринимал попытку разграничить некоторые из этих понятий (*Любавский М.К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого Литовского Статута. М., 1892. С. 64–71). Словоупотребление наименования административных должностей в документах Литовской метрики, очевидно, требует дальнейшего изучения.

2.1 Служащие канцелярии

Канцлер

Людовик Алифио (Лудвиг Алфей, Ludovicus Aliphio), в 1520–1532 гг. секретарь и канцлер кор. пол., в. кнг. лит. Боны, бургграф краковский³⁷.

Охмистры

Миколай Вольский (Nicolaus Volski, Nicolao de Wola), в 1518–1544 гг. кашт. сохачовский, войницкий, судомирский, стар. саноцкий, ломзенский, лянскорунский, вызненский, охмистр кор. пол., в. кнг. лит. Боны³⁸.

Юрий Ежовский, в 1548–1551 гг. кашт. варш., стар. осецкий, охмистр кор. пол., в. кнг. лит. Боны³⁹.

³⁷ *Acta Tomiciana*. Т. V. № CCLXXIX. S. 267; Т. VI. № C. S. 114–115; Т. VII. № CIV. S. 96, № CV. S. 98–101, № CVII. S. 101, № CXXV. S. 114, № LVI. S. 292, № LVII. S. 292–293, № LXIV. S. 297–298; Т. VIII. № CCXXXVI. S. 322; *Ревизия пуц и переходов. Указатель*. С. 16; РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 75 об.–76; *Archiwum Sanguszkow*. Т. V. № CCI. S. 233–234; *Пташицкий С.Л.* Описание книг и актов Литовской метрики. СПб., 1887. Древние акты. № 76. С. 218; Описание рукописного отделения Виленской публичной библиотеки. Вып. V. Вильна, 1906. Приложения. № 17. С. 15.

³⁸ *Archiwum Sanguszkow*. Т. II. № III. S. 2–5; Т. III. № CDL. S. 421–426; Т. IV. № CLXXVI. S. 229–231; Т. V. № XCII. S. 112, № XCVIII. S. 118, № CXXXI. S. 164, № CXXXIX. S. 173, № CXL. S. 173–174, № CXLIII. S. 178, № CLXVII. S. 202, № CLXIX. S. 204–206, № CCIX. S. 244, № CCXXIX. S. 260, № CCXXXVIII. S. 267, № CCLXII. S. 283–284, № CCLXXVII. S. 291–292, № CCCXXX. S. 364; *Ревизия пуц и переходов. Указатель*. С. 5; Описание рукописного отделения Виленской публичной библиотеки. Вып. V. Вильна, 1906. Приложения. № 17. С. 15; РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 18. Л. 156 об.–157 об., Л. 30–32, Л. 32 об.–33, Л. 86 об.–87, Л. 131 об.–132; AGAD. Tzw. Metryka litewska. Dz. III. A/28. K. 50, K. 53 v., K. 58.

³⁹ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 24–25, Л. 30–32 об., Л. 67–69, Л. 73–74; Там же. Кн. 33. Л. 7 об.–8 об., Л. 20 об.–21 об., Л. 25 об.–27 об., Л. 76 об.–77 об., Л. 78 об.–80, Л. 95–96 об.

Писари

Ян Левицкий, в 1524–1527 гг. кн.-кантор плоцкий, латинский писарь кор. пол., в. кнг. лит. Боны⁴⁰.

Петр Кунца, в 1526–1543 гг. писарь кор. пол., в. кнг. лит. Боны⁴¹.

Валериан Протасович-Сушковский (Валериян, Valerianus), в 1532–1545 гг. писарь кор. пол., в. кнг. лит. Боны, позднее писарь кор. пол., в. кн. лит. Сигизмунда II Августа, кн.-декан, кн.-бискуп, каноник вилен., жомойтский, луц.⁴²

Иван (Ян) Шимкович, в 1540 г. дв-н кор. пол., в. кн. лит. Сигизмунда I Старого⁴³; в 1541–1547 гг. писарь кор. пол., в. кнг. лит. Боны⁴⁴; в 1555–1569 гг.

⁴⁰ *Ревизия пуц и переходов*. С. 259–260, 226–227, 258, 257, 285–286; Описание рукописного отделения Виленской публичной библиотеки. Вып. V. Вильна, 1906. Приложения. № 17. С. 15.

⁴¹ *Ревизия пуц и переходов*. С. 285–286, 82–83, 319, 236, 386; РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 18. Л. 156 об.–157 об.; Там же. Кн. 32. Л. 39–39 об.; *Archiwum Sanguszkow*. Т. IV. № ССХСVIII. S. 371.

⁴² РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 18. Л. 56 об.–57, Л. 27 об.–28 об., Л. 28 об.–29 об., Л. 30–32, Л. 49–49 об., Л. 57 об.–59, Л. 63 об.–64, Л. 63, Л. 64 об., Л. 68 об.–70, Л. 70–70 об., Л. 71 об.–72, Л. 72 об.–73, Л. 73–73 об., Л. 75–76 об., Л. 76 об.–78, Л. 74–74 об., Л. 85 об.–86 об., Л. 34 об.–36, Л. 61 об.–62 об., Л. 122–123, Л. 135–135 об., Л. 169–170; Там же. Кн. 32. Л. 38–39; Там же. Кн. 33. Л. 100 об.–101, Л. 117–117 об.; Там же. Кн. 36. Л. 87 об.–88 об.; *Ревизия пуц и переходов*. С. 81–82, 346–347, 179–180, 362–363, 233–234, 153–154, 286–287, 244–245; *Archiwum Sanguszkow*. Т. IV. № LVII. S. 61, № СХХXI. S. 163–164, № CLXXVI. S. 229–231, № CLXIX. S. 220–221, № CLXXI. S. 223–224, № CLXXIII. S. 226, № CLXXXVIII. S. 233, № CLXXXI. S. 234–235, № CCV. S. 261–262, № ССХХIII. S. 278–279, № CCLXI. S. 320–321, № CCLXII. S. 321–322, № CCLXXXVII. S. 359–360.

⁴³ *Archiwum Sanguszkow*. Т. IV. № CLXXXI. S. 234–235.

⁴⁴ *Ревизия пуц и переходов*. С. 242–244, 276–277, 236–237, 299–300; *Archiwum Sanguszkow*. Т. IV. № CCLXXVII. S. 344–346, № CCV. S. 378–379, № СССХХIV. S. 401–402, № СССХХV. S. 402–403, № CDXXVI. S. 557–558; AGAD. Tzw. Metryka litewska. Dz. III. A/28. K. 144.

марш. и писарь кор. пол., в. кн. лит. Сигизмунда II Августа, стар. тыкотинский, держ. вилькомирский⁴⁵.

Войтех Ленартович Нарбут, в 1536 г. дв-н⁴⁶; в 1547–1548 гг. каноник вилен., писарь кор. пол., в. кнг. лит. Боны⁴⁷.

Ян Маковецкий, в 1547–1555 гг. писарь кор. пол., в. кнг. лит. Боны⁴⁸, кн.-каноник варш. (1555 г.)⁴⁹; позднее скарбный писарь кор. пол., в. кн. лит. Сигизмунда II Августа, бирчий земский, кустош вилен. (1563–1567 гг.)⁵⁰.

Матьяс, в 1548 г. кн.-пробош троц., писарь кор. пол., в. кнг. лит. Боны⁵¹.

Адам (Ядам) Пилиховский, в 1548–1555 гг. кн.-каноник варш., секретарь и писарь кор. пол., в. кнг. лит. Боны⁵².

Бартоломей Брудницкий, в 1549–1551 г. писарь, дв-н, посланец, ревизор кор. пол., в. кнг. лит. Боны⁵³.

Ярош Квилецкий, в 1549–1555 гг. писарь кор. пол., в. кнг. лит. Боны, кн.-плебан пун., мстибог., справца дв. и вол. Пуне (1549 г.)⁵⁴.

---

⁴⁵ *Archiwum Sanguszkow*. Т. VII. № XII. S. 10–12, № XVI. S. 14, № XXIII. S. 18–19, № XXXIII. S. 27, № XL. S. 36–37, № LI. S. 48, № LXXVII. S. 74, № LXXXIX. S. 86–88, № CVIII. S. 110–111, № CLXXVII. S. 215–216. Ср.: *Wolff*. S. 89, 90, 176, 269, 270.

⁴⁶ *Lietuvos Metrika*. Knyga Nr. 19 (1535–1537). Užrašymų knyga 19. Vilnius, 2009. № 55. P. 104–105.

⁴⁷ *Ревизия пуц и переходов*. С. 234–236; РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 10 об.–14 об., Л. 22–23, Л. 27–27 об., Л. 28 об.–29, Л. 32 об.–33 об.; Там же. Кн. 33. Л. 114 об.–115 об.

⁴⁸ *Ревизия пуц и переходов*. *Указатель*. С. 16; РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 53–53 об., Л. 74 об.–75; Там же. Кн. 33. Л. 25 об.–27 об., Л. 100–100 об., Л. 101–102; Там же. Кн. 36. Л. 25–26, Л. 102–103, Л. 103 об.–104, Л. 103–103 об., Л. 104–104 об., Л. 124–124 об., Л. 125 об.–127, Л. 128 об.–129, Л. 130–130 об., Л. 134 об.–135; *Archiwum Sanguszkow*. Т. V. № LXXIII. S. 110.

⁴⁹ *Ревизия пуц и переходов*. С. 87–93.

⁵⁰ *Archiwum Sanguszkow*. Т. VI. № CXXIX. S. 230, № CXXX. S. 230–231; Т. VII. № XC. S. 88–90, № CXXVI. S. 139.

⁵¹ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 13.

⁵² Там же. Л. 17 об.–18 об.; Там же. Кн. 36. Л. 66 об.–69, Л. 69 об.–70.

⁵³ Там же. Кн. 32. Л. 58–60 об., Л. 82–84 об.; Там же. Кн. 33. Л. 54–56, Л. 60–61, Л. 64–65, Л. 67–69, Л. 69 об.–73, Л. 73 об.–74, Л. 74 об.–75 об.; *Ревизия пуц и переходов*. С. 220.

Матей Косовский, в 1550–1555 гг. плебан клец., комиссар, писарь кор. пол., в. кнг. лит. Боны⁵⁵.

Якуб Уханский (*Iacobus Uchanski*), в 1536–1541 гг. кн.-каноник краковский и холмский, пробощ бельск., референдарий кор. пол., в. кн. лит. Сигизмунда I Старого и кор. пол., в. кнг. лит. Боны⁵⁶; в 1555 г. кн.-бискуп холмский, уп. его «подпис руки» в листе кор. пол., в. кнг. лит. Боны⁵⁷.

Подскарбий

Андрей Свеборовский, кн., в 1553 г. подскарбий кор. пол., в. кнг. лит. Боны⁵⁸.

***

II.2 Урядники: старосты, наместники, державцы, справцы

Пинский и Клецкий повет

Юрий Иванович Ильинич, марш. дворн., стар. берест., ковен., лид.; в 1521–1522 гг. держал от кор. пол., в. кнг. лит. Боны «княжество наше Пинское»⁵⁹; ум. в 1526 г.⁶⁰

---

⁵⁴ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 77–78 об.; Кн. 33. Л. 16–17, Л. 39 об.–40 об., Л. 63–63 об., Л. 81–81 об., Л. 114 об.–115 об.; Там же. Кн. 36. Л. 77–78.

⁵⁵ Там же. Кн. 33. Л. 28 об., Л. 69 об.–73, Л. 80–81, Л. 81 об.–82 об.; Там же. Кн. 36. Л. 59 об.–61.

⁵⁶ АЗР. Т. V (1633–1699). СПб., 1853. № 2. С. 5; Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 19 (1535–1537). Užrašymų knyga 19. Vilnius, 2009. № 214. P. 219–223.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 36. Л. 78 об.–79 об.

⁵⁸ Там же. Кн. 33. Л. 130–130 об.

⁵⁹ *Ревизия пуц и переходов*. С. 255, 324, 65–66, 247–251; РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 14 об.–16 об. и др.

⁶⁰ *Wolff*. S. 178.

Служебники Ю.И. Ильинича

Иван Григорьевич, в 1521 г. подстар. пин.⁶¹

Ждан Брюяка, в 1521 г. подстар. городец.⁶²

Андрей Иванович, в 1521 г. уряд. вяд.⁶³

Михаил (Михайло) Романович, в 1545 г. уп. как бывш. подстар. пин. Ю.И. Ильинича⁶⁴.

Иван Михайлович Хоревич, в 1520 г. подскарбий канцлера, воев. вилен., троц. Н.Н. Радзивила⁶⁵; в 1524–1529 гг. писарь кор. пол., в. кнг. лит. Боны; в 1523–1543/1544 гг. стар. пин., клец., городец., рогац.; в 1532–1543/1544 гг. стар. кобр., держ. селец., добуч.; ум. в июне 1543 — июле 1544 г.⁶⁶

Служебники И.М. Хоревича

Василий Пилецкий, в 1533 г. намест. пин. И.М. Хоревича⁶⁷, в 1540 г. урядн. добуч.⁶⁸, в 1546 г. дв-н кор. пол., в. кнг. лит. Боны⁶⁹, в 1555 г. уп. как бывш. подстар. городец.⁷⁰

---

⁶¹ *Ревизия пуц и переходов*. С. 314–315.

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же. С. 247–251.

⁶⁵ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 18. Л. 50 об.

⁶⁶ *Ревизия пуц и переходов*. С. 252, 289–290, 297–298, 65–66, 123–124, 285–286, 317–318, 261, 82–83, 303–304, 229, 253–254, 325, 362–363, 233–234, 153–154, 233–234, 231, 227, 360, 242–244, 286–287, 244–245, 310, 275–276, 338, 334–335 и др.; РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 18. Л. 30–32, Л. 63 об.–64, Л. 70–70 об., Л. 74–74 об., Л. 86 об.–87, Л. 149 об., Л. 169–170; Там же. Кн. 33. Л. 135–136 об.; Там же. Кн. 36. Л. 87 об.–88 об.; *Archiwum Sanguszkow*. Т. III. № CDL. S. 421–426; Т. IV. № LVII. S. 61; AGAD. Tzw. Metryka litewska. Dz. III. A/28. K. 6 v.

⁶⁷ *Ревизия пуц и переходов*. С. 346–347.

⁶⁸ Там же. С. 310.

⁶⁹ Там же. С. 310–311.

⁷⁰ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 36. Л. 95 об.–97.

Матей (Матый) Войкович, в 1534 г. подстар. пин.⁷¹

Миколай Боровский, в 1536 г. служ. И.М. Хоревича⁷².

Быховец Павлович, в 1537 г. писарь И.М. Хоревича⁷³.

Иван Глебович, в 1537 г. подстар. городец.⁷⁴

Войтех Якубович, в 1537–1545 гг. подстар. пин.⁷⁵

Богуш Скирмонт (Скирмонтович), в 1538 г. «слуга» И.М. Хоревича, в 1543 г. подстар. городец., землянин пин.⁷⁶, в 1551 г. подстар. клец. П.К. Мыльского⁷⁷.

Петр Кирдеевич Мыльский, в 1542 г. дв-н кор. пол., в. кн. лит. Сигизмунда I Старого⁷⁸; в 1544–1552 гг. стар. пин., клец., городец. кор. пол., в. кнг. Боны⁷⁹; в 1558–1559 гг. марш. кор. пол., вел. кн. лит. Сигизмунда II Августа⁸⁰.

Служебники П.К. Мыльского

⁷¹ *Ревизия пуц и переходов*. С. 230–231.

⁷² Там же. С. 153–154.

⁷³ Там же. С. 93–94.

⁷⁴ Там же. С. 360.

⁷⁵ Там же. С. 93–94, 276–277, 279–282.

⁷⁶ Там же. С. 244–245, 338.

⁷⁷ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 69 об.–73.

⁷⁸ *Archiwum Sanguszkow*. Т. IV. № CCLXIV. S. 323.

⁷⁹ *Ревизия пуц и переходов. Указатель*. С. 19. Составители ошибочно титуловали П.К. Мыльского старостой городенским; в его юрисдикции находился Давид-Городок, но не Городно. РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 2–3, Л. 7–9 об., Л. 12 об.–14 об., Л. 22–23, Л. 27–27 об., Л. 28 об.–29, Л. 30–32 об. Л. 32 об.–33 об., Л. 55–56, Л. 67–69, Л. 78 об.–81; Там же. Кн. 33. Л. 1–1 об., Л. 24–25 об., Л. 31 об.–33 об., Л. 34 об.–35 об., Л. 41–42, Л. 43–43 об., Л. 60–61, Л. 64–65, Л. 65–75 об., Л. 82 об.–83 об., Л. 94–94 об., Л. 95–96 об., Л. 104–104 об.; *Archiwum Sanguszkow*. Т. IV. № CCCXVIII. S. 393–394, № CCCXXVII. S. 406–408, № CCCXCIX. S. 519–520, № CDXI. S. 536–537.

⁸⁰ *Archiwum Sanguszkow*. Т. VII. № XXIX. S. 23, № LII. S. 48–50, № CCLXIV. S. 326.

Якуб Свидерский, в 1544 г. увяз. П.К. Мыльского, дв-н кор. пол., в. кнг. лит. Боны⁸¹.

Станислав Богданович, в 1546 г. подстар. пин.⁸²

Ждан Григорьевич Бруйка, в 1547 г. подстар. городец., в 1555 г. уп. как бывш. подстар. городец.⁸³

Андрей Гаврилович Гричын, в 1547 г. мытник городец. П.К. Мыльского⁸⁴.

Василий Шимонович, в 1551 г. подстар. клец.⁸⁵

Станислав Фальчевский, в 1539–1542 гг. стар. кремен.⁸⁶; в 1548–1555 гг. стар. кобр., держ. селец.⁸⁷; в 1550–1555 гг. стар. пин., клец., городец.⁸⁸

Служебники С. Фальчевского

Ян Куровский, в 1548 г. уряд. добуч.⁸⁹

---

⁸¹ *Ревизия пуц и переходов*. С. 334–335.

⁸² Там же. С. 308–310.

⁸³ Там же. С. 261–262; РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 36. Л. 95 об.–97.

⁸⁴ *Ревизия пуц и переходов*. С. 261–262, 278.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ *Archiwum Sanguszkow*. Т. IV. № CLX. S. 204, № CCV. S. 261–262, № CCXXI. S. 276–277, № CCLIII. S. 313, № CCLV. S. 314–315, № CCLIX. S. 317–318, № CCLX. S. 318–319; РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 36. Л. 102 об.–103; Там же. Кн. 32. Л. 4–4 об., Л. 27 об.–28 об., Л. 29 об.

⁸⁷ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 4–4 об., Л. 24–25, Л. 27 об.–28 об., Л. 29 об., Л. 30–32 об., Л. 35 об.–36 об., Л. 71 об.–73; Там же. Кн. 33. Л. 3 об.–4, Л. 4–5, Л. 6 об.–7, Л. 7–7 об., Л. 9 об.–10, Л. 38 об.–39, Л. 46–47 об., Л. 47 об.–48 об., Л. 58–60, Л. 80–81, Л. 81 об.–82 об., Л. 96 об.–97, Л. 100–100 об.; *Ревизия пуц и переходов*. *Указатель*. С. 28.

⁸⁸ В листе от 23 июня 1550 г. С. Фальчевский был назван старостой пинским наряду с П.К. Мыльским, который находился на этой должности предположительно до февраля 1552 г. РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 31 об.–32 об., Л. 101–102, Л. 104–104 об., Л. 105 –105 об., Л. 107–108 об., Л. 111–111 об.; Там же. Кн. 36. Л. 25–26, Л. 29–30 об., Л. 37–37 об., Л. 45–45 об., Л. 46 об.–47, Л. 50 об.–51, Л. 53 об.–54, Л. 55 об.–57 об., Л. 58–59, Л. 89–89 об., Л. 95 об.–97, Л. 100–101 об., Л. 113–113 об.

Иван Павлович Букраба, в 1554 г. подстар. клец.⁹⁰; в 1555 г. комиссар кор. пол., в. кнг. лит. Бонь⁹¹.

Ян Радимский, в 1554 г. подстар. пин.⁹²

Ян Горецкий (Кгорецкий), в 1555 г. писарь С. Фальчевского, справца и писарь измерения волок пин.⁹³

Краевский, в 1555 г. служ. писаря Я. Горецкого⁹⁴.

Ян Тринский, в 1555 г. служ. С. Фальчевского⁹⁵.

Ян Тебенский, в 1555 г. служ. С. Фальчевского⁹⁶.

Федор Олеша, в 1555 г. уп. как бывш. подстар. городец.⁹⁷

Моисей Иванович, в 1555 г. уп. как бывш. подстар. городец.⁹⁸

Рогачов

Павел Попелжинский, в 1548 г. уп. как бывш. подстар. пин. И.М. Хоревича⁹⁹, в 1548–1552 гг. держ. рогач.; ум. в 1552 г.¹⁰⁰

Служебники П. Попелжинского

⁸⁹ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 30–32 об.

⁹⁰ *Ревизия пуц и переходов*. С. 363–364.

⁹¹ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 36. Л. 59 об.–61.

⁹² Там же. Л. 89–89 об.

⁹³ Там же. Л. 46 об.–47, Л. 53 об.–54, 55 об.–57 об.; *Ревизия пуц и переходов*. С. 87–93, 127–128.

⁹⁴ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 36. Л. 55 об.–57 об.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ *Ревизия пуц и переходов*. С. 127–128.

⁹⁷ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 36. Л. 95 об.–97.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ *Ревизия пуц и переходов*. С. 234–236.

¹⁰⁰ Там же. С. 234–236; РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 14 об.–16 об., Л. 16 об.–17 об.; Там же. Кн. 33. Л. 5–5 об., Л. 11 об.–12, Л. 25 об.–27 об., Л. 27 об.–28 об., Л. 54–56, Л. 61 об.–62, Л. 103 об.–104, Л. 121–122 об.

Марк Богданович Андреевича, в 1549–1550 гг. служ. П. Попелжинского¹⁰¹.

Александр Иванович Плюсков, в 1551 г. служ. П. Попелжинского¹⁰².

Богдан Иванович Волынец, в 1551 г. служ. П. Попелжинского¹⁰³.

Качановский, в 1554 г. уп. как писарь П. Попелжинского¹⁰⁴.

Михно Якубович, в 1549 г. уп. как держ. рогач.¹⁰⁵

Богдан Матфеевич Долмат, в 1552 г. дв-н кор. пол., в. кнг. лит. Боны, справца замка Рогач., в 1555 г. уп. как бывш. держ. рогач.¹⁰⁶

Матей Войтехович, в 1537–1538 гг. уп. как землянин кор. пол., в. кнг. лит. Боны¹⁰⁷; в 1551 г. дв-н, судья кор. пол., в. кнг. лит. Боны¹⁰⁸; в 1554–1555 гг. держ. рогач.¹⁰⁹

Кобринский повет

Венцлав Станиславович Костевич, марш. кор. пол., в. кн. лит. Сигизмунда I Старого; в 1516–1532 гг. стар. кобр.; ум. в 1532 г.¹¹⁰

Служебники В.С. Костевича

Иван Григорьевич, в 1531 г. намест. добуч.¹¹¹

¹⁰¹ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 5–5 об., Л. 27 об.–28 об.

¹⁰² Там же. Л. 54–55.

¹⁰³ Там же. Л. 55–56.

¹⁰⁴ Там же. Кн. 36. Л. 29–30 об.

¹⁰⁵ Там же. Кн. 33. Л. 6–6 об.

¹⁰⁶ Там же. Л. 121–122 об.; Там же. Кн. 36. Л. 61–62 об.

¹⁰⁷ *Ревизия пуцц и переходов*. С. 93–95.

¹⁰⁸ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 95–96 об.

¹⁰⁹ Там же. Кн. 36. Л. 45–45 об., Л. 59 об.–61, Л. 61–62 об.; *Ревизия пуцц и переходов*. С. 87–93.

¹¹⁰ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 18. Л. 147 об.–148, Л. 159–160, Л. 148 об., Л. 155 об.–156, Л. 155 об., Л. 151–151 об., Л. 151 об.–152, Л. 48–49, Л. 46–46 об., 32 об.–33, Л. 46 об.–48, Л. 68 об.–70, Л. 152–153. Л. 70–70 об.

Юрий Гинца, намест. кобр. В.С. Костевича¹¹².

Миколай Томкович, в 1532 г. старший служебник В.С. Костевича¹¹³.

Василий (Васко) Дробышевич, в 1532 г. «слуга» В.С. Костевича, комиссар¹¹⁴.

Иван (Ивахно) Петрович, в 1532 г. «слуга» В.С. Костевича, комиссар¹¹⁵.

Счасный Гримала (Щасный Гримайла, Грима), в 1529–1532 гг. держ. селец.¹¹⁶

Иван Михайлович Хоревич, в 1532–1543/1544 гг. стар. кобр., держ. селец., добуч. (см. С. 359).

Станислав Фальчевский, в 1548–1555 гг. стар. кобр., держ. селец. (см. С. 361).

Кременецкий повет

Дахно Васильевич, в 1534–1537 гг. ключник, городничий, мостовничий луц.; в 1537 г. стар. кремен.¹¹⁷

Станислав Фальчевский, в 1539–1542 гг. стар. кремен. (см. С. 361).

Счасный (Щасный) Герцик, в 1547–1548 гг. стар. кремен.¹¹⁸

¹¹¹ Там же. Л. 151 об.–152.

¹¹² Там же. Л. 32 об.–33.

¹¹³ Там же. Л. 46–46 об., Л. 46 об.–48.

¹¹⁴ Там же. Л. 46 об.–48.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ *Ревизия пуц и переходов*. С. 153–154; РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 18. Л. 30–32.

¹¹⁷ *Archiwum Sanguszkow*. Т. III. № CDLXXXIX. S. 468–469; Т. IV. №LXXVIII. S. 81–82, № LXXXI. S. 86–88, № LXXXII. S. 89.

¹¹⁸ Там же. Т. IV. № CDXI. S. 536–537, № CDXIX. S. 549, № CDXXII. S. 552, № CDXXIII. S. 553–554; РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 5–7, Л. 10 об.–11, Л. 25 об.–26 об., Л. 29 об.

Служебник С. Герцика

Иван Федорович, в 1547 г. виж С. Герцика¹¹⁹.

Иван Богушевич Боговитиновича, марш. кор. пол., в. кн. лит. Сигизмунда II Августа; в 1548–1549 гг. стар. кремен., держ. долгал.¹²⁰

Петр Михайлович Семашко, в 1542 г. уп. как свидетель в суде¹²¹; в 1547 г. дв–н кор. пол., в. кн. лит. Сигизмунда II Августа¹²²; в 1549–1553 гг. стар. кремен.¹²³

Иван Олыца, в 1544 г. намест. кузьмин.¹²⁴

Владимирский повет

Богдан Михайлович Семашко, в 1533 г. писарь воев. вилен. Альбрехта Мартиновича Гаштольда¹²⁵; в 1541–1542 гг. дв–н кор. пол., в. кн. лит. Боны¹²⁶; в 1542 г. справца староства Луц.¹²⁷; в 1543–1550 гг. стар. ковел., вижов., мельниц.,

¹¹⁹ *Archiwum Sanguszkow*. Т. IV. № CDXIX. S. 549.

¹²⁰ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 25 об.–26 об., Л. 27 об.–28 об., Л. 29 об., Л. 33 об.–36 об., Л. 44 об.–45 об., Л. 47 об.–50, Л. 92 об.–94 об.

¹²¹ *Archiwum Sanguszkow*. Т. IV. № CCLXV. S. 324–326; AGAD. Tzw. Metryka litewska. Dz. III. A/28. K. 70 v.

¹²² *Archiwum Sanguszkow*. Т. IV. № CDXXV. S. 556, № CDXXIII. S. 553–554.

¹²³ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 92 об.–94 об.; Там же. Кн. 33. Л. 3 об.–4, Л. 29–29 об., Л. 51–51 об., Л. 51 об.–53, Л. 78 об.–80, Л. 102–103, Л. 124–124 об., Л. 130–130 об., Л. 132 об.–133, Л. 134 об.–135.

¹²⁴ *Archiwum Sanguszkow*. Т. IV. № CCV. S. 378–379, Т. IV. № CCCXXXII. S. 414–415.

¹²⁵ Там же. Кн. 18. Л. 170 об.–172; *Wolff*. S. 73.

¹²⁶ *Archiwum Sanguszkow*. Т. IV. № CCXXIII. S. 278–279, № CCXXXIII. S. 291–292, № CCLIX. S. 317–318, № CCLX. S. 318–319, № CCLXIV. S. 323, № CDXXXIX. S. 577, № CDXXXIX. S. 578; AGAD. Tzw. Metryka litewska. Dz. III. A/28. K. 150.

¹²⁷ *Archiwum Sanguszkow*. Т. IV. № CCLXV. S. 324–326; AGAD. Tzw. Metryka litewska. Dz. III. A/28. K. 70 v.

фалим., мялян., писарь кор. пол., в. кнг. лит. Боны¹²⁸; в 1553 г. марш. кор. пол., в. кн. лит. Сигизмунда II Августа¹²⁹.

Александр Лащ, в 1549–1553 гг. стар. ковел., подкоморий бельск.¹³⁰

Франтишек Фальчевский, в 1555 г. стар. ковел. кор. пол., в. кнг. лит. Боны¹³¹; в 1559 г. стар. ковел. кор. пол., в. кн. лит. Сигизмунда II Августа¹³².

Троцкий повет

Левон Дмитриевич, в 1534 г. намест. перел.¹³³

Матей Сельцкий, в 1550 г. уряд. перел.¹³⁴

Павел Шимкович Гедроит (Кгедроит), в 1541 г. урядн. олитский и немонойтский¹³⁵.

Ярош Квилецкий, в 1549 г. справца дв. Пуне (см. С. 357).

Францишек Крыжковский, в 1549 г. писарь измерения волок пун.¹³⁶, в 1550 г. писарь измерения волок перел.¹³⁷

---

¹²⁸ *Archiwum Sanguszkow*. Т. IV. № CCLXXXIII. S. 353–355, № CCCXXXVI. S. 418–420, № CCCXLIV. S. 431–432, № CCCXLVIII. S. 437, № CCCLXXXV. S. 489–493, № CDXI. S. 536–537, № CDXII. S. 537–539; РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 23–24, Л. 30–32 об., Л. 56–57, Л. 84 об.–85, Л. 86–88, Л. 88 об.–89 об.; Там же. Кн. 33. Л. 9–9 об., Л. 36 об.–37 об.; AGAD. Tzw. *Metryka litewska*. Dz. III. A/28. K. 87.

¹²⁹ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 124–124 об., Л. 132 об.–133.

¹³⁰ Там же. Кн. 32. Л. 88–88 об.; Там же. Кн. 33. Л. 9–9 об., Л. 130–130 об., Л. 132 об.–133.

¹³¹ Там же. Кн. 36. Л. 110–110 об.

¹³² *Archiwum Sanguszkow*. Т. VII. № LVIII. S. 56.

¹³³ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 18. Л. 125–125 об.

¹³⁴ Там же. Кн. 33. Л. 13–13 об.

¹³⁵ *Lietuvos Metrika (1528–1547)*. 6-oji Teismų bylą knyga (XVI a. Pabaigos kopija). Vilnius, 1995. № 277. P. 196–197.

¹³⁶ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 81–82.

Серафим Якубович, в 1550 г. намест. пун.¹³⁸

Войтех Якубович, в 1555 г. уряд. пун.¹³⁹

Себастьян Юндил, в 1550 г. намест. довговский и перел.; ум. прежде 24 марта 1551 г.¹⁴⁰

Виленский повет

Федор Волк, в 1548 г. уп. как бывш. уряд. мойшаг.¹⁴¹

Матей Балтроевич Гедроить (Матуш Кгедроить), в 1548–1555 гг. уряд. мойшаг.; в 1555 г. держ. усв., озерищ.¹⁴²

Красносельский повет

Василий Юнкевич, в 1548–1549 гг. намест. красносельский и галичанский¹⁴³.

Жемайтская земля

Станислав Стецкович, в 1536 г. уп. как бывш. держ. плотел., небожчик¹⁴⁴.

Юрий Мартинович Белевич, в 1536 г. держ. (стар.) плотел.¹⁴⁵

---

¹³⁷ Там же. Кн. 33. Л. 13–13 об.

¹³⁸ Там же. Л. 39 об.–40 об.

¹³⁹ Там же. Кн. 36. Л. 77–78.

¹⁴⁰ Там же. Кн. 33. Л. 12 об.–13, Л. 63–63 об.

¹⁴¹ Там же. Кн. 32. Л. 37–37 об.

¹⁴² Там же; Кн. 36 Л. 81–82.

¹⁴³ Там же. Кн. 32. Л. 45 об.–46 об.

¹⁴⁴ Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов. Т. XXIV. Акты о боярах. Вильна, 1897. № 45. С. 80–81.

Иван Кунцевич, в 1536 г. справца ковенской мытной коморы, уряд. юрбор. кор. пол., в. кнг. лит. Боны¹⁴⁶; в 1548–1550 гг. намест. юрбор. кор. пол., в. кнг. лит. Боны¹⁴⁷; в 1548–1552 гг. мытник ковенский кор. пол., в. кн. лит. Сигизмунда II Августа, намест. ясвойнский (1551 г.)¹⁴⁸.

Андрей Патрековский, в 1550–1552 гг. уряд. (намест.) юрбор., нововольский¹⁴⁹.

Петр Тьдман, в 1551 г. справца лесных работ юрбор. и пун.¹⁵⁰

Мартин Подсентковский, в 1555 г. уряд. юрбор.¹⁵¹

Витебский повет

Кирдей Гричинович, в 1529–1533 гг. держ. (намест.) оболец., усв., озерищ.¹⁵²

Служебники К. Гричиновича

Станислав Матеевич Рочевича, в 1533 г. «слуга» К. Гричиновича¹⁵³.

Матей Войтехович Янович Ключко (Матфей Охмистрович), марш. кор. пол., в. кн. лит. Сигизмунда I Старого, держ. волковский, мерецкий, воев.

¹⁴⁵ Там же. № 45. С. 80–81, № 53. С. 90; Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 19 (1535–1537). Užrašymų knyga 19. Vilnius, 2009. № 208. S. 215.

¹⁴⁶ *Довнар-Запольский*. С. LXXVI–LXXVIII.

¹⁴⁷ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 1–2, Л. 36 об.–37; Там же. Кн. 33. Л. 17–18 об.

¹⁴⁸ Там же. Кн. 33. Л. 62 об., Л. 84 об.–85 об., Л. 109 об.–110, Л. 114 об.–115 об.

¹⁴⁹ Там же. Л. 13 об.–14, Л. 109 об.–110, Л. 114 об.–115 об.

¹⁵⁰ Там же. Л. 62 об.

¹⁵¹ Там же. Кн. 36. Л. 77–78.

¹⁵² Там же. Кн. 32. Л. 39–39 об.; Там же. Кн. 18. Л. 56 об.–59, Л. 71 об.–73; AGAD. Tzw. Metryka litewska. Dz. III. A/28. K. 55.

¹⁵³ Там же. Кн. 18. Л. 71 об.–72.

витеб. (1532 г.), стар. жомойт. (1542 г.)¹⁵⁴; в 1535 г. держ. оболец., усв., озерищ. кор. пол., в. кнг. лит. Боны¹⁵⁵; ум. 27 янв.–26 февр. 1543 г.¹⁵⁶

Юрий Войтехович Насиловский, воев. витеб. (1542 г.); в 1543 г. держ. оболец., усв., озерищ. кор. пол., в. кнг. лит. Боны¹⁵⁷; ум. в 1544 г.¹⁵⁸

Матей Балтроевич Гедройц (Матуш Кгедроить), в 1555 г. держ. усв., озерищ. (см. С. 367).

Остафий Богданович Волович, в 1555 г. марш, писарь кор. пол., в. кн. лит. Сигизмунда II Августа, стар. могилевский, медницкий, держ. усв., озерищ.¹⁵⁹; кашт. вилен., троц., справца воев. Вилен. (1565 г.), подканцлер (1566 г.), канцлер (1579 г.)¹⁶⁰.

Станислав Кирдя, Семен Углик, Иван Черницын, Станислав Садовский, Тимофей Гурка, Марк Корсаков, в 1566 г. уп. как бывш. уряд. усв., озерищ. кор. пол., в. кнг. лит. Боны¹⁶¹.

Городенский повет

Юрий Яцкович Зелепуга, в 1530–1532 гг. уряд. жоросл.¹⁶², в 1534–1536 гг. намест. жоросл., лабен., молявиц., квасов.¹⁶³; в 1549 г. уп. как небожчик¹⁶⁴.

¹⁵⁴ Wolff. S. 87.

¹⁵⁵ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 38–39.

¹⁵⁶ *Archiwum Sanguszkow*. Т. IV. № CCLXIX. S. 328–329, № CCLXXII. S. 334–335; AGAD. Tzw. Metryka litewska. Dz. III. A/28. K. 55.

¹⁵⁷ *Archiwum Sanguszkow*. Т. IV. № CCLXIX. S. 328–329, № CCLXXII. S. 334–335; AGAD. Tzw. Metryka litewska. Dz. III. A/28. K. 55.

¹⁵⁸ Wolff. S. 87.

¹⁵⁹ Там же. Л. 111 об.–112.

¹⁶⁰ Wolff. S. 73, 80, 161, 163, 179, 185, 268, 295.

¹⁶¹ Писцовые книги XVI века. Издание Императорского русского географического общества / ред. Н.В. Калачов. Ч. I. Отд. II. СПб., 1877. С. 433–434.

¹⁶² Lietuvos Metrika (1522–1530). 4-oji Teismų bylą knyga (XVI a. pabaigos kopija). Vilnius, 1997. № 456. P. 346–347; РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 18. Л. 27 об.–28 об.

Богдан Гринкович (Гришкович), в 1524 г. конюший господарский¹⁶⁵; в 1533–1537 гг. конюший и войский городен., намест. (держ.) скид., крин., озер., новодв.(1537 г.)¹⁶⁶; в 1549 г. уп. как небожчик¹⁶⁷.

Войтех Требский (Трепский), в 1536–1537 гг. дв-н кор. пол., в. кнг. лит. Боны; справца городен. и мост. мытной коморы¹⁶⁸; в 1537–1540 гг. справца городен.¹⁶⁹; ум. прежде 16 июля 1549 г.

Андрей Некшинский, в 1535–1537 гг. уряд. мост.¹⁷⁰

Марк (Марко) **Гринкович**, в 1537 г. держ. перштунский¹⁷¹.

Симон Гец (Кгец), в 1540 г. намест. новодв.¹⁷²; 1555 г. уп. как бывш. уряд. новодв.¹⁷³

Юрий Миколаевич Радзивил, подचाший (1511–1517 гг.), воев. киевский (1511–1514 гг.), гетман дворный (1521 г.), кашт. троц. (1522 г.), кашт. вилен.

¹⁶³ *Ревизия пуц и переходов*. С. 179–180; РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 18. Л. 125 об., Л. 135–135 об., Л. 50; Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 19 (1535–1537). Užrašymų knyga 19. Vilnius, 2009. № 209. P. 216–217.

¹⁶⁴ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 82–84 об.

¹⁶⁵ AGAD. Tzw. Metryka litewska. Dz. III. A/28. K. 210 v.

¹⁶⁶ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 18. Л. 61 об.–62 об., Л. 75–78; AGAD. Tzw. Metryka litewska. Dz. III. A/28. K. 7, K. 158–164 v., K. 196 v.–198, K. 206, K. 212 v., K. 217 v.; *Сборник палеографических снимков*. № 44–45; Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 19 (1535–1537). Užrašymų knyga 19. Vilnius, 2009. № 201. P. 202–204.

¹⁶⁷ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 82–84 об.

¹⁶⁸ *Довнар-Запольский*. С. LXXVI–LXXVIII; AGAD. Tzw. Metryka litewska. Dz. III. A/28. K. 152, K. 159, K. 188 v., K. 212 etc.

¹⁶⁹ AGAD. Tzw. Metryka litewska. Dz. III. A/28. K. 175, K. 176 v., K. 181 v., K. 206, K. 216.

¹⁷⁰ Lietuvos Metrika (1533–1535). 8-oji Teismų bylu knyga (XVI a. pabaigos kopija). Vilnius, 1999. № 406. P. 189–190; AGAD. Tzw. Metryka litewska. Dz. III. A/28. K. 152–176 v.; K. 178–194.; РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 36. Л. 78 об.–79 об.

¹⁷¹ AGAD. Tzw. Metryka litewska. Dz. III. A/28. K. 222 v.

¹⁷² *Сборник палеографических снимков*. № 46.

¹⁷³ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 36. Л. 67 об.–69; AGAD. Tzw. Metryka litewska. Dz. III. A/28. K. 228.

(1527 г.), гетман найвысший (1531 г.); в 1534 г. уп. как стар. городен. кор. пол., в. кнг. лит. Боны¹⁷⁴; ум. в 1541 г.¹⁷⁵

Служебники Ю.М. Радзивила

Ян Гайко, в 1534 г. уряд. Ю.М. Радзивила¹⁷⁶.

Иван Волович, в 1541 г. держ. крин. и скид., войт селец. кор. пол., в. кнг. лит. Боны¹⁷⁷.

Лев Михайлович, в 1546–1552 гг. намест. крин., скидел.¹⁷⁸; в 1552–1555 гг. намест. городен.¹⁷⁹

Войтех Гришкович Кимбар (Кимбарович), в 1533 г. подстар. бельск.¹⁸⁰; в 1548–1551 гг. намест. городен.¹⁸¹

Служебники В.Г. Кимбара

Дахно Константинович, в 1550 г. виж В.Г. Кимбара¹⁸².

¹⁷⁴ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 18. Л. 135–135 об.

¹⁷⁵ Wolff. S. 20, 63, 79, 149, 150, 154, 179, 289.

¹⁷⁶ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 18. Л. 135–135 об.

¹⁷⁷ Lietuvos Metrika (1540–1541). 10-oji Teismų bylu knyga (XVI a. Pabaigos kopija). Vilnius, 2003. № 125. P. 77.

¹⁷⁸ AGAD. Tzw. Metryka litewska. Dz. III. A/28. K. 144; РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 17 об.–18 об., Л. 54–54 об., Л. 82–84 об.; Там же. Кн. 33. Л. 50–50 об., Л. 113–114 об.

¹⁷⁹ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 121; Там же. Кн. 36. Л. 47–49; *Ревизия пуц и переходов*. С. 174–175.

¹⁸⁰ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 18. Л. 170 об.–172.

¹⁸¹ AGAD. Tzw. Metryka litewska. Dz. III. A/28. K. 228; РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 4 об.–5, Л. 20–21, Л. 46 об.–47, Л. 58–60, Л. 69 об.–71 об., Л. 73–74; Там же. Кн. 33. Л. 2–3 об., Л. 7 об.–8 об., Л. 23 об., Л. 29 об.–30 об., Л. 33 об.–34 об., Л. 63 об.–64, Л. 76 об.–77 об., Л. 84 об.–85 об.

¹⁸² РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 29 об.–30 об.

Алексей (Олексей) Покривницкий, в 1548–1549 гг. намест. озер., новодв., мост.¹⁸³; в 1555 г. уп. как держ. мост., озер., новодв., скидел., дубнен., небожчик¹⁸⁴

Себастьян Дыбовский, в 1548–1551 гг. дв–н кор. пол., в. кнг. лит. Боны¹⁸⁵; в 1550 г. писарь измерения волок в Кобр. и Селец. вол.¹⁸⁶; в 1548, 1551–1555 гг. справца дворов городен.¹⁸⁷

Андрей Тарновский, в 1548–1555 гг. уряд. (намест.) kwasов., котр., крин.¹⁸⁸

Беняш Млынский, в 1549 г. уп. как бывш. держ. дворов городен.¹⁸⁹

Миколай Ютровский, в 1549 г. намест. бержн.¹⁹⁰

Андрей Непрецкий, в 1539 г. справца староства Бельск.¹⁹¹, в 1546 г. справца измерения волок городен.¹⁹²; в 1549–1552 гг. намест. новодв., справца дворов городен.¹⁹³; в 1555 уп. как бывш. намест. бельск.¹⁹⁴.

Служебники А. Непрецкого

Ян Фойновский, в 1550 г. уряд. А. Непрецкого в дв. Лабен.¹⁹⁵

---

¹⁸³ Там же. Кн. 32. Л. 17 об.–18 об., Л. 58–60.

¹⁸⁴ Там же. Кн. 36. Л. 52 об.–53 об.

¹⁸⁵ Там же. Кн. 32. Л. 33 об.–36 об., Л. 47 об.–50, Л. 58–60 об.; Там же. Кн. 33. Л. 54–56, Л. 60–61, Л. 64–65, Л. 73 об.–74.

¹⁸⁶ Там же. Кн. 33. Л. 38 об.–39, Л. 47 об.–48 об.; *Ревизия пуц и переходов*. С. 157–159.

¹⁸⁷ Там же. Кн. 32. Л. 17 об.–18 об.; Кн. 33. Л. 53 об.–54, Л. 63 об.–64; Там же. Кн. 36. Л. 29–30 об., Л. 45–45 об., Л. 67 об.–69, Л. 100–101 об.

¹⁸⁸ Там же. Кн. 32. Л. 17 об.–18 об., Л. 58–60 об., Л. 69 об.–70 об.; Там же. Кн. 36. Л. 36 об.–37, Л. 67 об.–69.

¹⁸⁹ Там же. Кн. 32. Л. 58.

¹⁹⁰ Там же. Л. 58–60.

¹⁹¹ Там же. Кн. 36. Л. 49–50 об.

¹⁹² Там же. Кн. 33. Л. 31.

¹⁹³ Там же. Кн. 32. Л. 58–60, Л. 69 об.–70 об.; Там же. Кн. 33. Л. 7 об.–8 об., Л. 31–31 об., Л. 33 об.–34 об., Л. 50–50 об., Л. 53 об.–54, Л. 73–73 об., Л. 113–114 об., Л. 27–28; *Ревизия пуц и переходов*. С. 192–193.

¹⁹⁴ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 36. Л. 49–50 об.

¹⁹⁵ Там же. Кн. 33. Л. 7 об.–8 об.

Андрей Богданович, в 1550 г. служебник А. Непрецкого¹⁹⁶.

Павел Втурковский (Утурковский), в 1548–1552 гг. намест. першт., шембел., бержн., молявиц.¹⁹⁷; ум. прежде 1552 г. декабря 28¹⁹⁸.

Воина Матфеевич Гричина, в 1555 г. намест. першт., лабен., бержн.¹⁹⁹

Ян Викторин, в 1540–1551 гг. дв–н, посланец кор. пол., в. кнг. лит. Боны²⁰⁰; в 1552 г. намест. молявиц., першт., бержн.²⁰¹; в 1555 г. уряд. мост., скид., дубнен., новодв.²⁰²

Бельский повет

Войтех Гришкович Кимбар (Кимбарович), в 1533 г. подстар. бельск. (см. С. 371).

Матей Левицкий, в 1536 г. справца бельск. и дорогицкой мытной коморы²⁰³; в 1536–1538 гг. дв–н кор. пол., в. кнг. лит. Боны, подсудок бельск.²⁰⁴, в

¹⁹⁶ Там же. Л. 50–50 об.

¹⁹⁷ Там же. Кн. 32. Л. 17 об.–18 об., Л. 58–60; Там же. Кн. 33. Л. 20, Л. 33 об.–34 об., Л. 80–81, Л. 103–103 об.

¹⁹⁸ Акты, издаваемые комиссией, высочайше учрежденной для разбора древних актов в Вильне. Т. I. Вильна, 1865. № XXXII. С. 122–123.

¹⁹⁹ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 36. Л. 46 об.–47.

²⁰⁰ *Archiwum Sanguszkow*. Т. IV. № CLXXXVIII. S. 232–233, № CDXVI. S. 545–546; РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 64–65, Л. 67–69, Л. 69 об.–73, Л. 74 об.–75 об.; *Ревизия пуцц и переходов*. С. 220.

²⁰¹ Акты, издаваемые комиссией, высочайше учрежденной для разбора древних актов в Вильне. Т. I. Вильна, 1865. № XXXII. С. 122–123.

²⁰² РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 36. Л. 78 об.–79 об.

²⁰³ *Довнар-Запольский*. С. LXXVI–LXXVIII.

²⁰⁴ Там же; AGAD. Tzw. Metryka litewska. Dz. III. A/28. K. 122–123.

1549, 1550, 1552 гг. уп. как бывш. подсудок и намест. бельск., мерчий, справца измерения волок городен.²⁰⁵

Андрей Непрецкий, в 1539 г. справца староства Бельск.; в 1555 г. уп. как бывш. намест. бельск. (см. С. 372).

Служебник А. Непрецкого

Криштоф, в 1539 г. подстар. бельск. А. Непрецкого²⁰⁶.

Петр Конинский, в 1548–1555 гг. намест. бельск.²⁰⁷

Томаш Овсяный (Ювсяный), в 1548–1553 гг. намест. бран., сараж.²⁰⁸

Григорий Александрович Ходкевич, в 1553 г. подкоморий кор. пол., в. кн. лит. Сигизмунда II Августа, стар. жомойт., уряд. кор. пол., в. кнг. лит. Боны в с. Рогово Сараж. вол.²⁰⁹

Польское королевство

Франтишек Добрынецкий, в 1554–1555 гг. намест. рожанский и маковский; ум. прежде 23 марта 1555 г.²¹⁰

***

---

²⁰⁵ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 69 об.–70 об., Л. 75–77; Там же. Кн. 33. Л. 20–20 об., Л. 113–114 об.

²⁰⁶ Там же. Кн. 36. Л. 49 об.

²⁰⁷ Там же. Кн. 32. Л. 17 об.–18 об., Л. 75–77; Там же. Кн. 33. Л. 48 об.–49 об., Л. 125 об.–127, Л. 127–128 об.; Там же. Кн. 36. Л. 40–40 об., Л. 49–50 об., Л. 69 об.–70.

²⁰⁸ Там же. Кн. 32. Л. 17 об.–18 об., Л. 75–77; Там же. Кн. 33. Л. 53 об.–54, Л. 108 об.–109 об., Л. 128 об.–129.

²⁰⁹ Там же. Кн. 33. Л. 128 об.–129.

²¹⁰ Там же. Кн. 36. Л. 29–30 об., Л. 45–45 об., Л. 55 об.–57 об., Л. 62 об.–64, Л. 100–101 об.

II.3 Дворяне, ревизоры, комиссары, судьи, посланцы

Тимофей Иванович Пузыня, кн., в 1524–1528 гг. дв-н кор. пол., в. кнг. лит. Боны²¹¹.

Иван Петрович Трубачевич, в 1529 г. «слуга» кор. пол., в. кнг. лит. Боны²¹².

Матей Войтехович Янович Клочко, в 1529, 1533 гг. комиссар, судья кор. пол., в. кнг. лит. Боны²¹³.

Мишко Романович, в 1530 г. дв-н кор. пол., в. кнг. лит. Боны²¹⁴.

Януш Богданович Сопега, в 1532 г. уп. как дв-н кор. пол., в. кнг. лит. Боны, небожчик²¹⁵.

Холмовский, в 1532 г. дв-н кор. пол., в. кнг. лит. Боны²¹⁶.

Потей Тишкович, в 1532–1542 гг. дв-н, комиссар кор. пол., в. кнг. лит. Боны, лесничий каменецкий (1532 г.), лесничий подляшский (1542 г.)²¹⁷.

Иван Богданович Сопега, марш., воев. витеб. (1517 г.), подляшский (1528 г.), стар. дорогицкий; в 1533 г. комиссар, судья кор. пол., в. кнг. лит. Боны²¹⁸; ум. в 1546 г.

Ленько Кузьмич, в 1534 г. посланец кор. пол., в. кнг. лит. Боны²¹⁹.

²¹¹ *Archiwum Sanguszkow*. Т. III. № CCLXXIV. S. 263, № CCCLII. S. 335–336.

²¹² *Ревизия нуц и переходов*. С. 319.

²¹³ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 18. Л. 156 об.–157 об.; *Archiwum Sanguszkow*. Т. III. № CDL. S. 421–426; AGAD. Tzw. Metryka litewska. Dz. III. A/28. K. 58.

²¹⁴ *Lietuvos Metrika (1522–1530)*. 4-oji Teismų bylą knyga (XVI a. pabaigos kopija). Vilnius, 1997. № 476. P. 382–384.

²¹⁵ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 18. Л. 27 об.–28 об.

²¹⁶ Там же. Л. 30–32.

²¹⁷ Там же. Л. 68 об.–70, Л. 152–153, Л. 70–70 об.; *Archiwum Sanguszkow*. Т. IV. № CCXLIX. S. 306–308.

²¹⁸ *Archiwum Sanguszkow*. Т. III. № CDL. S. 421–426; AGAD. Tzw. Metryka litewska. Dz. III. A/28. K. 58. См. *Wolff*. P. 42, 86, 260.

²¹⁹ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 18. Л. 125 об.

Яцко Кузьмич, в 1534 г. соляник жоросл., посланец кор. пол., в. кнг. лит. Боны²²⁰.

Богдан, в 1534 г. мыльник городен., посланец кор. пол., в. кнг. лит. Боны²²¹.

Миколай Нацкович, в 1534 г. дв-н кор. пол., в. кнг. лит. Боны²²².

Пронко Онискович, в 1534 г. дв-н кор. пол., в. кнг. лит. Боны²²³.

Миколай Михнович, в 1535 г. дв-н кор. пол., в. кнг. лит. Боны²²⁴.

Миколай Граба (Кграба), в 1535 г. дв-н кор. пол., в. кнг. лит. Боны²²⁵.

Петр Опалинский, в 1535 г. охмистр кор. пол., в. кн. лит. Сигизмунда II Августа, пан лентский, стар. костенский, олштынский, комиссар кор. пол., в. кнг. лит. Боны²²⁶.

Федор Андреевич Сангушкович, кн., стар. володим. (1531 г.), марш. земли Волын. (1536), ум. в 1547 г.²²⁷; в 1535 г. комиссар кор. пол., в. кнг. лит. Боны²²⁸.

Себастьян Браницкий, в 1535 г. каноник краковский, референдарий кор. пол., в. кн. лит. Сигизмунда II Августа, комиссар кор. пол., в. кнг. лит. Боны²²⁹.

Шимко Мацкевич, в 1533, 1535 гг. тиун вилен., держ. ушпольский, пенянский, радунский, комиссар, судья кор. пол., в. кнг. лит. Боны²³⁰.

Миколай Новицкий, в 1535–1549 гг. дв-н кор. пол., в. кнг. лит. Боны²³¹.

---

²²⁰ Там же.

²²¹ Там же.

²²² Lietuvos Metrika (1533–1535). 8-oji Teismų bylą knyga (XVI a. Pabaigos kopija). Vilnius, 1999. № 316. P. 139–140.

²²³ Там же.

²²⁴ Там же. № 206. P. 104.

²²⁵ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 19 (1535–1537). Užrašymų knyga 19. Vilnius, 2009. № 70. P. 112–114.

²²⁶ *Archiwum Sanguszkow*. T. IV. № III. S. 2–5.

²²⁷ *Wolff*. S. 23.

²²⁸ *Archiwum Sanguszkow*. T. IV. № III. S. 2–5.

²²⁹ Там же.

²³⁰ Там же; РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 18. Л. 86 об.–87.

²³¹ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 18. Л. 50; Там же. Кн. 32. Л. 54–54 об.

Александр Шпырка, в 1536 г. дв-н кор. пол., в. кнг. лит. Боны, справца новгородской мытной коморы²³².

Семен Богданович Одинцевич, в 1536 г. городничий городен., намест. любошанский, дв-н, комиссар кор. пол., в. кнг. лит. Боны²³³.

Войтех Требский (Трепский), в 1536–1537 гг. дв-н кор. пол., в. кнг. лит. Боны²³⁴; в 1537 справца городен.²³⁵; ум. прежде 16 июля 1549 г.²³⁶

Лев Патеевич Тишкович, в 1538–1542 гг. дв-н кор. пол., в. кнг. лит. Боны²³⁷.

Павел Подскарбский, в 1538–1552 гг. дв-н, комиссар кор. пол., в. кнг. лит. Боны²³⁸.

Мартин Чехович, в 1540 г. дв-н, посланец кор. пол., в. кнг. лит. Боны²³⁹.

Данилей (Дашко) Романович Гладкий, в 1540–1552 гг. дв-н кор. пол., в. кнг. лит. Боны, увязчий²⁴⁰.

Миколай Шимкович, в 1541 г. дв-н кор. пол., в. кнг. лит. Боны²⁴¹.

---

²³² *Довнар-Запольский*. С. LXXVI–LXXVIII.

²³³ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 19 (1535–1537). Užrašymų knyga 19. Vilnius, 2009. № 201. P. 202–204.

²³⁴ *Archiwum Sanguszkow*. Т. IV. № XXXII. S. 32–33, № XXXVIII. S. 38–39; AGAD. Tzw. Metryka litewska. Dz. III. A/28. K. 152–158, K. 158–164 v.

²³⁵ AGAD. Tzw. Metryka litewska. Dz. III. A/28. K. 164 v.–176 v., K. 177 v., K. 180, K. 181 v., K. 188 v., K. 192, K. 195–196.

²³⁶ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 82–84 об.

²³⁷ *Archiwum Sanguszkow*. Т. IV. № CVIII. S. 133–136, № CCVI. S. 262–263, № CCXLIX. S. 306–308; Lietuvos Metrika (1540–1541). 10-oji Teismų bylų knyga (XVI a. pabaigos kopija). Vilnius, 2003. № 9. P. 23–24.

²³⁸ AGAD. Tzw. Metryka litewska. Dz. III. A/28. K. 122–123; РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 109 об.–110.

²³⁹ *Archiwum Sanguszkow*. Т. IV. № CLXXXI. S. 234–235.

²⁴⁰ *Ревизия пуц и переходов*. С. 307–308, 68, 320–321; РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 32 об.–33 об., Л. 57–57 об.

²⁴¹ Lietuvos Metrika (1528–1547). 6-oji Teismų bylų knyga (XVI a. pabaigos kopija). Vilnius, 1995. № 284. P. 201–203.

Кирдей, в 1543 г. дв-н кор. пол., в. кнг. лит. Боны²⁴².

Миколай Лысаковский, в 1548 г. служебник кор. пол., в. кнг. лит. Боны²⁴³.

Петр Фальчевский, в 1548 г. дв-н кор. пол., в. кнг. лит. Боны, увязчий²⁴⁴.

Якуб Бобровницкий, в 1548–1551 гг. кн.-плебан кобр., комиссар кор. пол., в. кнг. лит. Боны²⁴⁵.

Якуб Осмольский, в 1548–1552 гг. дв-н, посланец, комиссар кор. пол., в. кнг. лит. Боны²⁴⁶.

Томаш Каменский (Каминский), в 1548–1555 гг. служебник, посланец, ревизор кор. пол., в. кнг. лит. Боны²⁴⁷.

Семен Оранский, в 1549 г. дв-н кор. пол., в. кнг. лит. Боны²⁴⁸.

Щасный Голочко, в 1549 г. дв-н кор. пол., в. кнг. лит. Боны²⁴⁹.

Шимко Сопотко, в 1549 г. дв-н кор. пол., в. кнг. лит. Боны²⁵⁰.

Мартин Грот (Кгрот), в 1549 г. мерник измерения волок городен.²⁵¹

Воина Матфеевич Гричин (Воина Грихолнович, Гричинович), в 1550 г. дв-н, комиссар кор. пол., в. кнг. лит. Боны²⁵².

Иван Васильевич Протасович, в 1550 г. дв-н, комиссар, судья кор. пол., в. кнг. лит. Боны²⁵³.

---

²⁴² Ревизия пуц и переходов. С. 338.

²⁴³ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 17 об.–18 об.

²⁴⁴ Там же. Л. 41 об.–45 об.

²⁴⁵ Там же. Л. 30–32 об.; Там же. Кн. 33. Л. 82 об.–83 об.

²⁴⁶ Там же. Кн. 32. Л. 24–25, Л. 82–84 об.; Там же. Кн. 33. Л. 9–9 об., Л. 48 об., Л. 103–103 об., Л. 104–104 об.; Ревизия пуц и переходов. С. 283–284.

²⁴⁷ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 32. Л. 17 об.–18 об.; Там же. Кн. 33. Л. 103–103 об., Л. 104–104 об.; Там же. Кн. 36. Л. 52 об.–53 об., Л. 69 об.–70; Ревизия пуц и переходов. С. 283–284.

²⁴⁸ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 7–7 об.

²⁴⁹ Там же. Кн. 32. Л. 58–60 об.

²⁵⁰ Там же.

²⁵¹ Там же. Л. 69 об.–70 об.

²⁵² Там же. Кн. 33. Л. 20 об.–21 об., Л. 23 об.–24, Л. 35 об.–36 об.

²⁵³ Там же.

Иван Васильевич Владычич Пинский, в 1550 г. дв-н, комиссар, судья кор. пол., в. кнг. лит. Боны²⁵⁴.

Андрей Борода, в 1550 г. уп. как дв-н кор. пол., в. кнг. лит. Боны, небожчик²⁵⁵.

Лев Иванович Полоз, в 1550 уп. как дв-н кор. пол., в. кнг. лит. Боны, небожчик²⁵⁶.

Ян Миколаевич Толочко (Толочкович), в 1550 г. хорунжий городен., комиссар кор. пол., в. кнг. лит. Боны²⁵⁷.

Михаил Скуйбеда, в 1550–1551 гг. мытник, радца места Кремен., дв-н кор. пол., в. кнг. лит. Боны²⁵⁸.

Ян Духновский, в 1550–1555 г. мерник волок пун., пин.²⁵⁹

Вассиан, в 1551 г. владыка пинский и туровский, комиссар кор. пол., в. кнг. лит. Боны²⁶⁰.

Семен Булгак, в 1551 г. дв-н, судья кор. пол., в. кнг. лит. Боны²⁶¹.

Мартин Липский (Либский), в 1551–1553 гг. дв-н, посланец кор. пол., в. кнг. лит. Боны²⁶².

Юрий Безвич, в 1552 г. дв-н кор. пол., в. кнг. лит. Боны²⁶³.

Феодосий, в 1553 г. владыка луцкий и острожский, комиссар кор. пол., в. кнг. лит. Боны²⁶⁴.

---

²⁵⁴ Там же.

²⁵⁵ Там же. Л. 27 об.–28 об.

²⁵⁶ Там же. Л. 43–43 об.; Там же. Кн. 36. Л. 89–89 об.

²⁵⁷ Там же. Кн. 33. Л. 33 об.–34 об.; AGAD. Tzw. Metryka litewska. Dz. III. A/28. K. 228.

²⁵⁸ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 8 об.–9, Л. 10–11 об., Л. 51–53.

²⁵⁹ Там же. Л. 16–17, Л. 39 об.–40 об.; Там же. Кн. 36. Л. 46 об.–47; *Ревизия пуц и переходов*. С. 87–93, 127–128.

²⁶⁰ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 82 об.–83 об.

²⁶¹ Там же. Л. 95–96 об.

²⁶² Там же. Л. 60–61, Л. 64–65, Л. 67–69, Л. 69 об.–73, Л. 74 об.–75 об., Л. 125 об.–128 об.; *Ревизия пуц и переходов*. С. 220, 320–321.

²⁶³ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 33. Л. 109 об.–110.

Миколай, в 1553 г. дв-н, посланец кор. пол., в. кнг. лит. Боны²⁶⁵.

Марк Волович, в 1554 г. дв-н кор. пол., в. кнг. лит. Боны²⁶⁶.

Якуб Дроздовский, в 1554–1555 гг. ловчий визненский, уряд. осецкий, ревизор, посланец кор. пол., в. кнг. лит. Боны²⁶⁷.

Якуб Пилиховский, в 1554–1555 г. дв-н, посланец, ревизор кор. пол., в. кнг. лит. Боны²⁶⁸.

Ян Дрошевский, в 1555 г. ревизор кор. пол., в. кнг. лит. Боны²⁶⁹.

Алексей (Олекший) Часновский, в 1555 г. ревизор кор. пол., в. кнг. лит. Боны, подкоморий мельниц.²⁷⁰

Макарий Мартинович, в 1555 г. дв-н кор. пол., в. кнг. лит. Боны, землянин пин.²⁷¹

Андрей Чорновский, в 1555 г. подкоморий бельск., ревизор кор. пол., в. кнг. лит. Боны²⁷².

Ян Качорко, уп. в 1558 г. как дв-н кор. пол., в. кнг. лит. Боны²⁷³.

---

²⁶⁴ Там же. Л. 124–124 об., Л. 132 об.–133.

²⁶⁵ Там же. Л. 132 об.–133.

²⁶⁶ Там же. Кн. 36. Л. 28–29.

²⁶⁷ Там же. Л. 40 об.–41 об., Л. 110 об.

²⁶⁸ Там же. Л. 40 об.–41 об., Л. 49–50 об.

²⁶⁹ Там же. Л. 110 об.

²⁷⁰ *Ревизия пуц и переходов*. С. 87–93.

²⁷¹ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 36. Л. 53 об.–54, Л. 55 об.–57 об.

²⁷² РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 36. Л. 95 об.–97.

²⁷³ *Ревизия пуц и переходов*. С. 186–188.